

CHRISTIAN
JACCO

ЗАКОН
ПУСТЫНИ

Кристиан Жак

Древний Египет. Великая пирамида Хеопса разграблена. Вместе с сокровищами злоумышленники похитили священный папирус — «завещание богов», договор, заключенный между богами и людьми. После этого на страну обрушиваются различные бедствия. Народ начинает роптать и сомневаться, что правящий фараон Рамсес II действительно посланец богов.

Фараон в отчаянии — он не может подтвердить законность своей власти, предъявив подданным «завещание богов». В ближайшем окружении тоже неспокойно. Во дворце плетутся интриги. Заговорщики, воспользовавшись ситуацией, намерены свергнуть Рамсеса II.

Пазаир — молодой судья, решительный и отважный, обладающий острым умом и тонкой интуицией, спасет страну и сохранит Рамсесу трон.

Великий Египет, загадочные пирамиды, ложь и коварство, тайные заклęcia, мистические совпадения и изощренные преступления — все это в книге «Закон пустыни»!

Кристиан Жак

Закон пустыни

Жара была столь удушающей, что один лишь черный скорпион отважился отправиться в путешествие по песчаному двору каторжной тюрьмы. Затерянная где-то между долиной Нила и оазисом Харга, более чем на двести километров отстоящая от священного города Карнак, она была предназначена для воров-рецидивистов, приговоренных к длительным срокам принудительных работ. Если жара не слишком лютовала, заключенные приводили в порядок дорогу, соединяющую долину с оазисом, по которой следовали караваны ослов, навьюченных тюками товара.

В который уже раз судья Пазаир подал свое ходатайство начальнику тюрьмы — великану, скорому на кулачную расправу с нарушителями дисциплины.

— Не нравится мне этот мой особый режим. Я хочу работать как все.

Пазаир был довольно высок ростом, худощав, с карими глазами, высоким лбом, обрамленным каштановыми волосами. Постаревший от невзгод, он, тем не менее, сохранил некое благородное достоинство, внушавшее уважение.

— Вы не такой, как все.

— Я заключенный.

— Приговор вам не вынесен, вы сидите в одиночной камере. Для меня вы вообще как бы не существуете. Вашего имени нет в списках, у вас нет личного номера.

— Но ведь это не мешает мне работать в каменоломнях.

— Возвращайтесь к себе.

Начальник лагеря побаивался этого судью. Ведь это он взбудоражил весь Египет, начав судебный процесс против знаменитого полководца Ашера, обвиненного офицером Сути, лучшим другом Пазаира, в пытках и убийстве египетского солдата-лазутчика и в сотрудничестве с заклятыми врагами — бедуинами и ливийцами.

В том месте, что указал Сути, труп жертвы так и не нашли. И присяжные передали дело на дополнительное расследование. Однако последствий их решение не возымело, так как Пазаир, попав в ловушку, был обвинен в убийстве своего духовного отца, мудреца Беранира, будущего верховного жреца Карнака. Пойманный якобы на месте преступления, судья, вопреки закону, был арестован и сослан.

Усевшись на обжигающий песок и скрестив ноги в позе писца, он, не переставая, думал о своей жене Нефрет. Очень долго не верил он в то, что она когда-нибудь его полюбит; потом пришло счастье, буйное, как летнее солнце. Но внезапно все рухнуло: он оказался изгнан из рая, безо всякой надежды когда-нибудь туда вернуться.

Поднялся горячий ветер. Закрутив вихрем песок, он хлестал кожу, но Пазаир не обращал на это внимания: его голова была покрыта белой тканью. Снова и снова прокручивал он в голове эпизоды своего расследования.

Скромный провинциальный судья, совершенно потерявшийся в огромном Мемфисе, напрасно так старался вникнуть во все детали этого странного дела. Он выяснил, что гибель пяти ветеранов, составлявших почетную стражу у большого сфинкса Гизы, была не чем иным, как бойней, замаскированной под несчастный случай; обнаружил кражу значительного количества небесного железа, предназначенного для храмов; установил существование заговора, объединявшего ряд высокопоставленных лиц. Но ему так и не удалось доказать вину полководца Ашера, которого он подозревал в намерении свергнуть

Рамсеса Великого.

И пока судья пытался получить более широкие полномочия, чтобы соединить разрозненные элементы этого дела, злой рок нанес свой удар. Пазаир не забыл ни одной подробности этой ужасной ночи. Анонимное письмо, из которого он узнал, что его учитель Беранир в опасности; безумная гонка по улицам города; обнаруженный труп Беранира; перламутровая игла, проткнувшая его шею; появление начальника стражников, без колебаний объявившего судью убийцей; мерзкое пособничество верховного стража и старшего судьи Мемфиса; камера-одиночка, каторжная тюрьма и, в конце пути, одинокая смерть и похороненная навеки правда.

Все было подстроено чрезвычайно ловко. При поддержке Беранира судья имел возможность проводить расследование в храмах, чтобы найти расхитителей небесного железа. Однако и учитель, и ветераны оказались отстранены неведомыми силами, чьи цели также были неизвестны судье. Пазаир выяснил, что среди нападавших было несколько иноземцев, в том числе одна женщина; он подозревал, что в этот круг входили химик Чечи, зубной врач Кадаш и судовладелец Денес — человек богатый, влиятельный и бесчестный. Но полной уверенности в том, что его догадки справедливы, у него не было.

Пазаир старался не обращать внимания на жару, песчаные бури и плохую пищу, потому что хотел выжить, снова обнять Нефрет и увидеть, как восторжествует справедливость.

Что еще мог придумать старший судья, его вышестоящий начальник, чтобы объяснить его исчезновение; какую еще клевету распространяли там на его счет?

Бежать отсюда было нереально, несмотря на то, что тюрьма была открыта в сторону прилегающих холмов. Пешком далеко не уйдешь. Его привезли сюда для того, чтобы он здесь и сгинул. Когда он вконец ослабнет, измучается, потеряет всякую надежду, то начнет заговариваться, подобно жалкому безумцу, бормочущему свои бредни.

Нефрет и Сути, конечно же, его не покинут. Они не поверят лжи и клевете, они обыщут всю страну. Он должен держаться, даже если по его венам течет не кровь, а время.

* * *

Пятеро заговорщиков собрались, как обычно, в заброшенной усадьбе. У всех было приподнятое настроение, события развивались именно так, как они планировали.

Сообщники проникли в большую пирамиду Хеопса и похитили знаки отличия высшей власти, золотой локоть и завешание богов, без которого Рамсес Великий лишался своей легитимности, — все это приближало их к намеченной цели. Убийство ветеранов — хранителей сфинкса, открывшее им доступ в подземный проход, который вел во внутренность пирамиды, а также устранение судьи Пазаира выглядели на фоне этих успехов малозначащими подробностями, уже практически забытыми.

— Однако главное еще не сделано, — объявил один из заговорщиков. — Рамсес сидит прочно.

— Следует набраться терпения.

— Говорите за себя!

— Я говорю за всех; чтобы заложить основы нашей будущей империи, нужно время. Чем более Рамсес будет связан, чем меньше у него останется свободы действия, чем яснее он поймет, что его конец близок, тем легче мы добьемся своего. Он не сможет никому

признаться в том, что пирамида разграблена и что источник сакральной энергии, за который он несет полную ответственность, иссяк.

— Силы скоро покинут его; ему придется пройти через ритуал обновления.

— Кто его заставит это сделать?

— Традиция, жрецы, в конце концов, он сам! От этого долга невозможно уклониться.

— Но на празднике он должен будет явить народу завещание богов!

— Которое находится у нас.

— И тогда Рамсес отречется и передаст трон своему преемнику.

— Тому, на которого укажем мы.

Заговорщики заранее наслаждались своей победой. Они не оставят выбора Рамсесу Великому, низведя его до положения раба. Все члены их союза будут вознаграждены в соответствии с их заслугами, и каждый займет привилегированное положение. У их ног будет лежать самая великая страна в мире; они перестроят ее внутренние механизмы, изменят их движение — в соответствии со своим видением, полностью противоположным взглядам Рамсеса, который живет в плену устаревших ценностей.

В то время как плод созревал, они продолжали расширять свою сеть из сторонников, союзников и сочувствующих. Преступления, подкупы, насилие... Никого из заговорщиков это не смущало. Власть того стоила.

Закат окрашивал холмы в розовые тона. В этот час пес Пазаира Смелчак и его осел Северный Ветер должны были вкушать блюда, которые на исходе долгого трудового дня приготовила для них Нефрет. Скольких больных она поставила на ноги за время его отсутствия? Продолжает ли жить в их маленьком доме в Мемфисе, весь первый этаж которого занимает рабочая комната судьи, или, устав от городской суеты, вернулась в деревню в фиванской округе и лечит людей там?

Мужество оставляло Пазаира. Он, отдавший свою жизнь служению Закону, лучше других знал, что справедливости ему не дожидаться. Ни один суд не признает его невиновности. И даже если ему удастся выйти из этой тюрьмы, что он сможет предложить Нефрет?

Рядом сел какой-то старик — худой, беззубый, с обветренной и морщинистой кожей. Он вздохнул.

— Для меня с этим покончено. Слишком старый. Начальник освободил меня от переноски камней. Теперь я буду при кухне. Хорошая новость, да?

Пазаир согласно кивнул.

— А ты почему не работаешь? — спросил старик.

— Мне не разрешают.

— Ты что-то украл?

— Да нет.

— Здесь собрались отъявленные воры. Их ловили столько раз, что с этой каторги им не выйти: они нарушили клятву, что больше не будут воровать. Судьи такого не прощают.

— Ты их осуждаешь? Старик плюнул в песок.

— Станный вопрос! А ты что, на стороне судей?

— Я сам судья.

Даже новость о собственном освобождении не произвела бы на собеседника Пазаира большего впечатления.

— Ты шутишь.

— Думаешь, у меня есть настроение шутить?

— Вообще-то нет... Судья, настоящий судья!

Он рассматривал Пазаира настороженно и уважительно.

— И что же ты сделал?

— Расследовал одно дело, а мне захотели заткнуть рот.

— Интересное, должно быть, дельце. А я вообще невиновен. Один конкурент-жулик обвинил меня в том, что я украл мед. А мед был мой.

— Ты разводишь пчел?

— У меня была пасека в пустыне, мои пчелы приносили лучший мед в Египте. Конкурентам это не нравилось, и они меня подставили. А в суде я разнервничался. Не признал обвинительный приговор, потребовал повторного расследования. И вместе с писцом сам подготовил свою защиту. Я был уверен, что выиграю дело.

— Но тебя приговорили.

— Конкуренты подбросили мне какие-то вещи, как будто я их украл, и дальнейшее расследование было прекращено.

— Судья был неправ. Я бы на его месте повнимательнее занялся теми, кто тебя обвинял.

— А если бы ты и вправду занялся этим? И выяснил бы, что все доказательства против меня сфабрикованы?

— Сперва надо выйти отсюда.

Старик-пчеловод снова плюнул в песок.

— Судью, который неправильно ведет дело, не сажают в камеру-одиночку. Да еще в такую тюрьму, как эта. Тебе ведь даже нос не отрезали. Наверное, ты был шпионом или что-нибудь в этом роде.

— Думай как хочешь.

Старик поднялся и отошел.

К вечерней похлебке Пазаир даже не притронулся. Желание бороться покинуло его. Что мог он предложить Нефрет, кроме стыда и несправедливого существования? Будет лучше, если они больше не увидятся, и она забудет его. Пусть в ее памяти он останется неподкупным слугой закона, безумно влюбленным в нее и мечтавшим о торжестве справедливости. Вытянувшись на спине, Пазаир смотрел в небо, принявшее цвет лазурита. Завтра он исчезнет.

* * *

По Нилу плыли белые паруса. В эти закатные часы гребцы развлекались тем, что прыгали с лодки на лодку, а северный ветер все ускорял их ход. Падали в воду, смеялись, окликали друг друга.

Сидящая на крутом берегу реки женщина не слышала их криков. Это была Нефрет, светловолосая, с чистым и нежным лицом, глазами цвета летнего неба, прекрасная, как распустившийся цветок лотоса. Она вызывала дух Беранира, ее убитого учителя, чтобы попросить его защитить Пазаира, которого она любила всем сердцем. Она получила официальное уведомление о его смерти, но не верила в нее.

— Могу ли я отвлечь вас на мгновение?

Она обернулась. Перед ней стоял старший лекарь египетского двора, пятидесятилетний красавец Небамон. Ее самый лютей враг. Несколько раз он пытался сломать ей карьеру. Нефрет ненавидела этого царедворца, жадного до денег и женщин, использующего свое ремесло для достижения собственных целей, обогащения и власти над другими.

Небамон окинул молодую женщину восхищенным и страстным взглядом: льняное платье не скрывало ее безупречных и волнующих форм. Упругая, высокая грудь, длинные стройные ноги, изящные ступни и кисти рук притягивали взгляд. Нефрет была ослепительна.

— Оставьте меня, прошу вас.

— Вам следовало бы быть со мной полубезнее; я знаю кое-что весьма интересное для вас.

— Ваши интриги мне неинтересны.

— Речь идет о вашем муже.

Она не сумела скрыть своего волнения.

— Он умер.

— Вы не точны, моя дорогая.

— Лжете!

— Я знаю правду.

— Я должна встать перед вами на колени?

— Нет, вы мне больше нравитесь гордой и неуступчивой. Пазаир жив, но его обвиняют в убийстве Беранира.

— Но это... полный абсурд! Я не верю вам.

— И напрасно. Верховный страж Монтумес арестовал его и посадил в одиночную камеру.

— Пазаир не убивал своего учителя.

— Монтумес уверен в обратном.

— Его хотят сломать, испортить ему репутацию, чтобы помешать продолжить свое расследование.

— Какая разница.

— А зачем вы мне все это говорите?

— Я единственный, кто может доказать невиновность Пазаира.

По телу Нефрет прошел трепет тоски, смешанной с надеждой.

— Если вам угодно, чтобы я довел свою информацию до ушей старшего судьи, выходите за меня замуж и забудьте своего жалкого мужа. Такова цена его свободы. А возле меня вы займете достойное вас место. Сейчас от вас зависит, будет ли Пазаир освобожден или сгинет в тюрьме.

Согласиться на предложение Небамона было бы для Нефрет ужасно, но, отказав ему, она превращалась в палача Пазаира. Где он томится, какие мучения испытывает? Если она будет тянуть время, он может не выдержать. Нефрет не могла посоветоваться даже с Сути, верным другом и духовным братом мужа: если он узнает о гнусном предложении старшего лекаря, он его убьет.

Она решила согласиться на предложение этого шантажиста, но при условии, что он устроит ей встречу с Пазаиром. Обещанная и отчаявшаяся, она расскажет ему все и отравится.

К молодой женщине подошел Кем, пристав-нубиец, помощник ее мужа. В отсутствие судьи он продолжал совершать свои обходы по городу вместе с Убийцей, устрашающим павианом, помогавшим ему арестовывать воров, в ноги которых тот впивался клыками.

Кем был замешан в убийстве офицера, занимавшегося перепродажей золота, и приговорен за это к отрезанию носа; но поскольку было признано, что в этом деле нубиец оказался на стороне закона, ему позволили стать судебным приставом. Его уродство слегка скрашивал деревянный крашеный протез.

Кем очень уважал Пазаира. Не испытывая никакого трепета к закону, он был убежден в порядочности молодого правоведа и именно ее считал причиной его исчезновения.

— У меня есть возможность узнать, где находится Пазаир, — серьезно объявила ему Нефрет.

— В царстве мертвых, откуда никто не возвращается. Разве полководец Ашер не показывал вам донесение, из которого следует, что Пазаир погиб в Азии, куда направился в поиске доказательств?

— Это была фальшивка, Кем. Пазаир жив.

— Вам солгали?

— Пазаира обвиняют в убийстве Беранира, но старший лекарь Небамон может доказать его невиновность.

Кем взял Нефрет за плечи:

— Он спасен!

— При условии, что я выйду замуж за Небамона.

— Да он смеется над вами? — рассвирепел нубиец.

— Я хочу увидеть Пазаира.

Кем пощупал свой деревянный нос:

— Вы не пожалеете, что рассказали мне все.

* * *

После отъезда каторжников на работы Пазаир направился в кухню — деревянное строение под холщевой крышей. Огонь там разжигали с помощью кремня, который он рассчитывал украсть, чтобы вскрыть себе вены. Смерть медленная, но верная; под жарким солнцем он будет постепенно погружаться в сладостное оцепенение. А вечером надзиратель пнет его ногой, и бесчувственный труп опрокинется на обжигающий песок. Эти последние

часы душа Нефрет будет рядом с ним, он надеялся, что она незримо будет сопровождать его в последний путь. Он схватил острый камень и тут же получил сокрушительный удар в затылок и рухнул среди кастрюль и мисок. Старик-пчеловод с деревянным черпаком в руках иронически заметил:

— Судья встал на путь воровства! Зачем тебе этот камень? Не двигайся, а то приложу еще раз! Собрался пустить себе кровь и уйти из этого проклятого места дорогой дурацкой смерти? Глупо и недостойно приличного человека.

Старик заговорил тише:

— Послушай меня, судья, я знаю, как выбраться отсюда. Мне не хватит сил пройти через пустыню. А ты молод. Я научу тебя, если ты согласишься помочь мне и докажешь мою невиновность.

Пазаир начал приходить в себя.

— Это бесполезно.

— Ты отказываешься?

— Даже если мне удастся бежать, я больше не смогу работать судьей.

— Сделай это ради меня.

— Невозможно. Меня обвиняют в преступлении.

— Тебя? Это смешно!

Пазаир потер себе затылок. Старик помог ему подняться.

— Завтра последний день месяца. Из оазиса сюда придет повозка с грузом продовольствия; обратно она пойдет порожняком. Заберись внутрь и вылезай, когда увидишь справа по ходу движения первую реку. Поднимись по ее руслу до подножия холма; там, в глубине пальмовой рощи, увидишь источник. Наполни свой бурдюк. И иди по направлению к ложине и постарайся встретить кочевников. Так, по крайней мере, у тебя будет шанс.

* * *

Старший лекарь Небамон уже во второй раз делал операцию по удалению жировых отложений Силкет, молодой супруге богача Бел-Трана, торговца папирусом и важного государственного чиновника, чье влияние постоянно росло. Как пластический хирург, Небамон требовал со своих пациенток огромные гонорары, которые те выкладывали беспрекословно. Драгоценные камни, ткани, съестные припасы, мебель, скот и инструменты стекались к нему, умножая его богатства, где не хватало лишь одного неопенимого сокровища — Нефрет. У него были красивые женщины, но ни в одной из них не соединялись столь гармонично ум и обаяние, источая какой-то особый, неповторимый свет.

И как она только могла влюбиться в этого нелепого Пазаира? Легкомыслие юности, о котором она сожалела бы всю жизнь, не вмешайся Небамон.

Иногда он чувствовал себя могущественным фараоном — разве он не обладал секретами, которые могли спасать и продлевать чьи-то жизни, разве он не царил над всеми лекарями и фармацевтами, разве не был он тем, у кого в ногах валялись многие важные персоны, умоляя вернуть им здоровье? Его помощники трудились в неизвестности, разрабатывая самые эффективные методы лечения, Небамон пожинал плоды этих трудов. А Нефрет обладала медицинским гением, который надо было использовать.

После удачной операции Небамон позволял себе неделю отдыха в своем загородном

доме, к югу от Мемфиса, где целая армия слуг исполняла его малейшие желания. Доверив завершение второстепенных задач своей команде, которую он держал в строгости, лекарь составлял список приглашенных для увеселительной прогулки на барке. Его ожидали тонкие белые вина из Дельты и его собственных виноградников и последние изыски повара.

Управляющий сообщил, что в прихожей ждет молодая и хорошенькая посетительница. Заинтригованный Небамон направился к дверям.

— Нефрет! Какой чудесный сюрприз... Вы позавтракаете со мной?

— Я тороплюсь.

— Вы скоро сможете увидеть мою усадьбу, я в этом уверен. Вы дадите мне ответ?

Нефрет опустила голову. Лекарь ощутил прилив радости.

— Я знал, что вы прислушаетесь к голосу разума.

— Дайте мне время.

— Но раз вы здесь, значит, решение уже принято.

— Вы дадите мне возможность увидеть Пазаира?

На лице Небамона появилась гримаса.

— Это лишнее испытание для вас. Спасите Пазаира и забудьте его.

— Я должна с ним увидеться в последний раз.

— Дело ваше. Но мои условия остаются прежними: сперва вы должны доказать мне свою любовь. И после этого я начну действовать. Только после этого. Вы согласны?

— У меня нет возможности торговаться.

— Я ценю вашу мудрость, Нефрет; она может сравниться только с вашей красотой.

Он нежно взял ее за запястье.

— Нет, Небамон, не здесь и не сейчас.

— Где и когда?

— В большой пальмовой роще, у колодца.

— Это памятное для вас место?

— Я часто хожу туда.

Небамон улыбнулся:

— Природа — прекрасный антураж для любви. Я, как и вы, считаю, что пальмы — это очень поэтично. Когда?

— Завтра вечером, после захода солнца.

— Пусть сумерки скроют наше первое объятие; но впредь мы не будем таить нашу любовь от дневного света.

Увидев реку, вьющуюся между скал в направлении холма, открытого всем ветрам, Пазаир выскользнул из повозки и бесшумно спрыгнул на песок. Повозка покатила дальше, сквозь жару и пыль. Сонный возница предоставил впряженным в нее быкам полную свободу.

Никто не преследовал беглеца, потому что адская жара и жажда не оставляли ему ни малейшего шанса выжить. Если когда-нибудь караульный отряд наткнется на кучку его костей, он подберет их. Босой, в старой набедренной повязке, судья заставлял себя идти медленно, чтобы экономить силы. Там и сям на песке виднелся волнистый след, оставленный рогатой гадюкой, страшной пустынной змеей, чей укус был смертельным.

Пазаир представил себе, что гуляет с Нефрет среди каналов по зеленой деревенской местности, оживляемой птичьим пением; окружающий пейзаж показался ему менее враждебным, его походка стала более легкой. Он шел по пересохшему руслу реки до подножия покато́го холма, где упрямо торчали три нелепые пальмы.

Пазаир встал на колени и поскреб пальцами землю; под верхней потрескавшейся коркой, на глубине нескольких сантиметров, песок был влажным. Старый пчеловод не обманул. Еще через час тяжких усилий, прерывавшихся короткими передышками, он увидел воду. Напившись всласть, Пазаир снял повязку, почистил ее песком и наполнил драгоценной влагой припасенный бурдюк.

Ночью он шел на восток. Вокруг слышался свист — это с заходом солнца на охоту выходили змеи. Если он наступит на одну из них, это будет означать неминуемую и ужасную смерть. Лишь такой опытный врач, как Нефрет, знала противоядия. Забыв об опасности, при свете луны судья стремительно шел вперед. Когда занялась заря, он утолил жажду, вырыл в земле углубление и заснул, свернувшись калачиком.

Проснулся он, когда солнце уже клонилось к закату. С горящей головой и усталым телом он вновь устремился на восток, к долине, такой далекой, что она казалась недостижимой. Запас воды подошел к концу, и ему оставалось надеяться лишь на то, что он наткнется на другой колодец, обозначенный горкой камней. Один на этом бесконечном пространстве, то плоском, то бугристом, он шел вперед. Губы его пересохли, язык распух, силы были на исходе. Надеяться оставалось лишь на помощь богов.

* * *

На опушке большой пальмовой рощи Небамон спустился с носилок и отпустил их. Он предвкушал чудесную ночь — Нефрет обещала отдаться ему. Правда, ему хотелось, чтобы это случилось в более естественной обстановке, но, в конце концов, это не имело особого значения. По обыкновению своему он добивался чего хотел.

Стражники, охранявшие рощу, сидя под деревьями, играли на флейтах, попивая свежую воду и болтая между собой. Старший лекарь устремился по главной аллее, свернул налево и направился к старому колодцу. Место было тихим и уединенным.

Ему показалось, что она появилась из лучей заходящего солнца, окрасившего оранжевыми тонами ее льняную тунику.

Нефрет уступала ему. Она, такая гордая, бросившая ему вызов, повиновалась, как

рабыня. Он завоюет ее. Она забудет о прошлом и поймет, что только Небамон даст ей ту жизнь, о которой она мечтала, сама не зная об этом. Она слишком любила свое ремесло, чтобы долго оставаться на вторых ролях; стать женой старшего лекаря — разве это не было ее заветной целью?

Она не двигалась. Он приблизился.

— Я увижу Пазаира?

— Я же дал вам слово.

— Верните ему свободу, Небамон.

— Я сделаю это, если вы станете моей.

— Зачем так жестоко? Будьте великодушны, умоляю вас.

— Вы смеетесь надо мной?

— Я взываю к вашей совести.

— Вы станете моей женой, Нефрет, потому что я так решил.

— Не настаивайте.

Он остановился в двух шагах от своей жертвы:

— Я люблю смотреть на вас, но хочу и других наслаждений.

— Уничтожить меня?

— Освободить вас от иллюзорного чувства и убогого существования.

— Повторяю свою просьбу, откажитесь от меня.

— Вы принадлежите мне, Нефрет. И Небамон протянул к ней руку.

Но как только лекарь коснулся ее, он оказался отброшенным на землю. Растерянный Небамон увидел нападавшего — огромного павиана, с открытой пастью и пеной на губах. Его мощная, покрытая шерстью левая рука держала лекаря за горло, а правой он сжимал и выкручивал жертве яйца. Небамон завопил. Ему на лоб опустилась нога Кема. Павиан, не ослабляя хватки, замер.

— Если вы откажетесь нам помочь, мой павиан оторвет вам мужское достоинство. Я ничего не видел, а его вряд ли будут мучить угрызения совести.

— Чего вы хотите?

— Доказательства невиновности Пазаира.

— Да нет, я...

Бабуин глухо зарычал. Его пальцы начали сжиматься.

— Я согласен, согласен!

— Говорите.

Небамон тяжело дышал.

— Когда я осматривал труп Беранира, я понял, что смерть наступила несколько часов назад. Возможно даже, что с ее момента прошли целые сутки. Я видел это по глазам, цвету кожи, по тому, как сжаты челюсти, по состоянию раны... Клинические признаки никогда не обманывают. Все это я записал на папирусе. То есть ни о каком захвате на месте преступления речь не шла, Пазаир был всего лишь свидетелем. Против него нет никаких серьезных улик.

— Почему вы скрыли правду?

— Слишком удобный случай... Нефрет наконец-то оказывалась в моей власти.

— Где сейчас Пазаир?

— Я... я не знаю.

— Знаете наверняка.

Бабуин снова зарычал. Перепуганный Небамон покорился.

— Я подкупил начальника стражников, чтобы он оставил Пазаира в живых. Это было необходимо для достижения моей цели. Судью держат в одиночной камере, но я не знаю где.

— Вы знаете, кто настоящий убийца?

— Нет, клянусь, что не знаю!

Кем не сомневался в искренности этих слов. Когда в допросе участвовал павиан, подозреваемые не лгали.

Нефрет молилась, вознося благодарность душе Беранира. Учитель не дал погибнуть своему ученику.

* * *

Только фиги и сыр — таков был скудный обед старшего судьи царского портика. К бессоннице добавилось отсутствие аппетита. С трудом вынося чье-либо присутствие, он отослал своего слугу. В чем он мог себя упрекнуть, ведь он лишь стремился помешать тому, чтобы в Египте воцарился хаос? Тем не менее, его совесть была беспокойна. Никогда на протяжении своей долгой карьеры он не отходил так далеко от истины. Он с отвращением оттолкнул деревянную миску.

Снаружи слышались стоны. Может, это духи, которые, если верить рассказам магов, приходят мучить души недостойных? Старший судья вышел. Кем, сопровождаемый караульным павианом, тащил за ухо старшего лекаря Небамона.

— Господин старший лекарь желает сделать признание.

Старший судья не любил этого нубийца. Он знал его бурное прошлое, не одобрял методов его работы и сожалел, что его взяли на службу стражником.

— Вы привели Небамона под конвоем. Его показания не будут иметь силы.

— Речь идет не о показаниях, а о признании. Лекарь попытался высвободиться. Павиан легонько прикусил его за ляжку.

— Осторожнее, — посоветовал Кем. — Если его разозлить, он прокусит насквозь.

— Уходите! — гневно приказал судья.

Кем подтолкнул лекаря к нему.

— Поторопитесь, Небамон. — заметил он. — Павианы не отличаются терпением.

— Я располагаю сведениями по делу Пазаира, — прохрипел лекарь.

— Не сведениями, — уточнил Кем, — а доказательствами его невиновности.

Старший судья побледнел.

— Это провокация?

— Старший лекарь — человек серьезный и уважаемый.

Небамон вытащил из-под туники свернутый и запечатанный свиток папируса.

— Здесь записаны мои выводы по поводу осмотра трупа Беранира. Поимка... на месте преступления — это ошибка. Я забыл... передать вам этот рапорт.

Старший судья прикоснулся к документу с такой опаской, как будто это были горячие угли.

— Мы ошиблись, — с прискорбием признал он. — Но для Пазаира уже слишком поздно.

— Возможно, что и нет, — возразил Кем.

— Вы забываете, что его нет в живых!

Нубиец улыбнулся:

— Возможно, что это еще одна ваша ошибка. А может, и добросовестное заблуждение.

Нубиец взглянул на павиана, и тот отпустил свою жертву.

— Я... я свободен?

— Катитесь.

Небамон, прихрамывая, потрусил к выходу. На его ноге ясно отпечатались следы обезьяньих зубов. Глаза их обладателя горели в темноте красным огнем.

— Я вам подыщу хорошее место, Кем, если вы согласитесь забыть эти печальные обстоятельства.

— Не вмешивайтесь больше в это дело, старший судья, не мешайте мне ловить убийцу. И когда я его поймаю, вам придется сказать правду. Всю правду.

Застывший пейзаж из белого песка и черно-белых гор внезапно оживило облако пыли, поднятое появлением двух всадников. Пазаир заполз в тень большого обломка камня, отвалившегося от пирамиды. Без воды двигаться дальше было безумием.

Если это стражники пустыни, то они вернут его в тюрьму. А если бедуины, то все зависит от их настроения: они могут его пытать или взять в рабство. По этим пустынным местам рискуют передвигаться только караваны. В лучшем случае Пазаир из каторжника превратится в раба.

Это бедуины, в цветных полосатых бурнусах! У них длинные волосы и короткие бороды.

— Ты кто?

— Я бежал из каторжной тюрьмы.

Тот, что помоложе, спешился и стал рассматривать Пазаира.

— У тебя измученный вид.

— Я хочу пить.

— Воду надо заслужить. Поднимайся и сразимся.

— У меня нет сил.

Бедуин вынул кинжал из ножен.

— Если ты не способен бороться, ты должен умереть.

— Я судья, а не солдат.

— Судья! А как же ты попал в тюрьму для воров?

— Меня обвинили по ошибке. Есть люди, желающие моей гибели.

— Ты свихнулся от жары.

— Если ты убьешь меня, то попадешь в преисподнюю. И там твою душу порежут на куски.

— Мне плевать!

Но старший остановил уже занесенный над Пазаиром кинжал.

— Не надо понапрасну раздражать высшие силы. Дай ему воды; он будет нашим рабом.

* * *

Пантера, светловолосая ливийка с голубыми глазами, была недовольна. Ее пылкий и неутомимый любовник Сути пришел на смену прежнему рохле, вечно угрюмому и плаксивому. Страстно ненавидя Египет, она угодила в объятия этого офицера, прославившегося своим героизмом в первую азиатскую кампанию. В порыве чувства он вернул ей свободу, которой она не пользовалась, потому что привязалась к нему. И вот Сути выгнали с военной службы: он пытался задушить полководца Ашера, которого застал в момент убийства одного из лазутчиков. Осудить полководца не удалось, поскольку труп его жертвы так и не нашли, однако Сути не уgomонился. Правда, с исчезновением его друга Пазаира он стал молчалив, почти ничего не ел, а на нее даже не смотрел.

— Когда ты перестанешь хандрить?

— Когда вернется Пазаир.

— Вечно это Пазаир! Неужели ты не понимаешь, что его уже нет в живых?

— Здесь не Ливия. Убийство — это серьезно, за ним следует небытие. Преступники из мертвых не встают.

— Сути, жизнь одна, она проходит здесь и сейчас! Забудь ты эти бредни.

— Забыть своего друга?

Пантера была из тех женщин, что живут любовью, лишённая близости Сути, она начала чахнуть.

Ее любовник был мужчиной прекрасного роста, с удлиненным лицом, прямым и откровенным взглядом, длинными черными волосами; в нем были сила, элегантность и обаяние.

— Я свободная женщина и не хочу жить с камнем. Если ты не переменишься ко мне, я уйду.

— Что ж, уходи.

Она опустилась на колени.

— Ты не понимаешь, что говоришь.

— Если Пазаир страдает, то страдаю и я; если он в опасности, то тревожусь и я. Как ты этого не поймешь?

Пантера развязала набедренную повязку Сути. Он не протестовал. Могучее и стройное его тело было прекрасно. С тринадцати лет у Пантеры перебивало немало любовников, но ни с кем она не была так счастлива, как с этим египтянином. Заклятым врагом ее народа. Она тихонько ласкала ему грудь, плечи, касалась сосков, медленно спускаясь к пупку. Ее пальцы, легкие и чувственные, возбуждали. Наконец он поддался ее ласкам. Сильной рукой почти злобно он разорвал бретельки ее короткой туники. Нагая, она прильнула к нему.

— Чувствовать тебя, быть с тобой... Больше мне ничего не нужно.

— А мне этого мало.

Он опрокинул ее на живот и накрыл своим телом, Томная и торжествующая, она чувствовала, как его желание, маслянистое и горячее, вливается в нее, как живая вода.

Снаружи окликнули. Голос был громкий и властный. Сути устремился к окну.

— Пошли, — сказал Кем. — Я знаю, где Пазаир.

* * *

Старший судья поливал маленькую цветочную клумбу перед домом. В его возрасте нагибаться ему становилось все тяжелее и тяжелее.

— Я могу вам помочь?

Судья обернулся и увидел Сути. Бывший офицер-колесничий имел все такой же бравый вид.

— Где мой друг Пазаир?

— Он мертв.

— Это ложь.

— На этот счет существует официальный рапорт.

— Это меня мало волнует.

— Правда может вам не нравиться, но изменить ее никто не в состоянии.

— Правда состоит в том, что Небамон подкупил начальника стражи и вас.

Старший судья выпрямился:

— Меня — нет.

— Тогда говорите.

Судья заколебался. Он мог арестовать Сути за оскорбление и грубость, но ему было стыдно за себя. Судья Пазаир пугал его, это правда: слишком решительный, слишком нетерпеливый и страстный, слишком верящий в справедливость. Но он, старый судья, повидавший на своем веку много всякого, разве не он предал это уважение молодых к закону? Мысль о судьбе простого судьи мучила его. Может быть, он уже погиб, не вынеся тягот заключения?

— Каторжная тюрьма недалеко от Харги, — прошептал он.

— Дайте мне письменное разрешение отправиться туда.

— Вы слишком много от меня хотите.

— Поторопитесь, у меня мало времени.

* * *

На последней стоянке, у границы оазиса, Сути спешил. Эту жару, пыль и ветер могли переносить только ослы. Вооруженный луком, полусотней стрел, мечом и двумя кинжалами, он чувствовал себя в силах противостоять любому врагу. Кроме того, старший судья дал ему дощечку, где говорилось, что он уполномочен привезти заключенного Пазаира в Мемфис.

Кем превозмог свое нетерпение и остался с Нефрет. Ведь когда Небамон оправится от своего испуга, он начнет действовать, и тогда защитить ее смогут только павиан и его хозяин. И нубиец, несмотря на большое желание участвовать в освобождении Пазаира, был вынужден согласиться охранять Нефрет.

Когда Сути уехал, Пантера поклялась себе, что, если его не будет больше недели, она изменит ему с первым встречным и станет рассказывать об этом на всех углах. Сути не обещал ей ничего, кроме того, что вернется со своим другом.

На осла были навьючены бурдюки, наполненные мясом, сушеной рыбой, фруктами и хлебом, который оставался мягким несколько дней. Человек и животное почти не отдыхали — Сути слишком торопился к цели.

* * *

Когда на горизонте показалась тюрьма с ее убогими, затерянными в пустыне бараками, Сути вознес молитву богу Мину, покровителю погонщиков верблюдов и путешественников. Он считал богов неприступными существами, но все же, в определенных обстоятельствах, предпочитал заручиться их поддержкой.

Сути разбудил начальника тюрьмы, задремавшего под полотняным пологом. Великан недовольно бурчал.

— У вас здесь содержится судья Пазаир.

— В первый раз слышу.

— Он не числится в списках, это правда.

— Говорю вам, не знаю.

Сути показал ему записную дощечку, но она не вызвала у великана никакого интереса.

— Нет здесь Пазаира. Вообще нет никаких судей, а только воры-рецидивисты.

— У меня официальный приказ.

— Подождите, пока вернутся заключенные, увидите сами.

И начальник снова заснул. Сути подумал: а не послал ли его старший судья сюда, в этот тупик, специально, чтобы тем временем расправиться с Пазаиром в Азии? Но это же, мягко говоря, наивно! Он зашел на кухню, чтобы пополнить запас воды.

Повар, беззубый старик, спросонья вскочил.

— Это кто еще?

— Я приехал выручать друга. К сожалению, ты не похож на Пазаира.

— Повтори-ка еще раз?

— Судья Пазаир.

— И что ты от него хочешь?

— Освободить.

— Вот как... Но ты опоздал.

— Ну-ка выкладывай.

Старый пчеловод выговорил шепотом:

— Он бежал, с моей помощью.

— Один, в пустыню! Он не продержится и двух дней. В какую сторону он пошел?

— Первая река, холм, пальмовая роща, каменистое плато и дальше на восток, в долину!

Если его душа крепко привязана к телу, он выберется.

— Пазаир сильно ослабел.

— Поторопись найти его; он обещал помочь мне выбраться отсюда.

— Но ты ведь вор?

— Не больше, чем другие. Просто я хочу заниматься своими ульями. Пусть ваш судья вернет меня домой.

Монтумес принял старшего судью в оружейном зале, где были развешаны щиты, мечи и охотничьи трофеи. У хозяина был гнусавый и вкрадчивый голос, острый нос и лысый, красный череп, который он постоянно почесывал. Склонный к полноте, верховный страж был вынужден соблюдать диету, чтобы сохранить подвижность. Постоянный участник торжественных приемов, обладавший большими связями, осторожный и ловкий, Монтумес лично контролировал всю систему сторожевых служб царства. Никто не мог поставить ему в упрек ни малейшей неосмотрительности; он чрезвычайно берег свою безупречную репутацию государственного сановника.

— Вы по личным делам, мой дорогой судья?

— Дело конфиденциальное, как вы предпочитаете.

— Такой подход гарантирует долгую и спокойную карьеру, не правда ли?

— Когда я посадил Пазаира в одиночку, я поставил одно условие.

— Не припоминаю.

— Вы должны были раскрыть мотив преступления.

— Не забывайте, что я взял Пазаира с поличным.

— С какой стати ему убивать своего учителя, мудреца, назначенного старшим жрецом Карнака, и, следовательно, человека, на которого он мог рассчитывать?

— Ревность или безумие.

— Не делайте из меня дурака.

— Зачем вам это? Мы избавились от Пазаира, и это главное.

— Вы уверены в его виновности?

— Повторяю: я застал его в тот момент, когда он склонился над телом Беранира. Что бы вы подумали на моем месте?

— Мотив?

— Но вы же согласились: процесс произвел бы плохое впечатление. Страна должна уважать судей и доверять им. Пазаир — скандальная личность. Его наставник Беранир, возможно, пытался его утихомирить. А он возмутился и нанес удар. Любой суд вынес бы ему смертный приговор. Мы с вами еще были к нему великодушны: мы спасли его репутацию. Ведь официально он погиб при исполнении задания. Разве это не самый приемлемый выход и для него, и для нас?

— Сути знает правду.

— Как...

— Кем заставил заговорить старшего лекаря Небамона. Сути знает, что Пазаир жив, и я был вынужден сказать ему, где тот находится.

Гнев начальника стражи удивил старшего судью: Монтумес слыл за человека выдержанного.

— Безрассудство, чистое безрассудство! Вы, верховный судья города, идете на поводу у какого-то солдата! Ни Кем, ни Сути ничего не могут сделать!

— Вы упускаете из виду письменное заявление Небамона.

— Показания, добытые под пыткой, недействительны.

— Заявление было сделано раньше, на нем стоят дата и подпись.

— Уничтожьте его!

— Кем потребовал от старшего лекаря сделать копию, которая заверена двумя слугами в его доме. Невинность Пазаира доказана. В течение нескольких часов, предшествовавших преступлению, он работал в своем служебном кабинете. Свидетели подтвердят это, я проверял.

— Допустим... Но зачем вы открыли им место, где мы его держим? С этим можно было не торопиться.

— Чтобы меня не мучила совесть.

— С вашим опытом, в вашем возрасте, вы...

— Вот именно, в моем возрасте. Я могу предстать перед вечным судом в любой момент. В деле Пазаира я нарушил дух Закона.

— Вы защищали государство, Египет, и вполне могли пренебречь правами одной-единственной личности.

— Ваши слова меня не убеждают, Монтумес.

— Вы бросаете меня?

— Если Пазаир вернется...

— В каторжной тюрьме часто умирают.

* * *

Уже давно Сути слышал лошадиный галоп. Звук шел с востока, всадников было двое, они быстро приближались. Это были бедуины-разбойники, искавшие легкой добычи.

Суты подождал, пока они подъедут на нужное расстояние, и растянул свой лук, опершись коленом о землю: он целился в того, что был слева.

Раненный в плечо, всадник выпал из седла. Второй бросился на противника. Сути прицелился точнее, стрела пронзила бедуину ляжку. Завопив от боли, он выронил из рук поводья, рухнул на землю и ударился о камень. Обе лошади кружили рядом. Сути поставил кончик меча на горло кочевника, который, шатаясь, поднимался на ноги.

— Откуда ты?

— Из племени ходящих по песку.

— Где ваша стоянка?

— За черными скалами.

— Ведь это вы захватили египтянина несколько дней назад?

— Какой-то бродяга, который называл себя судьей.

— И как вы с ним обошлись?

— Вождь допрашивает его.

Суты вскочил на более крепкую лошадь, придерживая другую за примитивную упряжь, которую используют бедуины. Раненых он бросил на произвол судьбы: пусть выживают, как умеют.

Оба скакуна устремились по каменистой тропинке, которая становилась все круче и круче; в низинах между темными, выжженными солнцем скалами клубились облака пыли; они напоминали котлы преисподней, где, подвешенные за ноги, томились грешники.

У подножия склона раскинулся лагерь кочевников. Самая высокая и яркая палатка, видимо, принадлежала вождю. В загоне теснились лошади и козы. С южной и северной сторон стоянку охраняли часовые.

Сути не стал дожидаться ночи; с бедуинами, промышлявшими набегами и грабежами, церемониться не стоило. Египтянин бесшумно, шаг за шагом, спускался по склону и поднялся в полный рост, лишь приблизившись к часовому с южной стороны, которого он обезвредил, одним ударом сломав ему шейные позвонки. Ходящих по песку, постоянно бороздивших пустыню в поисках любой добычи, в лагере было немного. Сути беспрепятственно добрался до палатки вождя и ворвался в нее через овальный проем, служивший дверью. Напряженный и собранный, он готов был сокрушить любую преграду на своем пути. Однако то, что он увидел, ошеломило его.

Вождь бедуинов, простершись на подушках, внимательно слушал Пазаира, который сидел напротив него в позе писца. Судья казался спокойным, руки и ноги его не были связаны. Вождь поднялся. Сути метнулся к нему.

— Не трогай его, — вмешался Пазаир, — Мы нашли общий язык.

Сути опрокинул противника на подушки.

— Вождь излагал мне свою жизненную позицию, — объяснил Пазаир, — а я пытался убедить его в том, что она порочна. Его удивил мой отказ стать рабом даже под страхом смерти. Он пожелал узнать, как действует наш Закон и...

— Когда он потеряет к тебе интерес, он привяжет тебя к хвосту какого-нибудь жеребца, который разобьет твоё тело об острые скалы.

— Как ты нашел меня?

— Разве я мог тебя не найти?

Сути связал бедуина и заткнул ему рот кляпом.

— Быстро уходим отсюда. На вершине холма нас ждут лошади.

— Зачем? Я не хочу возвращаться в Египет.

— Идем, и перестань говорить глупости.

— У меня нет сил.

— Они найдутся, когда ты узнаешь о своей невинности и о том, что Нефрет с нетерпением ждет тебя.

Старший судья не смел поднять глаз на Пазаира.

— Вы свободны, — устало объявил он.

Старый человек ждал горьких упреков и даже заслуженных обвинений. Однако Пазаир лишь пристально смотрел на него.

— Разумеется, главные пункты обвинения сняты. Что же касается остального, то я прошу у вас немного терпения... я постараюсь восстановить ваше положение как можно быстрее.

— А верховный страж?

— Он приносит вам свои извинения. Мы оба были введены в заблуждение...

— Небамоном?

— Старший лекарь на самом деле тоже не виноват. Простая административная небрежность... Вы стали жертвой несчастного стечения обстоятельств, мой дорогой Пазаир. Если вы желаете подать жалобу...

— Я подумаю.

— Может быть, не стоит держать зла...

— Я хочу поскорее вернуться к своим обязанностям.

* * *

Голубые глаза Нефрет были похожи на драгоценные камни, родившиеся в самом сердце золотых гор, в краю богов; бирюза на шее предохраняла от порчи. Длинное платье из белого льна на бретельках делало ее еще стройнее.

Подходя к ней, Пазаир ощутил запах ее духов. Ее шелковистая кожа источала аромат лотоса и жасмина. Он принял ее в свои объятия, и они долго стояли так, не в силах произнести ни слова.

— Так ты еще немножко любишь меня?

Она отстранилась, чтобы посмотреть на него. Он был гордым, страстным, чуть сумасшедшим, строгим, одновременно молодым и умудренным жизнью, естественным в своей привлекательности, хрупким, но очень сильным. Те, кто считал его слабым, легко впадавшим в уныние, жестоко ошибались. Несмотря на жесткое и суровое выражение лица, на требовательный характер, он умел давать счастье.

— Я не могу без тебя.

Пазаир прижал ее к себе. Жизнь приобретала новый вкус, мощный, как молодой Нил. Но здесь, в огромном некрополе Саккары, по которому Пазаир и Нефрет шагали медленно, держась за руки, эта жизнь тесно соприкасалась со смертью. Они шли поклониться могиле Беранира, своего убитого учителя. Разве не он передал Нефрет свои секреты врачевания и не был опорой Пазаиру, прокладывавшему свой путь в жизни?

Они вошли в помещение, где работали бальзамировщики, и увидели Джуи. Он сидел, опершись спиной о выбеленную известкой стену, и ел свинину с чечевицей, хотя это мясо запрещалось употреблять в жару. Не прошедший процедуру обрезания, бальзамировщик игнорировал религиозные предписания. У Джуи было вытянутое лицо, широкие, черные,

сросшиеся на переносице брови, тонкие бескровные губы, очень длинные руки и тонкие ноги; он жил своей, отличной от прочих смертных жизнью.

На столе для бальзамирования лежала мумия пожилого человека, которой он только что ножом из обсидиана сделал надрез на боку.

— Я вас знаю, — сказал он, поднимая глаза на Пазаира. — Вы судья, который ведет дело об убийстве ветеранов.

— Это вы бальзамировали тело Беранира?

— Я занимаюсь своим делом.

— Ничего необычного не заметили?

— Нет.

— Кто-нибудь приходил на могилу?

— После погребения никто. В часовню заходил только жрец, который занимается погребальной церемонией.

Пазаир казался разочарованным. Он надеялся, что убийца, мучимый угрызениями совести, приходил просить прощения у жертвы, чтобы избежать наказания на том свете. Но видимо, даже это его не пугало.

— Ваше следствие дало результаты?

— Обязательно даст.

И бальзамировщик спокойно откусил большой кусок свинины.

* * *

Ступенчатая пирамида возвышалась над вечным пейзажем. Лицом к ней была обернута длинная вереница надгробных камней, как бы продолжавших бессмертие фараона Джосера, чей величественный призрачный образ ежедневно взбирался и спускался по гигантской каменной лестнице.

Обычно этот обширный некрополь казался оживленным из-за толпящихся на нем скульпторов, резчиков, писцов и художников. Здесь вырубали одну гробницу, там укрепляли другую. Рабочие в связке тянули деревянные сани, груженные блоками известняка и гранита, водоносы предлагали желающим свежую воду, чтобы утолить жажду.

Однако в праздничный день, когда чествовали Имхотепа, творца ступенчатой пирамиды, местность оставалась пустынной. Пазаир и Нефрет прошли между рядами могил первых династий, заботливо ухоженных одним из сыновей Рамсеса Великого. Когда взгляд скользил по именам усопших, выбитых на камнях иероглифами, они как бы оживали, обращая в прах толщу времен. Могущество слова оказывалось выше могущества смерти.

Место погребения Беранира, расположенное неподалеку от ступенчатой пирамиды, было отделано красивым белым камнем из карьеров Туры. Доступ к шахте, которая вела в подземные помещения, где находилась мумия, прикрывала огромная плита. Часовня же оставалась открытой для посетителей, которые приходили помянуть усопшего и принести дары для его статуй и изображений.

Скульптор увековечил Беранира широкоплечим зрелым человеком, со спокойным лицом. Главный текст, расположенный горизонтально, приветствовал возродившегося на прекрасном Западе; в конце своего долгого путешествия он вновь оказывался среди своих, среди братьев-богов, питаясь звездами, и утоляя жажду водами первичного океана. Ведомый

своим сердцем, он шел прямыми дорогами вечности.

Пазаир прочитал вслух строки, предназначенные для тех, кто пришел поклониться гробнице: *О живущие на земле, проходящие мимо гробницы этой, если любите вы жизнь и ненавидите смерть, произнесите имя мое, дабы я жил, произнесите для меня магическое слово.*

— Я найду убийцу, — поклялся Пазаир.

Нефрет грезилась о тихом счастье, не омрачаемом ни бедами, ни завистью, но ее любовь зародилась в буре, и ни она, ни Пазаир не обретут покоя, пока не откроют истину.

* * *

Когда тьма отступила, землю осветило солнце. Деревья и травы вновь зазеленели, птицы выпорхнули из гнезд, рыбы стали выпрыгивать из воды, вверх и вниз по реке поплыли суда. Пазаир и Нефрет вышли из часовни, которая окрасилась в рассветные тона. Они провели ночь рядом с душой Беранира, чувствуя ее близость, ее тепло и трепет. Это чувство они сохраняют навсегда.

Праздник закончился, ремесленники возвращались к своей работе. Жрецы исполняли утренние службы, увековечивая память ушедших. Пазаир и Нефрет шли вдоль дороги, выложенной при царе Унасе и ведущей к храму, расположенному ниже. Они присели под пальмами, на краю хозяйственных насаждений. Смеющаяся девчушка принесла им финики, свежий хлеб и молоко.

— Мы могли бы остаться здесь, забыть о преступлениях, о поисках истины, о людях.

— Ты гредишь наяву, судья Пазаир?

— От меня избавились самым подлым способом, и они не остановятся. Разумно ли ввязываться в борьбу, проигранную заранее?

— У нас есть долг перед Бераниром, учителем, которого мы глубоко почитаем, мы должны бороться, забыв о себе.

— Я всего лишь мелкий судья, которого могущественные силы загонят в самый дальний угол самой удаленной провинции. Меня раздавят без малейшего усилия.

— Ты боишься?

— Мне не хватает духу. Каторжная тюрьма — это тяжкое испытание.

Она положила голову ему на плечо:

— Мы снова вместе. И ты полон сил, я знаю, я чувствую это.

Ласковое тепло согрело душу Пазаира. Боль стихла, усталость ушла. Нефрет была настоящей волшебницей.

— В течение месяца каждый день ты будешь пить воду из медного сосуда. Это прекрасно лечит от слабости и тоски.

— Кто мог так подставить меня? Скорее всего, тот, кому было известно, что Беранир вот-вот станет верховным жрецом Карнака и сможет нас поддерживать.

— Кому ты об этом рассказывал?

— Твоему врагу, старшему лекарю Небамону — чтобы он оставил тебя в покое.

— Небамону... Тому, у кого были доказательства твоей невиновности, и кто вынуждал меня выйти за него замуж!

— Я совершил ужасную ошибку. Узнав о предстоящем назначении Беранира, он решил

одним ударом убить двух зайцев: устранить учителя и обвинить в этом преступлении меня.

Лоб Пазаира перерезала морщина.

— Он не единственный возможный виновник. После моего ареста начальник стражи Монтумес вступил в сговор со старшим судьей.

— Магистратура и стража, замешанные в одном преступлении...

— Заговор, Нефрет, заговор, объединивший людей влиятельных и властных. Беранир и я начали им мешать: я собирал серьезные улики, а он давал мне возможность вести расследование до конца. Зачем понадобилось уничтожать почетную стражу сфинкса — вот на какой вопрос необходимо найти ответ.

— Не забудь также о химике Чечи, о краже небесного железа и об Ашере, полководце-изменнике.

— У меня никак не получается связать воедино преступления и подозреваемых.

— Прежде всего, надо позаботиться о памяти Беранира.

* * *

Сути хотел достойно отметить возвращение своего друга Пазаира. Он пригласил его с женой в одну из самых изысканных таверн Мемфиса, где подавали красное вино, датированное первым годом правления Рамсеса, великолепно зажаренного ягненка, овощи, соус и необыкновенно вкусные пирожные. Он изо всех сил старался хотя бы на время отвлечь друзей от мучившего их вопроса об убийстве Беранира.

Пошатываясь, с мутной головой, он вернулся к себе, где наткнулся на Пантеру. Светловолосая ливийка вцепилась ему в волосы.

— И где же ты был?

— На каторге.

— Это ты там напился?

— Я напился, зато Пазаир жив и здоров.

— А обо мне ты вспоминал?

Он схватил ее за талию, поднял и держал, прижав к себе.

— Я вернулся, разве это не чудо?

— Ты мне не нужен.

— Лжешь. Мы еще не насытились друг другом.

Он осторожно положил свою подругу на ложе, ловко снял с нее короткое платье и с юношеской страстью стремительно овладел ею. Она издала крик сладострастия, не в силах сопротивляться тому, чего так ждала. Потом, когда они лежали рядом, переводя дух от пережитого счастья, она положила руку ему на грудь.

— Я дала себе слово изменить тебе в твое отсутствие.

— Удалось?

— Не скажу. Чтобы ты мучился от неизвестности.

— Я тебя разочарую. Единственное, что имеет для меня значение, это наслаждение в данный момент.

— Ты чудовище!

— Я тебе не нравлюсь?

— Ты и дальше будешь помогать Пазаиру?

- Мы смешали нашу кровь.
- Он хочет мстить?
- Прежде всего, он судья, а уж потом обыкновенный человек. Истина для него ценнее собственных переживаний.
- Послушай меня хоть раз в жизни. Не ввязывайся в эти дела, держись в стороне.
- К чему эти советы?
- Его враги слишком сильны.
- Откуда это тебе известно?
- У меня предчувствие.
- Ты от меня что-то скрываешь?
- Разве есть женщина, способная тебя обмануть?

* * *

Служебный кабинет верховного стража был похож на возбужденный улей. Монтумес ходил взад и вперед, отдавая приказания, часто противоречащие одно другому, и поторапливал подчиненных, собиравших свитки папируса, деревянные дощечки — весь архив, накопившийся за время его службы. Глаза его были воспалены, он то и дело почесывал лысый череп, понося медлительность своих служащих. Выйдя на улицу, чтобы проследить за погрузкой документов на повозку, он столкнулся с Пазаиром.

- Мой дорогой судья...
 - Вы на меня смотрите так, как будто перед вами привидение.
 - Вы шутите! Я надеюсь, что ваше самочувствие...
 - Пребывание в каторжной тюрьме его не улучшило, но моя жена быстро поставит меня на ноги. Вы переезжаете?
 - Ведомство, следящее за оросительными каналами, предсказывает сильный паводок. Приходится принимать меры.
 - Но, мне кажется, до этого квартала вода не поднимается.
 - Береженого бог бережет.
 - И где же вы устроитесь?
 - Ну... видимо, у себя. Но это, конечно, временно.
 - Прежде всего, это незаконно. А старший судья об этом знает?
 - Наш дорогой судья очень утомился. Не следует его беспокоить.
 - На мой взгляд, перевозку документов следует приостановить.
- Голос Монтумеса стал пронзительным и гнусавым.
- Возможно, вы и невиновны в преступлении, в котором вас обвиняли, но ваше положение все же не настолько прочно, чтобы вы могли мне приказывать.
 - Это так. Но ваше положение обязывает вас мне помогать.
- Начальник стражи по-кошачьи прищурил глаза.
- Чего вы хотите?
 - Провести экспертизу перламутровой иглы, которой убили Беранира.
- Монтумес почесал голову:
- Но здесь такой беспорядок из-за переезда...
 - Мне нужны не документы, а всего лишь вещественное доказательство. Оно должно

фигурировать в досье вместе с запиской, с помощью которой меня заманили на место преступления: «Приходите поскорее, Беранир в опасности».

— Мои люди ее не нашли.

— А игла?

— Секунду.

Начальник стражи ретировался.

Возбуждение, вызванное переездом, спадало. Разложив поклажу по полкам, служащие переводили дух.

Монтумес вернулся десять минут спустя, со скорбным выражением на лице.

— Игла исчезла.

Когда Пазаир начал пить лечебную воду из медного сосуда, Смелчак тут же потребовал свою долю. У пса были длинные лапы, хвост, изгибающийся в зависимости от его настроения, большие висячие уши, которые поднимались в предвкушении кормежки, и бело-розовый ошейник с надписью «Смелчак, друг Пазаира». Пес лакал благодатную влагу, в очередь за ним встал осел, откликавшийся на изящное имя Северный Ветер. Зеленая обезьянка Нефрет, известная плутовка, прыгнула на спину ослу, дернула за хвост собаку и спряталась за спину хозяйки.

— Как лечиться в таких условиях?

— Не прибедайтесь, судья Пазаир. Вы имеете возможность пользоваться услугами добросовестного лекаря, причем на дому.

Он поцеловал ее в шею, в заветное местечко, от чего по ее телу всегда пробегала дрожь. Однако Нефрет нашла в себе силы отстранить мужа.

— Письмо.

Пазаир сел в позу писца и развернул на коленях прекрасно выделанный папирус, шириной сантиметров в двадцать. Ввиду особой важности документа, он сделает запись только с лицевой стороны. Левая часть оставалась свернутой, правую судья развернул. Чтобы придать тексту торжественный вид, он будет писать по вертикали, разделяя строки прямыми линиями, прочерченными самыми красивыми чернилами с помощью идеально заостренной тростниковой кисточки.

Его рука была тверда.

«Визирю Баги от судьи Пазаира.

Пусть боги защитят визиря, Ра осветит его своими лучами, Амон сохранит его неприкосновенность, Птах даст ему силу. Я надеюсь, что вы находитесь в добром здравии, а благосостояние ваше прочно. Если я, простой судья, обращаюсь к вам, то лишь для того, чтобы поставить в известность об обстоятельствах чрезвычайной важности. Помимо того, что я был несправедливо обвинен в убийстве мудрейшего Беранира, и заключен в тюрьму для воров, исчезло орудие преступления, которое находилось в распоряжении начальника стражи Монтумеса.

В качестве квартального судьи мне удалось выявить подозрительное поведение полководца Ашера и доказать, что пятеро ветеранов, составлявших почетный караул при сфинксе, были уничтожены.

В моем лице оказался попраным Закон. При содействии начальника стражи и старшего судьи была предпринята попытка избавиться от меня, чтобы помешать продолжению расследования и вывести из-под удара заговорщиков, которые преследуют неведомую мне цель.

Что произошло со мной лично, в данном случае не так важно, но я должен найти виновного или виновных в смерти моего учителя. Позволю себе также высказать определенное беспокойство за судьбу страны: если столько ужасных преступлений остаются безнаказанными, не станут ли ложь и убийство новой путеводной звездой нашего народа? Только визирь располагает возможностями вырвать это зло с корнем. Поэтому я хлопочу о вашем вмешательстве, под благосклонным взглядом богов, и клянусь Законом, что все изложенное выше есть чистая правда».

Пазаир обозначил дату, поставил свою печать, свернул папирус и запечатал свиток. Затем надписал свое имя и имя адресата. Меньше чем через час он передаст свиток почтовому служащему, который в течение дня доставит его визирю.

Судья поднялся, лицо его выражало тревогу.

— Это письмо может привести к нашему изгнанию.

— Успокойся. У визиря Баги прекрасная репутация.

— Если мы ошибаемся, то можем потерять друг друга навсегда.

— Этого не случится: я поеду с тобой куда угодно.

* * *

В палисаднике никого не было.

Дверь маленького белого домика оказалась открытой, и Пазаир вошел. Несмотря на позднее время, ни Сути, ни Пантеры не было. В этот предзакатный час любовники, должно быть, отправились в беседку возле источника, чтобы подышать свежим воздухом.

Удивленный Пазаир пересек гостиную. Послышались какие-то звуки. Они исходили не из спальни, а из кухни, расположенной на открытом воздухе, во внутреннем дворе. Неужели Сути и Пантера занимались стряпней?

Светловолосая ливийка сбивала масло с пажитником и тмином; оно хранилось у нее в самом прохладном углу погреба, там же помещались вода и соль, которую держали в холоде, чтобы она не темнела.

Сути был занят приготовлением пива. Молотую и растертую ячменную муку он превратил в тесто, которое надо было печь в специальных формах, расположенных вокруг очага. Полученные таким образом хлебцы вымачивались в сладкой воде с финиками; после брожения жидкость следовало перемешать и отфильтровать, а затем перелить в глиняный кувшин, в котором пиво прекрасно сохранялось. Три кувшина были закреплены в специальных гнездах в приподнятой над полом доске и заткнуты пробками из высушенного лимона.

— Ты занялся производством пива? — спросил Пазаир.

Сути обернулся:

— Я не слышал, как ты вошел! Мы с Пантерой решили разбогатеть. Она будет делать масло, а я — пиво.

Раздраженная ливийка бросила кусок масла, вытерла руки темным полотенцем и вышла, не поздоровавшись с судьей.

— Не сердись, у нее бешеный характер. Бог с ним, с маслом. Хорошо, что есть пиво! Попробуем его.

Сути вытащил из гнезда самый большой кувшин, вынул пробку и установил фильтр, который должен пропускать только жидкость, удерживая малейшие частицы теста.

Пазаир сделал глоток, но тут же остановился.

— Кислое!

— Как кислое? Я строго следовал рецепту.

Он отпил чуть-чуть и выплюнул.

— Гадость! С пивом покончено, это занятие не для меня. Как твои дела?

— Я написал визирю.

- Рискованно.
- Но необходимо.
- Еще одной каторги ты не выдержишь.
- Справедливость должна восторжествовать.
- Твое прекраснодушие трогает.
- Визирь обязан что-то сделать.
- Он может быть так же подкуплен, как начальник стражи и старший судья.
- Но это визирь Баги.
- Этот старый пень не ведает никаких чувств.
- Он защищает интересы страны.
- Твои бы слова да богу в уши.
- Этой ночью мне снился ужасный сон: я видел, как перламутровая игла вонзается в шею Беранира. Кстати, это ценный предмет, он стоит недешево, и управляться с ним сумеет только опытная рука.
- Это след?
- Просто мысль, возможно не лишенная интереса. Как ты согласишься на то, чтобы сходить в главную ткацкую мастерскую Мемфиса?
- Это задание для меня?
- Говорят, там много красивых женщин.
- А ты сам боишься туда идти?
- Просто мастерская расположена не в моем квартале. Монтумес не спустит нам ни одной ошибки.

* * *

В ткацком производстве, которое было царской монополией, было занято множество мужчин и женщин. Они работали на машинах первичного лощения, состоявших из цилиндров с цепным приводом, и вторичного лощения, представлявших собой поставленную вертикально прямоугольную раму, где цепь наматывалась на верхний цилиндр, а полотно — на нижний. Некоторые ткани выделялись длиной до двадцати метров и больше при ширине от метра двадцати до метра восьмидесяти.

Сути наблюдал за ткачом, который, согнувшись в три погибели, заканчивал отделять нашивку, предназначенную для украшения одежд богатых клиентов; потом он смотрел, как молодые девушки вытягивали и сматывали на катушки вымоченное льняное волокно. Другие, не менее соблазнительные, растягивали на верхнем навое основу, перед тем как пустить перекрещиваться две линии натянутых нитей. Одна из прядильщиц держала в руках палку с деревянным диском на конце, которой она орудовала с завораживающей ловкостью.

Сути тоже не остался незамеченным; его удлиненное лицо, прямой взгляд, длинные черные волосы и весь облик, дышащий силой и элегантностью, не оставили работниц мастерской равнодушными.

- Вы что-то ищете? — спросила прядильщица, смачивая нить, чтобы сделать ее более тонкой и прочной.
- Я бы хотел поговорить с управляющим мастерской.
- Госпожа Тапени принимает только тех посетителей, которых ей рекомендует двор.

— И никаких исключений? — улыбнулся Сути.

Работница оставила свое занятие.

— Я посмотрю.

Мастерская была просторной и чистой: этого требовали установленные правила. Она освещалась с помощью прямоугольных слуховых окон, прорезанных под плоской крышей, вентиляция осуществлялась через умело расположенные продолговатые проемы. Зимой здесь было тепло, летом — прохладно. Искусные мастера после нескольких лет ученичества начинали хорошо зарабатывать, причем разницы в оплате мужчин и женщин не было.

Пока Сути улыбался одной из ткачих, появилась прядильщица.

— Пойдемте со мной.

Госпожа Тапени, имя которой означало «мышь», сидела в просторном помещении, где стояли машины, были разложены цепи, бобины, иглы, прядильные палки и другие инструменты ткацкого производства. Черноволосая и зеленоглазая, со смуглой кожей, очень живая, эта маленькая женщина управляла своими подчиненными железной рукой. Под ее внешней мягкостью скрывалась жесткость руководителя. Однако продукция, выходившая из ее цеха, была такой красоты, что это делало ее недоступной для любой критики. Не будучи замужем в свои тридцать лет, Тапени целиком отдавалась работе. Семью и детей она считала препятствием в своей карьере.

Увидев Сути, она испугалась. Испугалась того, что может глупо влюбиться в человека, соблазнившего ее с первого взгляда. Но ее опасения стремительно перерастали в другое чувство, восхитительно возбуждающее, — стремление охотницы овладеть своей жертвой. Голос ее стал нежно-вкрадчивым.

— Чем я могу вам помочь?

— У меня к вам дело... личного свойства.

Тапени отослала помощниц. Оттенок таинственности удесят�ерял ее любопытство.

— Теперь мы одни.

Сути прошелся по комнате и остановился перед выложенными в ряд на обтянутой тканью подставке перламутровыми иглами.

— Они великолепны. Кто имеет разрешение работать с ними?

— Вы интересуетесь секретами нашего ремесла?

— Оно меня буквально заворожило.

— Вы инспектор, присланный из дворца?

— Не волнуйтесь: мне нужен человек, который умеет управляться с этими иглами.

— Сбежавшая любовница?

— Может, и так.

— Мужчины с ними тоже работают. Я надеюсь, что вы...

— На этот счет вы можете быть спокойны.

— Как вас зовут?

— Сути.

— Чем вы занимаетесь?

— Я много путешествую.

— Торговец и немного шпион... вы очень хороши собой.

— Вы тоже неотразимы.

— Правда?

Потянув за деревянную щеколду, Тапени заперла дверь.

- Ты сильный. Наверное, хорошо сражаешься.
- Я герой. Вы назовете мне имена, которые меня интересуют?
- Может быть. Ты торопишься?
- Мне необходимо найти владельца такой же иглы...
- Помолчи немного, об этом поговорим позже. Я помогу тебе, но только если ты будешь нежен, очень нежен...

Она прижалась губами к губам Сути, а он, после короткого колебания, был вынужден принять приглашение. В конце концов, вежливость и взаимоуважение представляют собой неоспоримые ценности для культурного человека. Принцип не отказываться от подарков числился среди главных моральных установок Сути.

Госпожа Тапени смазала член своего любовника стерилизующим кремом из зерен акации, растертых с медом; обезопасив себя таким образом, она сможет в полной мере насладиться этим великолепным мужским телом, забыв на время о мастерской и связанных с ней заботах.

Судья Пазаир и работавший с ним судебный пристав, нубиец Кем, дружески обнялись. Как обычно, черного великана сопровождал его павиан, который был так свиреп на вид, что прохожие пугались. Разволновавшись до слез, нубиец ощупывал деревянный протез, заменявший ему отрезанный нос.

- Нефрет мне все рассказала. И если я свободен, то только благодаря вам обоим.
- Мой павиан умеет убеждать.
- Какие новости от Небамона?
- Отдыхает в своем поместье.
- Я не думаю, что он отступится от своего.
- Наверняка. Нам надо быть осторожными.
- Если только мне оставят судебское звание. Я написал визирю: или он тоже примет участие в расследовании и подтвердит мои полномочия, или сочтет мое ходатайство дерзким и неприемлемым.

В кабинет вошел краснощекий Ярти, секретарь суда, нагруженный свитками папируса.

— Вот, все это я обработал, пока вас не было! Я продолжаю исполнять свои обязанности?

— Я еще не знаю, что меня ждет, но терпеть не могу, когда документы скапливаются. Пока что я продолжаю ставить на них свою печать. Как поживает ваша дочка?

— У нее начинается корь, к тому же она подралась с каким-то мальчишкой, и он расцарапал ей лицо. Я подал в суд на его родителей. А танцует она все лучше и лучше. Но жена моя... настоящая ведьма!

- Не переставая ворчать, Ярти раскладывал папирусы на полках.
- Я останусь здесь, пока не получу ответа от визиря, — сказал Пазаир.
 - Пойду-ка поброжу вокруг усадьбы Небамона, — объявил нубиец.

Нефрет и Пазаир решили покинуть дом Беранира: нельзя оставаться там, где вас настигло несчастье. И теперь они довольствовались скромным служебным жилищем, половину которого занимал судебный архив. Если их выгонят и оттуда, они вернутся в фиванскую округу.

Нефрет вставала раньше мужа, который часто засиживался за работой по ночам. Приведя себя в порядок, она кормила собаку, осла и зеленую обезьянку. Смельчаку, у которого на лапе была ранка, она накладывала мазь из речного ила, обладающую мощным заживляющим действием.

Молодая женщина водружала свою медицинскую сумку на спину ослу; животное, которое прекрасно ориентировалось на местности, само вело ее по запутанным переулкам квартала, где жили ее пациенты. Плату за лечение она получала продуктами, складывая их в корзину, которую Северный Ветер с большим удовольствием таскал на спине. Бедные и богатые жили здесь вперемежку, роскошные террасы нависали над жалкими домиками из необожженного кирпича, просторные усадьбы, утопающие в садах, соседствовали с узкими

переулками, запруженными людьми и животными. Люди окликали друг друга, торговались, смеялись, но у Нефрет не было времени на досужие разговоры. После трех дней борьбы с неясным исходом ей удалось изгнать злокачественную лихорадку из тела девочки, которой овладели ночные демоны. Маленькая больная уже могла пить молоко, сцеженное кормилицей и хранившееся в сосуде в форме бегемота, сердце ее билось ровно, пульс был нормальным. Нефрет надела на шею девочке цветочное ожерелье, вдела в уши легкие серьги; улыбка пациентки стала для нее лучшим вознаграждением.

Когда она, усталая, вернулась домой, то нашла там беседующих Сути и Пазаира.

— Я встретился с госпожой Тапени, старшей управляющей ткацкой мастерской Мемфиса.

— И каковы результаты?

— Она согласилась мне помочь.

— Это серьезный след?

— Пока не знаю. Такие иглы используют многие.

Пазаир опустил глаза.

— Скажи мне, Сути... Эта госпожа Тапени хороша собой?

— Вполне.

— Ваше первое знакомство было только... дружеским?

— Госпожа Тапени — женщина свободная и не чуждая эмоций.

Нефрет брызнула на себя духами и налила мужчинам выпить.

— Это пиво вполне качественное, — подчеркнул Пазаир, — что вряд ли можно сказать о твоей связи с Тапени.

— Ты имеешь в виду Пантеру? Она поймет, что того требовали интересы следствия.

Сути расцеловал Нефрет в обе щеки.

— Помните оба, что я — герой.

* * *

Денес, богатый и известный судовладелец, любил отдыхать в гостиной своей роскошной усадьбы в Мемфисе. Стены расписаны цветами лотоса; пол выложен разноцветной плиткой, на которой изображены рыбки, плескающиеся в пруду. Десяток корзин, расставленных на столиках, наполнены гранатами и виноградом. Возвратясь из доков, где он следил за отправлением и приходом судов, Денес любил отведать подсоленной простокваши, запивая ее холодной водой в кувшине из обожженной глины. Он лежал на подушках, в то время как служанка делала ему массаж, а личный парикмахер брил его тяжелое квадратное лицо и подравнивал аккуратную седую бородку. Появилась его жена Нанефер, и Денес перервал беседу со слугами; его супруга была женщина полная, импозантная, одетая по последней моде. Три четверти состояния, которым располагала чета, принадлежали ей, а потому во время их частых ссор Денес предпочитал ей уступить.

Но сегодня они не спорили. Денес был не в духе и пускал мимо ушей возбужденные речи Нанефер, которая всячески поносила налоги, жару и мух.

Когда в комнату в сопровождении слуги вошел зубной врач Кадаш, Денес встал и обнял его.

— Пазаир вернулся, — мрачно объявил гость.

У него был низкий лоб, слезящиеся глаза, выступающие скулы и нос в фиолетовых прожилках; из-за плохого кровообращения он постоянно потирал руки. Кадаш был возбужден, его седые волосы разлохматились.

Когда Пазаир вел свое расследование, Кадаш и его друг Денес были у судьи под подозрением и пострадали от его нападок, хотя доказать их виновность не удалось.

— Что произошло? Ведь был официальный рапорт, где говорилось, что Пазаира нет в живых!

— Успокойся, — уговаривал Денес. — Он вернулся, но вряд ли посмеет предпринять что-нибудь против нас. Тюремное заключение подорвало его здоровье.

— Точно ничего не известно, — возразила Нанефер, она наносила на лицо мазь, которую брала из ложки с ручкой, исполненной в виде фигурки негра с руками, связанными за спиной. — Этот судья очень злобный. Он будет мстить.

— Я не боюсь.

— Потому что ты, как всегда, не видишь дальше своего носа!

— Твое положение при дворе дает нам возможность быть в курсе всего, что затевает этот Пазаир.

Госпожа Нанефер, которая очень умело руководила деятельностью группы торговых агентов, продававших египетские товары в другие страны, занимала посты распорядителя по поставкам тканей и инспектора государственной казны.

— Судебная система не принимает в расчет выгоду, — заметила она. — А если он дойдет до визиря?

— Баги — человек твердый, манипулировать им невозможно. Он не пойдет на поводу у амбициозного судейского чиновника, единственная цель которого — устроить скандал и сделать себе на этом карьеру.

Их разговор прервал приход химика Чечи, невысокого человечка, с маленькими черными усиками на верхней губе. Он был до такой степени скрытен, что не размыкал рта по целым дням, двигаясь среди людей, как привидение.

— Я опоздал.

— Пазаир в Мемфисе! — пробормотал Кадаш вместо приветствия.

— Знаю.

— Что думает по этому поводу полководец Ашер?

— Он тоже удивлен. А мы-то радовались, когда пришло известие о смерти этого субъекта.

— Кто его выпустил?

— Полководец не знает.

— Что он намерен предпринять?

— Он со мной не делился.

— А план вооружений?

— Все идет своим чередом.

— Экспедиция состоится?

— Ливиец Адафи занимался подстрекательством возле Библоса, но стражники подавили мятеж в двух поселениях своими силами.

— Значит, фараон по-прежнему доверяет Ашеру.

— Пока виновность не доказана, властитель не может сместить с должности героя, которого сам наградил и назначил руководить группой инструкторов военного корпуса в

Азии.

Госпожа Нанефер надела аметистовое ожерелье.

— Война часто способствует торговле. Если Ашер начнет военную кампанию против Сирии и Ливии, не забудьте предупредить меня. Я поменяю своих контрагентов и хорошо отблагодарю вас.

Чечи поклонился.

— Вы забыли о Пазаире! — возразил Кадаш.

— Один человек против могучей силы — она его раздавит, — снисходительно заметил Денес. — Будем вести себя хитро.

— А если он поймет нашу игру?

— Предоставим действовать Небамону. Наш блестящий лекарь первым попадает под удар, не так ли?

* * *

В своей ванне из розового гранита, куда слуги добавляли ароматизаторы, Небамон совершал по десять горячих омовений ежедневно. Затем он смазывал яички успокаивающей мазью, и боль постепенно уходила.

Чертов павиан, которого водит с собой этот нубиец Кем, почти оторвал ему мужское достоинство. Через два дня после его нападения на нежной коже мошонки появилась целая россыпь прыщиков. Опасаясь нагноения, старший лекарь уединился в одном из своих самых красивых поместий, предварительно отменив операции по пластической хирургии, которые были обещаны стареющим придворным красавицам.

Чем больше он ненавидел Пазаира, тем сильнее желал Нефрет. Она посмеялась над ним, но он не держал на нее зла. Не будь этого жалкого судьи, который стал опасен, потому что оказался безмерно упрям, молодая женщина согласилась бы стать его женой. Небамон не привык проигрывать. И ужасно страдал от нанесенного ему оскорбления.

Его лучшим союзником оставался Монтумес. Ситуация, в которую попал начальник стражи, уничтожив орудие убийства и письмо, заставившее Пазаира кинуться на помощь своему учителю, становилась все более двусмысленной. Тщательное расследование должно выявить, как минимум, его некомпетентность. Но Монтумес, жизнь положивший на то, чтобы с помощью интриг добиться своего поста, отставки не переживет. Следовательно, не все потеряно.

* * *

Полководец Ашер лично руководил подготовкой солдат, которые ждали приказа, чтобы отправиться в Азию. Маленький, с лицом грызуна на выбритом наголо черепе, с короткими ногами и торсом, поросшим жестким черным волосом и пересеченным поперек груди большим шрамом, полководец получал истинное удовольствие, мучая людей, которых он нагрузил мешками с камнями и заставил с этой тяжестью ползать в песке и пыли, защищаясь от вооруженного ножом противника. Победленных он изгонял без всякой жалости. Офицеры не имели никаких преимуществ; они должны были демонстрировать свою

физическую подготовку наравне со всеми.

— Как вам нравятся эти будущие герои, Монтумес?

Начальник стражи стоял укутанный в шерстяной плащ: он не любил утренней прохлады.

— Мои поздравления, полководец.

— Половина этих болванов не способна к воинской службе, да и остальные ничуть не лучше! Наша армия слишком богата и ленива. Мы потеряли вкус к победам.

Монтумес чихнул.

— Вы простыли?

— Заботы, утомление...

— А что насчет судьи Пазаира?

— Ваша помощь была бы очень кстати, полководец.

— В Египте никто не может идти поперек Закона. Если бы мы жили в другой стране, наши руки не были бы так связаны.

— Согласно рапорту, он умер в Азии.

— Обычная бюрократическая ошибка, в которой виноват не я. Процесс, который Пазаир возбудил против меня, ни к чему не привел, и я остался на своем посту. Остальное меня не интересует.

— Вам следовало бы быть осмотрительнее.

— Разве этот ничтожный судья не отстранен от должности?

— Выдвинутые против него обвинения были опровергнуты. Не следует ли нам вместе... поискать какой-то выход?

— Вы страж, я — солдат. Не будем это смешивать.

— Это в наших общих интересах.

— Мой интерес состоит в том, чтобы держаться подальше от этого судьи. Прощайте, Монтумес, меня ждут офицеры.

Гиена пробежала по южной, окраине города, издала свой зловещий крик и спустилась по крутому берегу реки, чтобы напиться. Заплакали испуганные дети, матери поспешно уводили их в дома, захлопывали двери. Никто не осмелился прогнать животное, огромное и уверенное в своей силе. Подойти к нему побоялись даже опытные охотники. Напившись, гиена спокойно вернулась в пустыню.

Все помнили древнее пророчество: если дикие животные будут пить из реки, воцарится несправедливость и счастье уйдет из этих краев.

Народ роптал, и его жалоба, от квартала к кварталу становившаяся все слышнее, достигла ушей Рамсеса Великого. Невидимый заговорил; перевоплотившись в гиену, он порочил правителя в глазах его народа. Провинции, напуганные зловещим предостережением, задумались о законности этой власти.

Фараон будет вынужден действовать.

Нефрет чистила пол в комнате; стоя на коленях и крепко держа за ручку тростниковую щетку, она энергично орудовала ею.

— Ответа от визиря все нет, — сказал Пазаир, сидящий на низкой скамейке.

Нефрет положила голову на колени мужа.

— Зачем ты себя мучаешь? Тревога делает тебя слабым.

— Как Небамон может тебе навредить?

— Но ведь ты же меня защитишь?

Он погладил ее волосы.

— Все, что мне нужно, это быть рядом с тобой. Как это прекрасно! Когда я просыпаюсь рядом с тобой, моя душа наполняется счастьем. Своей любовью ты возвысила меня. Мое сердце полно тобой. Никогда не покидай меня. Когда я гляжу на тебя, другого света мне не нужно.

Их губы слились, нежно, как в первый раз. Этим утром Пазаир спустился в свой рабочий кабинет с большим опозданием.

Нефрет уже собиралась уйти по делам, когда к ней прибежала запыхавшаяся молодая женщина.

— Подождите, прошу вас! — крикнула Силкет, жена крупного чиновника Бел-Трана.

Осел с медицинской сумкой на спине стоял смиренно.

— Мой муж срочно хочет видеть судью Пазаира.

Бел-Тран, производитель и торговец папирусом, обладавший незаурядным талантом управления, был выдвинут сначала на должность главного казначея зерновых складов, а затем помощника распорядителя государственной казны. Он питал дружбу и

признательность к судье Пазаиру, который помогал ему в трудных ситуациях. Силкет, годами намного моложе него, была пациенткой старшего лекаря Небамона, которому удалось сделать черты ее лица тоньше, а бедра — стройнее. Бел-Тран гордился тем обстоятельством, что его женой была одна из красивейших женщин Египта, даже если ради этого ей пришлось лечь под нож хирурга. Светлой кожей и изящными чертами лица Силкет напоминала девочку-подростка с развитыми формами.

— Если он согласится пойти со мной, я отведу его в казначейство, где Бел-Тран примет его, прежде чем отправится в Дельту. Кроме того, мне хотелось бы посоветоваться с вами.

— Вы себя плохо чувствуете?

— Меня мучают ужасные мигрени.

— А что вы едите?

— Признаюсь, я обожаю сладкое. Фиговый сок, например. Очень люблю гранатовый сок, а пирожные и печенье поливаю соком рожкового дерева.

— А овощи?

— Они мне не очень нравятся.

— Больше овощей, меньше сладкого, и ваши мигрени пройдут. А еще я выпишу вам мазь из стеблей тростника, ягод можжевельника и лавра, сосновой смолы и скипидарной камеди, растертых в однородную массу с добавлением жира.

— Мой муж вам хорошо заплатит.

— Как ему будет угодно.

— Не согласились бы вы стать нашим домашним врачом?

— Если мое лечение устраивает вас, то почему бы и нет?

— Мы с мужем будем счастливы. Судья пойдет со мной?

— Надеюсь, вы вернете его в целости и сохранности.

* * *

Чем быстрее и успешнее работал Бел-Тран, тем больше ему доверяли щекотливых и сложных дел. Его великолепная память на цифры и способность считать с головокружительной скоростью делали его незаменимым. Несколько недель спустя после его назначения в высшее руководство государственной казны Бел-Тран стал ближайшим помощником распорядителя Дома золота и серебра, входившего в ведомство государственных финансов. Похвалы в его адрес лились рекой: четкий, быстрый, методичный, ревностный трудяга, он мало спал, первым появлялся на службе в казначействе, а уходил всегда последним. Некоторые предрекали ему стремительный карьерный рост.

Когда его жена и Пазаир вошли в дом, Бел-Тран диктовал писцам служебные письма. Мужчины дружески обнялись, Бел-Тран отослал писцов и попросил жену приготовить ему завтрак посытнее.

— У нас есть повар, но в отношении качества продуктов с Силкет лучше не спорить. Ее мнение — решающее.

— Вы кажетесь очень занятым.

— Я и не думал, что моя новая работа будет такой увлекательной. Но поговорим о вас!

Черные волосы, уложенные с помощью ароматизированного желе, массивное

телосложение, пухлые руки и ноги — таков был Бел-Тран. Он быстро говорил и все время двигался. Его мозг постоянно обдумывал добрый десяток планов и решал множество проблем; казалось, он не может позволить себе ни минуты отдыха.

— Вы пережили настоящее испытание. Я узнал обо всем слишком поздно и не смог вмешаться.

— Я вас не упрекаю. Из этой истории меня мог вытащить только Сути.

— Кто главные виновники, на ваш взгляд?

— Старший судья, Монтумес и Небамон.

— Старший судья должен будет подать в отставку. Случай с Монтумесом посложнее; он будет клясться, что его ввели в заблуждение. Что же до Небамона, то он пока отсиживается в своем поместье, но это не такой человек, чтобы отказаться от своих планов. А вы не забыли о полководце Ашере? Он вас ненавидит. Своим расследованием вы чуть не погубили его репутацию; но он все так же могуществен, его влияние ничуть не уменьшилось. Не кажется ли вам, что это он манипулирует остальными, как куклами?

— Я написал визирю просьбу разрешить продолжить следствие.

— Прекрасная мысль.

— Я верю в него. Баги не потерпит, чтобы справедливость так попиралась. Нападая на вас, ваши враги столкнутся с ним.

— Даже если он не даст мне самому вести следствие, даже если я больше не буду судьей, я узнаю, кто убил Беранира. Я чувствую себя ответственным за его гибель.

— Вы преувеличиваете.

— Я был слишком болтлив.

— Не мучайте себя.

— Обвинить меня в смерти учителя — это самый жестокий удар, какой только можно было мне нанести.

— Но они проиграли, Пазаир! Я хотел вас видеть для того, чтобы выразить вам свою поддержку. Какие бы испытания ни предстояли, я с вами. Не хотите ли вы переехать, поселиться в жилище попросторнее?

— Я дождусь ответа визиря.

* * *

Кем был начеку всегда, даже во сне. От детских и отроческих лет, проведенных в далеких нубийских краях, в нем сохранился инстинкт охотника. Сколько его товарищей, слишком уверенных в себе, погибли в пустыне от когтей и клыков льва?

Нубиец внезапно проснулся и принялся ощупывать свой деревянный нос; иногда ему снилось, что этот мертвый материал вдруг превращается в живую, теплую плоть. Но момент оказался неподходящим для мечтаний: по лестнице кто-то поднимался. Павиан тоже открыл глаза. Кем жил окруженный оружием — луками, саблями, кинжалами и щитами; в одно мгновение он оказался вооружен, а в его жилище уже ломились двое стражников. Нубиец уложил первого, павиан — второго; однако на смену первым уже подходили еще человек двадцать.

— Спрячься! — приказал Кем своей обезьяне.

Павиан бросил ему взгляд, в котором досада смешивалась с обещанием отомстить,

вылез в окно, спрыгнул на крышу соседнего дома и исчез.

Кем боролся яростно, совладать с ним было трудно; но когда вошел Монтумес, он уже лежал на спине, связанный по рукам и ногам.

Начальник стражи лично надел на его запястья еще одни путы.

— Наконец-то, — произнес он, улыбаясь, — мы поймали убийцу.

* * *

Пантера дробила осколки сапфира, изумруда, топаза и красного железняка, просеивала полученную пудру через сито из тонких волокон тростника. Потом высыпала ее в котелок и зажгла под ним огонь из щепок смоковницы. Затем добавила в его содержимое немного скипидарной смолы, чтобы получилась идеальная мазь, которой она придала форму конуса; ею она будет смазывать парики и закреплять прически, а также придавать приятный запах телу.

Сути застал светловолосую ливийку в тот момент, когда она рассматривала уже готовую смесь.

— Ты обходишься мне недешево, чертовка, а я еще не научился зарабатывать деньги. Теперь я даже не могу продать тебя в рабство.

— Ты переспал с египтянкой.

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую. Тебя выдает запах.

— Пазаир поручил мне одно деликатное дельце.

— Пазаир, вечно этот Пазаир! Он приказал тебе изменить мне?

— Я общался с одной замечательной женщиной, она служит в самой крупной ткацкой мастерской нашего города.

— И что же в ней такого... замечательного? Грудь, задница или передок?

— Фу, как грубо.

Пантера бросилась на своего любовника с такой яростью, что он оказался прижатым к стене и не мог перевести дыхание.

— В твоей стране супружеская измена считается преступлением, не так ли?

— Мы не женаты.

— Женаты, если живем под одной крышей!

— Если принять в расчет твое происхождение, нам нужно свидетельство о браке, а я терпеть не могу эти бюрократические шуки.

— Если ты не прекратишь эту связь немедленно, я убью тебя.

Сути развернулся, и теперь уже ливийка оказалась прижатой к стене.

— Послушай меня внимательно, Пантера. Никто и никогда не указывал, как мне жить и что делать. Если я должен буду жениться на ком-то другом, чтобы исполнить свой долг друга, я сделаю это. Или ты это усвоишь, или уходи.

Ее глаза расширились, но из них не вытекло ни одной слезинки. Она убьет его, это решено.

* * *

Судья Пазаир, сидя в своем кабинете, готовился написать второе послание визирю — так же красиво выполненное, — где он постарается еще лучше разъяснить ему серьезность изложенных фактов и побудить срочно вмешаться в качестве высшей судебной инстанции Египта. Но в этот момент дверь отворилась и на пороге появился начальник стражи.

Монтумес изобразил на лице веселую мину:

— Судья Пазаир, вы должны меня похвалить!

— За что?

— Я арестовал убийцу Беранира.

Продолжая сидеть, Пазаир внимательно всматривался в лицо Монтумеса.

— Не смешите меня, сейчас не время для шуток.

— А я и не шучу.

— И кто же это?

— Кем, ваш полицейский-нубиец.

— Это несерьезно.

— Этот человек — настоящее животное! Вспомните его прошлое. Ему уже случалось убивать.

— Ваши обвинения весьма серьезны. Какими доказательствами вы располагаете?

— У нас есть свидетель.

— Пусть он явится в суд.

Монтумес слегка смутился.

— К сожалению, это невозможно и, главное, не нужно.

— Не нужно?

— Процесс уже состоялся, и справедливость восторжествовала.

Ничего не понимая, Пазаир встал.

— У меня есть документ, подписанный старшим судьей.

Судья стал читать папирус. Приговоренный к смерти Кем был заключен в карцер в большой тюрьме.

— Но здесь нет имени свидетеля.

— Это неважно... Он видел, как Кем убивал Беранира, и подтвердил свои показания под присягой.

— Кто это?

— Забудьте о нем. Убийца будет наказан, и это главное.

— Вам не хватает здравого смысла, Монтумес. Раньше вы бы не посмели предъявить мне подобную фальшивку.

— Я не понимаю...

— Вы осудили обвиняемого в его отсутствие. Это незаконно, и, следовательно, вся процедура теряет смысл.

— Я нашел виновника убийства, а вы толкуете мне о методах судопроизводства!

— Не судопроизводства, а Закона, — поправил Пазаир.

— Будьте благоразумны, в конце концов! Такими пустяками можно пренебречь.

— Виновность Кема не установлена.

— Какая разница. Кому нужен негр-преступник и к тому же урод?

Только лишь мысль о том, что он облечен высоким судебским званием, которое нельзя компрометировать, удержала Пазаира от резкости.

— Я знаю жизнь лучше вас, — продолжал Монтумес. — Иногда жертвы бывают

необходимы. Ваша должность обязывает вас думать, прежде всего, о царстве, о его благополучии и безопасности.

— Разве Кем мог навредить им?

— Есть вещи, о которых лучше не говорить ни вам, ни мне. Осирис примет Беранира в царство праведников, а преступление будет наказано. Вам этого мало?

— Мне нужна правда, Монтумес.

— Это иллюзии!

— Без нее Египет погибнет.

— Это вы погибнете, Пазаир.

* * *

Кем не боялся смерти, но очень страдал без своей обезьяны. Они так давно были вместе, что стали почти как братья; но сейчас нубиец не мог, встретившись с ним взглядом, почувствовать, что они думают одинаково. И все же он был рад, что его товарищ на свободе. Самого Кема бросили в какой-то подвал с низким потолком и удушающей жарой. Никакого суда, скорый приговор и его немедленное исполнение: на этот раз ему не выкрутиться. Пазаир не успеет вмешаться, и ему останется лишь оплакивать гибель нубийца, которую Монтумес преподнесет как несчастный случай.

Кем не испытывал никакого уважения к роду людскому. Он считал людей существами развратными, подлыми и неискренними, годными лишь на то, чтобы служить кормом чудовищу, которое после загробного суда пожирает проклятых. Одной из немногих удач в своей жизни он считал знакомство с Пазаиром; всем своим поведением судья утверждал существование справедливости, в которую Кем уже очень давно не верил. Вместе с Нефрет, его подругой на вечные времена, Пазаир ввязался в заведомо проигранное сражение, нимало не заботясь о собственной судьбе. И нубийцу очень хотелось пройти рядом с судьей этот путь до конца, вплоть до финального краха, когда, как оно обычно и бывает в жизни, ложь одержит над ними окончательную победу.

Дверь камеры открылась.

Нубиец поднялся и выпятил грудь. Он не хотел предстать перед палачом сломленным человеком. Он решительно вышел из своей камеры, отстраняя протянутую к нему руку. Солнце ослепило его, и он не верил своим глазам.

— Этого не может...

Пазаир разрезал веревку, связывавшую запястья Кема.

— Я аннулировал ваше обвинение, поскольку оно составлено со множеством нарушений. Вы свободны.

Великан обнял судью так крепко, что чуть не задушил его.

— У вас и без меня полно неприятностей. Вы должны были оставить меня в этом каменном мешке.

— Тюрьма подействовала на ваши умственные способности?

— А где моя обезьяна?

— Скрывается.

— Она вернется.

— Она тоже оправдана. Старший судья признал мой протест обоснованным и отменил

решение начальника стражи.

— Я сверну Монтумесу шею.

— В этом случае вы окажетесь виновны в убийстве. Нам и без этого есть чем заняться, например, отыскать этого таинственного свидетеля, из-за которого вас арестовали.

Нубиец поднял к небу сжатые кулаки.

— А вот уж это предоставьте мне!

Судья не ответил. Когда Кем снова увидел свой лук, стрелы, дубинку и деревянный щит, обтянутый бычьей кожей, им овладела буйная радость.

— Мой павиан — убийца, — заключил он, смеясь. — И никакой закон ему не указ.

* * *

Стоя перед разграбленным саркофагом Хеопса, Рамсес Великий поклонился ему. Горло его сжалось, грудь болела: он, самый могущественный человек в мире, стал заложником банды убийц и воров. Овладев священными инсигниями царства, лишив его государственного достоинства, данного богами, они делали нелегитимной его власть, подталкивая к отречению. Рано или поздно, он вынужден будет это сделать, отдав трон интригану, который разрушит царство, созданное усилиями стольких династий.

Преступники атаковали не только его лично. Они покусились на образ правления и традиционные ценности, воплощением которых он является. И если среди этих негодяев были египтяне, то они действовали не в одиночку; на этот пагубный шаг их толкали ливийцы, хетты или сирийцы, преследовавшие цель, обрушив Египет с его пьедестала, открыть страну чуждым влияниям вплоть до потери самобытности и независимости.

От фараона к фараону завешание богов передавалось и сохранялось в неприкосновенности. Но сегодня оно оказалось в нечистых руках, и толковать его пытались порочные сердца. Долгое время Рамсес надеялся, что небо возьмет его под свое покровительство и народ не узнает трагической правды, пока он не найдет выхода.

Однако звезда великого монарха начала закатываться.

Следующего разлива Нила будет недостаточно. Конечно, государственные запасы зерна дадут наиболее пострадавшим провинциям возможность выжить, и ни один египтянин не умрет с голоду. Но крестьянам придется покинуть свои поля, и в народе пойдет ропот о том, что правитель более не в состоянии отвести беду, если только он не устроит праздник возрождения, во время которого боги и богини вдохнут в него новую силу. Силу, присущую хранителю завешания, узаконивающего его правление.

Рамсес Великий воззвал к свету, сыном которого он был. Он не сдастся без боя.

Крепко зажав в руке деревянную ручку своей бритвы, брадобрей скоблил ее лезвием щеки, подбородок и шею судьи Пазаира, сидевшего на табуретке у порога своего дома. Рядом стоял невозмутимо наблюдавший за этой сценой Северный Ветер, между ног которого спал Смельчак.

- По обычаю своих собратьев, парикмахер болтал без умолку.
- Если вы наводите такую красоту, значит, вас пригласили во дворец.
- От вас ничего не скроешь.

Судья умолчал о том, что только что получил краткий ответ от визиря, который вызвал его к себе этим прекрасным летним утром и просил не мешкать с приходом.

- Вы получили новое назначение?
- Вряд ли.
- Да помогут вам боги! Ведь справедливый судья — их лучший помощник.
- Да, это мне не помешает.

Брадобрей окунул бритву в чашу на ножке, наполненную водой, куда была добавлена сода. Отстранившись от клиента, он оценил свою работу и аккуратно срезал несколько непокорных волосков на подбородке.

— В последние дни посланники фараона распространяют любопытные декреты; зачем Рамсес Великий постоянно повторяет, что он — единственная защита от несчастий и катастроф? Все и так это знают. И, в общем-то, никто... Поговаривают, однако, что его могущество клонится к закату. Гиена, что приходила напиться из реки, плохой урожай, дожди, обрушившиеся на Дельту в это время года... Это все серьезные признаки того, что боги недовольны. Некоторые считают, что Рамсесу следовало бы устроить праздник возрождения, чтобы вернуть свою магическую власть во всей полноте. Какое хорошее времечко! Пятнадцать дней отдыха, раздача еды, пиво от пуза, танцы на улицах... Пока царь, запершись в храме, будет сидеть там наедине с богами, мы славно развлечемся!

Царские декреты заинтриговали и Пазаира. Кто тот неведомый противник, который напугал Рамсеса? У него было ощущение, будто монарх держит оборону против врага — видимого или невидимого, во всяком случае неназванного, — который на него нападает. В Египте между тем было спокойно; никаких признаков нестабильности, если не считать этого таинственного заговора, чьи планы он нарушил, пусть и случайно. Но какая связь между кражей небесного железа и опасностью, грозившей трону?

Остается еще полководец Ашер, как утверждает Сути, предатель и союзник азиатов, никогда не оставлявших надежды завоевать Египет, страну несметных богатств. Даже если он займет один из высших постов в военном командовании, посмеет ли он поднять войска против царя? Это казалось маловероятным. Изменник заботился больше о собственной выгоде, чем о тяготах правления, которого он не в состоянии будет обеспечить.

С момента гибели его учителя Беранира Пазаир как бы утратил ориентиры. Его мысли работала вхолостую, он чувствовал себя связанным по рукам и ногам. Собрав целое досье против полководца Ашера и его вероятных сообщников, он, тем не менее, не видел перспективы, его неотступно преследовало страдальческое лицо так чтимого им человека, жизнь которого оборвалась.

- Вы выглядите великолепно, — оценил парикмахер. — Будете во дворце, замолвите

обо мне хоть словечко; мне бы хотелось обслуживать благородных господ.

Судья кивнул.

Теперь мужа оглядела Нефрет. Волосы подкрашены, тело вымыто и умощено благовониями, набедренная повязка безупречной белизны — она осталась довольна.

— Ты готов?

— Уже пора. У меня испуганный вид?

— Снаружи — нет.

— В письме визиря не было ничего, что бы меня подбодрило.

— Не рассчитывай на его доброжелательное отношение, меньше будет разочарований.

— Если он лишит меня судейского звания, я все же потребую продолжения расследования.

— Да, мы не должны оставлять безнаказанным убийство Беранира.

От ее улыбающегося лица исходило ощущение твердости, и это его успокоило.

* * *

Все в тяжелых париках, длинных белых плиссированных одеждах, на высоте пупка украшенных узлом из ткани, девять друзей фараона собрались утром по просьбе визиря Баги. После довольно бурных дебатов участники совещания пришли к единому мнению. Хранитель Закона, начальник казны, смотритель каналов и водоемов, старший над царскими писцами, управитель земельных угодий, начальник тайной службы, писец кадастра и распорядитель в царском доме, обменявшись мнениями, приняли удивительное предложение визиря, поначалу показавшееся им невыполнимым и даже опасным. Но поскольку ситуация не терпела отлагательств и принимала драматический оборот, их решение оказалось скорым и необычным.

Когда было объявлено о приходе Пазаира, девять мужчин собрались на аудиенцию в большом зале с голыми белыми стенами и расселись на каменных скамьях по обе стороны от Баги, занявшего кресло с низкой спинкой. У него на шее висело внушительного вида сердце из меди, единственное ритуальное украшение, которое он себе позволял. У подножия кресла, как символ укрощенной силы, расстилалась шкура пантеры.

Судья Пазаир поклонился высокому собранию и преклонил колени. Ледяное выражение на лицах присутствующих не предвещало ничего хорошего.

— Встаньте, — приказал Баги.

Пазаир остался стоять напротив визиря. Чувствовать на себе эти жесткие взгляды было тяжелым испытанием.

— Судья Пазаир, вы согласны, что только исполнение Закона способно обеспечить процветание страны?

— Это мое глубочайшее убеждение.

— Если же мы не руководствуемся Законом, перестаем его уважать, считая лживым, то бунтовщики поднимут головы, начнет свирепствовать голод, и воцарятся демоны. С этим вы тоже согласны?

— Ваши слова — чистая правда.

— Я получил оба ваши письма, судья Пазаир, и сообщил их содержание высокому совету, чтобы каждый из его членов смог вынести собственное суждение о вашем поведении.

Считаете ли вы, что честно исполняли ваш долг?

— Я не отступил от него ни в чем. Плоть моя страдала, на губах моих был вкус отчаяния и смерти, но все это так ничтожно по сравнению с тем тяжким оскорблением, которое было нанесено делу справедливости. Мое звание судьи оказалось запачкано и помято.

— Если вы узнаете, что верховный страж Монтумес и старший судья царского портика были назначены на свои должности этим собранием и при моем согласии, вы снова будете настаивать на ваших обвинениях?

Пазаир сглотнул слюну. Он зашел слишком далеко. Даже вооружившись истиной и имея на руках неопровержимые доказательства, простой судья не должен был покушаться на столь важных персон. Визирь и его совет, безусловно, примут сторону своих назначенцев.

— Чем бы это мне ни грозило, я настаиваю на высказанных обвинениях. Я был сослан несправедливо, верховный страж не предпринял никаких серьезных проверок, старший судья предпочел ложь правде. Они стремились отстранить меня от дел, чтобы положить конец расследованию по поводу убийства Беранира, таинственной смерти ветеранов и исчезновения небесного железа. Вы, девять друзей фараона, выслушав правду, не забываете ее. Разложение и порча покинули свое логово и уже заразили часть государства, и если большие органы не будут отсечены, болезнь овладеет всем телом.

Не опуская глаз, Пазаир выдержал взгляд визиря: немного было людей, способных на это.

— Спешка и прямолинейность могут сбить с правильного пути даже опытных судей, — подчеркнул Баги. — Из этих двух дорог какую выберете вы — преуспеть в жизни или служить справедливости?

— Почему вы противопоставляете эти вещи?

— Потому что человеческое существование плохо сочетается с Законом Маат.

— Моя жизнь подчинена Закону, я давал клятву.

Визирь выдержал долгую паузу. Пазаир понял, что сейчас он выслушает приговор, не подлежащий обжалованию.

— Хранитель Закона, распорядитель царского дома и я, рассмотрев факты и опросив свидетелей, пришли к общему выводу. Старший судья портика действительно совершил грубые ошибки. Оценив его возраст, опыт и заслуги перед Законом, мы приговариваем его к ссылке в оазис Харга, где он окончит свои дни в одиночестве и размышлениях. В долину он не вернется никогда. Вы удовлетворены?

— Почему я должен радоваться падению старого судьи?

— Выносить приговор — это наш долг.

— Продолжать следствие тоже.

— Я поручаю его новому старшему судье. Вам, Пазаир.

Судья побледнел.

— Мой молодой возраст...

— Должность старшего судьи вовсе не обязательно предполагает определенный возраст. Важна компетентность, а присутствующие здесь признают за вами это достоинство. Вы так боитесь груза ответственности, что готовы отказаться от должности?

— Просто я не ожидал...

— Судьба выносит свои решения неожиданно для нас, подобно крокодилу, устремившемуся к реке. Ваш ответ?

Пазаир поднял сомкнутые руки в знак уважения и согласия и поклонился.

— Старший судья царского портика, — произнес Баги, — у вас нет никаких прав. Но есть тяжелый груз обязанностей. Пусть Тот направляет ваши мысли и руководит вашими делами, ибо только бог способен удержать человека от мерзостей. Помните о вашем звании, гордитесь им, но не впадайте в тщеславие. Ставьте ваше достоинство выше мнения толпы, будьте молчаливы и служите людям. В своем деле не выпускайте из рук поводьев, оставайтесь опорой правосудию, цените добро и презирайте зло. Не будьте ни легковесны, ни переменчивы, пусть уста ваши никогда не лгут, а сердце не знает алчности. Старайтесь проникнуть в души людей, которых судите, и пусть вам поможет в этом небесный свет, взгляд божественного Ра.

Пазаир внимательно слушал.

— Вот ваш перстень с печатью, которую вы будете ставить на свои документы. С этого дня вы будете размещаться у врат храма, где станете править суд и защищать слабых. Вы должны заставить уважать закон в Мемфисе. Следите за тем, чтобы налоги собирались должным образом, чтобы полевые работы шли своим ходом, а необходимые товары поставлялись вовремя. В случае необходимости вы будете участвовать в заседаниях верховного суда. В любых ситуациях не довольствуйтесь тем, что услышите, но старайтесь проникнуть в суть событий.

— Если вы желаете, чтобы правосудие торжествовало, что вы решаете в отношении верховного стража Монтумеса, чьи плутни и коварство абсолютно непростительны?

— Я хочу, чтобы ваше расследование уточнило характер его проступков.

— Я обещаю сохранять хладнокровие и внимательно во всем разобраться.

Хранитель Закона поднялся.

— Я утверждаю решение визиря от имени совета. Начиная с этого момента старший судья Пазаир вступает в должность и будет признан всем Египтом. Он получает в свое распоряжение жилище, необходимое имущество, слуг, помещения и служащих.

Следующим поднялся начальник государственной казны, которую в стране именовали «Два белых дома».

— В соответствии с законом старший судья признается ответственным за принятые им несправедливые решения. И если в этом случае обиженному им полагается возмещение ущерба, то судья должен сделать это из собственных средств и не брать денег в государственной казне.

Внезапно с кресла, где сидел визирь, донесся стон.

Все обернулись. Прижав руку к правому боку, визирь вцепился в спинку стула, тщетно пытаясь удержаться. И вдруг, лишившись чувств, упал на пол.

* * *

При виде Пазаира — с потным лбом и тоской в глазах — Нефрет решила, что он сбежал из дворца.

— Визирю плохо.

— К нему пригласили старшего лекаря?

— Небамон нездоров. А из его помощников никто не осмеливается вмешаться без его разрешения.

Молодая женщина взяла наручные часы, закрепила их на запястье и поставила

медицинскую сумку на спину ослу. Северный Ветер сразу взял правильное направление.

Баги лежал, обложенный подушками.

Нефрет послушала, как работает его сердце в груди, в венах и артериях, и различила два внутренних потока. Один согревал правую часть тела, второй охлаждал левую. Болезнь таилась в глубине и затронула весь организм. С помощью наручных водяных часов она посчитала пульс и время его резонанса с другими органами.

Придворные с тревогой ждали, когда она объявит диагноз.

— Этот недуг мне знаком, и я умею его лечить, — сказала Нефрет. — Затронута печень, наблюдается пониженная проходимость воротной вены. Печеночные артерии и канал желчного протока, соединяющие сердце с печенью, в плохом состоянии. Они дают недостаточно воды и кислорода, из-за чего кровь становится слишком густой.

Нефрет дала больному выпить цикория, выращенного в храмовых садах. Это растение с крупными голубыми цветами, которые закрываются в полдень, обладает многими лечебными свойствами; если его в небольшом количестве добавить к выдержанному вину, то оно дает облегчение при множестве заболеваний печени и желчного пузыря. Врач приложила магнит к больному органу; визирь пришел в себя. Он был очень бледен, его вырвало.

Нефрет велела ему выпить подряд несколько кубков цикория, пока организм не перестанет его отторгать; наконец тело больного очистилось.

— Печень очищена и промыта, — констатировала она.

— Кто вы? — спросил Баги.

— Целительница Нефрет, жена судьи Пазаира. Вам надо следить за питанием, — произнесла она спокойно, — и каждый день пить цикорий. Чтобы избежать более серьезной закупорки сосудов, которая может вас убить, вы будете принимать микстуру, куда входят фи́га, виноград, рубленые плоды смоковницы, зерна бриония, камедь и смола. Я сама приготавливаю вам эту смесь. А в нее надо добавлять росу и фильтровать рано утром.

— Вы спасли мне жизнь.

— Я сделала то, что должна была, и нам повезло.

— Где вы практикуете?

— В Мемфисе.

Визирь поднялся. Несмотря на тяжесть в ногах и сильную мигрень, он смог сделать несколько шагов.

— Вам необходим отдых, — добавила Нефрет, помогая ему сесть. — Небамон...

— Лечить меня будете вы.

* * *

Неделю спустя визирь Баги, полностью оправившись от болезни, передал новому старшему судье царского портика известняковую стелу с выгравированными на ней тремя парами ушей: первая — темно-синяя, вторая — желтая и третья — бледно-зеленая. Они символизировали небо из лазурита, где светят звезды мудрых, золото, являющееся плотью богов, и бирюзу, означавшую любовь. Таким образом были обозначены обязанности главного судьи Мемфиса: выслушивать обиженных, уважать волю богов, быть доброжелательным, но не слабым.

Умение слушать — для судьи самое важное, эта способность составляет главную добродетель служителя истины. Пазаир, серьезный и собранный, принял стелу и поднял ее, повернувшись лицом к судьям большого города, которые собрались, чтобы приветствовать его назначение.

Нефрет плакала от радости.

Отведенное главному судье жилье привело молодых супругов в восторг. Оно располагалось в центре застроенного небольшими двухэтажными белыми домиками скромного квартала, где селились ремесленники и мелкие чиновники. Жилище было новое, отделанное всего несколько дней назад и предназначенное для какого-то сановника, которому оно, должно быть, не понравилось. Вытянутое в длину, под плоской крышей, оно состояло из восьми комнат со стенами, расписанными яркими птицами, резвящимися в зарослях папируса.

Входя в свой новый дом, Пазаир ощутил некоторую робость. Он потоптался на заднем дворе, где откармливали гусей; птицы плескались в небольшом водоеме с голубыми лотосами. Рядом в шалаше крепко спали двое мальчишек, нанятые, чтобы подсыпать гусям зерно. Новый хозяин усадьбы не стал их будить. Нефрет тоже наслаждалась окружающей роскошью. Она любовалась жирной землей, кишачей червями, обогащавшими ее кислородом и своими испражнениями — лучшим удобрением для зерновых культур. Крестьяне очень ценили дождевых червей, поскольку они гарантировали плодородие почвы.

Смелчак первым отважился вступить в великолепный сад и тут же начал резвиться. Его примеру последовал и Северный Ветер. Осел растянулся под гранатовым деревом — самым красивым растением, на котором каждый опадающий цветок моментально сменялся новым. Пес же предпочел смоковницу, чья трепещущая листва источала медовый аромат. Нефрет гладила тонкие ветви и зрелые плоды, красные и бирюзовые; она увлекла мужа в тень раскидистого дерева, под полог шатра, достойного богов. В восхищении рассматривали они аллею фиговых деревьев, завезенных из Сирии, и камышовую беседку, где так приятно будет любоваться заходом солнца.

Но их блаженство длилось недолго; Проказница, маленькая зеленая обезьянка Нефрет, вскрикнула от боли, прыгнула на руки к хозяйке и протянула ей лапку, в которую вонзился шип от акации. К ране следовало отнестись со всей серьезностью; если под кожей долго находится посторонний предмет, то он может вызвать внутреннее кровотечение, которое будет трудно распознать. Безо всяких приказаний осел встал и подошел поближе. Нефрет достала из сумки скальпель, с величайшей осторожностью вытащила занозу и смазала рану мазью, в состав которой входили мед, горькая тыква, стертые в муку кости каракатицы и дробленая кора смоковницы. Если рана все же воспалится, то надо будет попробовать сернистый мышьяк. Однако Проказница не производила впечатления пострадавшей — избавившись от занозы, она тут же вскарабкалась на финиковую пальму и принялась искать спелые плоды.

— Давай все же войдем, — предложила Нефрет.

— Да, дело серьезное.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Мы с тобой женаты, но до сих пор у нас ничего не было. А теперь ситуация меняется.

— Тебя это удручает?

— Не забывайте, доктор, что это я вырвал вас из привычной обстановки.

— Мне кажется, что все было не совсем так; разве не я первой обратила на тебя внимание?

— Мы должны были сидеть рядышком, окруженные толпой родственников и друзей,

которые вносили бы сюда новые стулья, сундуки с одеждой, вазы, предметы туалета, обувь и бог знает что еще. Ты должна была прибыть на церемонию в паланкине, парадно одетая, под звуки флейт и тамбуринов.

— Мне больше нравится, когда мы с тобой вдвоем, в тишине и без всякой пышности.

— Как только мы переступим порог этого дома, на нас ляжет дополнительная ответственность. Чиновные иерархи упрекнут меня за то, что мы не составили брачный контракт, который бы обеспечивал твоё будущее.

— Ты говоришь это серьезно?

— Этого требует закон. Я, Пазаир, передаю все своё состояние тебе, Нефрет, сохраняющей своё имя. Раз мы решили жить вместе, под одной крышей, как муж и жена, я должен взять на себя обязательство обеспечить тебя в случае нашего развода. Начиная с этого дня треть всего, что мы заработаем, официально принадлежит тебе; кроме того, я должен кормить и одевать тебя. Остальное решит суд.

— Хочу признаться господину старшему судье царского портика, что я безумно влюблена в одного мужчину и твердо намерена оставаться с ним всю жизнь, до последнего вздоха.

— Может быть, однако закон...

— Замолчи, и войдем, наконец.

— Сначала одно уточнение: это я безумно влюблен в тебя.

Обнявшись, они переступили порог своей новой жизни.

В первой комнате, низкой и маленькой, предназначенной для отправления поминальных служб, они оставались долго, воздавая почести душе Беранира, их убитого наставника. Потом осмотрели гостиную, спальню, кухню, туалет с канализационными стоками из терракоты и кабинет, где стояло кресло из известняка.

Ванная комната была восхитительна. Вдоль стен, под углом друг к другу, стояли две кирпичные скамьи. Если тот, кто принимал ванну, хотел принять и душ, то его поливали водой слуги и служанки. Кирпичные стены были выложены известняковой плиткой, чтобы в помещении не скапливалась сырость. Легкий наклон пола в сторону канализационного отверстия, от которого вниз, глубоко под землей, вели трубы из обожженной глины, давал возможность воде стекать свободно. Хорошо проветриваемая спальня была снабжена москитной сеткой, спускавшейся с потолка на большую кровать из эбенового дерева с ножками в виде львиных лап, а на спинках кровати были изображения смеющегося бога Бэса, призванного охранять спящих, посылая им счастливые сны. Потрясенный Пазаир не хотел вставать с великолепного матраса, сплетенного из растительных волокон. Основа кровати, на которой покоился матрас, была сделана так искусно, что могла выдержать любой вес спящих в течение долгих лет, оставаясь все такой же удобной.

В изголовье кровати висело белое льняное платье, свадебный наряд, который в конце жизни египтянки мог служить для нее саваном.

— Я и не предполагал, что когда-нибудь мне доведется проспать хотя бы одну ночь в такой кровати.

— Так чего же мы ждем? — спросила Нефрет задорно.

Она сняла с кровати дорогое покрывало, освободилась от платья и легла, счастливая принять в свои объятия тело мужа.

— Этот сладостный момент я не забуду никогда — своим взглядом ты превращаешь его в вечность. Не отстраняйся от меня, я принадлежу тебе как сад, который ты наполнишь

цветами и прекрасным ароматом. Когда мы сливаемся в одно целое, смерти больше нет.

* * *

Однако уже на следующее утро Пазаир с сожалением вспомнил о своем маленьком домике, где он поселился начинающим судьей, и понял, почему визирь Баги довольствовался скромным жильем в центре города. Да, кругом было множество щеток и метелок из тростника, облегчавших уборку помещения, но ведь нужны были еще и руки, опытные в этих делах. Ни у него, ни у Нефрет на это не было времени, а о том, чтобы попросить садовника или птичника убратся в комнатах, и речь не шла: они умели делать только свое дело. О том, чтобы нанять домашнюю работницу, никто не подумал.

Нефрет, сопровождаемая Северным Ветром, отправилась во дворец рано утром. Визирь хотел проконсультироваться с ней еще до своей первой аудиенции. Не имея под рукой ни секретаря суда, ни слуг, ни обустроенного кабинета, новый старший судья, оставшись наедине со своими обширными обязанностями, растерялся. Как правы мудрецы, называвшие жену «хозяйкой дома»!

Садовник посоветовал ему женщину лет пятидесяти, помогавшую по хозяйству в домах, терпящих бедствие; за шесть дней работы она потребовала, ни мало ни много, восемь коз и два новых платья! Вконец измученный, уверенный в том, что подрывает свой семейный бюджет, старший судья был вынужден согласиться. Пока не вернулась Нефрет, он пребывал в большом затруднении.

* * *

Сути оторопело вытаращил глаза и пощупал стены.

— Похоже, они настоящие.

— Постройка недавняя, но хорошего качества.

— Я считал себя самым большим шутником в Египте, но ты обошел меня на тысячу локтей. Откуда у тебя этот дворец?

— Жилье государство предоставило.

— Ты снова утверждаешь, что назначен новым старшим судьей?

— Если не веришь мне, послушай Нефрет.

— Она с тобой заодно.

— Наведайся во дворец.

Сути начал сдаваться.

— Кто тебя назначил?

— Девять друзей фараона с визирем по главе.

— Этот старый хрен Баги отправил в отставку твоего предшественника, одного из своих уважаемых коллег с безупречной репутацией?

— Оказалось, что его есть в чем упрекнуть. Баги и высокий совет решили по справедливости.

— Чудо, сон...

— Они прислушались к моему ходатайству.

— А почему они назначили тебя на такой важный пост?

— Я тоже думал об этом.

— Ну и какие выводы?

— Предположим, что часть членов совета убеждена в виновности полководца Ашера, а остальные — нет; разве не остроумно поручить такое опасное расследование человеку, который заварил всю эту кашу? Когда все прояснится — так или иначе, — меня можно будет или поздравить, или наказать.

— Ты не так глуп, как кажешься.

— Их решение не удивляет меня, оно соответствует духу египетского правосудия. В противном случае я бы выглядел провокатором. Мне не на что жаловаться. У меня появились возможности, о которых я и не мечтал. Душа Беранира поддержит меня.

— Не очень-то рассчитывай на мертвых. Мы с Кемом окажем тебе более действенную помощь.

— Ты думаешь, мне что-то угрожает?

— Ты сильно подставился. Старший судья, как правило, человек в возрасте, осторожный, не склонный рисковать, зато готовый всю пользоваться своими привилегиями. Полная противоположность тебе.

— Что я могу сделать? Так получилось.

— Из нас двоих я менее сумасшедший, но мне это нравится. Ты арестуешь убийцу Беранира, а я преподнесу тебе голову Ашера.

— Рассчитываешь на госпожу Тапени?

— Великолепная любовница! Я не сравниваю ее с Пантерой, но она очень изобретательна! Вчера вечером в самый ответственный момент мы свалились с постели. Другая женщина, как минимум, взяла бы паузу, но только не она. Мне пришлось соответствовать, хотя я и оказался внизу.

— Выражаю тебе свое восхищение. А чем-нибудь еще она тебя обогатила?

— Ты ничего не понимаешь в этих делах. Если я начну задавать ей вопросы в лоб, она закроется, как чудоцвет в полдень. Мы только начали перебирать имена знатных дам, которые интересуются ткацким искусством. Некоторые из них виртуозно владеют иглой. Этот след нас куда-нибудь выведет, я чувствую!

* * *

Наконец Нефрет с Северным Ветром вернулись домой. При виде осла Смелчак радостно залаял, и друзья приступили к вечерней трапезе: один наслаждался куском говядины, другой — свежей люцерной. Проказница не просила есть; ее живот был так набит наворованными в саду фруктами, что ей необходимо было прилечь.

Нефрет была ослепительна. Ни усталость, ни заботы не отражались на ее внешности. Пазаиру часто казалось, что он недостоин своей супруги.

— Как чувствует себя визирь?

— Гораздо лучше, но за его здоровьем необходимо постоянно следить. Его печень и желчный пузырь в плачевном состоянии, и я не уверена, что мне удастся избавить его от отечности ног в моменты усталости. Ему следует много ходить, не сидеть целыми днями в кресле и дышать свежим деревенским воздухом.

— Ты требуешь невозможного. Он говорил с тобой о Небамоне?

— Старший лекарь нездоров. Вмешательство павиана оставило свои следы.

— Стоит ли нам жалеть его?

Их беседу прервал крик осла, который счел свою вечернюю порцию слишком скудной.

— Я выбит из колеи, — признался Пазаир. — Я нанял домашнюю работницу за бешеную плату, я теряюсь в этом большом доме. У нас нет повара, садовник делает что хочет, и я не понимаю, для чего нужно такое количество щеток. Я запустил свой архив, у меня нет секретаря, я...

Нефрет поцеловала его.

Одетый в набедренную повязку с накрахмаленным передником и великолепную плиссированную рубашку с длинным рукавом, Бел-Тран горячо приветствовал Пазаира и Нефрет.

— На этот раз я сумею помочь вам более существенным образом. Мне поручили реорганизовать структуру центрального управления. В качестве старшего судьи вы — первый кандидат.

— Никаких привилегий, прошу вас.

— Речь не об этом. Просто надо так поменять правила внутреннего распорядка вашей службы, чтобы все досье были у вас под рукой. Мы будем располагаться по соседству, служебные помещения просторные и удобные. Дайте же мне возможность сделать нашу с вами работу более эффективной!

Стремительное возвышение Бел-Трана ошеломило придворных из числа самых обласканных, но критиковать его не осмеливался никто. Он перетряхивал службы, погрязшие в рутине, освобождался от ленивых и некомпетентных чиновников, без проволочек решал тысячи проблем, возникавших одна за другой. С подчиненными он не церемонился. Отпрыски благородных семейств досадовали на его скромное происхождение, но предпочитали повиноваться, чтобы не быть уволенными со службы. Никакие препятствия не способны были остановить этого человека; он оценивал задачу, вгрызался в нее с невиданной энергией и добивался успеха. В его активе числилось наведение безупречного порядка с взиманием налогов на древесину, от уплаты которых долго уклонялись крупные землевладельцы, равнодушные к общественному благу. Разбираясь с этим, Бел-Тран не преминул обратиться за помощью к Пазаиру, пришедшейся весьма кстати. Если на его пути встречалась безвыходная ситуация, Бел-Тран непременно в нее ввязывался.

Пазаир понимал, что в его лице он имеет могущественного союзника, благодаря которому сможет избежать многих осложнений.

— Моя супруга чувствует себя гораздо лучше, — сообщил Бел-Тран Нефрет. — Она вам очень признательна и считает вас своей подругой.

— Как ее мигрени?

— Стали реже. Когда случаются, мы пользуемся вашей мазью: помогает прекрасно! Но вопреки вашим рекомендациям Силкет не следит за питанием. Я прячу от нее гранатовый сок и мед, но она втайне от меня достает себе сок сладких рожков и даже фиги. Кстати, толкователь снов, так же как и вы, советует ей есть поменьше сладкого.

— Если не хватает силы воли, никакой врач не поможет.

Лицо Бел-Трана скривилось.

— Уже неделю у меня болят большие пальцы ног. Мне даже трудно обуваться.

Нефрет осмотрела его маленькие, пухлые ступни.

— Прокипятите бычий жир с листьями акации и полученной массой смазывайте чувствительные места. Если не поможет, скажете мне.

Нефрет обратилась к служанке: она весьма успешно вживалась в роль хозяйки дома. В одной из комнат новой квартиры молодая женщина рассчитывала оборудовать кабинет для себя. Во дворце ее репутация укреплялась; то, что она поставила визиря на ноги, принесло ей признание, которому завидовали придворные лекари, по-прежнему бездействующие из-за

отсутствия Небамона.

— Ваше жилище великолепно, — отметил Бел-Тран, с удовольствием угощаясь дыней с водой.

— Без Нефрет я сбежал бы отсюда.

— Не преувеличивайте, мой дорогой Пазайр! Хотя ваша супруга — существо исключительное. Наверняка многие вам завидуют.

— Мне хватает и одного Небамона.

— Его молчание — явление временное. Вы с Нефрет унизили его, и он не успокоится пока не отомстит. Правда, ваше новое положение усложняет его задачу.

— Что вы думаете о последних царских указах?

— Я не очень понимаю, почему фараон испытывает необходимость вновь подтверждать таким образом свою власть, которую никто не оспаривает?

— Последний паводок принес недостаточно воды, гиена пришла напиться из канала, несколько женщин произвели на свет уродов...

— Суеверия темных людей!

— Это тоже может быть серьезно.

— Слуги государства должны доказать, что эти страхи необоснованны. Вы намерены продолжить расследование против полководца Ашера, а также по поводу таинственной смерти ветеранов?

— Это было главным условием моего назначения.

— Во дворце многие надеются, что эти печальные события будут преданы забвению. Я рад, что они ошибаются; впрочем, я знал, что вам хватит на это мужества.

— Маат — богиня улыбчивая, но неумолимая. Она может принести счастье, но при условии, что ее не предадут. Если не искать правды, то можно задохнуться.

Бел-Тран помрачнел.

— Меня настораживает спокойствие Ашера. Это человек резкий, сторонник решительных действий. Узнав о вашем назначении, он, должно быть, что-то предпринял.

— Но его поле для маневра сужается.

— Не радуйтесь раньше времени.

— Это не в моем характере.

— Сегодня вы не один, но ваши враги никуда не исчезли. Если мне удастся что-нибудь узнать, я тут же сообщу вам.

* * *

Две недели Пазайр провел как в лихорадке. Он детально ознакомился с огромным архивом старшего судьи, проследил за тем, чтобы рассортировать и хранить отдельно таблички из глины, известняка и дерева, ведомости по движимому имуществу, служебную почту, свитки запечатанного папируса, необходимые для писца принадлежности; он ознакомился со списком служащих, вызвал к себе каждого из них, проследил за выплатой и уточнением заработной платы, изучил поступившие в последнее время жалобы и исправил многочисленные ошибки в организации своей службы. Потрясенный сложностью вставшей перед ним задачи, он, тем не менее, не дрогнул, чем быстро заслужил доброжелательное отношение со стороны подчиненных. Каждое утро он беседовал с Бел-Траном, чьи советы

очень ценил.

Пазаир занимался деликатной проблемой кадастра, когда к нему вошел один из писцов.

— Ярти! Куда вы подевались?

— Моя дочь станет профессиональной танцовщицей, это решено. Супруга этого не хочет, и поэтому я развожусь.

— Когда вы приступите к работе?

— Мне здесь нечего делать.

— Наоборот! Хороший секретарь...

— Вы теперь слишком важная птица. В таких кабинетах писцы должны работать с утра до вечера, отсюда пораньше не уйдешь. Это мне не подходит. Я уж лучше займусь карьерой дочери. Мы с ней отправимся в провинцию, будем участвовать в деревенских праздниках. А потом, глядишь, и подвернется контракт с опытной труппой. Господь должен помочь бедной девочке.

— Это решение окончательное?

— Вы слишком много работаете. И обязательно наткнетесь на интересы важных персон. А я уж лучше заранее отложу в сторонку свой посох, служебную набедренную повязку и погребальную стелу и буду держаться подальше от драм и конфликтов.

— Вы уверены, что вам удастся их избежать?

— Дочь меня любит, уважает, и всегда будет слушаться. И я сделаю все, чтобы она была счастлива.

* * *

Денес наслаждался своей безоговорочной победой. Борьба была суровой, и его супруге пришлось задействовать все свои связи, чтобы вывести из игры бесчисленных конкурентов, весьма раздосадованных проигрышем. Таким образом, честь организовать торжественный банкет по поводу назначения нового старшего судьи царского портика выпала Денесу и его жене Нанефер. Благодаря умелому обхождению судовладельца, ловкости и силе убеждения его супруги эти двое оказались распорядителями предстоящей церемонии, где должны были присутствовать сливки общества. Назначение Пазаира было столь неожиданным, что заслуживало настоящего праздника, где избранные, как обычно, будут соперничать друг с другом в роскоши.

У Пазаира предстоящее мероприятие энтузиазма не вызывало.

— Этот прием меня удручает, — признался он Нефрет.

— Но он устраивается в твою честь, мой дорогой.

— Я бы предпочел провести вечер с тобой. Светские приемы в число моих обязанностей не входят.

— Мы отклонили приглашения на частные вечеринки многих важных персон; но этот прием — официальный.

— Если Денесу хватит нахальства! Он знает, что я подозреваю его в заговоре, и взял на себя роль гостеприимного хозяина!

— Прекрасный способ умаслить тебя.

— Думаешь, ему это удастся?

Тихий смех Нефрет взволновал его. Как она была хороша в своем облегающем платье,

оставляющем открытой грудь! Иссиня-черный парик подчеркивал изящество черт ее слегка подкрашенного лица. Она лучилась молодостью, грацией, любовью.

Он обнял жену:

— Мне хочется посадить тебя под замок.

— Ты ревнуешь?

— Если кто-нибудь посмотрит на тебя, я его задушю.

— И это говорит старший судья! Как только вы можете произносить подобное?

Пазаир застегнул на талии жены пояс из аметистовых бусин с фрагментами золотой чеканки в форме головы пантеры.

— Это дивное украшение пробило брешь в семейном бюджете, но ты будешь самой красивой.

— По-моему, ты пытаешься меня соблазнить.

— Ты меня видишь насквозь.

Пазаир спустил бретельку ее платья.

— Мы уже опаздываем, — заметила она.

* * *

Перед тем как облачиться в парадный туалет, госпожа Нанефер прошла на кухню, где мясники, расчленив бычью тушу, резали ее на куски и насаживали их на стержень, укрепленный на двух стойках с раздвоенными верхними концами. Она сама отобрала части, предназначенные для жарки и для тушения, попробовала соусы и проверила, будут ли готовы вовремя несколько десятков запеченных гусей. Затем она спустилась в погреб, где дворецкий показал ей вина и пиво, приготовленные для стола. Убедившись, что качество блюд и напитков на должном уровне, она осмотрела банкетный зал, где слуги расставляли на низких столах золотые кубки, серебряные блюда и тарелки из алебаstra. По всему дому разносился аромат жасмина и лотоса. Прием обещал быть незабываемым.

За час до прибытия первых гостей садовники собрали с деревьев фрукты, которые будут поданы свежими, во всем своем великолепии; писец отметил, сколько кувшинов с вином выставлено в банкетном зале, чтобы предотвратить возможное воровство.

Старший садовник убедился в том, что аллеи выметены, а привратник уже облачался в торжественный наряд и надевал парик. Суровый страж поместья, он позволит войти лишь известным людям и тем, у кого будут приглашительные таблички.

Когда солнце клонилось к закату, готовясь скрыться за Западными холмами, явились первые приглашенные. Привратник впустил царского писца с супругой, за которыми последовала вся городская элита. Гости госпожи Нанефер прогуливались по саду, засаженному гранатовыми и фиговыми деревьями, а также смоковницами; предавались беседам возле водоемов, у пергол и в деревянных беседках, любовались группами деревьев и кустов, устроенных на перекрестках аллей. На приглашенных произвело большое впечатление присутствие визиря Баги, который обычно не посещал подобных мероприятий, и друзей фараона в полном составе. Такая вечеринка запомнится надолго.

Ровно в тот момент, когда солнце зашло, слуги зажгли масляные лампы, осветившие весь сад и дом. На пороге появились госпожа Нанефер с мужем. Тяжелый парик, белое платье, отделанное золотой каймой, ожерелье с десятью рядами жемчужин, серьги в виде

газелей и золоченые сандалии — таков был ее наряд. Муж ее был облачен в изысканный парик, длинную плиссированную тунику, кожаные сандалии, отделанные серебром. Супруги были модной парой и сейчас с удовольствием демонстрировали свое богатство, явно надеясь возбудить в приглашенных зависть.

Согласно протоколу первым к ним должен был подойти визирь. На нем была обыкновенная широкая набедренная повязка и рубаша с короткими рукавами, на больных ногах — разношенные сандалии.

Госпожа Нанефер и Денес почтительно поклонились.

— Какая жара, — пожаловался визирь. — Только зимой и можно дышать. Всего несколько мгновений на солнце, и кожа начинает гореть огнем.

— Если вы хотите освежиться перед пиршеством, один из бассейнов в вашем распоряжении, — предложил Денес.

— Я не умею плавать и терпеть не могу воду.

Распорядитель церемонии усадил визиря на почетное место. За ним последовали друзья фараона, затем наступила очередь высших должностных лиц, царских писцов и прочих важных персон, которым посчастливилось попасть на самый престижный праздник года. Одними из последних пришли Бел-Тран и Силкет, госпожа Нанефер приветствовала их небрежным кивком.

— Полководец Ашер приглашен? — шепотом спросил Денес у супруги.

— Он отказался. Сослался на служебные обстоятельства.

— А верховный страж Монтумес?

— Болен.

В банкетном зале с потолком, украшенным росписью в виде виноградной лозы, в удобных креслах расположились гости, обложенные подушками. Перед ними на низких столиках были расставлены кубки, тарелки и блюда. Женское трио, состоявшее из флейты, арфы и лютни, наигрывало приятные мелодии.

Нагие девочки-нубийки, расхаживая среди гостей, возлагали на их парики небольшие конусы благовонных умщений, которые в процессе таяния распространяли благоухание и отпугивали насекомых. Каждый получил в дар цветок лотоса. Один из жрецов плеснул на столик для приношений, стоявший в центре зала, немного воды в знак очищения трапезы.

И только тут госпожа Нанефер вдруг заметила, что виновников торжества до сих пор нет.

— Они чудовищно опаздывают!

— Не расстраивайся. Пазаир горит на работе, должно быть, его задержали дела.

— В такой день! Гости теряют терпение, пора подавать кушанья.

— Не нервничай.

Чтобы занять гостей, крайне раздосадованная Нанефер предложила приглашенной на вечер лучшей танцовщице Мемфиса начать свое выступление раньше, чем предполагалось. Двадцатилетняя ученица Сабабу, владелицы самого респектабельного пивного дома в городе, появилась перед гостями; из одежды на ней был лишь пояс с подвешенными на нем ракушками, которые мелодично позвякивали при каждом шаге. На левом бедре танцовщицы была татуировка, изображавшая бога Бэса, веселого бородатого карлика, покровителя безудержного веселья. Демонстрируя самые невероятные акробатические па и фигуры, плясунья развлекала собравшихся до самого прихода Пазаира и Нефрет.

Гости возбуждали аппетит виноградом и тонкими ломтиками дыни, а Нанефер

раздражалась все сильнее. Неожиданно внимание привлекло оживление у входной двери — это они, наконец-то!

— Мы вас ждали.

— Мне очень жаль, — извинился Пазаир.

Не мог же он рассказать, что не смог удержаться и, стиснув Нефрет в своих объятиях, в порыве страсти порвал бретельку на ее платье? Не мог же он признаться, что они забыли о времени и что их любовь для них важнее, чем самое заманчивое приглашение? Растрепанной Нефрет пришлось в спешке искать другое платье и уговаривать Пазаира подняться с ложа их наслаждений?

Как только молодая пара вошла в банкетный зал, танцовщица удалилась, музыканты прекратили играть, а Нефрет и Пазаир почувствовали на себе взгляды нескольких десятков пар недоброжелательных глаз.

Судья явно не был озабочен требованиями светской моды: короткий парик, голый торс и простая повязка делали его похожим на скромного писца времен пирамид. Единственная уступка моде — плиссированный передник, слегка скрашивающий простоту туалета. Его репутация аскета казалась вполне заслуженной. Однако самые азартные игроки уже заключали пари относительно того, сколько времени пройдет, пока он, как и его предшественники, научится брать взятки. А другие, но уже без всякого удовольствия, размышляли о том, что полномочия старшего судьи велики и что нынешний, в силу своей молодости, в данном случае весьма неуместной, непременно станет ими злоупотреблять. И все в один голос критиковали решение старого визиря, который все чаще уклоняется от своих обязанностей и слишком охотно передает свои функции другим. Многие из придворных советовали Рамсесу сменить его на более опытного и дееспособного чиновника.

Нефрет возбуждала у публики другие эмоции. Венок из цветов на волосах, широкое ожерелье, скрывающее грудь, небольшие серьги в форме лотоса, браслеты на запястьях и щиколотках, длинное платье из прозрачного льна, более обнажающее, чем скрывающее ее формы: созерцание этого совершенства трогало самых пресыщенных, умиляло самых сварливых. Впечатление от ее молодости и красоты усиливалось благодаря обаянию ума, столь явному, что оно сквозило даже в ее смеющемся взгляде. Всякому было ясно, что ее прелесть прекрасно сочетается с такой силой характера, противостоять которой смогли бы немногие. И как ее угораздило влюбиться в этого судью, неуступчивость которого может поставить под сомнение всю жизненную перспективу? Да, сейчас он назначен на высокий пост, но долго на нем не продержится. Влюбленность уйдет, и Нефрет выберет себе более подходящую партию. Там, где не преуспел несчастный старший лекарь, вполне может повезти кому-нибудь другому. Некоторые дамы солидного возраста не одобрили смелость туалета, в котором позволила себе появиться супруга высокого судейского чиновника, не зная о том, что других платьев у нее просто не было.

Старший судья с супругой сели рядом с визирем. Слуги тут же положили им на тарелки ломти жареной говядины и налили в бокалы великолепного красного вина.

— Ваша жена нездорова? — спросила Нефрет.

— Нет, просто она никогда не выходит из дома. Ей вполне хватает забот по дому: жизнь в центре города, дети, кухня.

— Я чувствую себя неловко в своем новом доме, — признался Пазаир.

— Это вы напрасно. Если я отказался от земельных владений, которые фараон выделяет для нужд своего визиря, то лишь потому, что терпеть не могу деревню. Я уже сорок лет живу

на одном и том же месте и не хочу переезжать. Люблю город. Свежий воздух, насекомые, просторы мне или безразличны, или раздражают.

— Как врач, — напомнила Нефрет, — я, тем не менее, советую вам побольше двигаться.

— На службу и обратно я хожу пешком.

— Кроме того, вам надо больше отдыхать.

— Как только утрясется ситуация с моими детьми, я сокращу свои рабочие часы.

— У вас неприятности?

— С дочерью все более или менее в порядке. Правда, она поступила в храм Хатхор ученицей ткача, но ей не понравился тамошний распорядок дня, связанный с определенными ритуалами. Теперь она нанялась учетчицей зерна в одно хозяйство и надеется добиться там успеха. С сыном сложнее; он увлечен женщинами и теряет на этом половину жалованья, которое ему платят за работу смотрителя на кирпичном производстве. Слава богу, он живет с нами, и мать кормит его. Но если он рассчитывает, что я помогу ему продвинуться, то ошибается. У меня нет на это ни права, ни желания. Пусть эти проблемы, вполне, кстати, житейские, не пугают вас: иметь детей — это самое большое счастье.

Гости оценили высокое качество поданных к столу блюд и напитков и оживленно обменивались впечатлениями. Но когда заговорил старший судья, тон его речи удивил аудиторию.

— Во всякой должности важна не личность того, кто ее занимает, а приданные ей полномочия и функции. Путь мне будет указывать Маат, богиня правосудия, которая ведет всех судей этой страны. Я буду нести полную ответственность за ошибки, включая и те, что совершены до меня, и стану исполнять свой долг до тех пор, пока мне удастся сохранять доверие визиря, не принимая в расчет ничьих интересов. Мы не будем скрывать от чужих глаз никакие дела, в том числе и те, что касаются именитых людей. Закон — самое ценное из сокровищ Египта; я хочу, чтобы всякое мое решение шло ему на пользу.

Голос Пазаира звучал мощно, решительно и чисто, развеивая сомнения тех, кто не верил в его авторитет. Молодость судьи не будет ему помехой; напротив, она даст ему необходимую энергию, которая станет надежной опорой его впечатляющей мудрости. В этот момент многие поняли: назначение нового старшего судьи не станет простой сменой вывесок.

Поздно ночью гости начали расходиться; визирь Баги, который ложился рано, ушел первым. Каждый из приглашенных старался подойти к Пазаиру и Нефрет и поздравить их.

Оставшись наконец одни, судья с женой вышли в сад. В зарослях тамариска послышались голоса. Подойдя поближе, они стали свидетелями перепалки между Бел-Траном и госпожой Нанефер.

— Надеюсь, что больше не увижу вас в своем доме.

— Не надо было меня приглашать.

— Этого требовали приличия.

— В таком случае, что вас не устраивает?

— Вы не только преследуете моего мужа налогами, но и упразднили мою должность инспектора государственной казны!

— Это была почетная должность. Государство платило вам жалованье, которое не соответствовало вложенному труду. Я стараюсь упорядочить чрезмерно затратные административные службы и решения своего не отменю. Можете быть уверены, что новый старший судья меня поддержит, да и сам поступил бы так же. И еще применил санкции.

Благодаря мне вы избежите хотя бы этой неприятности.

— Ловко! Вы страшный хищник, Бел-Тран. Хватка как у крокодила!

— Эти твари чистят Нил, пожирая бегемотов, которых в реке избыток, госпожа Нанефер. Пусть Денес ведет себя поосторожнее.

— Я не боюсь ваших угроз. Об меня ломали зубы интриганы похитрее вас.

— В таком случае я желаю вам удачи.

И негодующая госпожа Нанефер покинула своего собеседника, которого дожидалась теряющая терпение супруга.

* * *

Пазаир и Нефрет встретили зарю на крыше своего нового дома. Они мечтали о том, что наступающий день будет счастливым и придаст их нежной любви аромат праздника. На земле и в потустороннем мире, по прошествии целых поколений, он украсит цветами любимую женщину и посадит смоковницы возле источника с чистой водой, у которого они будут глядеть друг на друга и не смогут наглядеться. Их соединенные души придут под сень деревьев утолить жажду и напиться шепотом листвы.

У Пазаира было одно дело, абсолютно не терпящее отлагательств, — провести процесс, который бы окончательно снял с Кема всякие обвинения и позволил вернуть его на должность пристава. По ходу разбирательства он сможет выяснить личность таинственного свидетеля, на которого ссылался верховный страж, и обвинить последнего в попытке фальсификации доказательств. Проснувшись утром и даже еще не поцеловав мужа, Нефрет заставила его выпить солидную порцию медной воды; его вялотекущая простуда свидетельствовала, что в лимфатической системе старшего судьи, ослабленной недавним заключением, засела инфекция.

Пазаир поспешно проглотил завтрак и устремился в рабочую комнату, где его тут же обступили писцы, потрясавшие папирусами с жалобами, которые поступили из двух десятков мелких селений. Их жители не получили ни масла, ни зерна, которые им полагались ввиду их бедственного положения, причиненного засухой: выдать провиант отказался один из распорядителей зерновых складов. Приводя в качестве довода какое-то устаревшее распоряжение, чиновник попросту насмехался над голодными крестьянами.

Старший судья, призвав на помощь Бел-Трана и тщательно обходя все административные препоны, целых два дня потратил на решение этой с виду такой простой проблемы. Упомянутый распорядитель был назначен смотрителем канала в деревню, жителям которой он отказывался выдать продукты.

Потом возникла новая сложность — конфликт между поставщиками фруктов и писцами казны, отказывающимися вести их учет; чтобы ускорить процедуру, грозившую затянуться, Пазаир лично отправился во фруктовые сады, наказал мошенников и отверг несправедливые обвинения налоговой службы. Он начинал понимать, что экономическое равновесие в государстве, правильные пропорции частного производства и государственного планирования — вещи весьма тонкие, требующие чрезвычайно аккуратного обращения. Частный предприниматель работает как хочет и, достигнув определенного уровня, может пожинать плоды своих усилий; государство со своей стороны обязано обеспечивать орошение, безопасность человека и его владений, иметь запасы продовольствия на случай засухи и решать другие задачи, представляющие общественный интерес.

Понимая, что он рискует захлебнуться в потоке дел, если не установит жесткого распорядка использования служебного времени, Пазаир назначил «процесс Кема» на следующую неделю. Как только день был определен, один из жрецов храма Птаха выступил против: выбранная дата неблагоприятна, потому что на нее приходится печальная годовщина знаменитой битвы между Хором, небесным огнем, и его братом Сетом, олицетворением бури.^[1] В этот день лучше не выходить из дома и не предпринимать никаких путешествий; естественно, Монтумес воспользуется этим обстоятельством, чтобы не прийти в суд.

Пазаир злился на самого себя, у него опускались руки, но тут ему подвернулось щекотливое дело с аферами на таможне, касающееся иноземных торговцев. Момент слабости прошел, судья начал читать документы, но снова оттолкнул их; он не мог забыть о растерянном и подавленном нубийце, который рыскал сейчас по самым темным городским закоулкам в поисках своего павиана.

С верховным стражем Монтумесом Пазаир столкнулся на шумной улице, где старший

судья покупал нубийские красные цветы, чтобы приготовить напиток, который очень любил его пес. ^[2] Чувствуя себя неловко, Монтумес заговорил елейным тоном:

— Меня ввели в заблуждение, — признался он. — В глубине души я всегда верил в вашу невиновность.

— Тем не менее, вы отправили меня на каторгу.

— На моем месте разве вы не сделали бы то же самое? Правосудие должно быть непримиримым к преступлениям, совершенным судьями, в противном случае в него перестанут верить.

— В моем случае и речи не шло о правосудии.

— Неудачное стечение обстоятельств, мой дорогой Пазаир. Теперь же судьба повернулась к вам лицом, и мы все этому очень рады. Я узнал, что вы намерены, в рамках ваших полномочий, организовать процесс по поводу дела Кема, достойного всяческого сожаления.

— Вы хорошо информированы, Монтумес. Мне осталось лишь назначить его дату, и на сей раз это будет благоприятный день.

— Может быть, лучше было бы поскорее предать эти прискорбные обстоятельства забвению?

— Забыть означало бы совершить несправедливость. Мне кажется, что обязанности старшего судьи состоят в том, чтобы защищать слабого, ограждая его от посягательств сильного.

— Вашего пристава-нубийца слабым не назовешь.

— Вы — человек могущественный и стремитесь его погубить, обвиняя в преступлении, которого он не совершал.

— Если бы вы согласились на одну уступку, которая поможет избежать неприятностей...

— Какого рода уступку?

— На процессе могут прозвучать некоторые имена... Именитые граждане не хотели бы портить себе репутацию.

— Если человек невиновен, ему нечего бояться.

— Пойдут слухи, сплетни, их имена начнут трепать...

— На будущем процессе слухи приниматься во внимание не будут. Вы совершили серьезную ошибку, Монтумес.

— Вы — одна рука правосудия, я — другая. Отмежевываться от меня было бы для вас грубой ошибкой.

— Мне нужно имя свидетеля, обвиняющего Кема в убийстве Беранира.

— Я его выдумал.

— Вот это вряд ли. Вы бы не выставили этот аргумент, если бы персонаж не существовал в реальности. Я расцениваю ложное свидетельство как преступное деяние, способное разрушить человеку жизнь. Процесс состоится; на нем выяснится ваша роль, и я смогу допросить этого пресловутого свидетеля в присутствии Кема. Его имя?

— Я отказываюсь вам его называть.

— Это настолько важное лицо?

— Я обещал хранить молчание. Он многим рискует и не хочет огласки.

— Отказ сотрудничать со следствием. Вы знаете, чем это карается.

— Вы забываетесь! Напоминаю, что вы говорите с верховным стражем!

— А я — старший судья.

И тут Монтумес, чья лысина стала кирпично-красной, а голос пронзительным, внезапно осознал, что перед ним уже не мелкий провинциальный судья, который мало что может, а высшее лицо в судебной иерархии города, которое без спешки, но и без промедлений, продвигается к намеченной цели.

— Я должен подумать.

— Я жду вас завтра утром у себя. Вы назовете мне имя вашего фальшивого свидетеля.

* * *

Несмотря на то, что банкет в честь нового старшего судьи прошел с большим успехом, Денес уже не вспоминал о роскошном празднике, послужившем укреплению его репутации. Он был занят тем, что пытался успокоить своего друга Кадаша, возбужденного до такой степени, что он начал заикаться. Расхаживая взад и вперед, зубной лекарь беспрестанно приглаживал непокорные пряди своих седых волос. Его руки покраснели от прилива крови, а сосуды носа готовы были полопаться.

Двое мужчин укрылись в самой удаленной части тенистого сада, подальше от любопытных ушей. Присоединившийся к ним химик Чечи уверял, что здесь их никто не услышит. Усевшись у подножия финиковой пальмы, маленький человечек с черными усами тоже старался успокоить Кадаша, хотя и разделял его панические настроения.

— Твоя стратегия приведет нас к катастрофе! — упрекал Денеса Кадаш.

— Мы придумали это втроем: использовать Монтумеса, обвинить Кема, чтобы таким образом нейтрализовать чрезмерную активность судьи Пазаира.

— Но мы провалились самым постыдным образом! Я не могу работать, потому что у меня дрожат руки, а вы запретили мне использовать небесное железо! Когда я присоединился к этому заговору, вы обещали мне высокий пост в управлении страной.

— Для начала — место старшего лекаря, которое сейчас занимает Небамон, — напомнил Денес, — а потом, возможно, и что-нибудь получше.

— Об этих мечтах можно забыть.

— Вовсе нет.

— Ведь Пазаир теперь старший судья и хочет организовать процесс, чтобы обелить Кема и выявить свидетеля обвинения, то есть меня самого!

— Монтумес тебя не выдаст.

— У меня нет такой уверенности.

— Он интриговал всю свою жизнь, чтобы занять этот пост; если он нас предаст, то приговорит сам себя.

Химик Чечи кивнул в знак согласия. Кадаш немного успокоился и решил выпить пива. Денес, который переел на банкете, поглаживал туго набитый живот.

— Верховный страж, — с досадой заметил он, — пустое место. Когда мы придем к власти, его надо заменить.

— Не надо торопиться, — тихо убеждал Чечи. — Полководец Ашер работает под прикрытием и достиг неплохих результатов. Скоро у нас будет великолепное оружие, и мы возьмем под контроль все арсеналы. Главное — не выдать себя раньше времени. Пазаир убежден, что Кадаш хотел украсть у меня небесное железо и, следовательно, мы — враги; о

наших истинных отношениях он не догадывается и не догадается, если мы будем осторожны. Благодаря публичным заявлениям Денеса он верит, что главная цель военной верхушки — создание надежного оружия. Надо поддерживать в нем эту уверенность.

— Он так наивен? — поинтересовался зубной лекарь.

— Напротив. Столь грандиозный проект обязательно привлечет его внимание. Что может быть важнее, чем создание меча, которым можно расколоть шлем противника, или доспехов и щитов, которые невозможно повредить? Обладая таким вооружением, Ашер организует заговор с целью захвата власти. Вот к какому выводу придет судья.

— И догадается, что ты тоже участник этого заговора, — добавил Денес.

— Как человек военный, я повинуюсь приказам, и это освобождает меня от ответственности.

— И все же я волнуюсь, — настаивал Кадаш, который опять принялся нервно ходить взад и вперед. — Когда этот Пазаир только вздумал нам мешать, мы его недооценили. А сегодня он старший судья!

— Когда заваруха начнется, его сметет, — предсказал Денес.

— Время работает на нас, — высказал соображение Чечи. — Власть фараона рассыпается, как пересохший песчаник.

Никто из троих заговорщиков не заметил, что за ними наблюдают: тайный свидетель не упустил ни одного слова из услышанного. С верхушки пальмы, не сводя с беседующих своих красных глаз, за ними следил павиан Убийца.

* * *

Встревоженная и возмущенная агрессивным поведением Бел-Трана, госпожа Нанефер не сидела сложа руки. Собрав у себя уполномоченных в делах пятидесяти самых богатых семей Мемфиса, она подробно описала сложившуюся ситуацию. Их хозяева, как и они сами, имели в своем распоряжении некоторое количество почетных должностей, не требовавших никаких усилий, но открывавших доступ к конфиденциальной информации и позволявших поддерживать связи с правящей верхушкой. В своем неумном стремлении к реорганизации Бел-Тран упразднял эти должности одну за другой. История Египта знала примеры подобного волонтаризма со стороны разных выскочек, которые могут быть опаснее песчаных змей, но им всегда давался достойный отпор.

Страстная речь госпожи Нанефер встретила горячее одобрение. Разум и справедливость должны восторжествовать посредством вмешательства в эту историю одного человека — старшего судьи Пазаира. Было решено завтра же просить у него аудиенции, направив к судье делегацию в составе госпожи Нанефер и десяти видных представителей высшего общества. Они придут не с пустыми руками: к ногам судьи будут положены штука дорогой ткани, шкатулка с драгоценностями и кувшин благовонной мази.

— Эти подношения есть знак уважения к вам, — произнес самый старший из просителей.

— Ваши знаки внимания меня тронули, но я вынужден отказаться.

Старший сановник возмутился.

— Почему же?

— Это попытка подкупа.

— Мы далеки от этой мысли! Не отказывайтесь, прошу вас.

— Заберите подарки и вручите их самым достойным из ваших служащих.

Госпожа Нанефер сочла необходимым вмешаться.

— Старший судья, мы требуем уважения к иерархии и традиционным ценностям.

— С этим я полностью согласен.

Слегка успокоенная, величественная супруга судовладельца Денеса с жаром продолжила:

— Бел-Тран безо всяких серьезных причин упразднил мою почетную должность инспектора казны и собирается сделать то же самое в отношении членов самых уважаемых семей Мемфиса. Он посягнул на традиции и привилегии, освященные временем. Мы требуем, чтобы вы вмешались и положили конец этому преследованию.

Пазаир прочитал выдержку из Закона:

— *Если ты судья, не делай разницы между богатым и простолудином. Не обращай внимания на красивые одежды, не презирай того, кто одет скромно по причине своих малых средств. Не принимай никаких подношений от тех, кто обладает богатством, и не лишай своей благосклонности слабого в пользу сильного. Таким образом, если в тот момент, когда ты выносишь приговор, тебя будет волновать только суть дела, страна пребудет в покое и равновесии.*

Хотя прочитанное было известно всем, пришедшие были смущены.

— Что вы хотите этим сказать? — удивилась госпожа Нанефер.

— То, что я в курсе ситуации и согласен с Бел-Траном. Ваши «привилегии» вовсе не освящены временем, они появились лишь в первые годы правления Рамсеса.

— Вас не устраивают его распоряжения?

— Он предложил вам, как представителям высших слоев общества, взять на себя некие новые обязательства, а вовсе не извлекать из них выгоду. Визирь не имеет никаких претензий к Бел-Трану и его административной реорганизации. Ее первые итоги получили одобрение.

— Вы хотите разорить нашу элиту?

— Я хочу вернуть ей истинное величие, чтобы она была примером для всего общества.

Аскет Баги, честолобец Бел-Тран, идеалист Пазаир — госпожа Нанефер содрогнулась при мысли, что эта тройка будет действовать заодно! Слава богу, старый визирь скоро уйдет в отставку, шакал обломает свои длинные зубы о камни, а неподкупный судья рано или поздно поддастся соблазнам.

— И в конечном итоге чью сторону вы примете?

— Разве я не ясно выразился?

— Еще ни одно высокопоставленное лицо не сделало карьеры без нашего содействия.

— Я постараюсь стать исключением.

— Вам не удастся.

* * *

Тапени была ненасытна. У нее не было несравненной пылкости Пантеры, зато она обладала богатым воображением — в ласках, позах и любовных приемах; Чтобы не разочаровать ее, Сути приходилось подчиняться ее фантазиям и даже предвосхищать их.

Тапени сильно привязалась к молодому человеку, на которого выплескивала весь свой запас нежности. Маленькая брюнетка с бешеным темпераментом предавалась искусству любви с неистовой силой и с утонченностью.

К счастью, она много времени проводила на работе, и у Сути, таким образом, случались минуты отдыха; которые он использовал на то, чтобы успокоить Пантеру, демонстрируя ей всю полноту своей страсти.

Тапени натягивала платье, Сути приводил в порядок свою набедренную повязку.

— Ты очень хорош собой и, к тому же, настоящий жеребец.

— А тебе бы подошло имя «скачущая газель».

— К поэзии я равнодушна, но твоя мужская сила меня впечатляет.

— Ты умеешь ее пробудить; однако мы немного потеряли из виду мотив моего первого визита.

— Перламутровая игла?

— Она самая.

— Красивый предмет, редкий, ценный; пользоваться им умеют немногие, только выдающиеся мастера ткацкого искусства.

— У тебя есть список?

— Конечно.

— Ты мне его дашь?

— Это все женщины, соперницы... Ты слишком много просишь.

Сути боялся такого ответа.

— Как же мне тебя соблазнить?

— Ты тот мужчина, который мне нужен. Вечерами, ночами мне тебя не хватает. Я вынуждена заниматься любовью сама с собой, думая о тебе. Эти страдания становятся непереносимыми.

— Время от времени я мог бы оставаться у тебя ночью.

— Я хочу, чтобы все ночи были моими.

— Ты хочешь сказать...

— Женитьба, мой дорогой.

— Эта идея мне не нравится по моральным соображениям.

— Тебе придется оставить всех твоих любовниц, разбогатеть, поселиться у меня, ждать меня вечерами, быть всегда готовым удовлетворить все мои желания, вплоть до самых безумных.

— Это не самая отталкивающая перспектива.

— Мы объявим о нашей свадьбе на следующей неделе.

Сути не возражал. Он найдет способ освободиться из этого рабства.

— А владелицы иголок?

Тапени начала жеманиться.

— Так ты даешь мне слово?

— Считаю, что ты его имеешь.

— Эта информация так важна?

— Для меня — да. Но если ты отказываешься...

Она вцепилась в его плечо.

— Не сердись.

— Ты меня мучаешь.

— Я тебя дразню. Мало кто из благородных дам в совершенстве владеет искусством работы с такими иглами, требующими ловкости и точности. Я знаю только трех таких: лучшая из них — жена бывшего главного смотрителя каналов.

— Как ее найти?

— Ей восемьдесят лет, она живет на острове Элефантина, у южной границы.

Сути наморщился.

— А две другие?

— Вдова распорядителя житниц. Она маленькая и худенькая, но, тем не менее, невероятно сильна. Правда, два года назад она сломала руку и теперь...

— Третья?

— Ее любимая ученица. Она богата, но, несмотря на это, продолжает шить себе туалеты сама. Это госпожа Нанефер.

Слушание дела началось в первой половине дня. Кем, до сих пор не отыскавший своего павиана, согласился явиться в суд.

С самого утра Пазаир наводил порядок в ведомстве, руководить которым его призвала судьба. Атаковать Монтумеса непросто: верховный страж, загнанный в угол, может быть очень опасен. Судья опасался его реакции: ради сохранения своих привилегий этот высокопоставленный чиновник способен пройти по трупам.

Пазаир вышел на улицу и стал рассматривать храм, к которому примыкали помещения его службы. За высокими стенами трудились жрецы, посвященные в культовые таинства; понимая все несовершенство человеческой природы, они, тем не менее, не соглашались принимать его как данность. Человек — это глина и солома; бог сам возводил хранилища вечности, где пребывали созидательные силы, всегда недоступные, но, однако, содержащиеся в каждом простом куске кремния. Не будь храма, правосудие превратилось бы в сведение счетов, мелочные дразги, власть одной прослойки людей над остальными; храм давал возможность богине Маат держать бразды в своих руках и поддерживать равновесие. Закон не мог принадлежать никому; и только Маат, чье тело легче страусиного перышка, ощущала тяжесть содеянного. Служить ей, почитая ее, как ребенок почитает свою мать, было долгом чести любого судьи.

Монтумес появился очень рано. Пазаир зябко кутался в шерстяной плащ, несмотря на теплое время года; верховный страж, напротив, был одет лишь в накрахмаленную тунику, придававшую ему величественный вид. На поясе у него висел кинжал с короткой рукояткой и острым лезвием. Глядел он холодно.

— Вы ранняя птичка, Монтумес.

— Я не намерен выступать в роли обвиняемого.

— Но вы приглашены в качестве свидетеля.

— Я разгадал ваше намерение: задавить меня тяжестью ошибок, по большей части надуманных. Нужно ли вам напоминать, что я тоже служитель Закона?

— Но вы почему-то не применяете его к самому себе.

— Вести следствие, не влезая в грязь, невозможно, иногда приходится пачкать руки.

— Не забыли ли вы их вымыть?

— Не время читать мне эту тухлую мораль. Вы больше доверяете сомнительному негру, чем верховному стражу.

— Перед Законом все равны: я давал клятву судьи.

— Да кто же вы такой, в конце концов!

— Египетский судья.

Эти слова прозвучали так мощно и торжественно, что Монтумес дрогнул. Ему крупно не повезло. Он натолкнулся на судью прежних времен, на одного из тех людей, что изображены на рельефах золотого века, эпохи строителей великих пирамид: высоко поднятая голова, обостренное чувство справедливости, любовь к истине, равнодушие к хуле и похвале. Проведя столько лет в сферах высшей власти, верховный страж пришел к убеждению, что этот тип людей обречен на угасание вместе с визирем Баги. Увы, он возрождался вместе с Пазаиром, подобно сорняку, который считаешь окончательно выполотым.

— Почему вы меня преследуете?

— Невинной жертвой вас не назовешь.

— Меня ввели в заблуждение.

— Кто?

— Я не знаю.

— Послушайте, Монтумес! Вы, самый информированный человек в Египте, пытаетесь убедить меня в том, что нашелся некто, еще более ловкий и могущественный, кому удалось обвести вас вокруг пальца?

— Если вы хотите правды, то вот она. Вы увидите, что она меня не украшает.

— Пока не очень верится.

— И напрасно. Истинная причина гибели ветеранов мне неизвестна; то же самое и в отношении кражи небесного железа. Что касается убийства Беранира, то оно давало возможность убрать вас с моего пути, воспользовавшись анонимным обвинением. Я не колебался ни минуты, потому что ненавижу вас. Мне противны ваш ум, ваше упорство в достижении цели любой ценой, ваша неприемлемость компромиссов. Рано или поздно я должен был стать вашей мишенью. Моим последним шансом был Кем; если бы вы согласились сделать из него козла отпущения, мы заключили бы с вами договор о ненападении.

— Ваш фальшивый свидетель и человек, который ввел вас в заблуждение, это не одно и то же лицо?

Монтумес поскреб свой розовый череп:

— На самом деле существует заговор, ведущую роль в котором играет полководец Ашер, но куда ведут его нити, мне непонятно. У нас с вами общие враги; может, нам стоит выступить единым фронтом?

Молчание Пазаира заронило в душу Монтумеса надежду.

— С вашей принципиальностью вы долго не продержитесь, — настаивал он. — Она дала вам возможность подняться очень высоко по иерархической лестнице, но не дергайте за эту веревочку слишком сильно. Я знаю жизнь. Прислушайтесь к моим советам, и все будет в порядке.

— Я должен подумать.

— Ради бога! Я готов забыть о своем прежнем отношении к вам и считать вас другом.

— Если вы не являетесь центром заговора, — размышлял Пазаир вслух, — то, значит, дело обстоит гораздо серьезнее, чем я предполагал.

Монтумес растерялся. Он рассчитывал, что судья придет к другому выводу.

— Имя вашего фальшивого свидетеля приобретает принципиальное значение.

— Не настаивайте.

— В таком случае вы пострадаете один.

— Неужели вы посмеете меня обвинить...

— ...в антигосударственном заговоре.

— Присяжные не согласятся с вами.

— Посмотрим. Вам можно предъявить достаточно претензий, и они должны будут принять это в расчет.

— Если я назову вам имя, вы оставите меня в покое?

— Нет.

— Вы безумец!

— Я не поддаюсь на шантаж.

— Тогда мне нет никакого смысла сообщать вам что бы то ни было.

— Как хотите. До скорой встречи в суде.

Пальцы Монтумеса судорожно сжались на рукоятке кинжала. Первый раз в своей карьере верховный страж попал в безвыходное положение.

— Какое будущее вы мне готовите?

— То, которое вы выбрали себе сами.

— Вы великолепный судья, я — хороший стражник. Ошибка исправлена.

— Имя свидетеля?

Тонуть один Монтумес был не согласен.

— Зубной лекарь Кадаш.

Верховный страж следил за реакцией Пазаира и, поскольку старший судья продолжал молчать, не торопился уйти.

— Кадаш, — повторил он.

Монтумес вышел, с надеждой, что сделанное признание спасет его. Он не заметил присутствия внимательного свидетеля, ни на минуту не отрывавшего от верховного стража своих красных глаз. Павлиан, взобравшийся на крышу царского портика, был похож на статую бога Тота. Он сидел, положив лапы на колени ладонями вверх и, казалось, медитировал.

Пазаир понял, что верховный страж сказал правду. Если бы тот солгал, обезьяна бы бросилась на него. Судья позвал Убийцу. После легкого колебания павлиан скользнул вниз по колонне, подошел к Пазаиру, и тот протянул ему руку.

Увидев Кема, животное бросилось ему на шею, а нубиец плакал от радости.

* * *

Перелетев через поле, перепела нырнули в колосья. Утомленный долгим путешествием вожак не заметил опасности. Обутые в сандалии из листьев папируса, простертые на земле охотники раскинули частую сеть, в то время как их помощники размахивали тряпками, чтобы вспугнуть птиц. Обезумев от страха, те попадали напрямик в сеть: улов был богатый. Жареные перепела — одно из самых популярных блюд, подававшихся к столу в лучших домах.

Пазаир не оценил этого зрелища. Видеть, как живое существо лишают свободы, даже если речь идет об обыкновенной перепелке, причиняло ему настоящие страдания. Нефрет, чувствительная к переживаниям мужа, потянула его за собой. Они дошагали до озера со спокойными водами и берегами, заросшими смоковницами и тамариском, которое один из фиванских царей приказал вырыть для своей жены. Согласно легенде, богиня Хатхор приходила сюда на закате купаться. Молодая женщина надеялась, что райская красота здешних мест принесет судье умиротворение.

Разве исповедь верховного стража не доказывала, что с первых дней расследования в Мемфисе Пазаир самостоятельно вычислил одну из ключевых фигур заговора? Кадаш не остановился перед тем, чтобы подкупить Монтумеса и спровадить судью в тюрьму.

У судьи закружилась голова. Он подумал, что становится проводником высшей воли, указывающей ему путь и побуждающей пройти по нему во что бы то ни стало.

Виновность Кадаша ставила перед ним вопросы, на которые нельзя было отвечать поспешно, без достаточных доказательств. Странный огонь, временами нестерпимый, жег

его изнутри; торопясь узнать истину, не рисковал ли он извратить ее своей торопливостью?

Нефрет твердо решила оторвать его от рабочей комнаты и документов и не слушала никаких возражений, она увлекла его в это приветливое сельское уединение.

— Я теряю драгоценное время.

— Мое общество тебя тяготит?

— Прости меня.

— Тебе полезно передохнуть.

— Зубной лекарь Кадаш приводит нас к химику Чечи, через него — к полководцу

Ашеру, далее мы выходим на убийство пяти ветеранов и, видимо, на судовладельца Денеса и его жену! Все заговорщики принадлежат к нашей элите. Они хотят захватить власть посредством военного переворота, предварительно взяв под свой контроль производство нового оружия. Вот почему был убит Беранир, будущий верховный жрец Карнака, который дал бы мне возможность вести расследование в храмах по поводу кражи небесного железа; вот почему они попытались уничтожить меня, обвинив в убийстве учителя. Дело очень разветвленное, Нефрет! Хотя я могу и ошибаться. Я не вполне уверен в своих выводах.

Она повела его по тропинке вдоль озера. Стоял послеполуденный зной, и крестьяне дремали в шалашах и в тени деревьев.

Нефрет встала на колени, сорвала растущий у берега бутон лотоса и приколола его к волосам. Серебристая рыбка с выпуклым животом выскочила из воды и вновь исчезла, подняв сверкающий фонтанчик брызг.

Женщина вошла в воду; ее платье намокло и плотно облегло тело, подчеркнув его линии. Зайдя поглубже, она легко поплыла и, смеясь, попробовала схватить карпа, прямо перед ней чертившего под водой зигзаги. Она вышла из воды, окруженная ароматом своих духов, ставшим после купания более отчетливым.

— Ты не хочешь искупаться?

Она была так хороша, что Пазаир смотрел на нее, не двигаясь. Она сняла платье, он — свою повязку. Нагие, они обнялись и скользнули в заросли папируса, где отдались друг другу, изнемогая от счастья.

* * *

Пазаир категорически не одобрял намерения Нефрет. Зачем старший лекарь Небамон зовет ее к себе, если не для того, чтобы заманить в ловушку и отомстить?

Кем и его павиан пойдут следом, чтобы обеспечить ее безопасность. Обезьяна сумеет пробраться в сад лекаря, и, если ситуация станет опасной для Нефрет, Убийца вмешается самым решительным образом.

Но молодая женщина не испытывала опасений; напротив, ей было очень любопытно, что же замышляет ее злейший враг. Несмотря на предостережения Пазаира, она приняла условия Небамона: встреча с глазу на глаз.

Привратник впустил ее, и она пошла по аллее тамариска, чьи густые, разросшиеся ветви склонялись до земли; их пушистые сахарные плоды собирали по росе и сушили на солнце, а из древесины делали лучшие гробы, подобные тому, в котором покоился Осирис, а также жезлы, помогавшие прогонять темные силы. Удивленная необычной тишиной, царящей в поместье, Нефрет пожалела, что не захватила с собой такого жезла.

Не было видно ни садовника, ни водоноса, ни слуг... Возле роскошного дома тоже было пустынно. Нефрет неуверенно переступила через порог. Просторная комната, отведенная для гостей, была хорошо проветрена и слабо освещена несколькими пучками света.

— Я пришла, — произнесла она.

Никто не ответил. Жилище казалось покинутым. Может быть, Небамон уехал в город, забыв о назначенной встрече?

Мучаясь сомнениями, она принялась осматривать дом.

Старший лекарь спал, лежа навзничь на большой кровати в своей спальне, расписанной летающими утками и гуляющими цаплями. Лицо его осунулось, дыхание было коротким и прерывистым.

— Я пришла, — тихо повторила она.

— Вы не побоялись... я не надеялся!

— А вас следует опасаться?

Она стояла перед ним, легкая и воздушная.

— Раньше да. Я желал исчезновения Пазаира и вашего провала. Знать, что вы счастливы вдвоем, было невыносимо; я страстно желал видеть вас у своих ног, жалкую, умоляющую. Ваше счастье мешало моему. Разве я не мог бы вас соблазнить? Ведь со многими это мне удалось. Хотя вы на них не похожи.

Небамон сильно сдал; его голос утратил свои томные модуляции и дребезжал.

— Что с вами?

— Негостеприимный я хозяин. Не хотите попробовать мои пирожные в форме пирамидок с начинкой из фиников?

— Я не люблю сладкого.

— Но вы же любите жизнь, вы принимаете ее во всей полноте! Мы были бы великолепной парой. Пазаир вас не стоит, вы это знаете; он недолго пробудет старшим судьей, и вы снова впадете в бедность.

— Разве богатство необходимо?

— Бедный врач не может быть успешным.

— Но ведь ваши деньги не избавляют вас от страданий?

— У меня опухоль в груди.

— Это можно вылечить. Чтобы успокоить боль, я советую примочки из сока смоковницы, взятого в начале весны, до плодоношения.

— Прекрасный рецепт. Вы искусный врачеватель.

— Но операции не избежать. Я бы сделала надрез с помощью заостренного тростника, сняла опухоль теплом и прижгла рану ланцетом.

— Это было бы правильно, если бы мой организм смог выдержать хирургическое вмешательство.

— Вы до такой степени ослабели?

— Мои дни сочтены. Поэтому я отослал близких и слуг. Все меня раздражают. Какая, должно быть, неразбериха царит во дворце. В мое отсутствие никто не способен проявить инициативу. Глупцы, которые смотрят на меня, открыв рот, и совершенно теряются в мое отсутствие. Какая жалкая комедия... Ваше появление скрасит мою агонию.

— Могу я прослушать вас?

— Если вас это развлечет.

Она слышала голос его сердца, слабый и неритмичный. Небамон не лгал. Он был

тяжело болен. Он лежал тихо, вдыхая запах духов Нефрет, ощущая нежное прикосновение ее руки на своей коже и ее уха на своей груди. Он отдал бы целую вечность, лишь бы продлить эти мгновения. Увы, у него в запасе не было вечности; наступал час последнего суда: на его пороге стояла смерть.

Нефрет отстранилась:

— Кто лечил вас?

— Я сам, знаменитый старший лекарь египетского царства!

— Каким образом?

— Не презирайте меня. Я ненавижу сам себя, потому что неспособен внушить вам любовь. Мое существование было скучной чередой успехов, лжи и мерзостей, и в нем не было вас, вашего лица, не было страсти, которая бы нас сблизила. Я умираю без вас.

— Я не могу вас так оставить.

— Отбросьте сомнения, используйте этот шанс! Если я поднимусь, то превращусь в хищника, буду преследовать Пазаира и попытаюсь завладеть вами.

— Больному надо помочь.

— Вы берете на себя эту роль?

— В Мемфисе много отличных практикующих врачей.

— Нет. Вы и никто другой.

— Не будьте ребенком.

— Если бы не Пазаир, вы полюбили бы меня?

— Вы знаете ответ.

— Солгите, умоляю вас!

— Сегодня же вечером вернутся ваши слуги. Я пропишу вам легкое меню.

Небамон поднялся:

— Клянусь, что я не участвовал ни в каких заговорах, которые так волнуют вашего мужа. Мне ничего не известно ни об убийстве Беранира, ни о смерти ветеранов, ни о происках Ашера. Единственной моей целью было отправить Пазаира на каторгу и вынудить вас выйти за меня замуж. Другая жена мне не нужна.

— Не следует ли вам отказаться от того, что получить невозможно?

— Обстоятельства еще переменятся, уверяю вас.

Пантера ласкала грудь Сути и таяла от счастья. Они только что предавались любви; ее любовник был напорист, как мощный паводок, и нетерпелив, как валы, которые он бросает на скалы.

— Почему ты такой мрачный?

— Да так, мелкие неприятности.

— Ходят разные слухи.

— О чем?

— О Рамсесе Великом. Некоторые утверждают, что счастье отвернулось от него. В прошлом месяце был пожар в порту; произошло несколько несчастных случаев на реке; молния расщепила пополам большую акацию.

— Это глупости.

— Для многих твоих соотечественников — нет. Они уверены, что магическая сила фараона истощается.

— Подумаешь, важность! Он устроит праздник возрождения, и народ станет вопить от радости.

— Чего он ждет?

— Рамсес умеет совершать нужные действия в нужный момент.

— А твои неприятности?

— Говорю тебе, пустяки.

— Женщина.

— Я веду следствие.

— Чего она хочет?

— Я вынужден...

— Законный брак, со всеми вытекающими последствиями! Иначе говоря, ты меня бросаешь!

В гневе светловолосая ливийка разбила несколько глиняных кружек и разодрала на части соломенный стул.

— Какая она из себя? Высокая, низенькая, молодая, старая?

— Маленькая, черноволосая, не такая красивая, как ты.

— Богатая?

— Конечно.

— Я тебя больше не устраиваю, у меня нет денег! Твоя шлюха-блондинка больше тебя не забавляет, тебе захотелось иметь добропорядочную и богатую жену-брюнетку!

— Мне необходимо узнать у нее кое-что очень важное.

— И ты вынужден жениться?

— Это же простая формальность.

— А я?

— Прояви терпение. Как только я получу то, что мне нужно, сразу разведусь.

— И как она на это отреагирует?

— Для нее это всего лишь каприз. Она быстро забудет.

— Откажись, Сути. Ты делаешь ужасную ошибку.

— Я не могу.

- Прекрати слушаться Пазаира!
- Брачный контракт уже подписан.

* * *

Пазаир, старший судья, высший судебный чиновник Мемфиса, неоспоримый моральный авторитет, дулся, как обиженный подросток. Ему было непонятно, почему Нефрет тратит столько сил на Небамона. Молодая женщина пригласила нескольких целителей на консультацию к старшему лекарю, вернула в его дом слуг, проследила за тем, чтобы больной был ухожен и у его изголовья постоянно кто-то находился. Это бесило судью.

- Своим врагам не помогают, — бурчал он.
- И это говорит судья?
- Судья должен это сказать.
- Я же врач.
- Это чудовище пыталось нас уничтожить, тебя и меня.
- Но у него не получилось. И сегодня он уничтожает себя изнутри.
- Его недуг не искупает его вины.
- Ты прав.
- Если ты согласна со мной, прекрати заниматься его делами.
- Моих мыслей он не занимает, я действую из чувства долга.

Пазаир чуть-чуть повеселел.

- Ты ревнуешь?

Он притянул ее к себе.

- Ужасно.
- Ты не разрешаешь мне лечить никого, кроме собственного мужа?
- Безусловно, если бы закон давал мне такую возможность.

Слегка встревоженный Смелчак протянул правую лапу Нефрет, а левую — Пазаиру: малейшие разногласия между хозяевами делали пса несчастным. Его поза была так забавна, что они оба расхохотались. Успокоенный пес поддержал веселье своим лаем.

* * *

Отстранив двух писцов, нагруженных свитками папируса, и толкнув секретаря, Сути распахнул дверь в рабочую комнату Пазаира. Хозяин пил медную воду. Длинные черные волосы офицера были растрепаны, некогда славный герой был страшно разгневан.

- У тебя неприятности, Сути?
- Да, и это — ты!

Старший судья встал и закрыл дверь. Скандал обещал быть шумным.

- Мы можем поговорить в другом месте.
- Ну уж нет! Корень моих неприятностей именно здесь.
- С тобой несправедливо обошлись?

— Ты уже успел прикипеть к своему месту, Пазаир! Взгляни вокруг: бумагомараки, тупые чинуши, мелкие душонки, озабоченные лишь своим продвижением по службе. Ты

попираешь нашу дружбу, ты забросил расследование по полководцу Ашеру, истина тебя больше не волнует. Создается впечатление, что ты больше не доверяешь мне! Должности и полномочия застят тебе глаза. А между тем я сам видел, как Ашер пытал и убил египтянина, я знаю, что он предатель, а ты строишь из себя важную персону!

— Ты выпил.

— Только плохого пива, зато много. Мне было необходимо. Ни у кого не хватит смелости говорить с тобой так, как я.

— Ты никогда не чувствовал нюансов, но я не подозревал, что ты просто глуп.

— Вдобавок ко всему, ты меня и оскорбляешь! Попробуй опровергнуть то, что я сказал, если посмеешь.

— Сядь.

— Я не вступаю в сделки с совестью!

— Ну хотя бы отдышись.

Слегка пошатываясь, Сути умудрился сесть, не потеряв равновесия.

— Не пытайся меня умаслить. Я тебя насквозь вижу.

— Тебе повезло. Лично я мало что понимаю.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился Сути.

— Посмотри: я завален работой. Когда я работал квартальным судьей, у меня было хотя бы немного времени, чтобы вести расследования. На новой должности я обязан отвечать на сотни ходатайств, просматривать несметное количество документов, успокаивать гнев одних и нетерпение других.

— Ты угодил в ловушку! Уходи в отставку, и будем работать вдвоем.

— Какие у тебя планы?

— Свернуть шею полководцу Ашеру и избавить Египет от этой порчи.

— Последнего ты не добьешься.

— Добьюсь! Обезглавить заговор — и дело в шляпе!

— А убийство Беранира?

Сути саркастически рассмеялся:

— Я был настолько хорошим следователем, что женился на госпоже Тапени.

— Я оценил твою жертву.

— В противном случае она бы ничего мне не сказала.

— Зато теперь ты богат.

— Но Пантера в бешенстве.

— Такому соблазнителю, как ты, пора к этому привыкнуть.

— Я — и вдруг женат... Это же хуже, чем каторга! Разведусь при первой же возможности.

— Свадебная церемония прошла нормально?

— В самом узком кругу. Она не хотела видеть никого. А в постели — как с цепи сорвалась. Для Тапени я как мед для мухи.

— А как продвигается расследование?

— С иглами вроде той, которой был убит Беранир, умеют управляться всего несколько дам из высшего общества. Самая искусная и самая заметная среди них — госпожа Нанефер. Ее пост инспектора государственной казны — почетный, но она действительно заведует складом тканей и прекрасно владеет мастерством ткачихи.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Госпожа Нанефер, супруга судовладельца Денеса, смертельный враг Бел-Трана, самого лучшего помощника судьи! При всем том, будучи членом жюри во время процесса над Ашером, она не выступила против Пазаира. Снова, в который уже раз, судья почувствовал, что никак не нащупает верного пути. Вывод о виновности вроде бы напрашивается сам собой, однако уверенности нет.

— Арестуй ее немедленно, — посоветовал Сути.

— У меня нет достаточных доказательств.

— Опять, как с Ашером! Почему ты не хочешь признавать очевидное?

— Не я, Сути, а суд. Чтобы признать вину обвиняемого в убийстве, суд должен располагать безупречными доказательствами.

— Но я же ради этого женился!

— Постарайся узнать еще что-нибудь.

— Ты требуешь от меня все больше, а сам прячешься за частокол законов, из-за которого не видишь реальности. Ты отрицаешь то, что ясно, как белый день: Ашер — предатель и преступник, который стремится взять под контроль армейские части в Азии, а Нанефер — убийца твоего учителя.

— Но почему тогда полководец бездействует?

— Он занят тем, что расставляет своих людей на нужные посты в Египте и на покоренных землях в качестве инструктора офицерского корпуса в Азии. Он формирует из преданных ему людей группу чиновников и военных. И скоро, с помощью своего друга Чечи, получит в свое распоряжение сверхнадежное вооружение, с которым сможет противостоять любым войскам. Тот, кто контролирует армию, владеет всем государством.

Пазаир недоверчиво слушал.

— Военный переворот не имеет шансов на успех.

— Золотой век кончился, на троне — Рамсес! Провинция населена большим количеством иноземцев, а наши дорогие соотечественники больше думают о том, как бы разбогатеть, а не о том, чтобы удовлетворить богов. Прежняя мораль умерла.

— Личность фараона по-прежнему священна. Ашеру с ним не сравниться. Ни один из кланов его не поддержит, страна его не примет.

Этот аргумент сработал. Сути признал, что его рассуждения, убедительные в том, что касается провинций, не действуют в отношении Египта Рамсеса Великого. И никакая группировка, даже прекрасно вооруженная, не сумеет добиться одобрения храмов, не говоря о том, чтобы снискать доверие народа. Чтобы управлять обеими землями — Нижним и Верхним Египтом, — одной силы недостаточно. Необходима священная сущность — способность заключить договор с богами и заставить воссиять на земле божественную любовь. И если грека, ливийца или сирийца эти соображения способны лишь рассмешить, то для египтянина они являются определяющими; и сколь бы талантливым стратегом и ловким интриганом ни был Ашер, необходимых для этого качеств у него нет.

— Странно, — заметил Пазаир. — У нас было трое потенциальных виновников в смерти Беранира: старший судья, который отправлен в ссылку и умирает от истощения; Небамон, страдающий от серьезного заболевания; Монтумес, который близок к краху. Каждый из троих мог написать записку, предлагающую мне поспешить на помощь учителю, и таким образом создать ситуацию, позволявшую обвинить меня в убийстве. Ты добавил к этой троице госпожу Нанефер. Однако мне кажется, что мой предшественник на посту старшего судьи был не при чем: он вел себя как человек слабый, усталый, запутавшийся в

бесконечных компромиссах. Небамон поклялся Нефрет, что не замешан ни в каких заговорах. А верховный страж, обычно такой находчивый и уверенный в себе, выглядит скорее как жертва интриги, чем как интриган. Если мы так серьезно ошиблись в отношении этих троих, то как мы можем быть уверены в виновности Нанефер?

— Вот он, твой заговор! Полководцу Ашеру недостаточно элитных армейских подразделений. Ему необходима поддержка богатых предпринимателей и высших слоев общества, Расположение Нанефер и Денеса ему обеспечено, а они оба — самые богатые торговцы в Мемфисе! С помощью их денег он сможет купить чье-то молчание, совесть и пособничество. Заговор получается с двумя головами.

— Разве не Денес организовал прием по поводу моего вступления в должность?

— То есть он сделал попытку подкупить и тебя тоже? И когда у него это не вышло, он сочиняет версию, которая ему подходит. Ты — убийца Беранира; Кадаш — свидетель этого преступления, с помощью которого можно расправиться с твоим верным приставом Кемом.

На этот раз еще не протрезвевший Сути выглядел убедительно.

— Если ты прав, то наши противники гораздо более многочисленны и могущественны, чем мы полагали. А Денес годится на пост главы государства?

— Никогда! Слишком занят собой и равнодушен к другим. Не способен далеко просчитывать свои действия; его кругозор ограничен вопросами денег и прибыли. Госпожа Нанефер, напротив, более опасна, чем кажется; я полагаю, что она способна обеспечить регентство. И все это происходит наяву, старший судья! Пятеро ветеранов мертвы, Беранир убит, других пытались устранить... Таких передраг в Египте не случалось уже несколько десятилетий. Расследование, которое ты ведешь, нарушает их планы. У тебя в руках власть, воспользуйся же ею! Твои бумажки подождут.

— Они гарантируют стабильность в государстве и благополучие населения.

— Что со всем этим станется, если заговорщики добьются успеха?

Пазаир поднялся:

— Бездействие плохо влияет на тебя, Сути.

— Герою нужны подвиги.

— Ты готов рисковать?

— Вместе с тобой. Я хочу увидеть, как полководец Ашер получит по заслугам.

* * *

Боли у Силкет стали принимать угрожающий характер. Опасаясь дизентерии, Бел-Тран приехал за Нефрет глубокой ночью. Она дала больной зерна душистого укропа, известного своей способностью утолять боль и способствовать пищеварению. Спазмы утихли. В виде мази с добавлением кориандра укроп может лечить и мигрени. Однако диарея у Силкет протекала так болезненно, что этого зонтичного растения с желтыми цветами было недостаточно; каждые четверть часа больная должна была выпивать бокал пива из сладких рожков, смешанного с маслом и медом.

Через час усилия Нефрет дали результат: болезненные симптомы сошли на нет.

— Вы потрясающий лекарь, — прошептала пациентка.

— Не волнуйтесь. Завтра вы будете на ногах. И пейте рожковое пиво в течение недели.

— Какие-нибудь осложнения возможны?

— Никаких. У вас обыкновенное пищевое отравление. Если не лечить, то это может быть достаточно серьезно. Несколько дней вам необходимо будет есть пищу со злаками.

Бел-Тран горячо поблагодарил Нефрет и отвел ее в сторону.

— Вы сказали нам правду?

— Не сомневайтесь.

— Позвольте предложить вам легкий завтрак.

Нефрет согласилась. Небольшой отдых перед долгим рабочим днем не помешает: ведь ей предстоит посетить больше десятка больных, богатых и бедных. Скоро взойдет солнце, ложиться в постель уже не имеет смысла.

— С тех пор как я стал служащим казначейства, — признался Бел-Тран, — я перестал спать. Пока Силкет в постели, я просматриваю документы для завтрашнего дня. Но иногда в желудке возникает как бы клубок боли, и я не могу двинуть ни рукой, ни ногой.

— Вы истощаете свою нервную систему.

— Работа в казначействе не оставляет времени для отдыха. Я принимаю ваши упреки, Нефрет, но могу упрекнуть вас в том же. Вы целый день бегаете по городу, не оставляя без внимания ни один вызов. А между тем вам следует быть в другом месте: во дворце не хватает врачей вашего уровня. Небамон окружил себя посредственностями, и теперь его нечем заменить. Если он вытеснил вас из высшей врачебной элиты, то именно потому, что вы компетентный целитель.

— Вопрос о назначениях решает старший лекарь, и мы ничего не можем тут поделать — ни вы, ни я.

— Вы поставили на ноги визиря и других важных персон. Я собираю их свидетельства, которые намерен представить в дисциплинарную комиссию. И тогда даже самым упертым придется признать ваши достоинства.

— У меня нет никакого желания бороться за себя.

— Поскольку Пазаир — старший судья, он не может выступить в вашу защиту, так как рискует быть обвиненным в пристрастности. Но ко мне это не относится. И сражаться за вас буду я.

* * *

Фивы были взволнованы. Большой город на юге страны, хранитель древних традиций, соперничающий с Севером и враждебно воспринимающий экономические новации Мемфиса, полный энтузиазма и нетерпения, ждал, когда будет оглашено имя нового верховного жреца, который примет под свою руку более восьмидесяти тысяч чиновников, шестьдесят пять городов и деревень, миллион мужчин и женщин, так или иначе связанных с храмом, четыреста тысяч голов скота, четыреста пятьдесят виноградников и фруктовых садов, и девяносто судов. В обязанность фараона входило предоставить для церемонии культовые предметы, продовольствие, масло, фимиами, мазь, одеяния и дать земли, принадлежность которых будет обозначена с помощью больших стел, установленных по границам полей, в каждом углу; собрать пошлину с товаров и рыбной ловли должен будет верховный жрец. Понтифик Амона правил государством в государстве; поэтому фараон должен был назначить на этот пост человека, чья верность и желание прислушиваться к правителю не вызвали бы сомнений. В то же время фигура верховного жреца не должна

быть блеклой, лишенной харизмы. Беранир полностью отвечал этим требованиям; его внезапное исчезновение поставило Рамсеса Великого в затруднительное положение. День посвящения в сан наступал, а выбор все еще не был сделан.

Пазаир и Сути решились на путешествие — отчасти из любопытства, отчасти по необходимости. Из беседы с верховным жрецом Мемфиса они выяснили, что ему ничего не известно о краже небесного железа. Судя по всему, драгоценный металл принадлежал одному из храмов на юге; и только верховный жрец Карнака сможет подсказать следователям серьезное направление поисков. Но что же это за человек — тот, к кому направлялся Пазаир?

Как старший судья, Пазаир был допущен на пристань вместе с Сути, которого он представил как своего помощника. В доке, расположенном между Нилом и храмом, стояли многочисленные суда; благодаря нескольким рядам деревьев воздух здесь был свежий.

Двое друзей, сопровождаемые жрецом, прошли меж сфинксов с человеческими головами, взгляд которых обладал способностью останавливать непосвященных. Перед каждым из бдительных стражей был проложен оросительный желоб, наполнявший водой бассейн глубиной в полметра, где росли цветы. Таким образом, сакральный путь, ведущий из внешнего мира в храм, оказывался расцвеченным яркими красками.

Пазаир и Сути были допущены в первый большой двор, где совершавшие богослужение жрецы, с бритыми головами, одетые в льняные туники, украшали алтарь цветами. Что бы ни случилось во внешнем мире, церемония должна пройти безупречно. Служители бога, мастера тайнств, распорядители ритуала, звездочеты и музыканты исполняли свои обязанности, закрепленные действующим Законом со времен пирамид. Однако лишь небольшая часть их постоянно находилась внутри святилища; остальные участвовали в отправлении культа только в течение более или менее долгих периодов — от недели до трех месяцев. Дважды в день и дважды в ночь они совершали омовение, полагая, что внутренней чистоте должна соответствовать безупречная чистота внешняя.

Друзья сели на каменную скамью. Покой и величие здешних мест, глубокая тишина, сковавшая камни вечности, отвлекали от снедавших их забот и проблем. Жизнь, защищенная от губительного действия времени, приобретала здесь другой вкус. Даже Сути, закоренелый безбожник, почувствовал, как душа его наполняется радостью.

* * *

Новый верховный жрец Карнака получил от фараона знаки отличия, соответствующие его сану, — золотой жезл и два перстня. Отныне хозяин самого большого и богатого храма в Египте должен будет заботиться о сохранности и приумножении его богатств. Каждое утро он станет открывать двери в скрытое от посторонних глаз святилище, царство света, где Амон будет возрождаться в соответствии с таинством Востока. Он поклялся соблюдать ритуал, обновлять дары и заботиться об этом жилище богов, где начало начал будет находиться в постоянном равновесии. Завтра он подумает о своих многочисленных помощниках, включая домоправителя, распорядителя хозяйством, писцов, секретарей и управляющих; завтра он пожалеет о своем спокойном существовании, конец которому положило решение фараона. В этот решающий момент он вспомнил главное положение Закона: *Не возвышай голоса своего в храме, ибо Бог любит тишину. Пусть твое сердце*

будет любящим. Не беспокой Творца пустяками, ибо он любит молчание. Молчаливый похож на дерево, растущее во фруктовом саду; его плоды сладостны на вкус, его тень приятна, оно зеленеет и кончает свои дни там же, где и родилось.

Долго сосредоточивался главный жрец в святая святых, один в часовне, лицом к лицу со статуей бога. Никогда не испытывал он подобного волнения, сделавшего ничтожными его вчерашние чаяния и пустые надежды. Одевание главного служителя Амона освобождало его от всего преходящего, человеческого, он стал иным, незнакомым самому себе. И это было неважно, поскольку отныне у него не будет времени вспоминать о собственных вкусах и сомнениях.

Верховный жрец, пятясь, вышел из святилища и оглядел внутренность храма, свою новую вселенную.

* * *

Громкие восклицания приветствовали появление нового верховного жреца на пороге гигантского зала с колоннами, построенного Рамсесом. Отныне он станет прокладывать путь золотым жезлом и вести по нему свою мирную армию, призванную на службу во славу Амона.

Пазаир вздрогнул.

— Невероятно.

— Ты знаешь его?

— Это Кани, садовник.

Принимая в большом дворе знаки уважения от высших должностных лиц, Кани остановился напротив Пазаира. Судья поклонился. Взгляды этих людей встретились, наполняя обоих глубокой радостью.

— Мне бы хотелось посоветоваться с вами как можно скорее.

— Я могу принять вас сегодня вечером, — ответил Кани.

* * *

Дворец верховного жреца, расположенный недалеко от входа в храм, по своей архитектуре и внутреннему убранству был настоящей жемчужиной. Красота росписи, прославляющей деяния Творца в природе, ласкала глаз. Кани принял Пазаира в своем личном покое, уже заваленном свитками папируса. Они радостно обнялись.

— Я очень счастлив за нашу страну, — объявил судья.

— Дай бог, чтобы вы оказались правы! Ведь это место было предназначено Бераниру, мудрейшему из мудрых. Кто может сравниться с ним? Я стану благословлять его память каждое утро, его статуя будет установлена в храме, чтобы к ней можно было приносить дары.

— Рамсес сделал правильный выбор.

— Это место нравится мне так, как если бы я прожил здесь всю жизнь. И если я оказался облеченным столь высоким доверием, то это благодаря вам.

— Мое вмешательство было ничтожным.

— Оно было решающим. Но я чувствую, что вы чем-то озабочены.

— Расследование, которое я веду, дает обескураживающие результаты, они ставят меня в тупик.

— Чем я могу помочь?

— Мне бы хотелось провести следственные действия в храме Коптоса. Есть надежда, что там можно найти следы небесного железа, переданного химику Чечи, сообщнику полководца Ашера. Чтобы выдвинуть обвинение против первого и доказать виновность второго, необходимо пройти по всей цепочке. Без вашего разрешения это невозможно.

— Жрецы тоже могут оказаться пособниками преступников?

— Этого исключать нельзя.

— Я постараюсь преодолеть все препятствия, дайте мне неделю сроку.

* * *

Пазаир поселился в маленьком домике неподалеку от священного карнакского озера и принимал участие в ритуалах в качестве «чистого жреца». Его тело было гладко выбрито. Каждый день он писал Нефрет, восхищаясь в письмах спокойным великолепием храма. Сути, отказавшийся пожертвовать своими роскошными длинными волосами, проводил время у одной из своих подружек, с которой познакомился на речных состязаниях. Красотка

еще не вышла замуж и мечтала о Мемфисе; он отдался ей душой и телом.

В назначенный день верховный жрец принял обоих друзей в зале для аудиенций. Кани уже слегка изменился — лицо бывшего садовника, знатока лекарственных растений, оставалось изборожденным глубокими морщинами и бронзовым от солнца, а его манера держаться стала величественной. Остановив свой выбор на нем, Рамсес сумел разглядеть под скромной внешностью глубокую и возвышенную натуру. Период адаптации оказался для Кани абсолютно безболезненным, всего за несколько дней он понял суть своего нового поприща.

Пазаир представил ему Сути, который чувствовал себя стесненно в столь суровой обстановке.

— Следствие надо провести именно в Коптосе, — объявил верховный жрец. — Специалисты по драгоценным металлам и редким минералам находятся в подчинении настоятеля храма, бывшего рудокопа, а впоследствии стражника пустыни. И если кто-нибудь знает о происхождении этого небесного железа, то именно он. Коптос — отправной пункт всех больших экспедиций по рудникам и карьерам.

— Он сам может быть замешан в это дело?

— Если верить отзывам, то нет. Он — распорядитель, однако и сам находится под контролем. В его обязанности входит поставка ценных материалов во все храмы Египта. Он занимается и поставками золота. За двадцать лет службы — ни одной оплошности. Я подготовил письменное распоряжение, которое откроет вам доступ к архивам храма. Думаю, злоупотребления надо искать в другом месте; возможно, следует обратить особое внимание на рудокопов и изыскателей?

* * *

Резкий ветер взлохматил волосы Сути; стоя в носовой части судна, направлявшегося в Мемфис, он продолжал дуться, раздосадованный спокойствием Пазаира.

— Коптос, пустыня, сокровища песков... Какие глупости!

— С документом, подписанным Кани, я имею право перерыть весь храм Коптоса сверху донизу.

— Это абсурд! Те, кто ворует такие ценности, не настолько глупы, чтобы оставлять следы своих злоупотреблений.

— Твое рассуждение мне кажется разумным. Следовательно...

— Следовательно, надо, ничего не боясь, идти напролом в компании с людьми, не имеющими ни стыда, ни совести и готовыми поставить на карту благополучие их близких за горсть монет! Раньше такое приключение меня, может быть, и соблазнило бы, но теперь я женат и...

— Ты рассуждаешь как примерный семьянин!

— Мне хочется немного попользоваться благосостоянием госпожи Тапени — в качестве компенсации за свою безупречную службу. И, кроме того, разве ты не просил меня нажать на нее посильнее и узнать еще что-нибудь?

— Жить на содержании у дамы — это на тебя не похоже.

— Посылай на такие задания своего нубийца!

— Его быстро вычислят. Эту версию я будут отрабатывать сам.

— Ерунда! Ты не выдержишься и двух дней.

— Не забывай, я познал каторгу.

— Искатели руды должны уметь выживать без воды, терпеть самое жгучее солнце, бороться со скорпионами, змеями и дикими хищниками! Оставь эти затеи!

— Искать истину — мое ремесло, Сути.

* * *

Нефрет срочно вызвали к Небамону. Несмотря на то, что за ним постоянно ухаживали трое врачей, он впал в коматозное состояние.

Северный Ветер со своей хозяйкой без подсказки взял направление в сторону усадьбы старшего лекаря.

Как только появилась Нефрет, Небамон пришел в себя. Его мучил желудок, он жаловался на боли в руке и груди. «Сердечный приступ», — констатировала Нефрет. Она положила руку на грудь больного и приступила к гипнозу: боль отступила. Затем она прокипятила в масле корень брионии и добавила в снадобье листья акации, фиги и мед.

— Будете пить это четыре раза в день, — сказала она Небамону.

— Сколько мне осталось жить?

— Вы действительно серьезно больны.

— Вы не умеете лгать, Нефрет. Сколько?

— Наша судьба в руках бога.

— Не говорите красивых фраз! Я боюсь смерти и хочу знать, сколько дней мне осталось жить: я бы пригласил веселых девушек, выпил любимого вина!

— Дело ваше.

Небамон, бледный как смерть, вцепился в ее руку.

— Я снова лгу, Нефрет! Никто мне не нужен, кроме вас. Обнимите меня, умоляю. Один раз, только один раз...

Она мягко высвободила руку. На лице Небамона выступил пот.

— Последний суд будет суровым. Сам я — человек заурядный, но мне очень нравилось подчинять себе талантливых людей. Мне недоставало лишь женщины, настоящей женщины, которая сделала бы меня лучше. Прежде чем отправиться к Осирису, я мог бы помочь Пазаиру, тому, кто одержал надо мной верх. Скажите ему, что Кадаш купил мое свидетельство за амулеты. Необыкновенные вещицы, их ему поставляет его управитель. Судя по цене подарка, дело должно быть весьма серьезное. Даже чрезвычайное...

Это были последние слова старшего лекаря Небамона; он отошел в мир иной, не сводя глаз с Нефрет.

* * *

Пазаир вспомнил о продажном управителе зубного лекаря Кадаша. На самом деле было известно, что он замешан в незаконной торговле вещами, до которых его хозяин тоже был большой охотник. Красивый амулет из лазурита обменивался на корзину свежей рыбы. И живые и мертвые стремились заручиться магическим покровительством, чтобы защититься

от сил тьмы. Амулеты — в форме глаза, ноги, руки, лестницы в небо, лотоса, папируса, изображений богов — были олицетворением благих сил. Многие египтяне, невзирая на возраст и социальное положение, носили их на шее, чтобы они касались кожи.

Фигура Кадаша становилась все выразительней. Чтобы дополнить ее новыми штрихами, Пазаир направил своих служащих по следу его бывшего управляющего. Первая же разведка дала результаты: сегодня этот человек занимал сходный пост в большом поместье Среднего Египта. Владение принадлежало одному из лучших друзей Кадаша, судовладельцу Денесу.

* * *

Во время еженедельной аудиенции, которую визирь устраивал для своих ближайших сотрудников, обсуждались самые разные вопросы. Баги любил, когда люди говорили по существу, и терпеть не мог болтунов; его собственные выводы были четкими и содержательными. Один из секретарей их записывал, другой сразу преобразовывал в административные распоряжения, которые визирь скреплял личной печатью.

— Ваши предложения, судья Пазаир?

— Только одно: замена верховного стража. Монтумес недостоин занимать этот пост. Злоупотребления, допущенные им, слишком серьезны, чтобы смотреть на них сквозь пальцы. Секретарь визиря попытался возразить.

— Монтумес сделал много хорошего для страны. Он сумел установить в ней образцовый порядок.

— Визирю известны мои аргументы, — настаивал Пазаир. — Монтумес позволял себе лгать, подделывать документы и попираť правосудие. Но поплатился за все содеянное лишь один бывший старший судья. Почему же его сообщник должен остаться безнаказанным?

— Работу верховного стража в белых перчатках не сделаешь!

— Достаточно, — вмешался визирь. — Факты известны и доказаны, дело представляется предельно ясным. Зачитайте, секретарь.

Обвинения были тяжкими. Пазаир без стеснения обнажил всю низость и бесчестность поступков Монтумеса.

— Кто выступит за то, чтобы Монтумес остался на своем посту? — спросил визирь, когда обвинительный акт был зачитан.

Ни один голос не прозвучал в защиту верховного стража.

— Монтумес отозван со своего поста, — объявил визирь. — Если он намерен подать апелляцию, пусть обратится ко мне. Однако, будучи признан виновным во второй раз, он рискует попасть на каторгу. А теперь займемся вопросом о назначении преемника. Кого предлагаете вы?

— Кема, — спокойно произнес Пазаир.

— Но это скандал! — попытался протестовать один из секретарей.

Было видно, что и остальные того же мнения.

— Кем очень опытный стражник, — объяснял Пазаир. — Он глубоко переживает то, что считает несправедливостью, но всегда стоит за порядок. Да, он не испытывает большого уважения к роду человеческому, но свой профессиональный долг исполняет ревностно.

— Какой-то нубиец, низкого происхождения...

— Он великолепно ориентируется в обстановке, в этом можно не сомневаться. И

подкупить его не удастся никому.

Визирь прервал спор:

— Кем назначается верховным стражем Мемфиса. Если кто-то не согласен с этим решением, пусть представит свои доводы моему суду. Однако если я сочту их ничтожными, то подавший их будет осужден за клевету. Заседание окончено.

* * *

В присутствии старшего судьи Монтумес передал Кему жезл из слоновой кости, на конце которого была вырезана рука, символизирующая власть верховного стража, и амулет в виде растущей луны, с выгравированными на ней глазом и львом — символами бдительности. Несмотря на свое назначение, Кем отказался сменить свои лук, стрелы, дубинку и нож на обмундирование высшего чиновника. Не сказал он и ритуальных слов благодарности в адрес Монтумеса, находившегося во время этой процедуры в полубоморочном состоянии. Все прошло в молчании. Недоверчивый нубиец, опасаясь обмана со стороны предшественника, тут же испробовал свою новую печать.

— Вы удовлетворены? — гнусаво спросил Монтумес.

— Я обязан проследить за тем, как исполняется решение визиря, — безмятежно отвечал Пазаир. — Будучи старшим судьей, я засвидетельствовал передачу полномочий.

— Это вы убедили Баги отправить меня в отставку!

— Визирь действовал в соответствии со своим долгом. Вы потеряли должность из-за своих злоупотреблений.

— Мне бы следовало вас...

Однако Монтумес не посмел произнести слово, которое вертелось у него на языке. Взгляд нубийца остановил его.

— Угрожать кому-нибудь смертью — это преступление, — объявил он сурово.

— Я ничего такого не сказал.

— Не пытайтесь как-либо навредить судье Пазаиру. В противном случае будете иметь дело со мной.

— Ваши новые обязанности ждут вас, — напомнил судья. — Вам следует покинуть Мемфис как можно скорее.

Назначенному управляющим рыбными промыслами Дельты Монтумесу было предписано поселиться в маленьком прибрежном городке, где ему несподручно будет плести иные интриги, кроме тех, что касаются цен на рыбу.

Бывший верховный страж хотел ответить, однако, взглянув на сурового и торжественного Кема, прикусил язык.

* * *

Кем засунул свой жезл правосудия и амулет на самое дно деревянного сундука, под коллекцию азиатских кинжалов. Поручив все бумажные дела писцам, поднаторевшим на этой скучной работе, он запер дверь служебного помещения Монтумеса, твердо решив появляться там как можно реже. Улица, поля, природа были и останутся его любимым

местом деятельности — почитывая свитки папируса, преступника не поймает. Поэтому он старался работать плечом к плечу с Пазаиром. Вдвоем они отправились в Гермополь, город бога Тота, покровителя речи. Верхом на ослах, специально обученных возить чиновных лиц, они двигались по величавой и прекрасной провинции. Было время посева; после обильного паводка земля, удобренная илом, легко поддавалась плугам и мотыгам, дробившим и рыхлившим ее. Сеятели, с венками из цветов на головах, широким жестом бросали зерно на землю, быстро опоражнивая свои сумки из волокон папируса. За ними шел скот — быки, бараны, свиньи, которые утапывали зерно в землю. Иногда пахарь вытаскивал из-под плуга зазевавшуюся в луже рыбу. Бараны выводили все стадо на сухие участки; пастухи, в случае надобности, помахивали кожаным кнутом — его звонкое щелканье возвращало непокорных на праведный путь. Упавшее в землю зерно, согласно извечному закону Осириса о смерти и возрождении, сделает Египет краем плодородным и богатым.

Владения Денеса были велики, на них трудились жители трех деревень. Остановившись в самой большой из них, Пазаир и Кем выпили козьего молока и попробовали подсоленной, жирной простокваши из глиняного кувшина. В этих местах для выделки сыров, известных своим отменным вкусом, крестьяне используют чеснок, выращенный в оазисе Харга, чтобы створоженное с его помощью молоко не было слишком кислым. Друзья намазали простоквашу на ломти хлеба, выпеченного с добавками душистых трав.

Насытившись, они направились к огромной усадьбе Денеса, в которую входили несколько строений, зернохранилище, кладовые для вина и продуктов, стойла, конюшни, птичий двор, хлебопекарня, скотобойня и мастерские. Вымыв руки и ноги, судья и стражник потребовали встречи с управляющим поместьем. Один из конюхов отправился за ним на конюшню.

Заметив Пазаира, управляющий бросился бежать. Кем не тронулся с места, зато его павиан в несколько прыжков настиг беглеца и одним ударом поверг его в дорожную пыль. Когда его клыки вонзились управляющему в спину, тот перестал сопротивляться. Кем счел эту позу наиболее подходящей для серьезного допроса.

— Счастлив видеть вас снова, — начал Пазаир. — Кажется, наше присутствие вас слегка взволновало.

— Уберите обезьяну!

— Кто вас нанял?

— Судовладелец Денес.

— По рекомендации Кадаша?

Управляющий медлил с ответом. Челюсти обезьяны сжались.

— Да, Да!

— Следовательно, он не держал на вас зла за то, что вы его обокрали. Наверное, этому есть простое объяснение: Денес, Кадаш и вы были сообщниками. И если вы пытались убежать, то лишь потому, что прячете в этом поместье некие улики. У нас есть право на обыск, который мы намерены произвести немедленно. Вы согласны нам помочь?

— Вы делаете ошибку.

Кем охотно дал бы свободу действий своему павиану, однако Пазаир предпочел другое решение, менее резкое, зато более эффективное. Управляющего подняли, крепко связали и поместили под присмотр нескольких крестьян, которые ненавидели своего тирана. Они-то и рассказали судье, что обвиняемый строго запрещал входить в один из амбаров, который он запирает на несколько деревянных засовов, которые Кем взломал своим кинжалом.

Внутри находилось множество сундуков, чьи крышки — плоские, выпуклые, треугольные — были привязаны шнурами, намотанными на две круглые рукоятки — одна сбоку, а другая сверху. Там же находилась мебель — в большом количестве и очень дорогая. Кем перерезал веревки. В сундуках из дерева смоковницы лежали рулоны льна высшего качества, платья и покрывала.

— Приданое госпожи Нанефер?

— Надо будет спросить у него описи, чтобы выяснить, где все это было произведено.

Затем мужчины занялись ларями, обшитыми эбеновыми панелями с инкрустацией, в которых обнаружили сотни амулетов из лазурита.

— Да здесь же целое состояние! — воскликнул нубиец.

— Качество такое высокое, что происхождение этого богатства определить будет несложно.

— Я займусь этим.

— Денес и его сообщники продавали весь товар по бешеным ценам в Ливию, Сирию и Ливан и другие страны, где есть интерес к египетской магии. Не исключено, что они предлагали амулеты даже бедуинам.

— То есть речь может идти об ущербе для безопасности страны?

— Денес, конечно, будет все отрицать, сваливая вину на управляющего.

— Даже став старшим судьей, вы сомневаетесь в возможностях правосудия.

— Не смотрите на вещи так мрачно, Кем; ведь мы ведем здесь официальное расследование, не так ли?

Их внимание привлек предмет, спрятанный за тремя сундуками с плоскими крышками. Это был массивный ларь из золотистой акации, высотой сантиметров в тридцать, шириной в двадцать и глубиной в пятнадцать. На крышке из эбенового дерева — две искусно исполненные рукоятки из слоновой кости.

— Шедевр, достойный фараонов, — прошептал Кем.

— Я бы сказал... что это какой-то атрибут погребального ритуала.

— Если так, то мы не имеем права его трогать.

— Но я должен посмотреть, что внутри.

— Не будет ли это кощунством?

— Здесь нет никаких надписей.

Кем предоставил судье самому развязать бечевку, связывающую рукоятки. Пазаир медленно приподнял крышку.

Блеск драгоценного металла ослепил их. Громадный скарабей из цельного золота! И по обе стороны — по одному священному глазу из лазурита и небольшому теслу из небесного железа.

— Глаз воскресающего из мертвых, тесло для отверзания его уст в потустороннем мире и скарабей, который кладется на сердце, чтобы перевоплощение стало необратимым.

На брюшке скарабея они различили какую-то надпись, однако иероглифы оказались врезаны так глубоко, что прочесть ее им не удалось.

— Все это принадлежало фараону, — решил потрясенный Кем. — Тому, чья гробница была ограблена.

В эпоху Рамсеса Великого подобное злодеяние казалось немыслимым. Несколькими веками ранее бедуины, завладев Дельтой, грабили некрополи. Однако после освобождения Египта его правителей стали хоронить в Долине царей, которая охранялась денно и ночью.

— Только иноземец способен разработать столь чудовищный план, — снова заговорил нубиец, его голос дрожал.

Подавленный, Пазаир закрыл ларь.

— Надо доставить эти богатства Кани. В Карнаке это все будет в сохранности.

Верховный жрец Карнака приказал ремесленникам осмотреть ларец и его содержимое. Узнав результаты осмотра, он тут же пригласил к себе Пазаира; двое мужчин прохаживались в тени, под крышей портика.

— Установить владельца этих чудесных вещей оказалось невозможно.

— Это не фараон?

— Да, размеры скарабея впечатляют, но этого признака недостаточно.

— Кем, новый верховный страж, предполагает, что было ограблено какое-то погребение.

— Не думаю. Это сразу стало бы известно, замять подобный скандал вряд ли возможно. Как преступление государственной важности могло бы пройти незамеченным? Ничего подобного не случалось уже более пяти веков! Рамсес проклял бы преступника и казнил его на глазах у всего народа.

Кани был прав. Подозрения Кема казались маловероятными.

— Возможно, — продолжал Кани, — что эти дивные предметы похищены из мастерских. Либо Денес рассчитывал их продать, либо он берег для собственных похорон.

Поскольку упомянутый человек был весьма тщеславным, Пазаир склонялся ко второй версии.

— Вы провели следствие в Коптосе?

— Пока не успел, — ответил судья, — и еще не решил, как это сделать.

— Вам следует соблюдать крайнюю осторожность.

— Есть новая информация?

— Золотых дел мастера в Карнаке уверены: золото, из которого сделан скарабей, добыто на рудниках Коптоса.

* * *

Коптос, расположенный на небольшом отдалении к северу от Фив, был странным городом. На его улицах во множестве толпились рудокопы, старатели и каменотесы; одни собирались уезжать, другие только что приехали после сезона работ, проходивших в адских условиях обжигающей каменистой пустыни. Каждый жил надеждой, что в следующий раз непременно нападет на богатую жилу. Караванные торговцы продавали свой товар, привезенный из самой Нубии, охотники поставляли дичь в храм и богатым землякам, кочевники искали возможности обустроиться в Египте.

Все жили в ожидании указа фараона, который должен был позволить желающим искать доступ к карьерам яшмы, гранита и порфира, к порту Коссейр на Красном море и к месторождениям бирюзы на Синае. Все мечтали о золоте, о еще не найденных или неразработанных рудниках, об этой плоти богов, которую храм приберегал для правителей и божеств. Сколько интриг плелось во имя этой цели, сколько планов рухнуло, будучи похороненными «всевидающим оком», вездесущими стражниками из специального корпуса. В сопровождении устрашающих и неутомимых псов их караульные отряды безжалостно рыскали по самым неприметным тропинкам, не пропускали самых маленьких поселков,

возникая там и сям в этом враждебном мире, где так трудно выжить простому человеку. Охотясь за животными и людьми, они стреляли баранов и газелей, ловили и водворяли обратно в тюрьму беглецов. Их излюбленной мишенью были бедуины, нападавшие на караваны и грабившие путешественников, — многочисленные, отлично тренированные стражники не давали им спокойно заниматься их подлым ремеслом. И если все же группе кочевников похитрее удавалось достичь своих целей, стражи пустыни ставили себе четкую цель: поймать и уничтожить. Уже много лет ни один грабитель не мог похвастаться подобными подвигами. Контроль за рудокопами тоже был жестким — и здесь вора́м не оставляли ни малейшей возможности красть драгоценный металл.

Направляясь к великолепному храму Коптоса, где хранились древние карты месторождений полезных ископаемых Египта, Пазаир столкнулся с группой стражников, которые вели заключенных, покусанных собаками.

Старший судья торопился и был слегка взволнован. Ему не терпелось выяснить, получили ли он в Коптосе сведения, которые ему так нужны. Он опасался, что старейшина храма может оказаться заодно с заговорщиками. Прежде чем что-либо предпринять, он должен выяснить, справедливы его опасения или нет.

Мощная поддержка, которую оказывал ему верховный жрец Карнака, очень помогала судье; благодаря рекомендациям Кани двери сами открывались перед ним одна за другой, и здешний старейшина тоже не заставил себя упрашивать. Это был пожилой человек, дородный и уверенный в себе; его нынешнее религиозное служение не убило в нем деятельной натуры.

— Какую высокую честь вы нам оказываете! — иронизировал он своим густым баритоном, от которого кидало в дрожь его подчиненных. — Старший судья с предписанием перерыть сверху донизу мой скромный храм, вот знак высокого уважения, которого я никак не ожидал. Отряд вашей стражи уже готов заполнить здешние места?

— Я приехал один.

— Я вас не очень понимаю, — старейшина нахмурил свои густые брови.

— Мне нужна ваша помощь.

— Здесь, как и повсюду, много говорят о деле, которое вы возбудили против полководца Ашера.

— И как же его оценивают?

— У полководца больше сторонников, чем противников.

— К какому лагерю примыкаете вы?

— Да он настоящий разбойник!

Пазаир постарался ничем не показать своего удовлетворения. Если старейшина говорил правду, то его задача облегчается.

— А в чем вы его обвиняете?

— Я — бывший рудокоп, и я состоял в караульных отрядах. Вот уже год, как Ашер пытается наложить руку на корпус «всевидящего ока». Но пока я жив, ему это не удастся!

Гнев старейшины был искренним.

— Вы могли бы мне помочь выяснить происхождение небесного железа, которое в большом количестве появилось в Мемфисе в мастерской химика по имени Чечи? Он, естественно, утверждает, что ему ничего об этом не известно и что он — жертва интриг. Но он занят производством сверхпрочного оружия, скорее всего для полководца Ашера. Иными словами, без этого необыкновенного металла ему не обойтись.

— Тот, кто вам это рассказал, смеется над вами.

— Почему?

— Потому что небесное железо не такое уж прочное! Его делают из метеоритов.

— А они хрупкие...

— Эта сказка имеет широкое хождение, но это всего лишь сказка.

— Известно ли, где находятся метеориты?

— Они могут падать куда угодно, но у меня есть карта. Только государственная экспедиция, под контролем стражей пустыни, имеет право собирать небесное железо и свозить его в Коптос.

— Однако целый блок его был похищен.

— Ничего удивительного. Банда грабителей напала на один метеорит, прежде чем его местонахождение было зафиксировано на карте.

— И Ашер воспользовался этим?

— Зачем? Ему известно, что небесное железо используется в ритуальных целях. Если он начнет производство оружия из этого материала, у него будут большие неприятности. А вот если продать его за границу, скажем, хеттам, которые его весьма ценят, то это возможность крупных займов.

Купля, продажа, спекуляции... Эти дела не для Ашера, а скорее для Денеса, в мире коммерции он чувствует себя как рыба в воде! Чечи, кстати, может рассчитывать на проценты со сделок. Пазаир ошибался: Чечи, состоя на службе у Денеса, лишь укрывал краденое. А полководец Ашер, оказывается, стремился взять под контроль корпус стражей пустыни.

— Кража произошла из ваших запасов драгоценных металлов?

— За мной следят отряды стражников, жрецы и писцы, а я слежу за ними: мы держим друг друга под контролем. Вы меня подозреваете?

— Мне приходила такая мысль.

— Спасибо за откровенность. Если вы останетесь здесь на несколько дней, то поймете, что здесь ничего украсть невозможно.

Пазаир решил довериться старейшине.

— Среди богатств, скопленных спекулянтом амулетами, я обнаружил очень большого скарабея из цельного золота. Из золота с приисков Коптоса.

Бывший рудокоп казался смущенным.

— Кто это сказал?

— Золотых дел мастера из Карнака.

— Значит, это точно.

— Я думаю, эта вещь числится в ваших описях.

— Имя владельца обозначено?

— Там высечена какая-то надпись.

— Весьма неприятно. С давних времен каждая частица золота, которая приходит с приисков, действительно заносится в описи, и вы найдете их в архивах. Записывается и его назначение: такой-то храм, тот или иной правитель, такой-то ювелир. Но без имени вы ничего не найдете.

— Есть ли на приисках свои золотых дел мастера?

— Кое-где есть. Некоторые ремесленники производят свои изделия там же, где извлекают золото. Храм в вашем распоряжении; вы можете перетряхнуть его сверху донизу.

— В этом нет нужды.

— Я желаю вам успеха. Освободите Египет от этого Ашера, он приносит несчастье.

* * *

Пазаир был убежден, что старейшина Коптоса невиновен. Видимо, ему следует отказаться от того, чтобы установить происхождение небесного железа, объекта подпольной торговли Денеса, чей интерес к наживе воистину неистощим. Нельзя исключать того, что горнорабочие, ремесленники или стражники пустыни припрятавали драгоценные камни и металлы либо для Денеса, либо для Ашера, либо для них обоих. Будучи сообщниками, не стремились ли они копить средства как ресурс для будущего наступления, реальную цель которого судье никак не удавалось выявить?

Если ему удастся доказать, что убийца Ашер стоял во главе банды расхитителей золота, то полководцу не избежать самого сурового приговора. Но достичь этой цели можно, лишь присоединившись к бригаде искателей подземных богатств. Найти человека достаточно смелого и даже дерзкого будет нелегко, если вообще возможно, поскольку это рискованное предприятие. Если рассказывать об этом Сути, то лишь для того, чтобы его подразнить.

Единственный выход состоит в том, чтобы ввязаться в дело самому, предварительно убедив Нефрет в абсолютной необходимости этой авантюры.

* * *

Радостный лай Смелычака согрел его сердце. Пес стремглав кинулся к нему и встал как вкопанный, высунув язык, у ног ласкавшего его хозяина. Зная обидчивый характер своего осла, Пазаир поспешил выказать и ему свои теплые чувства. Северный Ветер ответил на ласку признательным взглядом.

Прижав к себе Нефрет, судья почувствовал, что она утомлена и чем-то озабочена.

— У нас неприятности, — сказала она. — Сути здесь. Уже неделю он прячется в одной из комнат и отказывается выходить.

— Что случилось?

— Он скажет только тебе. Сегодня вечером он много выпил.

* * *

— А, вот, наконец, и ты! — воскликнул возбужденный Сути.

— Мы с Кемом добыли важные сведения, — начал Пазаир.

— Если бы Нефрет меня не спрятала, меня выслали бы в Азию!

— За что?

— Полководец Ашер обвиняет меня в дезертирстве, в оскорблении высшего офицера, в том, что я без приказа оставил свой пост, в потере оружия, в трусости перед лицом врага и в клевете.

— Ты выиграешь процесс.

— Вот уж вряд ли.

— Почему?

— Уволившись из армии, я не запасся документами, которые освобождали бы меня от всяких обязательств. Теперь мой законный отпуск истек. Ашер, естественно, старается воспользоваться моей оплошностью. И формально я на самом деле дезертир и, следовательно, подлежу ссылке на каторгу.

— Это неприятно.

— Год исправительных работ в Азии, вот что меня ждет. Представь, как подчиненные Ашера будут со мной обращаться! Живым мне оттуда не выйти.

— Я вмешуюсь в это дело.

— Но я действительно совершил ошибку, Пазаир! Ты, старший судья, пойдешь против закона?

— Мы с тобой одной крови.

— И ты пропадешь вместе со мной! Нам расставили ловушку. Мне остается только одно: принять твое предложение и поехать с бригадой изыскателей, нырнуть в пустыню. Таким образом, я смогу избавиться от госпожи Тапени, от Пантеры, от полководца-убийцы и, возможно, обогатиться! Да это же прекрасно!

— Как ты сам отметил, трудно придумать что-нибудь более опасное.

— Сидячий образ жизни не для меня. Мне будет не хватать женщин, но и в этом отношении я надеюсь на удачу.

— Мы вовсе не хотим тебя потерять. — Нефрет растроганно посмотрела на него.

— Я вернусь. Обязательно вернусь, богатым, могущественным и уважаемым человеком! Все Ашеры на свете содрогнутся при виде меня и упадут мне в ноги, но я буду безжалостен и стану давить их своей пятой. Я вернусь, чтобы расцеловать вас и хорошенько закусить на пиру, который вы зададите в мою честь.

— Думаю, — заметил Пазаир, — лучше закусить прямо сейчас, вместо того чтобы слушать твои пьяные бредни.

— Никогда еще я не был более трезв. Если я останусь, то буду осужден и пропаду, увлекая за собой и тебя; такой упрямец, как ты, будет защищать меня до последнего, даже если дело совершенно безнадежно. И все наши усилия пропадут даром.

— Неужели действительно необходимо так рисковать? — спросила Нефрет.

— Если не предпринять чего-нибудь решительного, из этой ситуации мне не выпутаться. Отныне армия для меня закрыта, остается лишь это проклятое ремесло: искатель золота! И я вовсе не сошел с ума, на этот раз я вернусь богатым. Я это нутром чую.

— Твое решение окончательно?

— Уже неделю я ищу выход, у меня было время поразмыслить. Даже ты не сможешь повлиять на него.

Пазаир и Нефрет переглянулись. Сути не шутил.

— В таком случае мне надо тебе кое-что сообщить.

— Касательно Ашера?

— Мы с Кемом раскрыли цепь контрабанды амулетов, в которую замешаны Денес и Кадаш. Похоже на то, что полководец причастен к хищениям золота. Иными словами, заговорщики копят средства.

— Ашер ворует золото! Неслыханно! За это полагается смертная казнь, не так ли?

— Да, если виновность доказана.

— Я люблю тебя, как брата, Пазаир!

Сути обнял судью.

— И это доказательство добуду для тебя я. Я намерен не только обогатиться, но и свалить это чудовище с его пьедестала!

— Не сходи с ума, это всего лишь предположение.

— Нет, это правда!

— Если ты все решил, я оформлю твою экспедицию официально.

— Каким образом?

— С согласия Кема, ты две недели назад принят в корпус стражей пустыни. Тебе будет выплачено жалованье.

— Две недели... То есть еще до того, как всплыли эти обвинения полководца!

— Кем презирает эту канцелярщину. Но твое оформление законно, вот что важно.

— Выпьем! — потребовал Сути. Нефрет не возражала.

— Наймись простым изыскателем, — посоветовал Пазаир, — и никому не говори о том, что ты стражник. Признавайся в этом только в случае крайней опасности.

— Ты подозреваешь кого-нибудь конкретно?

— Ашер хочет наложить лапу на корпус стражей пустыни. Следовательно, он попытается либо подкупить кого-нибудь из них, либо внедрить в их отряды своих людей. То же самое и с изыскателями. Со мной будешь связываться или через посыльных, или каким-либо другим способом, но не слишком опасным. Мы оба должны быть в курсе наших параллельных расследований. Мой псевдоним будет... Северный Ветер.

— Если ты признаешь, что ты осел, то путь к мудрости для меня открыт.

— Ты должен обещать мне одну вещь.

— Пожалуйста.

— Не слишком искушай свою счастливую судьбу. Если опасность станет угрожающей, возвращайся.

— Ты меня знаешь.

— Вот именно об этом я и говорю.

— Я буду действовать в тени; а вот ты — открытая мишень.

— Ты хочешь сказать, что мое расследование более опасно, чем твое?

— Если наши судьи так умны, то у этой страны есть будущее.

Денес считал и пересчитывал сушеные фиги. Проверив несколько раз, он констатировал недостачу. После того как его писец произвел ревизию запасов, выяснилось, что не хватает восьми фруктов. Взбешенный, он собрал служащих и, угрожая страшными карами, потребовал, чтобы виновник признался. Пожилая повариха, дорожившая собственным покоем, вытолкнула вперед мальчугана лет десяти, который оказался сыном писца! Отец был приговорен к десяти ударам палкой, а мальчик — к пятнадцати. Судовладелец был суровым ревнителем порядочности своих слуг; его собственность должна быть неприкосновенна. В отсутствие госпожи Нанефер, которая ввязалась в казначействе в борьбу против Бел-Трана, чье влияние росло, Денес был вынужден лично поддерживать порядок в своем поместье.

Гнев вызвал у судовладельца чувство голода. Ему подали жаркое из свинины, молоко и свежий сыр. Неожиданный приход Пазаира испортил ему аппетит, однако он пригласил гостя разделить с ним трапезу. Старший судья сел на каменный пристенок крытой беседки, и пристально взглянул на судовладельца.

— Почему вы взяли на службу бывшего управляющего Кадаша, чья нечистоплотность известна всем?

— Моя служба по найму людей совершила ошибку. Мы с Кадашем были убеждены, что этот презренный человек покинул провинцию.

— Он ее действительно покинул, но лишь для того, чтобы встать по главе вашего большого имения возле Гермополя.

— Он назвался чужим именем. Будьте уверены, завтра же я его уволю.

— В этом нет необходимости. Он в тюрьме.

Судовладелец поглаживал свою маленькую бородку, из которой торчали несколько непокорных волосков.

— В тюрьме! Какое же преступление он совершил?

— А вы не знали, что он укрывает краденое?

— Укрывает! Как это ужасно!

Денес казался возмущенным.

— Незаконная торговля амулетами, он хранил товар в сундуках, — уточнил Пазаир.

— У меня, в моем поместье? Невероятно, немыслимо! Я бы хотел, чтобы эта история осталась между нами, мой дорогой судья; нельзя допустить, чтобы этот негодяй запятнал мою репутацию.

— Выходит, что вы одна из его жертв.

— Зная, что я редко бываю в этом поместье, он использовал меня самым подлым образом. Дела держат меня в Мемфисе, и я не люблю деревню. Надеюсь, он будет сурово наказан.

— Вы ничего не знаете о том, чем занимается ваш управляющий?

— Абсолютно ничего! Совесть моя чиста.

— И вам неизвестно, что в вашем поместье он прячет большие ценности?

Судовладелец выглядел изумленным.

— Не может быть! Какие ценности?

— Это тайна следствия. Вам известно, где находится ваш друг Кадаш?

— Здесь. Он очень утомлен, и я предложил ему остаться у меня.

— Если его здоровье позволяет, могу я его видеть?

Встревоженный Денес послал за зубным лекарем.

Энергично жестикулируя, не в силах усидеть на месте, Кадаш пустился в путаные объяснения, то отрицая, что он нанимал управляющего, то обещая его немедленно выгнать из поместья. На вопросы Пазаира он отвечал выпренными и бессмысленными фразами. Или седовласый лекарь терял разум, или он морочил судье голову. Пазаир прервал его.

— Я прихожу к выводу, что вы ничего не знаете, ни тот ни другой. Видимо, торговля амулетами шла мимо вас.

Денес поздравил судью с такими выводами. Кадаш исчез, не попрощавшись.

— Его можно извинить: возраст, переутомление...

— Следствие продолжается, — добавил Пазаир. — Управляющий всего лишь мелкая сошка; я найду организатора этой аферы. Будьте уверены, я поставлю вас в известность.

— Вы меня очень обяжете.

— Я бы хотел переговорить с вашей супругой.

— Не знаю, когда она вернется из дворца.

— Я зайду вечером.

— Это необходимо?

— Абсолютно.

* * *

Госпожа Нанефер предавалась любимому занятию — шила наряды. Судью провели в ее мастерскую. Тщательно накрашенная, она кроила рукав длинного платья, и приход судьи встретила с раздражением.

— Я устала. Когда тебя беспокоят в собственном доме, это неприятно.

— Я очень сожалею. Ваша работа восхитительна.

— Мой талант портнихи произвел на вас впечатление?

— Огромное.

Нанефер слегка растерялась.

— Что означает...

— Где вы берете ткани, из которых шьете?

— Это касается только меня.

— Ошибаетесь.

Супруга судовладельца отложила свою работу и оскорбленно встала.

— Я вас прошу объяснить.

— В вашем поместье, в Среднем Египте, среди прочих подозрительных объектов найдены рулоны льна, одежда и покрывала. Полагаю, что все это принадлежит вам.

— У вас есть доказательства?

— Строго говоря, нет.

— В таком случае избавьте меня от этих откровений и покиньте мой дом.

— Я вынужден это сделать, но скажу вам одно: провести меня вам не удастся.

Пантера закончила свою работу. Волосы умершего вчера больного, несколько зерен ячменя, украденных из могилы ребенка, прежде чем ее закроют, яблочные семечки, кровь черной собаки, уксус, ослиная моча, древесные опилки — приворотное зелье получится надежным. Уже две недели светловолосая ливийка буквально ложилась костями, чтобы добыть все ингредиенты. По-хорошему или по-плохому, но соперница это снадобье выпьет. Истощенная любовью, она навсегда потеряет вкус к любви и разочарует Сути. И тогда он ее бросит.

До Пантеры донесся какой-то шум. Пройдя через сад, в маленький белый домик кто-то вошел.

Она потушила лампу, освещавшую кухню, и вооружилась ножом. Значит, она посмела! Эта стерва преследует ее в ее собственном доме, видимо, рассчитывая свести с ней счеты! Непрошенная гостья вошла в комнату, открыла дорожную сумку и начала кидать туда вещи. Пантера занесла свое оружие.

— Сути!

Молодой человек обернулся. Увидев блеснувшее лезвие, он увернулся. Ливийка уронила нож.

— Ты с ума сошла?

Он поднялся и, прижав лезвие ногой, схватил ее за запястья.

— Это что, нож?

— Чтобы пронзить ее!

— О ком ты говоришь?

— О той, на которой ты женился.

— Забудь ее и меня тоже.

Пантера вздрогнула.

— Сути...

— Ты видишь, я уезжаю.

— Куда?

— Секретное задание.

— Лжешь, ты идешь к ней!

Он расхохотался, отпустил ее, засунул последнюю тряпку в сумку и повесил ее на плечо.

— Можешь быть спокойна, она со мной не едет.

Пантера вцепилась в любовника:

— Ты пугаешь меня. Объясни все, умоляю!

— Меня могут привлечь к ответственности как дезертира, поэтому мне надо уехать из Мемфиса как можно скорее. Если полководец Ашер поймает меня, я умру в ссылке.

— И твой друг Пазайр не вступится за тебя?

— Я совершил ошибку и расплачиваюсь за нее. Если я исполню его поручение, то с Ашером будет покончено, и я смогу вернуться.

Она страстно обняла его.

— Если ты солгал, — пообещала она, — я убью тебя.

С помощью подчиненных Кани Кем провел следственные действия в мастерских, производящих самые дорогие амулеты, но его усилия оказались тщетными. Верховный страж покинул Фивы и сел на судно, направлявшееся в Мемфис, где продолжил расследование, также не давшее результатов. Нубиец погрузился в размышления.

Эти великолепные предметы, ставшие объектом незаконной торговли, видимо, производились ремесленниками-одиночками. С помощью своего незаменимого павиана Кем провел несколько допросов. Один из свидетелей, карлик-сириец, согласился помочь следствию за три мешка ячменя и осла, не старше трех лет. Составлять докладную по всей форме и дожидаться обещанного вознаграждения официальным путем заняло бы слишком много времени. Поэтому нубиец решил пожертвовать собственным карманом, но пообещал карлику пересчитать ему ребра, если тот злоупотребит его доверием. В своих показаниях сириец упомянул об одной подпольной мастерской, открывшейся два года тому назад в северном квартале, возле судоверфи.

Переодевшись водоносом, Кем в течение нескольких дней вел наблюдение в этом районе. Когда верфи закрывали, иноземные рабочие уходили по узенькой улочке, в конце которой, казалось, был тупик, а с зарей выходили из нее, вынося закрытые корзины и передавая их лодочнику.

На четвертую ночь нубиец тоже устремился в этот проулок, в конце которого он обнаружил стенку из тростника, заляпанную грязью. Кем сильно толкнул ее, она подалась. Четыре человека изумленно смотрели, как в помещение ввалился огромного роста негр и следом за ним — павиан. Кем оглушил самого тщедушного, павиан вонзился зубами в ногу второго, третий обратился в бегство. Четвертый, самый старший, остался на месте, ни жив ни мертв. В левой руке он держал великолепный узел Исида, исполненный из лазурита. Когда Кем подошел к нему, тот уронил его на пол.

— Ты здесь хозяин?

Старик кивнул головой. Маленький и толстый, он умирал от страха. Кем поднял поделку с пола.

— Отличная работа. Я бы сказал, что ты знаешь свое дело. Где ты этому научился?

— В храме Птаха, — пробормотал тот.

— Почему ты ушел оттуда?

— Меня выгнали.

— Почему?

Ремесленник опустил голову:

— Кража.

В мастерской с низким потолком дышать было нечем. Вдоль глинобитных стен стояли ящики с кусками лазурита, добытого в далеких горных краях. На низком столе лежали готовые амулеты; в корзине — обломки и брак.

— Кто тебя нанял?

— Я... я не помню.

— Послушай, приятель! Врать глупо. Кроме того, это сильно раздражает мою обезьяну. Свое имя «Убийца» она вполне заслужила, не буду от тебя этого скрывать. Я хочу знать имя того, кто возглавляет это предприятие.

— Я могу рассчитывать на вашу защиту?

— В каторжной тюрьме для воров ты будешь в полной безопасности.

Маленький человечек был бы счастлив отправиться даже в преисподнюю, лишь бы

подальше от Мемфиса. Он даже не ответил Кему.

— Я слушаю, — повторил нубиец.

— А без каторги нельзя обойтись?

— Это зависит от тебя. И особенно от имени, которое ты назовешь.

— Он не оставил после себя никаких следов, он все будет отрицать, и моего свидетельства вам будет недостаточно.

— Пусть эти мелочи тебя не беспокоят.

— Лучше отпустите меня.

Пытаясь проскользнуть мимо сидящего неподвижно Кема, ремесленник сделал шаг к двери. И тут же могучая рука сжала ему шею.

— Имя, быстро!

— Чечи. Химик Чечи.

* * *

Пазаир и Кем шли вдоль канала, по которому скользили грузовые суда. Матросы весело перекликались и пели; одни только отправлялись в рейс, другие возвращались. Египет переживал период расцвета, это была спокойная и счастливая страна. И, тем не менее, старший судья не спал по ночам и предчувствовал трагедию, хотя и не понимал причины своих ощущений. Каждую ночь он говорил Нефрет о своем беспокойстве, и она, даже будучи жизнерадостным человеком, склонялась к тому, что у ее мужа есть основания для тревоги.

— Вы правы, — сказал Пазаир верховному стражу. — Если попытаться выдвинуть обвинения против Чечи, то он просто не явится в суд. Он будет настаивать на своей невинности, и свидетельство бывшего вора, изгнанного из храма, не будет значить ничего.

— И все же он сказал правду.

— Не сомневаюсь.

— Правосудие, — проворчал нубиец. — Какой в нем смысл?

— Дайте мне немного времени. Мы уже знаем, что Денес связан с Кадашем, а Кадаш с Чечи. Все трое — сообщники. Чечи, судя по всему, является верным прислужником полководца Ашера. Перед нами четверо заговорщиков, ответственных за многие преступления. Сути должен добыть для нас свидетельства виновности Ашера; я убежден, что это он организовал кражу небесного железа и незаконную торговлю ценными металлами и камнями, например лазуритом и, возможно, даже золотом. Его положение военачальника в Азии помогало ему в этих делах. Денес — человек амбициозный, жадный до денег и власти; он умело манипулирует Кадашем; есть еще и Чечи, который полезен заговорщикам своими техническими знаниями. Не следует забывать и о госпоже Нанефер, искусно владеющей иглами, одну из которых она воткнула в шею моего учителя.

— Четверо мужчин и одна женщина... Как же Рамсес мог попасть под их влияние?

— Этот вопрос измучил меня, но ответа я так и не знаю. И зачем они ограбили гробницу фараона? Очень многое остается неясным, Кем, наше расследование далеко от завершения.

— Несмотря на свой новый пост, я и впредь буду вести следствие один. Я доверяю только вам.

— Я освобожу вас от бумажной работы.

— Если бы я осмелился...

— Говорите.

— Будьте так же осторожны, как и я.

— Я позволяю себе говорить откровенно только с Сути и Нефрет.

— Он — ваш брат по крови, она — ваша сестра на всю жизнь. Если один из них предаст вас, они будут прокляты и на земле, и на небе.

— Зачем такие предосторожности?

— Потому что вы забываете задать главный вопрос: заговорщиков только пятеро или больше?

* * *

Глубокой ночью, закутав голову шалью, она прокралась до амбара, где от имени своих друзей назначила встречу поглотителю теней. Обстоятельства сложились так, что стало необходимо повидаться с ним, чтобы сообщить их распоряжения. Обычно они действовали по-другому; но на сей раз ситуация не терпела отлагательств, необходим был прямой контакт и уверенность в том, что инструкции будут поняты правильно. Грубый макияж, простая крестьянская одежда, тростниковые сандалии так изменили ее внешность, что опасаться быть узнанной оснований не было.

Продвижение судьи Пазаира по пути расследования вынудило судовладельца Денеса срочно повстречаться со своими сообщниками. Если конфискация большого количества небесного железа представляла лишь материальный урон, то обнаружение священных погребальных предметов из гробницы Хеопса могло обернуться серьезными неприятностями. Конечно, Пазаиру не удастся выяснить, какому фараону они принадлежали, поскольку имя его было тщательно забито, а также понять суть шантажа, посредством которого удавалось принудить Рамсеса Великого к молчанию. Ни одно слово не могло выскользнуть из уст этого самого могущественного в мире человека, запертого в своем одиночестве, не способного признаться, что он не обладал более символами царского достоинства, без которых его легитимность равнялась нулю.

Денес полагал, что им следует затаиться на время, хотя деятельность старшего судьи его не пугала. Но остальные заговорщики с ним не согласились. Даже если Пазаир не имел возможности узнать правду, он мешал им все сильнее. Химик Чечи был настроен решительнее всех, что было неудивительно: ведь он потерял немалые доходы от подпольной торговли амулетами! Настойчивый, терпеливый и педантичный судья их в конце концов накроет, ряд высокопоставленных лиц будут обвинены, возможно, приговорены, и не исключено даже, что посажены в тюрьму. Это значительно ослабит заговор. Кроме того, объекты преследования судьи неизбежно потеряют свою безупречную репутацию, которая очень понадобится заговорщикам после отречения Рамсеса.

Услышав, что задание предстоит выполнять ей, женщина вздрогнула, но потом обрадовалась. По телу прошла сладостная дрожь, подобная той, которую она испытала, обнажившись перед главным стражем сфинкса Гизы. Открыв стражу свои объятия, она заставила его потерять бдительность и помогла ему войти во врата смерти. Их общий успех тогда обеспечила именно она благодаря своим чарам.

О поглотителе теней она знала лишь то, что он совершал преступления по заказу,

причем делал это скорее ради удовольствия, чем из корысти. Когда она увидела, как он, сидя на ящике, чистил луковицу, она ощутила одновременно страх и восхищение.

— Вы опаздываете. Луна уже начала бледнеть.

— Для вас есть работа.

— Какая?

— Задание весьма деликатное.

— Женщина, ребенок?

— Судья.

— В Египте судей не убивают.

— Его надо не убить, а искалечить.

— Это трудно.

— Что вы хотите за это?

— Золото. Много.

— Вы его получите.

— Когда?

— Действовать надо наверняка. Так, чтобы все подумали, что Пазаир стал жертвой несчастного случая.

— Так это старший судья? Тогда плата будет больше.

— Если вы провалите дело, не получите ничего.

— Это не в моих интересах. У Пазаира есть охрана; назвать какие-то сроки мне трудно.

— Понятно. Но чем раньше, тем лучше.

Поглотитель теней поднялся.

— Еще одна деталь...

— Какая?

С быстротой змеи он крепко схватил ее за руку и повернул спиной к себе.

— Я хочу получить задаток.

— Вы не посмеете...

— Плата натурой.

Он задрал подол ее платья. Она не кричала.

— Вы с ума сошли.

— Ты тоже, по неосторожности. Твое лицо не интересует меня, я не хочу знать, кто ты.

Если покоришься, так будет лучше для нас обоих.

Когда она почувствовала, как его член вошел между ее бедер, то перестала сопротивляться. Объятия убийцы возбуждали ее сильнее, чем обычные развлечения. Об этом эпизоде она не расскажет никому. Контакт был кратким, но мощным и впечатляющим.

— Ваш судья перестанет вам докучать, — пообещал поглотитель теней.

Пальмы, фи́га и це́ратонии давали густую тень. После обеда, прежде чем продолжить свои консультации, Нефрет позволяла себе несколько минут отдыха в тишине сада, которую, впрочем, часто нарушали крики, прыжки и прочие фокусы маленькой зеленой обезьянки, которая была счастлива угостить хозяйку каким-нибудь свежим плодом. Угломонить Проказницу можно было, лишь присев на скамью, и тогда она, успокоившись, забиралась под нее и следила за собакой.

Разве Египет не был похож на цветущий сад, где благодатная тень фараона позволяла деревьям раскрываться, в радостную утреннюю пору и в час вечернего покоя? Часто случалось, что Рамсес лично следил за посадкой деревьев. Он любил прогуливаться в садах, наслаждаться цветами и рассматривать фруктовые сады. Все храмы утопали в тени высоких деревьев, где вили свои гнезда птицы, божьи посланники. Беспокойное существо, утверждают мудрецы, подобно дереву, хиреющему в пустыне; спокойный же человек, напротив, напоминает дерево, дающее плоды и распространяющее вокруг живительную свежесть.

В небольшой низинке Нефрет посадила смоковницу и накрыла саженец пористым кувшином, сохранявшим влагу. Когда корни разовьются, молодое растение устремится вверх, а обломки кувшина смешаются с землей, обогатив ее плодородный слой. Вокруг каждого растения Нефрет возвела небольшую дамбу из почвы, чтобы влага не растекалась понапрасну, а опускалась вниз, к корням.

Лай Смелы́чака оповестил ее о том, что скоро придет Пазаир. Собака всегда чувствовала приближение хозяина за четверть часа до того, как он переступит порог. Если судье случалось отсутствовать подолгу, пес лишался аппетита и не реагировал на заигрывания Проказницы. Забыв о своем судейском достоинстве, Пазаир бежал наперегонки со Смелы́чаком, который, прыгая вокруг него, оставлял на одежде хозяина следы своих лап. Войдя к себе, судья сбросил одежду и растянулся на циновке.

— Какое ласковое солнце.

— У тебя утомленный вид, — заметила Нефрет.

— Количество неприятностей намного превысило нормальную дозу.

— Ты забыл про свою медную воду?

— Мне некогда лечиться. В моей рабочей комнате постоянно толпится народ. Начиная от вдовы погибшего на войне до писца, которого не продвигают по службе, все идут к старшему судье.

Она легла рядом.

— Вам надо отвлечься, судья. Оглянитесь вокруг: какой прекрасный сад.

— Сути прав, я попал в ловушку. И скоро снова стану простым деревенским судьей.

— У тебя другая судьба. Сути уехал в Коптос?

— Сегодня утром, с вещами и при оружии. Обещал вернуться с головой Ашера и грудой золота.

— Каждый день мы молимся Мину, покровителю старателей, и Хатхор, властительнице пустыни. Наша дружба поддержит его и в далеком краю.

— Как твои больные?

— Некоторые меня беспокоят. Я жду кое-какие редкие растения, чтобы приготовить

лекарства, но в аптеке главной лечебницы на мои запросы не отвечают.

Пазаир закрыл глаза.

— Ты опять думаешь о своем, дорогой.

— Я не могу ничего скрыть от тебя. Мои заботы касаются и тебя.

— Разве я нарушила закон?

— Место старшего лекаря царства до сих пор не занято. Как старший судья, я должен проверить кандидатуры преемников на предмет правовой безупречности, после чего список будет передан в совет специалистов. Первого претендента я был вынужден пропустить.

— И кто же он?

— Зубной лекарь Кадаш. Если выберут его, то документы, которые Бел-Тран подготовил, чтобы помочь тебе, окажутся в помойной яме.

— У него есть шансы на успех?

— Небамон оставил письмо, где называет его в качестве своего преемника.

— Это не фальшивка?

— Два свидетеля удостоверили подлинность документа и дееспособность Небамона: Денес и Чечи. Эти бандиты даже не считают нужным скрываться!

— Бог с ней, с моей карьерой, меня вполне устраивает моя практика. Мне ее достаточно.

— Они попытаются перекрыть тебе кислород и здесь. И ты же сама окажешься виновата.

— И лучший из судей меня не защитит?

— Кадаш... Уже давно меня мучает вопрос: какова его действительная роль в этом деле? А каковы полномочия старшего лекаря?

— Лечить фараона, назначать хирургов, врачей и фармацевтов, составляющих официальный круг лекарей двора, получать и контролировать токсичные вещества, яды и опасные лекарства, открывать в стране новые лечебницы с одобрения визиря и фараона.

— Такие возможности в руках Кадаша... Представляю, как он стремится на это место!

— Повлиять на членов совета, которые будут принимать решение, очень трудно.

— Не обольщайся на этот счет: Денес постарается их всех купить. Кадаш уже в возрасте, выглядит очень достойно, имеет многолетнюю практику и... Вдобавок Рамсес страдает только одним заболеванием, почетным — зубным артритом! Это назначение входит в их планы. А мы должны им помешать.

— Каким образом?

— Пока не знаю.

— А ты не боишься, что Кадаш может повредить здоровью фараона?

— Нет, это слишком рискованно.

Проказница прыгнула на живот судье и стала дергать волосы на его груди. Неженка Пазаир вскрикнул от боли, но схватить обезьянку ему не удалось: она успела спрятаться под стул хозяйки.

— Если бы эта хулиганка не помогла нам познакомиться, я бы уже давно ее хорошенько отшлепал.

Чтобы подлизаться к Пазаиру, Проказница взобралась на пальму и бросила оттуда финик, который судья поймал на лету. Подбежавший Смелчак проглотил его.

Глаза у Нефрет были печальные.

— О чем ты грустишь?

— У меня есть одна недостижимая мечта.
— Какая?
— Я от нее отказалась.
— Расскажи мне.
— Зачем?
Она прижалась к нему.
— Я бы хотела... ребенка.
— Я тоже думал об этом.
— Ты этого хочешь?
— Пока мы не сделаем того, что должны, не будем об этом думать.
— Все это меня возмущает, но я думаю, что ты прав.
— Или я отказываюсь от этого расследования, или нам надо набраться терпения.
— Если мы забудем об убийстве Беранира, это навеки покроет нас позором.
Он обнял ее.
— Зачем на тебе это платье, если вечер такой теплый?

* * *

Задача поглотителя теней была не из легких. Прежде всего, он не мог покидать свое рабочее место слишком часто и надолго — это привлекло бы ненужное внимание. Он действовал в одиночку, без сообщников, и в любой момент мог отказаться. Для успеха предприятия ему предстояло узнать все привычки Пазаира, следовательно, он должен запастись терпением. И, наконец, ему приказано не убивать старшего судью, а лишь изуродовать его, выдав собственное злодеяние за несчастный случай, чтобы исключить всякую возможность судебного преследования.

Реализовать подобный план было невероятно трудно. Но поглотитель теней потребовал за него три слитка золота — такое состояние даст ему возможность устроиться в Дельте, купить там поместье и зажить припеваючи. И если он будет убивать, то лишь из любви к искусству, когда придет желание развлечься; а для себя наймет целую армию слуг, которые станут исполнять его малейшие желания.

Как только он получит золото, он пустится по следу жертвы, возбуждаясь от мысли, что ему предстоит сотворить настоящий шедевр.

* * *

Печь раскалилась докрасна. Чечи расставил свои изложницы, куда потечет жидкий металл, чтобы принять форму крупного слитка. В мастерской стояла невыносимая жара; тем не менее, химик совершенно не потел, а с Денеса лило ручьями.

— Я получил согласие наших друзей, — объявил он.
— И вы ни о чем не жалеете?
— У нас нет выбора.

Судовладелец вынул из полотняного мешка золотую маску Хеопса и ожерелье из того же металла, которое украшало мумию фараона.

— Из этого у нас выйдет два слитка.

— А третий?

— Купим у полководца Ашера. Свою торговлю золотом он организовал безупречно, у него все под контролем.

Чечи рассматривал золотой слепок лица строителя великой пирамиды. Черты его строгого и светлого лика были прекрасны, ремесленнику удалось придать им очарование вечной молодости.

— Я его боюсь.

— Это всего лишь посмертная маска.

— Эти глаза... Они живые!

— Не сходи с ума. Из-за судьи мы уже потеряли целую кучу денег: он выудил у нас большой кусок небесного железа, предназначенный на продажу хеттам, и золотого скарабея, которого я берег для собственного погребения. Оставлять маску и ожерелье слишком рискованно. Вдобавок нам больше нечем расплатиться с поглотителем теней. Так что поторопись.

Чечи по обыкновению не стал спорить с Денесом. Божественный лик и украшения исчезли в печи. Некоторое время спустя расплавленное золото потечет по желобу и наполнит изложницы.

— А золотой локоть? — спросил химик. Лицо Денеса просияло.

— А вот и третий слиток! Мы обойдемся без услуг полководца.

Но Чечи колебался.

— Лучше избавиться от него, — настаивал судовладелец. — Надо сохранить только самое главное: завешание богов. Там, где оно находится, Пазаир его никогда не отыщет.

Когда золотой локоть исчез в печи, Денес довольно ухмыльнулся.

— А завтра, мой славный Чечи, ты станешь одной из главных фигур царства. Сегодня вечером мы отдадим поглотителю теней задаток.

* * *

В страже пустыни было больше двух метров роста. На поясе его набедренной повязки висели два кинжала с потертыми рукоятками. Сандалий на нем не было; он так долго ходил по камням, что теперь даже шипы акации не могли проткнуть задубевшую кожу его подошв.

— Имя?

— Сути.

— Откуда ты?

— Из Фив.

— Что умеешь делать?

— Я работал водоносом, собирал лен, растил свиней, ловил рыбу...

Пустоглазый верзила рассматривал молодого человека. Тот весил, должно быть, килограмм семьдесят, волосы коротко стрижены, вся грудь в шрамах. Чувствовалось, что этот человек привык к опасностям и постоянно был начеку.

— Зачем тебе работа рудокопа?

— Люблю приключения.

— А как тебе нравятся нестерпимая жажда, дикая жара, рогатые гадюки, черные

скорпионы, долгие переходы по пустыне? Придется вкалывать по-черному в тесной шгольне, где нечем дышать.

— Каждое ремесло имеет свои неприятные стороны.

— Ты ошибся адресом, парень.

Сути изобразил на лице самую глупую улыбку, на какую был способен. И стражник пропустил его.

В очереди, которая выстроилась перед конторой по найму, он выглядел, пожалуй, лучше других. Его самоуверенный вид и развитая мускулатура резко контрастировали с бессмысленными лицами и худосочными телами остальных претендентов.

Два пожилых рудокопа задали ему те же вопросы, что и стражник, и получили те же ответы. Он чувствовал себя в роли тяглового скота, выставленного на продажу.

— Мы формируем новую группу. Ты сейчас свободен?

— Да. А куда надо ехать?

— Здесь принято исполнять приказы и не задавать вопросов. Половина новичков не выдерживает дороги, но вернуться в долину они могут только своим ходом. Слабаки нам не нужны. Тронемся в путь нынче ночью, за два часа до рассвета. Вот твоё снаряжение.

Сути получил палку, циновку и свернутое одеяло. С помощью веревки он обвязал циновку и одеяло вокруг палки, необходимой в пустыне: постукивая ею по земле, путник таким образом отпугивает змей.

— А вода?

— Тебе выдадут твою порцию. А вот самое ценное.

Сути повесил на шею маленький мешочек, куда удачливые старатели складывали найденные ими золото, сердолик, лазурит и прочие драгоценные камни. Содержимое мешочка, как дополнение к жалованью, оставлялось рудокопу.

— Много сюда не войдет, — заметил Сути.

— Мало кому удастся положить туда хоть что-нибудь, парень.

— Они все растяпы.

— У тебя слишком длинный язык. Ну ничего, пустыня его укоротит.

* * *

Более двухсот человек собрались у восточных ворот города, готовые тронуться в путь. Большинство из них возносили молитву богу Мину, прося у него трех вещей: вернуться живыми и здоровыми, не умереть от жажды и наполнить свои мешочки камнями и золотом. На шее у каждого висел амулет. Опытные старатели убеждали недоверчивых и сомневающихся, передавая им кредо своего ремесла: «В пустыню уходишь сам, а в долину тебя возвращает Бог».

Старшим группы был назначен Эфраим, высокий бородач с руками, висящими до колен, и телом, поросшим жестким черным волосом, что делало его похожим на азиатского медведя. При виде Эфраима у некоторых новичков отпала охота идти: за ним закрепилась слава человека грубого и жестокого. Он обследовал все свое войско, внимательно рассмотрев каждого из вольнонаемных.

— Это ты Сути?

— Есть такое дело.

— Ты кажешься гордецом.

— Я ведь иду не булыжники собирать.

— Для начала понесешь мой мешок.

И верзила отдал ему свои вещи, которые Сути взгромоздил на левое плечо. Эфраим ухмыльнулся.

— Это тебе наука, чтобы поменьше задавался.

В путь тронулись до восхода солнца и шли без остановок до полудня. Дорога пролегала по местности пустынной и засушливой. Деревенские жители, не привыкшие к таким дорогам, быстро разбили себе ноги в кровь; Эфраим старался не вести людей по обжигающему песку, выбирая каменистые тропинки, усеянные мелкими обломками скальной породы, часто острыми как бритва. Появившиеся на горизонте горы произвели на Сути сильное впечатление: казалось, они сливаются в сплошную непреодолимую стену, закрывающую людям доступ в те тайные места, где рождается чистый камень, из которого возводят свои жилища боги. То было средоточие грозной силы; горы порождали скалы, которые в свою очередь давали жизнь ценным минералам, раскрывая свои богатства лишь избранным, кому доставало упорства и терпения. Потрясенный, он остановился и опустил поклажу на землю. Внезапно сбитый с ног мощным ударом в поясницу, он покатился по песку.

— Команды отдыхать не было, — раздался насмешливый голос Эфраима.

Сути поднялся.

— Вытряхни мой мешок, когда будем завтракать, не клади его на землю. За своеволие я лишаю тебя воды.

Сути испугался было, что его вычислили, однако, увидев, что и с остальными вольнонаемными старший обращается не лучше, снова успокоился. Эфраим любил испытывать людей на прочность, доводя их до крайности. Один нубиец, который, как ему показалось, замахнулся на него кулаком, был тут же сбит с ног и оставлен лежать на обочине.

Ближе к вечеру группа добралась до карьера, где добывали песчаник. Каменотесы откалывали большие куски, на которые ставили клеймо своей бригады. Вдоль каждой жилы были тщательно проделаны неглубокие борозды и такие же, — вокруг намеченных блоков песчаника. Мастер вбивал деревянные клинья в эти прочерченные по шнурку канавки так, чтобы отделить облюбованный кусок от материнской скалы, не расколов его.

Эфраим приветствовал мастера.

— Я веду на рудники новую банду лентяев. Если тебе нужна помощь, не стесняйся.

— Я не прочь, но ведь они шли целый день.

— Если они хотят, чтобы их кормили, пусть отработают.

— Это незаконно.

— Закон здесь — это я.

— Хорошо бы спустить десяток блоков с вершины карьера; если найдется человек тридцать, то это можно сделать быстро.

Эфраим отсчитал нужное количество людей; в их число попал и Сути, у которого бригадир забрал багаж.

— Пей и спускайся.

Еще раньше мастер изготовил для этих нужд нечто вроде салазок, однако они сломались на середине склона, и теперь пришлось спускать блоки на веревках. Пятеро мужчин держали

толстый трос, натянутый горизонтально, чтобы не дать камням скатываться по склону слишком быстро. Если бы удалось починить салазки, то в этом маневре не было бы нужды, однако мастер не успел этого сделать, и предложение Эфраима пришлось ему весьма кстати.

При спуске шестого блока, который ударился о трос с большой силой, произошло несчастье. Усталые люди не сумели затормозить падение камня, отчего трос спружинил с такой силой, что их разбросало в разные стороны. Не успел увернуться только один пожилой рабочий: он упал на салазки головой вниз. Падая, он пытался удержаться, ухватив за руку Сути, которого товарищи изо всех сил тянули назад.

Несчастный закричал, но его вопль быстро оборвался: упавший блок его буквально сплющил и, покотившись дальше, разбился с оглушительным грохотом.

Мастер заплакал.

— Но половину работы мы все же сделали, — успокоил его Эфраим.

Стоя на выступе скалы, гордо держа голову, увенчанную длинными изогнутыми рогами и обрамленную короткой бородой, горный козел задумчиво глядел на шагавших под солнцем людей. На языке иероглифов это животное было олицетворением спокойного благородства, которое дается лишь тем существам, что живут по божественным законам.

— Вот он! — завопил один из рабочих. — Убейте его!

— Заткнись, дурак, — оборвал его Эфраим. — Это священное животное. Если мы прикоснемся к нему, то погибнем все.

Величественный самец стремительно поднялся по склону и в один прыжок исчез по ту сторону скалы.

Пять дней тяжелого перехода измучили людей, один лишь Эфраим казался таким же свежим, как и в начале пути. Сути старался держаться; ослепительная, потусторонняя красота пейзажа придавала ему сил. Ни грубость начальника, ни изнурительные условия путешествия не ослабили его решимости.

Бородатый верзила приказал людям подтянуться и взобрался на камень, чтобы лучше видеть своих босяков.

— Пустыня бесконечна, — громогласно объявил он. — И вы в ней всего лишь жалкие букашки. Вы постоянно жалуетесь на жажду, и стонете, словно бессильные старухи. Вы недостойны звания рудокопов, которые добираются до самых кишок земли. И все же я привел вас сюда, где залегают металлы, который стоит больше ваших жизней. Когда вы станете рыть эту гору, вы будете причинять ей страдания, и она постарается отомстить, заглатывая ваши тела. Таков удел невезучих! А сейчас разбивайте лагерь: завтра на заре приступаем к работе.

Рабочие начали с палатки, которая предназначалась для старшего: она была так тяжела, что тащить ее пришлось впрятером. Ее разворачивали и ставили под бдительным взглядом Эфраима — в самом центре лагеря. Потом готовили еду, смачивали землю вокруг лагеря, чтобы избежать пыли, и, наконец, утолили жажду водой из бурдюков, сохранявших ее свежесть. Драгоценной влаги было вдоволь благодаря вырытому возле рудника колодцу.

Из состояния дремоты Сути вывел сильный удар в бок.

— Вставай, — приказал Эфраим.

Сдержав гнев, молодой человек поднялся.

— За всеми, кто пришел сюда, водятся грешки. А что ты скажешь о себе?

— Это никого не касается.

— Выкладывай.

— Оставь меня в покое.

— Не люблю скрытных.

— Я уклонился от работы.

— Где?

— В моей деревне возле Фив. Меня хотели увезти в Мемфис на рытье канала, а я предпочел бежать и попытать счастья здесь.

— Ты мне не нравишься. Думаю, ты врешь.

— Я хочу разбогатеть. И никто мне не может помешать, даже ты.

— Не зли меня, раздавлю. Давай-ка померяемся силой.

Эфраим выбрал третейского судью, который должен будет развести соперников в случае, если один из них укусит другого; все остальные приемы были разрешены.

Бородач налетел на Сути как ураган, обхватил его поперек тела, поднял и, повертев в воздухе, отбросил на несколько метров.

Расцарапанный, с ушибленным плечом, молодой человек поднялся. Уперев руки в бока, Эфраим презрительно наблюдал за ним. Рабочие смеялись.

— Нападай, если не боишься.

Эфраим держался самоуверенно, однако на этот раз его протянутые к сопернику длинные руки работали вхолостую. Удачно увернувшись, его соперник приободрился. Он понял, что, полагаясь лишь на свою силу, Эфраим не знал других приемов. Хотя Сути не верил в существование богов, он все же поблагодарил их за свои детские годы, которые научили его драться. Раз за разом он уклонялся от беспорядочных наскоков соперника, который злился все сильнее, растрачивая силу и теряя способность соображать. Молодой человек не имел права на ошибку: если он попадется в железные объятия Эфраима, тот его раздавит. Опережая его в скорости, он удачно поставил сопернику подножку, и, когда тот потерял равновесие и зашатался, Сути, собрав все силы, применил захват за шею. Эфраим тяжело рухнул вниз, Сути сел верхом ему на затылок — соперник был полностью в его власти. Поняв это, он стукнул кулаком по земле, признавая свое поражение.

— Ты молодец, малыш!

— Надо было свернуть тебе шею.

— Если ты убьешь меня, стражники пустыни тебя не пощадят.

— Плевать. Ты будешь не первый, кого я отправил в преисподнюю.

Эфраим струхнул.

— Чего ты хочешь?

— Поклянись, что перестанешь мучить людей.

Рудокопы больше не смеялись. Прислушиваясь, они подошли ближе.

— Клянусь именем бога Мина!

— И перед лицом Хатхор, властительницы Запада. Повтори!

— И перед лицом Хатхор, властительницы Запада, клянусь!

Сути ослабил хватку. Клятва, данная в присутствии такого количества свидетелей, не могла быть нарушена. Если Эфраим отступит от своего слова, он покроет свое имя позором до конца дней и будет обречен на забвение. Рабочие бурно выражали свою радость и поздравляли Сути. Когда страсти улеглись, Сути твердо сказал:

— Главный здесь — Эфраим. Он один знает рудники, здешние тропы и места, где есть вода. Без него нам в долину не вернуться. Мы должны его слушаться, он обещал держать данное слово — значит, все будет хорошо.

Потрясенный бородач положил руку на плечо Сути.

— Ты не только сильный, малыш, но еще и умный. И, отведя его в сторону, добавил: — Я недооценил тебя.

— Я хочу разбогатеть.

— Мы можем подружиться.

— При условии, что это будет отвечать моим интересам.

— Это вполне возможно, малыш.

Носильщицы даров в париках в виде шиньонов, подвязанных лентами, одетые в белые платья на одной бретельке, лежащей между обнаженных грудей, и передники, украшенные ромбовидной сеткой из жемчужин, одна за другой медленно входили во дворец царевны Хаттусы. Они были так молоды и прекрасны, что Денес почувствовал, как у него закипает кровь. Бывая в отъезде, он каждый раз изменял госпоже Нанефер, но делал это чрезвычайно ловко и аккуратно. Любой скандал мог нанести ущерб его репутации, поэтому никаких постоянных любовниц у него не было: судовладелец довольствовался краткими интрижками. Время от времени он считал необходимым спать со своей женой, однако известная всему свету холодность Нанефер оправдывала его внебрачные похождения.

Распорядитель гарема вышел за ним в сад. Денес хотел было попросить у него девочку, однако решил не делать этого: гарем был хозяйственным ведомством, и на первом месте там был труд, а не распутство. Судовладелец отправился к супруге Рамсеса на официальную аудиенцию, которую исхлопотал для решения своих деловых вопросов. Она приняла его в зале с четырьмя колоннами, стенами, выкрашенными светло-желтой краской, и мозаичным полом из зеленой и красной плитки.

Хаттуса сидела в кресле из эбенового дерева с позолоченными подлокотниками и ножками. У нее были черные глаза, очень белая кожа, вытянутые, тонкие кисти рук — очарование породистой азиатки: в жилах Хаттусы текла хеттская кровь. Денес держался настороженно.

— Неожиданный визит, — сказала она холодно.

— Я судовладелец, а у вас есть гарем. Что удивительного в нашей встрече?

— Раньше вы так не думали.

— Обстоятельства переменились. Пазаир стал старшим судьей царского портика и спутал мне все карты.

— Но при чем здесь я?

— Ваши настроения изменились?

— Рамсес глумится надо мной, он оскорбляет мой народ! Я жажду мщения.

Денес удовлетворенно пощипывал волоски своей короткой седой бородки.

— Вы его получите, царевна. Наши цели совпадают. Фараон — деспот, но деспот недееспособный. Он цепляется за отжившие традиции, не в силах отвечать на вызовы будущего. Время работает на нас, однако некоторые из моих друзей начинают терять терпение; поэтому мы решили ускорить свержение Рамсеса.

— Вы думаете, это поможет?

Денес начинал нервничать: он не мог раскрывать планы сообщников. На начальном этапе они могли быть заодно с царевной, однако после падения правителя от нее надо будет отделаться как можно быстрее.

— Доверьтесь нам, мы досконально продумали наш план.

— Осторожнее, Денес; Рамсес смелый и ловкий воин.

— Сейчас он связан по рукам и ногам.

Во взгляде Хаттусы мелькнуло злорадство.

— Может быть, расскажете поподробнее?

— Это бессмысленно и опасно.

Лицо царевны исказил гнев, отчего оно стала еще прекраснее.

— Что вы предлагаете?

— Дезорганизовать поставку товаров. В Мемфисе я справлюсь сам, а в Фивах нужна ваша помощь. В народе поднимется недовольство, ответственность за это падет на фараона. Беспорядки заставят его трон зашататься.

— Кого надо подкупить?

— Таких немного, но это обойдется недешево. Старшие писцы, которые контролируют продвижение товаров и продовольствия, должны начать делать ошибки. Бюрократическое расследование продлится долго и будет весьма сложным, неразбериха воцарится надолго.

— У меня есть верные люди, которым можно это поручить.

Денес абсолютно не верил в эффективность изложенного плана: лишний удар по правителю не возымеет серьезных последствий. Но недоверие Хаттусы ему преодолеть удалось.

— Мне надо сказать вам еще одну вещь, — прошептал он.

— Слушаю.

Он подошел к ней и тихо заговорил:

— Через несколько месяцев у меня будет значительное количество небесного железа.

В глазах Хаттусы мелькнул интерес. Используемый в магических ритуалах редкий металл мог стать мощным оружием против Рамсеса.

— Какова ваша цена?

— Три слитка золота авансом и столько же при окончательном расчете.

— Задаток вам передадут сегодня же.

Денес поклонился. Эта сделка останется тайной для его сообщников, а царевна никогда не получит небесного железа. Продать то, чего у него не было, и при этом получить такой навар — судовладелец мог гордиться собой. Сделать так, чтобы царевна не проявляла нетерпения, будет несложно. А если она окажется слишком настойчивой, он свалит все на Чечи. В таких ситуациях химик с его холуйской натурой может быть очень полезен.

* * *

Служанка принесла оливки, редис и латук, и Силкет сама приготовила приправу.

— Спасибо за то, что приняли наше приглашение, — сказал Бел-Тран Нефрет и Пазаиру. — Разделить с вами трапезу для нас счастье.

— Не надо высокопарных слов, — заметил судья. На медном подносе повар принес жареные ребра ягненка, кабачки и горошек и поставил все это на маленький столик. Великолепно приготовленные блюда таяли на языке. На Силкет были очень красивые серьги в форме дисков, украшенных узлами и спиралями.

— Мне приснился удивительный сон, — произнесла она. — Я пила теплое пиво, несколько стаканов! Сон нагнал на меня такую тоску, что я пошла к толкователю. Но то, что он сказал, ужасно! Сон означает, что мое состояние скоро будет украдено.

— Не стоит об этом беспокоиться, — посоветовала Нефрет. — Толкователи снов часто ошибаются.

— Дай бог!

— Моя супруга очень нервничает, — заметил Бел-Тран. — Не дадите ли вы ей какое-

нибудь лекарство?

После трапезы, пока Нефрет прописывала Силкет успокаивающие отвары, Бел-Тран с судьей прошлись по саду.

— У меня совершенно нет времени наслаждаться природой, — посетовал хозяин. — Работа затягивает меня все сильнее и сильнее. Когда я возвращаюсь вечером, дети уже спят. Я не вижу, как они растут, не играю с ними — это серьезная жертва. Управление зерновыми складами, производство папируса, служба в казначействе... Дня не хватает! Вы согласны со мной?

— Да, мне приходят на ум такие же мысли.

— Ваше расследование по делу полководца Ашера продолжается?

— Понемногу.

— Я хочу вам сказать одну вещь, которая меня очень беспокоит. Вы знаете, что царевна Хаттуса — женщина злопамятная; она так и не простила Рамсесу то, что он увез ее из родной страны.

— Да, она относится к нему с откровенной враждебностью.

— И куда это все ее заведет? Открыто выступать против фараона, плести заговоры — поведение самоубийственное. Тем не менее, у нее недавно была странная встреча: она виделась с судовладельцем Денесом.

— Вы в этом уверены?

— Один из моих служащих был в гареме и видел его там. Он страшно удивлен, однако уверен, что не ошибся.

— Что странного в этом визите?

— Хаттуса владеет несколькими торговыми судами. Но гарем — это государственное учреждение, где частному судовладельцу делать нечего. Если это дружеский визит, то как его истолковать?

Союз хеттской царевны, второй супруги фараона, с одним из участников заговора... Судья чувствовал, что рассказанное Бел-Траном очень важно. Может, нити заговора тянутся к Хаттусе, а Денес — всего лишь исполнитель? Этот вывод требовал проверки. Ведь никто не знал содержания их беседы, хотя сам факт ее позволял предположить, что их интересы совпадают, но могут идти вразрез с интересами государства.

— Эта дружба выглядит подозрительно, Пазаир.

— Как можно оценить ее последствия?

— Не знаю. Может быть, это попытка подготовить вторжение через северную границу? Да, Рамсес поработил хеттов, но смирились ли они с этим? Отказались ли от своих захватнических планов?

— Если это так, что Ашер может служить посредником в этой комбинации.

Пазаир чувствовал, что чем более четко проступал образ врага, тем более жесткой представлялась битва с ним и тем менее ясной ее перспектива.

* * *

В тот же вечер гонец доставил Нефрет письмо от Туи, матери Рамсеса Великого: ей срочно требовалась медицинская консультация. Даже живя взаперти, Туя оставалась одной из самых влиятельных фигур царского двора. Величественная и горделивая царица, открыто

презирающая людей мелких и ничтожных, она не испытывала необходимости приказывать, а только советовала, ревниво следя за тем, чтобы страна не теряла своего величия. Рамсес восхищался матерью и был к ней очень привязан; после смерти Нефертари, его любимой жены, мать стала его самым доверенным лицом. Говорили, что он не принимает ни одного решения, не посоветовавшись с ней.

В подчинении у Туи находились многочисленные домочадцы и дворня, и в каждом большом городе у нее было по дворцу. Дворец в Мемфисе насчитывал два десятка комнат и просторный зал с четырьмя колоннами, где она принимала почетных гостей. Распорядитель провел Нефрет в комнату царицы. В свои шестьдесят лет Туя была стройной и изящной женщиной, с пронзительным взглядом, тонким, прямым носом, резко очерченными скулами и маленьким квадратным подбородком. На ней был парик, соответствующий ее положению, он обрамлял ее лицо с двух сторон, как крылья ястреба.

— Слухи о вашем искусстве дошли и до меня. Визирь Баги, обычно не склонный делать комплименты, рассказывает о вас чудеса.

— Мне многое не удастся, я могу составить длинный список собственных неудач, Ваше Величество. Лекарь, который хвастает своими успехами, должен сменить профессию.

— Я плохо себя чувствую, и мне очень нужен ваш талант. Помощники Небамона ничего не умеют.

— На что вы жалуетесь, Ваше Величество?

— На глаза. Еще я плохо слышу, у меня немеет затылок и острые боли в животе.

Нефрет без труда поставила диагноз: повышенная секреторная активность матки. В качестве лечения прописала ингаляции скипидара в смеси с растительным маслом высшего качества.

Осмотр глаз пациентки обеспокоил ее гораздо больше: она обнаружила гранулирующий конъюнктивит, трахому с пальпебральным осложнением и угрожающую глаукому.

Царица почувствовала тревогу Нефрет.

— Будьте со мной откровенны.

— Эти заболевания мне знакомы, и я умею их лечить. Но лечение будет долгим и потребует от вас терпения.

По утрам, встав с постели, больной придется промывать глаза настоем конопли, хорошо помогающей при глаукоме. Та же конопля, но в виде мази и в сочетании с медом должна успокоить боли внизу живота.

Другое лекарство, основным ингредиентом которого является черный кремень, вылечит инфекцию в углах глаз. Чтобы ликвидировать трахому, надо будет смазывать веки мазью, состоящей из ладана, свинцового блеска, черепашьей желчи, желтой охры и нубийской земли. Придется закапывать в глаза с помощью полого ястребиного пера специальные капли. Их готовят так: алоэ, хризоколл, перетертую в порошок горькую тыкву, листья акации и кору эбенового дерева смешивают с холодной водой, полученную пасту сушат и снова растирают с водой. Полученное снадобье выдерживают одну ночь на свежем воздухе, чтобы оно пропиталось росой, и процеживают. Помимо закапывания внутрь, царица должна будет делать из этих капель компрессы и накладывать их на глаза четыре раза в день.

— Я стала стара и слаба, — посетовала Туя. — Мне не нравится так много заниматься собой.

— Вы больны, Ваше Величество, но можете выздороветь. Надо только постараться.

— Я понимаю, что должна вас слушаться, хотя мне придется нелегко. Примите от меня

это.

Туя протянула молодой женщине великолепное ожерелье из семи ниток бус из сердолика и нубийского золота; застежка была исполнена в виде цветов лотоса. Нефрет слегка растерялась:

— Давайте хотя бы подождем результатов лечения.

— Поверьте, я уже чувствую себя лучше.

Царица сама надела украшение на Нефрет и залюбовалась ею.

— Вы очень хороши собой.

Молодая женщина смутилась.

— Кроме того, вы счастливы. Мои домашние утверждают, что ваш муж — прекрасный человек и достойный судья.

— Служить Маат — цель его жизни.

— Египет нуждается в таких людях, как вы и ваш муж.

Туя позвала своего стольника, который принес сладкого пива и фруктов. Женщины сели на низкие стулья, обложенные мягкими подушками.

— Я интересовалась карьерой и расследованием судьи Пазаира. Сначала меня это забавляло, потом заинтриговало, и, наконец я возмутилась! Его ссылка — вещь абсолютно незаконная и недопустимая. К счастью, ему удалось одержать победу: положение старшего судьи царского портика позволяет вести борьбу более успешно. Сделать Кема начальником стражи — это прекрасная мысль; визирь Баги был совершенно прав, одоблив такое назначение.

Сказанное царицей не было простой любезностью. Когда Нефрет передала Пазаиру ее слова, он очень обрадовался: судья понял, что устами Туи говорило все ближайшее окружение фараона, одобрявшего его действия.

— С тех пор как умер мой муж и его место занял сын, благополучие страны стало моей постоянной заботой. Рамсес — великий правитель; он устранил угрозу войны, сделал более богатыми храмы, нашему народу уже не грозит голод. Египет стал краем, любимым богами. Но кое-что меня смущает, Нефрет; я могу говорить с вами начистоту?

— Если вы считаете меня достойной вашей откровенности, Ваше Величество.

— В последнее время Рамсес чем-то очень озабочен, часто бывает рассеянным, он как будто в одночасье постарел. У него изменился характер; кажется, что он готов отказаться от борьбы, от решения проблем, от преодоления трудностей.

— Может быть, он нездоров?

— За исключением проблемы с зубами, он очень сильный, не знающий усталости человек. Он как будто не доверяет мне — такого раньше не бывало. Я не представляю, что у него на уме. Я бы поняла, если бы он, как всегда, откровенно рассказал мне все. Но он как будто избегает меня, и я не знаю почему. Поговорите об этом с судьей Пазаиром. Я начинаю волноваться за страну, Нефрет. В последнее время столько убийств, столько загадок, на которые нет ответа, а сын отдаляется от меня, стал любить одиночество... Пусть судья продолжает свое расследование.

— Вы полагаете, что фараону что-то угрожает?

— Да нет, его любят и уважают.

— Возможно, в народе полагают, что боги лишили его своего покровительства?

— Это происходит всякий раз, когда кто-то царствует долго. Рамсес знает, что надо делать в таких случаях: устроить праздник возрождения, снова заручиться поддержкой

богов, чтобы вселить в души своих подданных надежду на лучшее. Слухи, которые ходят в народе, меня не беспокоят; но я не понимаю, зачем фараон издал декреты, подтверждающие его легитимность, которую никто не оспаривает?

— Может, вы опасаетесь, что у него какой-то скрытый недуг, ослабляющий его ум и волю?

— Это стало бы заметным сразу. Нет, мой сын сохранил здравый ум и твердую волю, и, тем не менее он не тот, что прежде.

Пиво было мягким, фруктовое пюре сочным. Нефрет почувствовала, что больше вопросов задавать не стоит. Пусть Пазаир оценит откровения царицы и решит, как их использовать.

— Во время похорон Небамона вы держались с большим достоинством, — снова заговорила Туя. — Этот человек немного стоил, но сумел поставить себя над другими. Он был на редкость несправедлив по отношению к вам, поэтому я решила исправить положение. Мы с ним вдвоем опекали главную лечебницу Мемфиса. Он умер, а я ничего не понимаю в медицине. Завтра будет обнародован указ, возлагающий на вас управление этой лечебницей.

Двое слуг поливали Пазаира теплой водой, а он натирал тело куском соды. Помывшись, судья почистил зубы пахучим тростником и сполоснул рот отваром квасцов и укропа. Брился он любимой бритвой в форме стамески, а, побрившись, протер шею маслом дикой мяты, отпугивающим насекомых. Тело судья умастил составом из меда с содой. В случае необходимости в середине дня он воспользуется освежающим средством из сока цератонии с ладаном.

Когда туалет был окончен, случилось непоправимое. Он чихнул один раз, два, пять, десять: все тот же упорный, мучивший судью насморк, который сопровождался приступами кашля и шумом в ушах. Конечно, он виноват сам: переутомление, несоблюдение предписаний, недостаток сна. Видимо, ему необходимо новое лекарство. Когда же он сумеет поговорить с Нефрет? Ведь она встает в шесть утра и почти сразу уходит в свою лечебницу. Он не видел жену уже неделю. В ее ведении оказалась самая большая лечебница в Египте, и молодая женщина не жалела сил, стремясь добиться успеха в новом для себя деле. Указ царицы Туи, одобренный визирем, лекари, хирурги и фармацевты лечебницы восприняли с большим воодушевлением. А временный управляющий — тот самый, что не давал Нефрет необходимых лекарств, — был понижен в должности и теперь в качестве санитара ухаживал за лежащими больными.

Писцам, которые участвовали в управлении лечебницей, Нефрет пояснила, что своим главным делом считает лечение больных, а вовсе не руководство персоналом, поэтому она попросила их подчиняться приказам, поступающим из канцелярии визиря, которые она не намерена обсуждать. Это разъяснение позволило Нефрет окончательно завоевать сердца и умы своих коллег, бок о бок с которыми она работала. Лечение здесь получали тяжелобольные люди в тех случаях, когда им не могли помочь городские и сельские лекари, а также те, кто хотел пройти курс профилактических процедур, чтобы предупредить возникновение или обострение того или иного недуга. Нефрет уделяла много внимания аптеке, где изготавливались лекарства и хранились яды и токсичные вещества.

Поскольку Пазаир оказался без присмотра, а его гайморит обострился, он решил посетить единственное место, где мог рассчитывать на некоторое внимание к себе, — главную лечебницу Мемфиса.

Ее здание стояло посреди обширного сада, пройти по которому было настоящим наслаждением. Трудно было себе представить, что совсем рядом страдают люди.

Посетителя встретила приветливая медсестра.

— Чем я могу вам помочь?

— У меня срочное дело. Мне бы хотелось проконсультироваться с управляющей лечебницей целительницей Нефрет.

— Сегодня это невозможно.

— Даже для ее мужа?

— Это вы старший судья?

— Боюсь, что да.

— Пойдемте со мной.

Они прошли через помещение, где была устроена настоящая водная лечебница. Она состояла из множества комнат, в каждой из которых находилось по три каменных бассейна:

первый для полного погружения, второй представлял собой сидячую ванну, а третий служил для лечения болезней ног. Дальше располагалось отделение, где лечили сном: в небольших, хорошо проветриваемых комнатах размещались пациенты, которым было необходимо постоянное наблюдение врачей. Нефрет следила за приготовлением какого-то препарата и, сверяясь с водяными часами, вычисляла время коагуляции нужной ей субстанции. Ей помогали два опытных фармацевта. Пазаир дождался конца опыта.

— Простой пациент может рассчитывать на твое внимание?

— Это так срочно?

— Очень.

С трудом удерживая на лице серьезное выражение, она провела его в приемный покой, где судья снова разразился приступом кашля.

— А ты меня не разыгрываешь? Тебе правда трудно дышать?

— С тех пор как ты меня забросила, появился какой-то свист в груди.

— А уши?

— Левым слышу плохо.

— Тебя не лихорадит?

— Немного.

— Ляг на скамью. Я хочу послушать твое сердце.

— Ты его хорошо знаешь.

— Судья Пазаир, мы в общественном месте, прошу вас быть серьезнее.

Пока она выстукивала мужа, он вел себя смирно.

— У тебя есть основания жаловаться. Нужен новый курс лечения.

Чтобы подобрать судье нужное лекарство, Нефрет воспользовалась прутиком лозоходца. Она подошла к коренастому растению с широкими бледно-зелеными листьями и красными ягодами.

— Это бриония, — размышляла она. — Сильный яд. Если ее использовать в разведенном виде, она поможет ликвидировать воспаление и очистит твои бронхи.

— Ты уверена?

— Несу полную ответственность.

— Лечи меня побыстрее. Мои писцы уже, наверное, клянут меня на чем свет стоит за мое отсутствие.

* * *

В служебных помещениях старшего судьи царского портика царило необычное возбуждение. Всегда сдержанные, привыкшие разговаривать вполголоса чиновники растерянно переглядывались, не зная, что делать. Одни предлагали ничего не предпринимать до прихода судьи, другие призывали проявить твердость, при условии, что проявлять ее придется не им, третьи настаивали, что пора вызывать стражников. Пол в помещении был усеян обломками писцовых дощечек и обрывками папируса.

Вошел Пазаир, и сразу воцарилось молчание.

— На нас кто-то напал?

— В общем, да, — ответил один из старших служащих, насмерть перепуганный. — Мы не могли удержать эту фурию. Она сидит в вашем кабинете.

Заинтригованный Пазаир прошел через просторный зал, где размещались писцы, и вошел к себе. Стоя на коленях, Пантера рылась в его архиве.

— Что с вами?

— Я хочу знать, где вы прячете Сути.

— Встаньте и выйдите отсюда.

— Только после того, как вы мне ответите!

— Я не стану выпроваживать вас сам, я приглашу Кема.

Угроза произвела впечатление. Ливийка подчинилась.

— Поговорим на улице.

Они вышли под взглядами писцов.

— Продолжайте работать, — приказал им судья.

Пазаир и Пантера быстро шли по людному переулку. Был базарный день, и покупатели толпились вокруг крестьян, продававших фрукты и овощи. Выбравшись из людского потока, они укрылись в пустынной и тихой улочке.

— Я хочу знать, где скрывается Сути, — повторяла ливийка, едва сдерживая слезы. — С тех пор как он пропал, я не могу думать ни о чем другом. Я забываю привести себя в порядок, я потеряла чувство времени и бессмысленно брожу по улицам.

— Он не прячется, а выполняет сложное и опасное поручение.

— С другой женщиной?

— Абсолютно один, без всякой помощи.

— А между прочим, он женат!

— Этот брак был ему необходим для проведения расследования.

— Я люблю его, судья, я умираю от любви. Можете вы меня понять?

Пазаир улыбнулся:

— Даже лучше, чем вы думаете.

— Где он?

— Это секретное задание, Пантера. Если я проболтаюсь, это может ему повредить.

— Клянусь, что нет! Я буду молчать.

Судья был взволнован: он верил в искренность этой женщины и не мог ей отказать.

— Он нанялся в бригаду рудокопов, которая отправилась в Коптос.

Пантера, пьяная от счастья, поцеловала Пазаира в щеку.

— Никогда не забуду вашей доброты. Если мне придется его убить, я вам обязательно скажу.

* * *

Слух распространился по всей стране — от северных до южных границ. В Пи-Рамсесе большой царской резиденции Дельты, в Мемфисе и Фивах об этом шептались управляющие разных уровней, среди высших чиновников, ответственных за исполнение указов визиря, царило смятение.

Спор двоюродных братьев, купивших один и тот же участок земли у недобросовестного продавца, старший судья разрешил, потребовав от последнего выплатить штраф, в два раза превышающий полученную им выгоду от несправедливой сделки. Следующим документом, который лег ему на стол, был рапорт полководца Ашера о состоянии египетской армии,

составленный в истерических тонах.

Высокий военный чиновник настаивал на том, что в Азии складывается весьма опасная ситуация. Причиной тому, по его утверждениям, является недостаточное финансирование расквартированных там египетских частей, в чью задачу входило наблюдение за мелкими княжествами, власть над которыми стремился перехватить неуловимый ливиец Адафи. Вооружение этих войск плохое. После победы над хеттами ими никто не занимается. Что же до состояния казарм в самом Египте, то и они выглядят ничуть не лучше: неухоженные лошади, поломанные колесницы, отсутствие дисциплины, слабо подготовленные офицеры. В случае вооруженного нападения извне сможет ли Египет защитить себя?

Этот документ, несомненно, произведет сильное впечатление. Чего добивается Ашер? Если будущее подтвердит его правоту, то полководец предстанет перед всеми трезвым провидцем, что укрепит его позиции потенциального спасителя нации. Если Рамсес поверит изложенным в рапорте данным, Ашер выставит свои условия и его влияние возрастет.

Пазаир подумал о Сути. По какому запутанному следу идет он сейчас в поисках улики против убийцы, стремившегося навязать стране свою военную стратегию?

Судья позвал Кема.

— Ты можешь быстро проверить ситуацию в центральной казарме Мемфиса?

— На предмет чего?

— Боевой дух воинских подразделений, состояние материальной части, здоровье личного состава и лошадей.

— Нет проблем, но мне необходимо разрешение.

Судья подыскал правдоподобную причину проверки: розыски колесницы, сбившей несколько человек. На ней должны были остаться следы от удара.

— Но только поторопись.

Сам Пазаир направился к Бел-Трану. Тот был занят описью поступавшего с полей зерна. Мужчины поднялись на террасу, подальше от любопытных ушей.

— Вы читали донесение Ашера?

— Выводы устрашающие.

— При условии, что он говорит правду.

— Вы в этом не уверены?

— Я подозреваю его в стремлении намеренно сгустить краски, чтобы извлечь выгоду из ситуации.

— А доказательства?

— Мы должны собрать их как можно быстрее.

— И тогда Ашер будет сурово наказан.

— Не обязательно. Если Рамсес поверит ему, полководец получит полную свободу. Кто посмеет замахнуться на спасителя отечества?

Бел-Тран кивнул.

— Вы предлагали мне свою помощь — сегодня я в ней нуждаюсь.

— Что я должен сделать?

— Мне необходима информация о наших войсках за пределами страны и о финансировании армии в последние годы.

— Это непросто, но я постараюсь.

Вернувшись к себе, Пазаир написал подробное письмо Кани, верховному жрецу Карнака, с просьбой информировать его о состоянии войск, расквартированных в районе

Фив, и о качестве их вооружений. Послание было составлено с использованием особого шифра, ключом к которому были слова «целебное растение», сфера особого интереса Кани. Доставить письмо было поручено гонцу, заслуживающему доверия.

* * *

— Ничего интересного, — объявил Кем, вернувшись.

— Расскажи подробнее, — попросил Пазаир.

— В казарме спокойно, ее территория в хорошем состоянии, материальная часть тоже.

Я проверил пятьдесят колесниц и убедился, что офицеры содержат их в порядке, как и лошадей.

— Что они думают о рапорте Ашера?

— Они приняли его всерьез, однако полагают, что речь идет о других гарнизонах. Для очистки совести я посмотрел еще одну казарму, ту, что находится в южной части города.

— Ну и как?

— То же самое: все в порядке. Кстати, там тоже думают, что критика Ашера относится к другим.

На сей раз Пазаир и Бел-Тран встретились у первого пилона храма Птаха, где слонялись многочисленные зеваки, не обращающие ни малейшего внимания на жрецов.

— По первому пункту мне поступили противоречивые сведения: видимо, Ашер контролирует информацию, поступающую из наших воинских подразделений в Азии. Официально количество наших войск там сокращено, а между тем в этих провинциях неспокойно. Однако один из писцов, который занимается рекрутами, заверил меня, что численность личного состава не изменилась. По второму вопросу установить истинное положение вещей было несложно, поскольку армия финансируется из казны. Все последние годы цифры военного бюджета оставались неизменными, ни о каких нехватках вооружения речи нет.

— Следовательно, Ашер лжет.

— Его донесение составлено весьма ловко. Он нагнетает ощущение тревоги, ничего конкретно не утверждая. Его поддерживают многие старшие офицеры. При дворе также сильны страхи по поводу интриг, которые якобы плетут хетты. Ашер выглядит героем. Не готовит ли нам этот спаситель военный переворот?

* * *

Смельчак спал, свернувшись калачиком на коленях хозяина, сидящего на краю пруда, где распустились лотосы. Легкий ветерок шевелил волосы судьи и шерсть на спине собаки. Нефрет читала свиток папируса на медицинские темы, который Проказница все время норовила свернуть, несмотря на предупреждения хозяйки. Заходящее солнце окрашивало сад в оранжевые тона; синицы, малиновки и ласточки пели свои вечерние песенки.

— Наша армия в прекрасном состоянии. Донесение Ашера — это ловкое переплетение лжи и передергиваний, цель которых — ввергнуть гражданские власти в панику и ослабить боевой дух в войсках, чтобы навязать всем свою волю.

— Почему Рамсес не одернет его? — спросила Нефрет.

— Он доверяет ему — в память о его прежних подвигах.

— Что же делать?

— Надо передать выводы моего расследования визирю Баги, чтобы он довел их до сведения фараона. Мои данные будут подтверждены Кемом и Кани, от которого я только что получил ответ. В Фивах, как и в Мемфисе, наша военная мощь ничуть не снизилась. Визирь даст поручение провести проверки по всей стране и, получив результаты, выступит против Ашера.

— И тогда он, наконец, угомонится?

— Не надо обольщаться. Он будет протестовать, говорить о своем патриотизме, обвинять подчиненных в том, что ему дали искаженные сведения. Но притормозить его удастся. И я надеюсь развить свой успех.

— Каким образом?

— Я его атакую.

* * *

Полководец Ашер проводил в пустыне маневры колесниц. На каждой было по два воина: офицер стрелял из лука по движущейся мишени, а ординарец правил лошадьми, пуская их во весь опор. Тех, кто не отвечал предъявляемым требованиям, выводили из состава отборных подразделений. Двое пехотинцев попросили старшего судью не выходить на поле для маневров и дожидаться их окончания, чтобы не подвергать себя опасности. Неосторожного посетителя могло задеть случайной стрелой.

Ашер, весь покрытый пылью, дал команду отдыхать и неторопливым шагом направился к Пазаиру.

— Вам здесь не место, судья.

— Закрытых мест для меня нет.

Лицо полководца, напоминавшее мордочку грызуна, передернулось. Маленького роста, но с мощным торсом и короткими ногами, Ашер раздраженно поскреб шрам, пересекавший его грудь от плеча до пупка.

— Я иду помыться и переодеться. Идемте со мной.

Ашер и Пазаир вошли в санитарное подразделение, предназначенное для старших офицеров. Пока ординарец обливал полководца водой, судья пошел в атаку.

— Я намерен оспорить ваш рапорт.

— По какой причине?

— Ваша информация неточна.

— Вы — гражданское лицо, и ваши оценки не могут приниматься в расчет.

— Речь идет не об оценках, а о фактах.

— Я их опровергну.

— Даже не ознакомившись с ними?

— Могу себе представить! Вы прогулялись по одной-двум казармам, где вам показали пару новеньких колесниц и всем довольных воинов. Вы наивны и некомпетентны — вам просто морочили голову!

— На ваш взгляд, верховный страж и верховный жрец Карнака тоже наивны и

некомпетентны?

Этот вопрос смутил полководца. Отпустив ординарца, он принялся вытираться.

— Эти люди недавно назначены на свои посты, у них мало опыта.

— Слабый аргумент.

— Чего вы хотите, судья?

— Все того же — правды. Ваше донесение лживо, поэтому я направил визирю свои замечания и возражения.

— И вы посмели...

— Речь идет не о смелости, а о долге.

Ашер топнул ногой.

— Это глупо, Пазаир! Вы еще пожалеете о своем поступке.

— Пусть нас рассудит визирь Баги.

— В этих делах лучше всех разбираюсь я.

— Наша военная мощь вовсе не убывает, и вам это прекрасно известно.

Полководец надел короткую набедренную повязку. Он нервничал — это было видно по его резким движениям.

— Послушайте, Пазаир: детали не имеют особого значения, главное — это общий тон моего донесения.

— Поясните.

— Хороший полководец, чтобы обеспечить безопасность страны, должен видеть перспективу.

— И это дает ему право делать панические заявления без достаточных на то оснований?

— Вы не понимаете.

— Связаны ли ваши действия с деятельностью Чечи?

— Он здесь не при чем.

— Мне бы хотелось поговорить с ним.

— Невозможно. Он засекречен.

— По вашему приказу?

— Да.

— Мне жаль, но я вынужден настаивать.

Голос Ашера приобрел елейные интонации.

— Я позволил себе привлечь внимание фараона, визиря и двора к проблемам нашей армии лишь для того, чтобы их решить и добиться постановления о производстве нового оружия, которое сделает нас непобедимыми.

— Ваше простодушие удивляет меня, полководец.

Глаза Ашера сузились, как у кошки.

— На что вы намекаете?

— Ваше пресловутое оружие — это, надо полагать, сверхпрочный меч, сделанный из небесного железа?

— Меч, кинжал, копье... Чечи работает над этим постоянно. Я потребую, чтобы ему вернули то железо, что находится сейчас в храме Птаха.

— Следовательно, оно принадлежало ему.

— Металл необходим ему для работы.

— Есть легенды, в которые верят даже самые скептические умы.

— Что вы хотите этим сказать?

— Небесное железо вовсе не так прочно.

— Вы заблуждаетесь.

— Чечи или лжет вам, или ошибается сам. Специалисты из Карнака могут подтвердить мою правоту. Ритуальное использование редкого металла ввело вас в заблуждение. Вы хотите получить в свое распоряжение инструмент власти, причем с согласия правителей страны. Но у вас ничего не выйдет.

Крысиная мордочка полководца отражала глубокое раздумье. Может, до Ашера дошло, что сообщник морочит ему голову?

Как только судья покинул санитарное подразделение, полководец схватил глиняный сосуд с теплой водой и швырнул его об стену.

Сути снял пояс и расстелил циновку на плоском камне. Разбитый и обессиленный, он вытянулся на спине и принялся смотреть на звезды. Пустыня, горы, скалы, рудник, узкие душные галереи, где приходится ползать, обдирая кожу в кровь... Большинство его товарищей уже жалели, что ввязались в эту авантюру, которая отнимет у них больше сил, чем принесет денег. Но Сути был доволен. Иногда он даже забывал, зачем он здесь, — настолько завораживала его окружающая природа. Несмотря на то, что он любил город с его удовольствиями, этот суровый край неудержимо притягивали Сути, как может притягивать только родина.

Слева в песке послышалось характерное шипение. Рогатая гадюка скользнула рядом с циновкой, оставив за собой извилистый след. Первые ночи он не мог спать, следя за перемещениями рептилий, но затем страх сменился привычкой. Инстинкт подсказывал ему, что опасности нет: скорпионы и змеи не пугали его. Будучи пришельцем на их территории, он уважал привычки хозяев и боялся их меньше, чем песчаных клещей, этих кровопийц, изнурявших своими атаками некоторых рудокопов. Укусы были болезненны, укушенное место опухало и начинало нарываться. Но Сути повезло: этих насекомых он не интересовал, чего нельзя было сказать об Эфраиме, которому приходилось защищаться, распыляя настой календулы.

День был тяжелым, но молодому человеку не спалось. Он поднялся и медленно пошел в сторону русла пересохшей реки, освещенного луной. Гулять ночью в одиночку было рискованно: это был час, когда в пустыне воцаряются темные боги и фантастические существа. Они пожирают неосторожных, не оставляя даже костей. Если кто-нибудь хотел избавиться от Сути, лучшего места и времени было не найти.

Послышался шум. В низине, где во время сильных ливней бурлила вода, антилопа с рогами в форме лиры упорно скребла землю в поисках влаги. К ней подошла еще одна — с белой шерстью и очень длинными, но лишь чуть изогнутыми рогами. Эти изящные животные были воплощением бога Сета, подвижного и неутомимого. Антилопы не ошиблись: вскоре они ощутили на языке долгожданную влагу, сочившуюся между двумя валунами. Вслед за антилопами у водопоя появились заяц и страус. Зачарованный зрелищем, Сути тихонько присел. Наблюдать за животными, любоваться их достоинством и грацией, видеть их простодушную радость было счастьем, которое сохранится в душе.

На плечо Сути легла рука Эфраима.

— Ты любишь пустыню, малыш. Это порок. Если ты не избавишься от него, то скоро тебе станут мерещиться чудовища с телом льва и головой ястреба, которых не может ни убить, ни поймать ни один охотник. Для тебя уже будет слишком поздно: чудовище схватит тебя своими когтями и утащит во мрак.

— Почему ты ненавидишь египтян?

— Я из племени хеттов и никогда не смирюсь с победой Египта. А здесь, в пустыне, хозяин я.

— Давно ты водишь бригады рудокопов?

— Уже пять лет.

— Тебе не удалось разбогатеть?

— Ты слишком любопытен.

— Если у тебя не получилось, мне тоже вряд ли повезет.

— А кто тебе сказал, что у меня не получилось?

— Ты даешь мне надежду.

— Не спеши радоваться.

— А если ты богат, то для чего мучиться здесь?

— Я терпеть не могу долину, поля и реку. Даже если бы у меня денег куры не клевали, я не ушел бы с моих рудников.

— Денег куры не клюют... Мне нравится это выражение. Но пока что мы копаемся в шахтах, где ничего нет.

— А ты наблюдательный, малыш. Может, это только тренировка? Когда начнется серьезная работа, самые выносливые будут к ней готовы.

— Хотелось бы побыстрее.

— Тебе невтерпез?

— А чего ждать?

— Много безумцев охотилось за золотом, но почти все вернулись ни с чем.

— Золотые жилы разведаны?

— Карты есть, но они принадлежат храмам, и добыть их невозможно. Тех, кто пытается украсть золото, хватают стражники пустыни.

— Ускользнуть от них невозможно?

— У них собаки.

— Но ты, наверное, держишь эти карты в голове?

Бородач сел рядом с Сути.

— Кто тебе сказал?

— Никто, успокойся. Просто ты не из тех, кто хранит сведения в других местах.

Эфраим поднял камень и, сжав пальцы, раздавил его.

— Если ты рассчитываешь втянуть меня в какую-нибудь историю, берегись. Я уничтожу тебя.

— Сколько можно тебе повторять, что единственная моя цель — подкопить золотишка? Я хочу иметь большую усадьбу, лошадей, повозки, слуг, сосновую рощу и...

— Сосновую рощу? Сосны в Египте не растут.

— Почему обязательно в Египте? Я не хочу оставаться в этой проклятой стране. Хорошо бы устроиться в Азии, в каком-нибудь местечке, куда не заходят стражи фараона.

— Это уже лучше, парень. Ты беглый преступник?

Сути обомлел.

— Стражники ищут тебя, а ты стараешься спрятаться в пустыне, среди рудокопов. Имей в виду, что они очень настырные — наизнанку вывернутся, чтобы тебя прищучить.

— На этот раз я живым не дамся.

— Ты уже сидел в тюрьме?

— Никогда больше я не вернусь на нары.

— Кто занимается твоим делом?

— Пазаир, старший судья царского портика.

Эфраим восхищенно присвистнул.

— Должно быть, ты крепкий орешек! Многие были бы счастливы увидеть этого судью в гробу.

— Он очень упертый.

- Ничего, судьба еще поставит ему подножку.
- Но мне надо поторапливаться, я на мели.
- Ты мне нравишься, малыш, но рисковать из-за тебя я не стану. Завтра начнется настоящая работа, посмотрим, на что ты способен.

* * *

Эфраим разделил своих людей на две бригады.

Первой, более многочисленной, было поручено собирать медь, которая шла на изготовление инструментов, в частности резцов для каменотесов; отбитую молотом породу и промытый металл плавили здесь же, на месте добычи, в примитивных печах, и разливали в формы. На Синае и в других пустынях добывалось немало меди, но ее вывозили в Сирию и Западную Азию для нужд строительства. Она шла также и на военные цели: добавки меди в олово позволяли сделать более прочными клинки ножей и мечей.

Сути попал в другую группу, состоявшую из десятка самых крепких парней. Все понимали, что настоящие трудности только начинаются. Прямо передними зиял, словно пасть преисподней, лаз в шахту, ведущую в глубины, возможно таящие настоящие сокровища. На шее у каждого висел кожаный мешочек, который, если повезет, можно набить битком. Из одежды были только кожаные набедренные повязки, а тело каждый из них натер песком.

Кто пойдет первым? Это была самая выгодная позиция, но она же и самая опасная. Кто-то сильно толкнул Сути, он обернулся и ударил. Завязалась драка, которую пресек Эфраим, вытащив из кучи за волосы небольшого роста парня, который вопил от боли.

— Ты, — объявил он, — пойдешь вперед.

Выстроилась цепочка. Вход был узким, мужчины сгибались в три погибели, ища опору. Взгляд скользил по стенам, в поисках драгоценного металла, о котором они мало что знали. Ведущий цепочки слишком торопился и поднял пыль; следующий за ним, задыхаясь от пыли, толкнул его в спину. От неожиданности тот потерял равновесие и покатился вниз, до следующего уступа.

— Он без сознания, — констатировал один из его товарищей.

— Тем лучше, — огрызнулся другой. Задыхаясь и изнемогая от жары, они спускались все глубже.

Вот оно, золото! Но счастливчик был тут же осмеян двумя завистниками.

— Глупец! Это блестящая стекляшка.

Сути чувствовал, что его подстерегает опасность. Животный инстинкт заставил его нагнуться именно в тот момент, когда ему попытались раскроить череп большим камнем. Первый из нападавших грохнулся навзничь, и Сути ударом ноги сломал ему ребро.

— С каждым следующим будет то же самое, — объявил он. — Вы с ума посходили? Если мы будем продолжать в том же духе, наверх не выйдет никто. Или мы перебьем друг друга, или разделим добычу по справедливости.

Те, кто мог двигаться, сойдясь на втором предложении, продолжали путь, углубившись в следующий коридор. Еще двоим стало дурно, и они повернули назад. Факел из тряпки, смоченной в кунжутном масле, оказался в руках у Сути: он без колебаний возглавил цепочку.

Спустились еще ниже, и тут в темноте что-то сверкнуло.

Предвкушая добычу, молодой человек рванулся вперед и схватил сокровище. И тут же завопил от досады: — Медь, опять эта чертова медь!

* * *

Сути твердо решил заставить Эфраима поделиться награбленным. Выбравшись из шахты, он был удивлен тишиной, царившей наверху. Рудокопы были выстроены в два ряда, между которыми расхаживал десяток стражников с собаками. Руководил ими не кто иной, как тот великан, который разговаривал с Сути, перед тем как нанять его на работу.

— Вот остальные, — объявил Эфраим.

Сути с товарищами заняли свое место в ряду, туда же встали и раненые; собаки натягивали поводки и злобно рычали. У каждого стражника в руках была плетка с девятью кожаными хвостами — ее удар был резким и болезненным.

— Мы ищем одного дезертира, — объявил великан. — Он сбежал с места службы, на него заведено уголовное дело. Я уверен, что он прячется среди вас. Наши условия таковы: если он сдастся сам или его выдадите вы, все будет закончено быстро; если же вы откажетесь говорить по-хорошему, то мы начнем допрашивать вас с помощью такой плетки. Это касается всех и будет продолжаться столько, сколько понадобится.

Взгляды Сути и Эфраима встретились. Выгораживать его перед стражниками хетт не станет; а если он выдаст Сути, то укрепит свою репутацию в их глазах.

— Смелее, — вновь заговорил великан. — Беглец проиграл свою игру. А вы — ребята честные.

Из рядов не вышел никто.

Эфраим подошел поближе к своим рабочим. Сути напрягся: видимо, шансов на спасение у него не оставалось. Даже рудокопы не на его стороне.

Псы продолжали бесноваться, чувствуя близкую добычу. Стражники невозмутимо ожидали, когда жертва окажется у них в руках.

И тут Эфраим снова схватил за волосы маленького скандалиста и швырнул его к ногам старшего стражника.

— Вот он, ваш дезертир.

Сути почувствовал на себе взгляд великана. Он был уверен, что тот не поверил Эфраиму. Но выданный стражникам подозрительный субъект, окруженный злобно брехавшими собаками, уже признавался во всем.

* * *

— Ты мне нравишься все больше, малыш.

— Ты меня одурачил, Эфраим.

— Я устроил тебе проверку. Тот, кто вернется из этой заброшенной шахты, способен вывернуться из любой ситуации.

— Тебе следовало предупредить меня.

— Тогда моя проверка потеряла бы смысл. А теперь я знаю, на что ты способен.

— Но стражи вернутся за мной.

— Я знаю, поэтому нам не следует задерживаться здесь. Как только я наберу столько меди, сколько требуется подрядчику в Коптосе, я отправлю большую часть моей группы сопровождать этот металл в долину.

— А потом?

— А потом с теми, кого я выберу, мы отправимся в экспедицию, о которой жрецы храмов знать не будут.

— Если ты не вернешься со своими рудокопами, стражники станут искать тебя.

— Если все получится, они не успеют. Это мой последний поход.

— Нас будет не слишком много?

— Когда отправляешься за золотом, то в начале путешествия нужны носильщики. Но возвращаюсь я всегда один.

* * *

Прежде чем отправиться домой завтракать, визирь Баги принял Пазаира. Отпустил секретаря, он погрузил опухшие ноги в маленький бассейн из камня, наполненный теплой соленой водой. Предписанный Нефрет курс лечения улучшил его самочувствие, но отказаться от жирных блюд, которые готовила его супруга, он не смог, и его печень продолжала страдать.

Пазаир начал привыкать к холодной манере общения, свойственной визирю. Сгорбленный, с длинным строгим лицом, начисто лишенный обаяния Баги нимало не заботился о том, чтобы снискать симпатию окружающих. Стены его кабинета были увешаны картами провинций, причем некоторые из них нарисованы самим визирем.

— Вы совсем не отдыхаете, судья Пазаир. Обычно старший судья довольствуется исполнением своих многочисленных обязанностей и не занимается расследованиями.

— Дело очень важное.

— Кроме того, я бы сказал, что проблемы армии — не ваша компетенция.

— Процесс по делу полководца Ашера не закончен, он остается под подозрением. Я намерен продолжить расследование.

— Почему вы обратили внимание на его рапорт о состоянии наших войск?

— Потому что этот документ лжив, что подтверждается свидетельством таких людей, как верховный страж и верховный жрец Карнака. Когда я возбужу новое дело против Ашера, этот рапорт ляжет туда. Полководец постоянно искажает истину.

— Возбудить новое дело... Вы твердо намерены это сделать?

— Ашер — убийца. Сути сказал правду.

— Ваш друг попал в неприятную историю.

Пазаир ждал и боялся этого. Баги продолжал говорить тихо, но было видно, что он раздражен.

— Ашер начал против него судебное преследование, обвинение серьезное — дезертирство.

— Это дело не имеет перспектив, — возразил Пазаир. — Сути начал работать стражником до того, как появился иск полководца. Подтверждение этому вы найдете в архиве Кема. Следовательно, военнослужащий Сути по-прежнему служит государству, и его

военная карьера не прерывалась. То есть о дезертирстве речи не идет.

Баги что-то записал на дощечке.

— Я надеюсь, что изложенная вами версия соответствует истине.

— Вы можете быть в этом уверены.

— Как вы думаете, зачем Ашер подал свой рапорт?

— Этот документ должен посеять панику, на фоне которой полководец предстанет спасителем отечества.

— А если он все же говорит правду?

— Моя предварительная проверка доказывает обратное. Да, она носила ограниченный характер, но у вас есть возможность изучить вопрос более глубоко и опровергнуть утверждения Ашера.

Визирь молчал.

И тут в мозгу судьи вдруг промелькнуло страшное подозрение. А что, если Баги заодно с полководцем? И образ визиря — честного, неподкупного, бескомпромиссного — всего лишь личина? В этом случае его карьера старшего судьи будет недолгой: его отправят в отставку под любым формальным предлогом. По крайней мере, долго мучиться сомнениями ему не придется — ответ Баги объяснит все.

— Вы сделали свою работу прекрасно, — произнес, наконец, визирь. — С каждым днем становится все очевиднее, что ваше повышение в должности было правильным шагом. Я был неправ, когда при назначении высших судей отдавал предпочтение людям старшего возраста; утешаться можно лишь тем, что вы — исключение из правила. Ваш анализ донесения Ашера произвел на меня сильное впечатление, а свидетельства верховного стража и верховного жреца Карнака, пусть даже недавно назначенных, придают ему дополнительный вес. Во всяком случае, мои сомнения вам удалось развеять. Иными словами, я ставлю под сомнение ценность этого документа и назначаю тотальную проверку вооружений, которыми мы располагаем.

Пазаир был счастлив. Едва добежав до дома, он расплакался слезами радости в объятиях Нефрет.

* * *

Полководец Ашер присел на подножку колесницы. Казарма спала, часовые дремали. Чего могла опасаться такая могучая страна, как Египет, сплоченная вокруг своего правителя, прочно утвердившаяся на завещанных предками моральных устоях, страна, которую не могли пошатнуть самые свирепые ветры?

Чтобы стать могущественным и влиятельным человеком, Ашеру пришлось лгать, убивать и предавать. Его целью было договориться с хеттами и азиатскими царствами, чтобы создать такую империю, о которой не мог мечтать даже сам Рамсес. И вот все рушилось из-за одного непродуманного поступка. Уже несколько месяцев он является жертвой обмана: химик Чечи, этот молчун, просто воспользовался им.

Великий Ашер! Он на глазах превращается в жалкую марионетку, которую судья Пазаир в конце концов закопает. Ему не удался даже такой пустяк, как отправить Сути в дисциплинарный лагерь, потому что дружок старшего судьи вовремя пристроился в стражу. Поданный полководцем судебный иск отвергнут, а его рапорт отклонен визирем! Тотальная

проверка вооруженных сил добром для Ашера не закончится: его накажут за попытку подорвать боевой дух армии. Когда Баги ввязывается в какое-то дело, он становится злобным и упертым, как сторожевой пес, вцепившийся в жертву.

Почему все-таки Чечи посоветовал ему написать этот злосчастный рапорт? Все выглядело очень привлекательно: он превращался в спасителя отечества, мудрого государственного мужа, сумевшего сплотить нацию. От такой ослепительной перспективы полководец потерял голову. Он так долго обманывал других, что, в конце концов, обманул самого себя. Как и маленький химик, он мечтал о расширении царства, о смешении рас, что позволило бы, наконец, отбросить устаревшие традиции, которые связывают страну со времен пирамид. Он упустил из виду, что есть еще такие старорежимные чиновники, как визирь Баги и судья Пазаир, ревностно служащие богине Маат и слишком любящие истину.

Ашер страдал оттого, что его считали военачальником средних способностей, с ограниченными возможностями, лишенным амбиций. Его наставники ошибались на его счет. Вытесненный на обочину, откуда ему было не выбраться, полководец возненавидел армию. Или он ее уничтожит, или возьмет под свой контроль. Попад в Азию, посмотрев на тамошних правителей, склонных к лжи и хитрости, постоянно плетущих интриги, он понял, что было бы полезно договориться с ними, и вступил в сговор с Адафи, возглавлявшим движение против египтян.

Теперь же, став игрушкой в руках шулера, он поставил под удар все свое будущее. Но предавшие его друзья еще не знают, на что способно загнанное в угол животное. Будучи опозоренным в собственных глазах, Ашер постарается восстановить репутацию, в свою очередь подставив своих союзников.

Почему эти беды выпали на долю именно ему? Ведь он мог верно служить фараону, любить свою страну, быть таким же, как другие военачальники, которые довольствуются тем, что исполняют свой долг. Но вкус к интригам проник в него, как вирус, подталкивая к тому, чтобы получать то, что предназначено для других.

Ашер терпеть не мог людей, которые были не как все, таких как Пазаир и Баги. Они мешали ему выполнить задуманное. Одни строят, другие разрушают, и если он оказался среди последних, то разве не боги ответственны за это? А их воле противиться невозможно.

Каким ты родился, таким и умрешь.

Полузакрыв глаза, настороженно подергивая маленькими ушами, выставив ноздри над водой, бегемот зевнул. Его толкнул другой самец — первый заворчал. Оба чудовища охотились на крокодилов во главе двух стад, поделивших между собой ту часть Нила, которая омывала южные районы Мемфиса. Расталкивая толщу воды громоздкими телами, они любили поплавать на глубине, где эти тяжелые и неповоротливые твари выглядели почти грациозно и изящно. Весившие до двух тонн животные не любили, когда их тревожили во время дневного отдыха: непрошеного гостя могли встретить пастью, распахнутой на сто пятьдесят градусов, снабженной клыками по шестьдесят сантиметров каждый. Будучи ленивыми по натуре, они зевали, чтобы отпугнуть пришельца. По ночам они обычно выходили на берег, чтобы полакомиться свежей травой, а чтобы переварить пищу, им нужен был целый день: они грелись на солнышке, на песчаном пляже, подальше от человеческого жилья; их нежная кожа вынуждала их часто окунаться в воду.

Покрытые шрамами самцы спорили за власть, показывая друг другу зубы, но тут же, оставив вялую попытку побороться, поплыли бок о бок в направлении берега. И там, в приступе безумия, они принялись вытаптывать поля, мять кустарники в садах, ломать деревья, приводя крестьян в ужас. Ребенок, не успевший увернуться, был растоптан.

И второй, и третий раз гиппопотамы начинали свою атаку, а их самки тем временем защищали детенышей от нападения крокодилов. Правители городов обратились за помощью к стражникам. Кем отправился на место и организовал отстрел самцов. Они оба были убиты, но беды на этом не кончились: тучи воробьев, великое множество мышей, массовый падеж скота, целые колонии червей в зернохранилищах, не считая огромного количества чиновников, доведивших землевладельцев до остервенения своими придирами, довершили нанесенный урон. Чтобы уберечься от несчастья, многие сельские жители надели на шею кусочки сердолика: блеск этого камня помогал отвести пагубные силы. Тем не менее, слухи распространялись со стремительной быстротой. Красный гиппопотам превратился в разрушителя потому, что магические защитные силы фараона иссякли. К тому же болтали, что разлив будет скудным — это ли не доказательство того, что власть правителя над природой слабеет и что он должен укрепить свой союз с богами, устроив праздник возрождения?

* * *

Проверки, начатые визирем Баги, шли своим чередом, однако Пазаир был обеспокоен: не имея новостей от Сути, он написал ему зашифрованное послание, где было сказано, что положение полководца Ашера пошатнулось и потому подвергать себя риску и впредь — ради поисков улики против него — не имеет смысла. Цель, для достижения которой Сути пустился в свое опасное путешествие, может быть достигнута в считанные дни.

К тому же судья получил еще одно неприятное известие: как сообщил ему Кем, исчезла Пантера. Она ушла ночью, не сказав соседям ни слова о том, куда направляется. В Мемфисе ее не видел никто. Разочарованная и раненная в самое сердце, она вполне могла вернуться в Ливию.

Праздник Имхотепа, мудрейшего из мудрых и покровителя писцов, был выходным днем, и Пазаир смог немного отдохнуть и подлечиться: он пил раствор брионии, чтобы избавиться от мучивших его насморка и кашля. Сидя на складном стуле, он любовался великолепным букетом, составленным Нефрет: она собрала его из пальмовых листьев и веток персикового дерева, добавив к ним лепестки лотоса и скрепив всю композицию тщательно замаскированной нитью. Все было сделано весьма искусно и требовало большого умения. Было видно, что этот маленький шедевр пришелся по душе Смелчаку: встав на задние лапы и опершись передними о столик, где стоял букет, он пытался сжевать лепестки лотоса. Пазаиру не удавалось отвлечь пса от этого занятия, пока он не предложил ему нечто более привлекательное — сахарную косточку.

Собирался дождь. С севера напоздали тяжелые черные тучи. Люди и животные ощутили беспокойство; служанка бессмысленно металась по дому, кухарка разбила глиняный горшок. Все испуганно ждали приближающегося дождя: это будет настоящий ливень, который разрушит плохонькие домишки, а на пустынных окраинах города закрутит настоящие водовороты камней и грязи.

Хотя ее работа в лечебнице была очень утомительной, Нефрет находила в себе силы сохранять улыбку на лице и доброжелательный тон в отношениях с домашними. Слуги обожали ее и побаивались Пазаира, за чьим суровым видом на самом деле скрывалась природная стеснительность. Да, судья считал, что садовник работает с ленцой, служанка немного медлительна, а кухарка склонна к гурманству, признавая при этом, что все они выполняют свои обязанности с удовольствием. Поэтому никаких упреков им он не высказывал.

Пазаир сам почистил мягкой щеткой шкуру осла, страдавшего от изнуряющей жары; поев и запив съеденное свежей водой, Северный Ветер заметно прибодрился и разлегся в тени под смоковницей. Вспотевшему Пазаиру захотелось облиться водой. Он пересек сад, где уже поспевали финики, прошел вдоль стены, отделявшей усадьбу от улицы, обогнул птичий двор, откуда доносился гомон, и вошел в свое просторное жилище, к которому уже начал привыкать.

Долетевшие до него обрывки беседы означали, что комната для водных процедур занята. Молодая служанка, стоя на возвышении, поливала водой из кувшина золотистое тело Нефрет. Теплая вода скользила по шелковистой коже и убегала в отверстие канализации, вырезанное в известняковой плитке, которой был выложен пол.

Пазаир взял у служанки кувшин и отпустил ее.

— Какая высокая честь! Старший судья царского портика собственной персоной... А может, он сделает мне массаж?

— Он ваш самый преданный слуга.

Они перешли в другое помещение.

Стройный стан Нефрет, ее солнечная чувственность, высокая и упругая грудь, изящно очерченные бедра, тонкие ступни и кисти — все это ослепляло Пазаира. День ото дня все сильнее влюбляясь в свою жену, он постоянно разрывался между двумя желаниями — целомудренно восхищаться ею или обрушить на нее всю свою страсть.

Она легла на каменную скамью, покрытую циновкой, а Пазаир, раздевшись, перебирал флаконы и вазы с мазями — одни из цветного стекла, другие из алебаstra. Выбрав один из них, он смазал спину своей подруги душистым маслом и прошелся ловкими пальцами от поясницы до затылка. Нефрет считала ежедневный массаж весьма эффективным лечебным

средством, которым не следовало пренебрегать, ведь он приводил в норму давление, снимал судороги, успокаивал нервы, активизировал кровообращение, поддерживая в организме равновесие и здоровье. Из косметической ложечки в форме нагой пловчихи, толкающей перед собой утку с распростертыми крыльями, тело которой и служило емкостью, Пазаир взял другой состав, с запахом жасмина, и натер им шею молодой женщины.

Под его пальцами по телу Нефрет пробежала легкая дрожь. Заметив это, он коснулся ее шеи губами; она перевернулась на спину, и тела любовников слились воедино.

* * *

Буря прошла стороной.

Пазаир и Нефрет завтракали в саду — к большому удовольствию Смелычака, который крутился вокруг низких столиков из тростника и стеблей папируса, где служанка расставила кубки, блюда и кувшины. Напрасно судья пытался воспитывать собаку, запрещая ей кланчиться у стола, где едят хозяева. Пес чувствовал, что Нефрет на его стороне; да и как можно было оставаться равнодушным к таким вкусным запахам?

— Я надеюсь на лучшее, Нефрет.

— Это бывает с тобой не так часто.

— Ашер не должен от нас ускользнуть. Убийца и предатель... Как можно было так испортить жизнь самому себе? Я не думал, что мне придется бороться с таким беспредельным злом.

— Не зарекайся, может быть еще хуже.

— Откуда такой мрачный настрой?

— Я очень дорожу своим счастьем, но чувствую, что оно под угрозой.

— Из-за моего расследования?

— Ты рискуешь все сильнее и сильнее. Ты думаешь, что Ашер позволит уничтожить себя и не предпримет ответных мер?

— Я убежден, что он не более чем второстепенная фигура, а во главе заговора стоит кто-то другой. Он, строил иллюзии по поводу качества небесного железа; выходит, его сообщники водили его за нос.

— Может быть, он притворялся?

— Нет, не похоже.

Нефрет накрыла своей ладонью руку мужа, и это простое прикосновение сделало их бесконечно близкими друг другу. Пес и зеленая обезьянка притихли, ощутив красоту и величие момента: два человеческих существа слились воедино в беспредельности окружающего мира.

Райское блаженство прервал приход кухарки.

— Ну вот опять, — принялась она жаловаться. — Служанка стащила рыбный медальон, который так украшал это блюдо!

Нефрет встала, чувствуя, что пора вмешаться. Виновница инцидента, лишившего судью любимого лакомства, видимо, чувствуя свою вину, где-то спряталась. Вначале они тщетно пытались в два голоса дозваться ее, а затем пришлось обыскивать весь дом.

Раздавшийся внезапно ужасный крик так напугал собаку, что она забилась под стол. Пазаир кинулся на зов.

Заливаясь слезами, кухарка склонилась над горничной, распростертой на полу в гостиной. Нефрет была уже здесь.

— У нее паралич, — констатировала молодая женщина.

* * *

Увидев Пазаира, выходявшего из дома, поглотитель теней выругался. Он так тщательно все подготовил! Выведал у болтливой служанки немало ценной информации о вкусах судьи. Нарядившись торговцем рыбой, продал кухарке великолепную кефаль и небольшой, но очень аппетитный розовый медальон.

Чтобы его изготовить, он взял печень тетраодона, рыбы, которая в случае грозящей опасности имеет обыкновение надуваться, стараясь увеличиться в размерах, чтобы отпугнуть противника. В ее печени, голове и костях содержится смертельный яд в количестве четырех миллиграммов на килограмм веса. Поглотитель теней тщательно рассчитал размер медальона, чтобы уменьшить содержание яда до одного миллиграмма — так, чтобы спровоцировать неизлечимый паралич.

И вот какая-то глупая обжора испортила ему все дело! Ну ничего, в следующий раз он будет умнее.

* * *

— Я положу ее в нашу лечебницу, мы будем за ней ухаживать, — сказала Нефрет, — но улучшить ее состояние не удастся.

— Ты выяснила, чем ее отравили? — спросил потрясенный Пазаир.

— Я уверена, что это какая-то рыба.

— Почему?

— Потому что наша кухарка купила кефаль у бродячего торговца, он продавал свежую рыбу и рыбу разделанную. И медальон, видимо, приготовлен из чего-то другого; есть виды рыб, содержащих яды.

— То есть мы имеем дело с предумышленным убийством?

— Дозировка была рассчитана так, чтобы превратить человека в инвалида, но не убить его. Ведь судей не убивают, не так ли? Но можно сделать их неспособными думать и действовать.

По телу Нефрет прошла нервная дрожь, она бросилась в объятия мужа. Она представила его недвижимым, с пустым, остановившимся взглядом и пеной на губах. Но и таким она любила бы его до самой смерти.

— Он не остановится, — сделал вывод Пазаир. — Кухарка рассказала, как он выглядел?

— Очень неопределенно... Человек среднего возраста, о котором забудешь через две минуты.

— Ясно, что это не Кадаш и не Денес. Может быть, Чечи или нанятый ими убийца. Но он совершил ошибку: теперь мы знаем о его существовании. Я попрошу Кема заняться этим субъектом.

В совет, состоящий из лекарей, хирургов и фармацевтов, которым было поручено назначить нового старшего лекаря царства, поступили кандидатуры первых соискателей, имевших безупречные послужные списки. Среди них были глазной лекарь, терапевт из Элефантины, правая рука покойного Небамона, и зубной лекарь Кадаш.

Последнему, как и его коллегам, пришлось ответить на технические вопросы, рассказать об открытиях, которые они сделали за время своей практики, вспомнить об ошибках и проанализировать их причины. Был разговор и о планах на будущее.

При голосовании голоса разделились, и никто из кандидатов не набрал необходимого большинства. Один горячий сторонник Кадаша вызвал раздражение членов совета, которые напомнили ему о недавнем прошлом, объяснив, что больше никто не потерпит подлогов, широко распространившихся при Небамене. Защитник интересов Кадаша стушевался.

Второе голосование дало сходные результаты, так что пришлось констатировать, что страна пока останется без старшего лекаря.

— Ашер здесь?

Управляющий подтвердил Денесу, что полководец ожидает у входа в поместье.

— Скажите ему, что... Или нет, впустите. Только не сюда, а на конюшню.

Судовладелец обрызгал себя благовонной жидкостью и принялся причесываться. Затем отрезал два слишком длинных седых волоса, которые портили вид его аккуратной короткой бородки. Ему крайне не хотелось разговаривать с этим тупым солдафоном, однако полководец еще мог им пригодиться, хотя бы в качестве козла отпущения.

На конюшне Ашер любовался великолепным серым жеребцом.

— Красивое животное. Продается?

— Все продается, полководец, это закон жизни. Люди делятся на две категории: те, кто может купить, и все остальные.

— Избавьте меня от ваших дешевых разглагольствований. Где ваш друг Чечи?

— Откуда мне знать?

— Это же ваш самый верный союзник.

— У меня их десятки.

— Он работал над созданием нового оружия по моему приказу. Но вот уже три дня, как я не вижу его на рабочем месте.

— Мне очень жаль, но ваши неприятности меня не касаются.

Человек с крысиным лицом перегородил Денес дорогу.

— Вы принимаете меня за дурака, которого легко обвести вокруг пальца, и ваш приятель Чечи обманывает меня. Зачем?

— Вы бредите.

— Продайте мне Чечи. Я заплачу, сколько скажете.

Денес заколебался. Рано или поздно Чечи с его рабской преданностью надоест ему. Однако избавляться от него в данный момент не очень удобно, для своего верного слуги он

придумал кое-что другое.

— Вы хотите слишком много, Ашер.

— Вы отказываете?

— Я не могу так обращаться с друзьями.

— Я наделал глупостей, но вы еще не знаете, с кем имеете дело. Вы совершаете ошибку, обходясь со мной таким образом.

* * *

Кадаш возбужденно жестикулировал, призывая всех богов земли, неба и потустороннего мира в свидетели своего несчастья. Вокруг его тела был обмотан шарф, скрывавший нагрудник из кошачьей кожи, седые волосы стояли дыбом, нос казался багровым от испещрявших его красных прожилок.

— Успокойся, — потребовал Денес, которому этот спектакль начал надоедать. — Бери пример с Чечи.

Человек с маленькими черными усиками сидел в позе писца в самом темном углу комнаты, где трое мужчин только что отобедали. Трапеза прошла в самой мрачной обстановке. Госпожа Нанефер продолжала интриговать при дворе против Бел-Трана, однако никаких особенных успехов в этом добиться не могла, что раздражало ее все больше и больше.

— Ты предлагаешь мне успокоиться? А как ты объяснишь провал моей кандидатуры при назначении на пост старшего лекаря?

— Временные трудности.

— Но мы же дали взятки тем же людям, которых обычно подмазывал Небамон.

— Простое недоразумение. Я напомню им о наших договоренностях. При следующем голосовании неприятных сюрпризов не будет.

— Я стану старшим лекарем, ты мне это обещал! Когда я займу этот пост, в нашем распоряжении окажутся все лекарства, включая наркотики и яды. Контролировать общественное здравоохранение для нас очень важно.

— Мы возьмем его под контроль, как и остальные структуры власти.

— Почему бездействует поглотитель теней?

— Он попросил дать ему еще немного времени.

— Время, опять время! Я уже стар и хочу успеть воспользоваться преимуществами своего нового положения.

— Твое нетерпение не поможет нам продвигаться вперед.

Зубной лекарь повернулся к Чечи.

— Ну, ты-то скажи хоть что-нибудь! Должны мы спешить или нет?

— Чечи приходится скрываться, — объяснил Денес.

Кадаш взорвался.

— А я полагал, что мы контролируем ситуацию!

— Мы ее контролируем, однако позиции полководца пошатнулись. Судья Пазаир оспорил его рапорт, и визирь с ним согласился.

— Опять этот Пазаир! Когда же мы от него избавимся?

— Этим занимается поглотитель теней. Нам не о чем беспокоиться: народ высказывает

свое недовольство Рамсесом с каждым днем все громче.

Чечи в своем углу тихонько смаковал сладкую воду.

— Я устал, — признался Кадаш. — Мы с тобой богаты, чего же нам еще желать?

Денес нахмурился.

— Я перестаю тебя понимать.

— Может, плюнем на все?

— Слишком поздно.

— Денес прав, — подал голос химик.

Кадаш обратился к нему.

— А ты пробовал хотя бы раз быть самим собой?

— Денес приказывает, я подчиняюсь.

— А если он ведет тебя к твоей гибели?

— Я верю в то, что мы сможем создать новую страну.

— Эти слова не твои, а Денеса.

— Ты не согласен с нами?

— Приехали!

Кадаш, надувшись, отошел.

— Я согласен, что видеть высшую власть на расстоянии протянутой руки и заставлять себя проявлять терпение — это очень раздражает, — снова заговорил Денес. — Согласитесь, однако, что мы ничем не рискуем и выстроенный нами план очень надежен.

— Долго Ашер будет меня преследовать? — забеспокоился Чечи.

— Он не достанет тебя, его положение очень серьезно.

— Он упрям и порочен, — заметил Кадаш. — Он позволил себе прийти к тебе и угрожать. Если он станет тонуть, то потянет за собой и нас.

— Да, видимо, намерения у него такие, — согласился Чечи. — Но он снова заблуждается. Не забывайте, что у него нет почти никакого влияния. Рядясь в одежды спасителя отечества, он сам себе подписал приговор.

— Разве не ты подталкивал его к этому?

— Он становился обременительным для нас.

— По крайней мере, на какое-то время судья Пазаир оставит нас в покое — эту кость мы ему бросили! — поразился Денес. — Между ними разворачивается смертельный поединок, пусть занимаются друг другом. Чем больше внимания судья станет уделять Ашеру, тем хуже будет понимать, что происходит.

— А если полководец ворвется в твой дом силой? Он подозревает, что ты прячешь Чечи здесь.

— Полководец Ашер ведет свою армию на штурм моего поместья — ты видишь эту картину?

Оскорбленный Кадаш нахмурился.

— Мы подобны богам, — заверил сообщников Денес. — Мы создали реку, которую не сдержит никакая плотина.

* * *

Нефрет вычесывала собаку, Пазаир читал служебную записку, изобилующую

грамматическими ошибками. Внезапно его взгляд привлекло странное зрелище.

В десятке метров от него, на краю бассейна, где цвели лотосы, сорока ударами клюва добивала свою жертву.

Судья отложил свой папирус, поднялся, прогнал сороку и в ужасе обнаружил ласточку с раскрытыми крыльями и окровавленной головой. Сорока выбила ей один глаз и поранила лоб. Судороги сотрясали несчастную птицу, чей образ принимала душа фараона, чтобы уйти на небо.

— Нефрет, иди скорее сюда!

Молодая женщина прибежала. Как и Пазаир, она испытывала почтение к изящной птице, изображение которой в священном иероглифическом письме означало «величие». От ее веселых пируэтов в золотых и розовых лучах заходящего солнца становилось светлее на душе.

Опустившись на колени, Нефрет взяла в ладони маленькое тельце, доверчиво отдавшееся, почувствовав тепло человеческих рук.

— Мы не сможем ее спасти, — пожалела она.

— Я не должен был вмешиваться.

Пазаир корил себя за легкомыслие. Человек не имеет права ни ввязываться в жестокую игру природы, ни становиться между жизнью и смертью.

Птичьи коготки вонзились в пальцы Нефрет, цепляясь за них, как за ветку дерева. Несмотря на боль, женщина не разжала рук.

Растерявшись, Пазаир совершил ошибку, вмешавшись в естественный ход вещей. Был ли вправе судить других он, кто обрек на бессмысленные страдания ласточку, вырвав ее из рук всемогущей судьбы? Из-за его тщеславия и глупости мучилось существо, которое он пытался спасти.

— Может, было бы лучше ее убить? Если надо, я...

— Ты на это не способен.

— Я несу ответственность за ее агонию. Кто теперь станет мне доверять?

Принцесса Хаттуса мечтала о другой жизни. Дипломатическая супруга Рамсеса, выданная замуж в Египет в знак заключения мира, сегодня была всего лишь брошенной женой.

Роскошная обстановка гарема не утешала ее. Она ждала любви, близости с Рамсесом, а вместо этого получила одиночество более страшное, чем тюрьма. Чем дольше ее годы утекали с водами Нила, тем сильнее она ненавидела Египет.

Доведется ли ей снова увидеть столицу Хеттского царства, стоящую на высоком плато на фоне негостеприимного пейзажа из оврагов, ущелий, холмов с отвесными краями и сменявших их безводных степей? От внезапного вторжения главный город царства защищали горы. Настоящая крепость, выстроенная из огромных кусков камня, столица возвышалась над зажатými между скал холмами и равнинами как воплощение гордости и жестокости первых хеттов — воинов и победителей. Прекрасно вписавшись в скалистое безмолвие пейзажа, она гармонично соединяла его неприступные утесы с крепостными стенами и бастиянами, одним своим видом способными остановить неприятеля. Ребенком Хаттуса часто бегала по узким городским улочкам, потихоньку таскала кубки с медом, расставленные по скалистым выступам как подношения богам, играла в мяч с мальчишками, которые хвастались друг перед другом своей силой и ловкостью. Она не замечала, как текло время.

Никогда еще ни одна иноземная царица, представленная царствующему дому в Египте в качестве залога прочности союзнических отношений, не возвращалась на родину. Только хеттская армия способна освободить ее из этой роскошной тюрьмы. Ни ее отец, ни семья не отказались от планов овладеть Дельтой и долиной Нила; они превратят эту страну в неисчерпаемый источник рабской силы и огромную житницу. Ее же задачей было подрывать изнутри фундамент враждебного государства, его институты, ослаблять Рамсеса, стараясь навязать себя в качестве соправительницы. В прошлом женщины часто сидели на троне, и именно они вдохновляли нацию на освободительные войны с азиатскими кочевниками, укрепившимися на севере страны. У Хаттусы не было выбора: освободив себя, она принесет своему народу самую прекрасную из побед.

Предлагая ей небесное железо, Денес не отдавал себе отчета в том, что тем самым способствует реализации ее планов. У хеттов было поверье: тому, кто обладает этим металлом, помогают боги. Можно ли найти лучший способ договориться с ними, чем небесное железо, пришедшее к нам из глубин Вселенной? Как только Хаттуса получит его, она наделает амулетов, браслетов, ожерелий и колец. Она оденется в драгоценный металл вся, представ перед окружающими дочерью каменного огня, способной разрывать тучи. Денес — тщеславный дурак, но он может быть ей полезен. Нарушить поставки продуктов — прекрасный способ нанести удар по престижу Рамсеса, но еще более эффективным ей представлялся другой план, открывавший прямую дорогу к победе.

Хаттуса готовилась к решительному сражению. Но ей необходимо было убедить одного-единственного человека разделить Египет, пробив брешь в границе государства, куда должна устремиться лавина ее соотечественников.

В полдень храм Карнака пребывал в дремоте. Из трех ритуальных служб, посвященных подношению даров от имени фараона, полуденная была самой короткой. Жрец совершал ритуал поклонения перед закрытым святилищем, где хранилось божественное изваяние, оживавшее во время длинной утренней церемонии, и должен был удостовериться, что Невидимый излил свое семя в огромный каменный сосуд, чтобы мир продолжал пребывать в гармонии.

Садовник Кани, ставший верховным жрецом храма Амона и третьим по значимости лицом в государстве после фараона и визиря, по-прежнему выглядел как простой крестьянин: грубоватое лицо, морщинистая кожа, мозолистые руки. Он не обращал внимания на высокомерно-елейные манеры писцов, получивших образование в лучших школах столицы, и руководил людьми так же, как выращивал растения. Несмотря на множество забот, он никому не доверял уход за своим садом, где выращивал лекарственные растения.

К общему удивлению, Кани быстро освоился в среде высших жрецов, обычно не очень гостеприимных. Бывший садовник, равнодушный к своим новым привилегиям, полагал, что храмовые владения процветают, а культ богов совершается в соответствии с законом. Не зная других жизненных правил, кроме привычки к труду и уважения к хорошо сделанной работе, он продолжал руководствоваться ими. Характер его высказываний, иногда слишком прямолинейных, шокировал сановников, привыкших к большей сдержанности; однако новый верховный жрец работал, не жалея сил, и сумел поставить себя. Несмотря на пессимистичные прогнозы, Карнак полностью подчинился Кани, и придворные не преминули отметить верность сделанного фараоном выбора. Хотя Хаттусе он казался бредовым.

Правитель, будучи искусным тактиком, остерегся назначить на этот пост сильную личность, которая могла бы соперничать с ним самим. Со времен царствования Эхнатона отношения между правителем и верховным жрецом Амона постоянно ухудшались. Карнак был слишком богат, слишком могуществен и слишком обширен, там царил бог победы. Конечно, фараон сам назначал жреца; однако, заняв этот пост, глава Карнака старался расширить свои возможности. И в тот день, когда разрыв между верховным жрецом, властителем Юга, и фараоном, во власти которого сохранится лишь Север, будет свершившимся фактом, Египет перестанет существовать как единое государство.

Назначение Кани, на ее взгляд, делало такую перспективу весьма вероятной. Человек из народа, крестьянин, он не сможет устоять перед соблазном роскоши и богатства: став хозяином храма, он начнет мечтать о том, чтобы подчинить себе южные края, а затем и всю страну. Он мог еще и не знать этого, но Хаттуса чувствовала, что будет именно так. Она должна объяснить это Кани, заронить в его душу зерна тщеславия, вступить с ним в союз против Рамсеса. Лучшего рычага для достижения своих целей, чем верховный жрец Амона, ей не найти.

* * *

Хаттуса оделась тщательно, но скромно, без украшений; строгость больше приличествовала огромному залу с колоннами, где верховный жрец согласился принять ее. Узнать Кани в толпе жрецов можно было лишь по золотому кольцу — эмблеме его высокой

должности. Наголо обритый, с могучим торсом, бывший садовник не выглядел элегантным. Принцесса порадовалась за свой туалет: жрец наверняка терпеть не мог кокетства.

— Пройдемся, — предложил он.

— Это место выглядит потрясающе.

— Оно способно и возвысить нас, и раздавить.

— У Рамсеса гениальные зодчие.

— Они реализуют волю фараона, как вы или я.

— Я всего лишь одна из его жен, дипломатический трофей.

— Вы — живой символ мира с хеттами.

— Этот статус не принес мне счастья.

— Вы хотите удалиться в храм? Девушки из хора Амона охотно примут вас в свой круг.

Со времени кончины Нефертари, великой супруги фараона, они чувствуют себя осиротевшими.

— У меня другие планы, более увлекательные.

— Они касаются меня?

— В первую очередь.

— Я удивлен.

— Когда речь идет о судьбе страны, верховный жрец Карнака не может оставаться в стороне, не так ли?

— Ее судьба в руках Рамсеса.

— Даже если он вас презирает?

— Я этого не чувствую.

— Просто вы его плохо знаете. Его двуличие многих вводило в заблуждение.

Влиятельность верховного жреца Карнака раздражает фараона. Самое простое решение проблемы состоит в том, чтобы убрать вас и занять этот пост самому.

— А разве это не его место? Фараон — единственный посредник между богами и народом.

— Вопросы культа меня не интересуют. Рамсес — деспот, и широта ваших полномочий раздражает его.

— Что вы предлагаете?

— Чтобы Фивы и тамошний верховный жрец восстали против этой тирании.

— Восстать против фараона означает отрицать саму жизнь.

— Вы вышли из народа, я — царица. И я предлагаю вам заключить союз, который вызовет доверие и у простых людей, и у придворных. Мы создадим новый Египет.

— Поднять Юг против Севера означало бы сломать хребет государству, превратить страну в инвалида. Если фараон не сможет обеспечить единство страны, нас ждут несчастья, нищета и рабство.

— В этом направлении нас ведет Рамсес; только мы с вами способны изменить ситуацию. Если вы поддержите меня, станете богаты!

— Оглянитесь вокруг, царица. С каким богатством можно сравнить возможность созерцать эту божественную красоту, запечатленную в камне?

— Вы моя последняя надежда, Кани. Если вы не вмешаетесь, Рамсес погубит страну.

— Вы — женщина, которая пережила разочарование и хочет отомстить. Ваше несчастье угнетает вас, вы стремитесь уничтожить вашу новую родину. Расколоть Египет, сломать ему хребет, превратить в хеттскую провинцию... Вы ведь этого хотите?

— И все же каков будет ваш ответ?

— Это государственная измена, царевна. За такое преступление полагается смертная казнь.

— Вы упускаете свою удачу.

— В этом храме не существует ни удачи, ни неудачи, здесь служат богам.

— Вы совершаете ошибку.

— Если верность фараону считать ошибкой, то этот мир не стоит того, чтобы в нем жить.

Для Хаттусы это был полный провал. Ее губы дрожали.

— Вы выдадите меня?

— Храмы любят тишину. Заставьте замолчать голос разрушения, что звучит в вашей душе, и в ней воцарится спокойствие.

* * *

Ласточка явно была настроена жить. Нефрет сделала для нее гнездо в коробке, выложив дно соломой и поместив подальше от кошек и прочих хищников. Есть ласточка по-прежнему не могла, и Нефрет лишь регулярно смачивала водой ее поврежденный клюв. Больная птица начала привыкать в присутствии молодой женщины.

Пазаир продолжал упрекать себя за глупое вмешательство.

— Почему ты не допросишь госпожу Нанефер еще раз, — поинтересовалась Нефрет. — Есть веские основания подозревать ее.

— Она заведует производством тканей, искусно владеет иглой, я это знаю. Но я не верю, что она могла хладнокровно убить Беранира. Да, она крикливая, самоуверенная, убежденная в своей значимости...

— А может, просто талантливая актриса?

— И потом она достаточно сильна, это надо признать.

— Убийца напал на Беранира сзади, разве не так?

— Так.

— Точность удара более важна, чем сила. И надо хорошо знать анатомию, чтобы ударить в нужное место.

— Лучше всех на роль подозреваемого подходит Небамон.

— Перед смертью он сказал правду: он не виновен в убийстве.

— Если я буду настаивать на том, чтобы госпожа Нанефер предстала перед судом, она будет все отрицать, и ее оправдают. У меня нет доказательств, одни только косвенные улики. Новые допросы тоже ничего не дадут. Она станет утверждать, что невиновна, пустит в ход свои связи, да еще пожалуется на незаконное преследование. Нужна дополнительная информация.

— Ты рассказал Кему о попытке отравления?

— Он охраняет меня днем и ночью. Они с его павианом спят по очереди.

— Не отказывайся от защиты.

— Иногда она мне мешает.

— Старший судья, ваши вкусы не должны вам мешать исполнять свой долг.

— Ты принимаешь меня за старого чинушу?

Она задумалась, на ее лице появилось выражение легкой тревоги.

— Этот вопрос требует более глубокого исследования. Мы займемся этим сегодня ночью, если...

Он обнял ее, поднял на руки и внес в дом.

— Этот старик будет любить тебя с такой страстью... Зачем же ждать до ночи?

* * *

Старший судья не выпускал из рук свою печать, все утро он возился с документами. Перед ним лежали папирусы о ходе сельскохозяйственных работ, о контроле за земельными налогами и о поставках продуктов. Пазаир читал, быстро вникая в суть дела. Последний документ его возмутил.

— На пять дней задержана доставка свежих фруктов?

— Именно так, — подтвердил писец.

— Это недопустимо. Я это не подпишу. Вы пробовали наложить на них штраф?

— Я отправил запрос своему коллеге в Фивы.

— Получили ответ?

— Пока нет.

— Почему?

— Их завалили такими запросами.

— Вот уже целая неделя, как продолжается это безобразие, и никто не поставил меня в известность.

Писец забормотал извинения.

— Есть более важные расследования...

— Более важные? Десятки селений рискуют остаться без свежих продуктов! Вам это кажется не очень важным потому, что с вашим питанием, видимо, все в порядке! — возмутился Пазаир, указывая на толстый живот чиновника.

Все более и более смущенный, тот положил стопку папирусов на циновку судьи.

— Поступили жалобы и на другие задержки, где речь тоже идет о продуктах питания. Пришла тревожная информация о том, что овощи из Среднего Египта поступят в казармы Мемфиса не раньше чем через десять дней.

Пазаир побледнел.

— Вы представляете себе возможные последствия? Быстро в доки!

* * *

Кем сам правил повозкой, которая прокатилась вдоль канала, параллельного Нилу, мимо складов и зернохранилищ, и остановилась у входа в доки для прибывающих судов. Пазаир бегом устремился к конторе, занимавшейся переписью свежих продуктов. Над двумя дремлющими служащими стоял мальчуган с опахалом.

— Здесь хранят свежие фрукты и овощи? — спросил Пазаир.

— А вы кто?

— Старший судья.

Служащие в ужасе вскочили и принялись отвечать поклоны высокому судейскому чиновнику.

— Простите нас. Уже несколько дней мы сидим без работы, все поставки прекратились.

— Суда где-то застряли?

— Вовсе нет. Они благополучно прибывают в Мемфис, но с совершенно другим грузом.

Вот сегодня самое большое транспортное судно, предназначенное для перевозки фруктов, пришло с грузом камней. Что мы можем сделать?

— Оно еще здесь?

— Да, но скоро отплывает в Фивы.

Пазаир и Кем в сопровождении павиана пересекли верфи и вошли в порт, откуда выходило морское судно, направлявшееся на Кипр. На судне, перевозившем фрукты, поднимали паруса. Судья направился к сходням.

— Один момент, — попросил Кем, удержав его за руку.

— Нам надо спешить.

— У меня плохое предчувствие.

Павиан, поднявшись во весь рост, обнажил клыки.

— Я пройду первым.

Нубиец понял причину возбуждения своей обезьяны. Среди ящиков, стоявших на палубе, была клетка. За деревянной решеткой взад и вперед ходила крупная пантера.

— Капитан, — позвал судья.

Человек лет пятидесяти, плотного телосложения, с низким лбом, оставил штурвал и направился к ним.

— Мы отплываем. Покиньте судно.

— Стража, — объявил Кем. — Я явился на судно с санкции старшего судьи, который также присутствует здесь.

Капитан сбавил тон.

— У меня все документы в порядке, хотя в доке не соглашаются принять песчаник, который мы привезли.

— Но ведь они ждали овощи, не так ли?

— Да, но у меня их реквизировали.

— Реквизировали? — удивился Пазаир. — По чьему решению?

— Лично я исполнял приказание писцов. Мне не нужны неприятности.

— Покажите ваши судовые записи.

Пазаир изучал документы, а Кем открыл один из ящиков. Там действительно находился песчаник, предназначенный для нужд храмов.

Как следовало из документов, большое количество свежих фруктов было загружено на борт в Фивах на восточном берегу Нила, в середине реки арестовано писцами речного флота и выгружено в Фивах же, но уже на западном берегу. Затем судно отправилось на север, к карьерам Джебель Сильсилы, где владельцы каменоломен загрузили его ящиками с песчаником, заказанным... Карнаком! После этого по первоначальному маршруту транспорт отплыл в Мемфис, однако здесь отказались принять товар, не соответствующий заказу.

Осторожный Кем проверил содержимое остальных ящиков — все они были заполнены блоками песчаника.

Поглотитель теней ходил за Пазаиром по пятам с самого утра. Постоянное присутствие Кема и павиана усложняло его задачу, и без того весьма непростую. Ему предстояло придумать новый план и улучшить момент, когда охрана судьи потеряет бдительность.

Удобный случай представился.

Смешавшись с группой матросов, доставивших на борт продовольствие для экипажа, он проник на судно и спрятался за главной мачтой. Пазаир вел жесткий разговор с капитаном, а Кем с павианом обследовали трюм. Покинув свое убежище, поглотитель теней ползком приблизился к клетке.

Один за другим он выдернул все прутья решетки, отделявшей хищника от окружающих. Как будто поняв его намерение, пантера замерла, готовая рвануться на свободу.

Пазаиром между тем все сильнее овладевал гнев.

— Где находится печать речной стражи? — в третий раз задавал он капитану один и тот же вопрос.

— Они забыли ее поставить, они...

— Я запрещаю вам покидать Мемфис.

— Но это невозможно! Я обязан доставить песчаник по назначению.

— Ваши бортовые документы конфискованы: их надо изучить более детально.

Судья направился к сходням.

Когда он проходил мимо клетки, его преследователь вытащил последний, пятый прут и вжался в палубу.

Быстро двигавшаяся фигура судьи привлекла внимание пантеры: рванувшись из клетки, она встала как вкопанная у самых сходней. В наступившей тишине послышалось угрожающее рычание. Рожденное в нубийской пустыне животное было великолепно.

Парализованный страхом, судья как замороженный глядел прямо в глаза большой кошке и не видел там никакой ненависти. Она бросится на него только потому, что он был препятствием на ее пути.

Раздавшийся внезапно страшный вопль пригвоздил к местам всю команду. Появившийся из трюма павиан кинулся наперерез готовому прыгнуть хищнику. Пасть его была широко открыта, глаза сверкали красным огнем, шерсть встала дыбом, готовый к схватке, он бросил вызов сопернику.

На воле даже очень голодная пантера покидала поле битвы, если ее атаковали крупные обезьяны. Но здесь она держалась мужественно, угрожая павиану своими клыками и когтями. Тот, все больше возбуждаясь, подпрыгнул на месте.

Кем, сжав в руке кинжал, встал рядом с ним: он не позволит своему лучшему помощнику сражаться в одиночку.

Попятившись, пантера вернулась в клетку. Не сводя с нее глаз, Кем поставил все прутья на место.

— Вон там кто-то убегает!

Поглотитель теней, спустившись с судна по тросам, уже исчезал за углом.

— Вы сможете его описать? — спросил Пазаир у одного из матросов.

— Вряд ли! Я видел только силуэт.

Судья поблагодарил павиана, пожав его мощную волосатую лапу. Обезьяна уже

успокоилась: в ее глазах светилась гордость.

— Вас снова пытались убить, — констатировал Кем.

— Скорее, тяжело ранить; вы бы вырвали меня из когтей пантеры, но в каком состоянии?

— Как верховный страж, я бы предпочел, чтобы вы не покидали своего жилища.

— Как старший судья, я бы привлек вас к ответственности за незаконный арест. Если наши противники действуют таким образом, значит, мы движемся в правильном направлении.

— Я боюсь за вас.

— У нас нет выбора. Надо продолжать.

— Эта вещь нам поможет.

Кем разжал кулак: на его ладони лежала пробка от кувшина.

— В погребе таких около десятка: винные запасы капитана. По ней можно определить владельца судна.

Надпись оказалась полустерта, но прочесть было можно: «Гарем царевны Хаттусы».

Капитан судна не особенно скрывал, что работает на царевну Хаттусу. Однако Пазаиру было недостаточно его признаний и имевшегося в их распоряжении доказательства: он решил углубить расследование в этом направлении.

Кем опросил всех региональных начальников речной стражи: выяснилось, что ни один из них не отдавал приказа досматривать в Фивах судно с грузом овощей и фруктов. Ни одной официальной печати в судовых документах не было.

Пазаир снова вызвал к себе капитана.

— Вы солгали мне.

— Я боюсь.

— Кого?

— Вас, стражников, и особенно ее...

— Принцессу Хаттусу?

— Я работаю на нее уже два года. Она щедрая, но очень требовательная. Это она приказала мне действовать таким образом.

— Вы понимали, что способствуете нарушению поставки свежих продуктов?

— Я должен был либо повиноваться приказу, либо увольняться. И потом, так поступал не один я... Мои коллеги делали то же самое.

Два секретаря записывали показания капитана. Пазаир перечитал оба протокола допроса, чтобы убедиться, что они идентичны. Капитан поставил на них свою подпись.

Крайне обеспокоенный, судья написал письмо Бел-Трану.

* * *

Двое мужчин встретились в гончарном квартале — там, где ремесленники с ловкими руками и быстрыми ногами лепили из глины великое множество различной посуды — от маленького горшочка для мази до огромного кувшина для хранения сушеного мяса. Если за работу брался искусный мастер, то вокруг него собирались многочисленные ученики, желающие овладеть секретами обращения с гончарным кругом.

— Мне нужна ваша помощь.

— Я нахожусь в непростом положении, — признался Бел-Тран. — Госпожа Нанефер развязала против меня настоящую войну. Она старается собрать группу придворных, которые потребовали бы моей отставки. Некоторые из них пользуются доверием визиря.

— Баги сумеет во всем разобраться.

— В этой ситуации мне приходится проводить ночи напролет за проверкой своей документации. Все должно быть в полном порядке.

— Какими методами действует Нанефер?

— Коварством и наветами. Ответом на все это может быть только моя работа.

— Я сейчас узнал о фактах, которые способны вам навредить.

— Какие?

— Попытка нарушить поставки продуктов питания.

— Может быть, речь идет об обычной небрежности чиновников?

- Нет, о намеренных действиях.
- Тогда мы рискуем получить беспорядки, а возможно, и мятежи!
- Успокойтесь, я уже нашел виновницу.
- Это женщина?
- Царевна Хаттуса.

Бел-Тран помолчал.

- Вы уверены?
- Я собрал уже целый ворох доказательств и свидетельств.

— На этот раз она перегнула палку! Но если выдвинуть против нее обвинения, то тень от них падет и на фараона.

- Рамсес хочет уморить свой народ голодом?

— Это полная бессмыслица. Однако согласится ли он с тем, что будет скомпрометирована его супруга, символ мира с хеттами?

— На ней лежит серьезная вина. Если власти предрержащие не будут нести ответственность за свои деяния, во что превратится страна? Это будет край, где царят подлоги, привилегии и ложь. Я дам этому делу ход, но если из казначейства не поступит официальная жалоба, Хаттуса сможет избежать судебного расследования.

Бел-Тран колебался недолго.

- Я сильно рискую своим положением, но вы получите вашу жалобу.

* * *

По многу раз на дню Нефрет приносила ласточке воду. Птица повернула головку к свету, и молодая женщина ласково поглаживала ее, в душе сокрушаясь, что не может вырвать раненое существо у смерти.

Пазаир вернулся поздно вечером, совершенно измученный.

- Она еще жива?

— По-моему, ей немного лучше.

- Есть надежда?

— Честно говоря, нет. Она не открывает клюв и, видимо, потихоньку угасает. А мы подружались. Почему ты такой усталый?

- Царевна Хаттуса пытается спровоцировать голод в Мемфисе и соседних селениях.

— Невероятно! Как это можно сделать?

— Посредством подкупа, сделав ставку на бездействие управляющих. Это нелегко, ты права. Трудно проделать все это скрытно, слишком много контролирующих инстанций. Она теряет разум. Казначейство, как мне обещал Бел-Тран, подаст официальный иск, и я отправляюсь в Фивы, чтобы предъявить царевне обвинение.

— Не кажется ли тебе, что ты уходишь в сторону от убийства Беранира, от дела Ашера, от заговорщиков?

- Если Хаттуса действительно связана с Денесом, то нет.

— Процесс против самого знаменитого полководца, а теперь и против супруги фараона... Вы необыкновенный судья, Пазаир!

- Ты тоже необыкновенная женщина. Ты меня одобряешь?

— Какие меры безопасности надо принять?

— Никаких. Я должен допросить ее и предъявить обвинение. После этого я передам дело визирю. Баги его не примет, если расследование будет проведено кое-как.

— Я люблю тебя, Пазаир. Они обнялись и поцеловались.

— Сначала яд, затем пантера... Что еще приготовит этот тип, который хочет тебя изувечить?

— Не знаю, но ты не беспокойся. Мы с Кемом поедem на судне, которое принадлежит речной страже.

Перед обедом судья зашел проведать ласточку. К его удивлению, она подняла головку. Выбитый глаз затянулся, маленькое тельце вздрагивало более энергично. Ошеломленный, он боялся пошевелиться. Нефрет взяла пучок соломы и подложила его под птичьи коготки. Ласточка тут же зацепилась за него, как за ветку. И вдруг, с потрясающей живостью, она забила крыльями и взлетела. Мгновенно со всех сторон к ней слетелись и окружили ее сестры; одна из них поцеловала ее, как мать вновь обретенное дитя. Потом другая, третья и вся стая, сошедшая с ума от радости. Ласточки танцевали вокруг Нефрет и Пазаира, которые не могли сдержать слез.

— Какие они дружные!

— Ты не ошибся, отняв ее у смерти. Теперь она вернулась к своим, и будущее ее не страшит.

* * *

Небо было ясно, солнце ослепительное.

Расположившись на носу судна, Пазаир любовался своей страной. Он был благодарен богам за то, что они поместили ее в этих благодатных краях, поражающих своим разнообразием: плодородные поля здесь соседствовали с безводной пустыней. Под сенью увенчанных зелеными кронами пальм протекали каналы, несущие воду на поля, и притаились белые домики безмятежных селений. Золотые колосья сверкали под солнцем, зеленое кружево пальм притягивало взор. Зерно, лен, фруктовые сады рождались из черной земли, ухоженной стараниями многих поколений земледельцев. Акации и смоковницы соперничали красотой с тамариском и персиковым деревом; вдоль берегов Нила, подальше от пристани, благоденствовали папирус и тростник. После дождя растения появлялись даже в песках пустыни, и в течение нескольких недель в их глубинах сохранялась живительная влага, обнаружить которую можно было с помощью прутика лозоходца. Дельта и ее плодородные земли, долина, где божественная река проложила себе дорогу среди бесплодных гор и плоскогорий, трогали душу, помогая человеку найти свое место — рядом с животными, растениями, минералами — в этом созданном вечными богами мироздании. Только человек, впадающий в безумие и тщеславие, способен испортить жизнь, извращая ее сущность; именно поэтому богиня Маат дала ему правосудие, чтобы он мог выпрямить согнутый посох.

— Мне не нравится наша задача, — произнес Кем.

— Вы не верите в виновность царевны?

— Просто на этом вы сломаете себе шею.

— У меня много доказательств.

— Чего все они будут стоять против одного слова супруги фараона? Сдается мне, что

своими действиями вы очень поможете той каналье, которая хочет сделать из вас инвалида. Вы представляете себе, как разъярится царица Хаттуса? Защитить вас не сумеет даже визирь Баги.

— Перед законом равны все.

— Хорошо сказано! Но к реальности имеет мало отношения.

— Посмотрим.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Меня убеждают в собственной правоте глаза моей жены. А еще — полет ласточки.

* * *

Поднялся сильный ветер, по Нилу пошли волны. Сидящий на носу человек, измерявший длинным шестом глубину реки, не смог выполнять свои обязанности. Застигнутые бурей врасплох, матросы не успевали маневрировать; ветром сломало рею, главная мачта погнулась, руль не действовал. Потеряв управление, судно наткнулось на песчаную отмель. С кормы сбросили якорь — большой камень: он поможет удержать судно среди бурлящего потока. На палубе сустились моряки; Кем своим мощным голосом восстановил спокойствие. Вместе с капитаном он составил перечень повреждений и приказал приступить к ремонту.

Пазаира укачало, он промок до нитки и чувствовал себя бесполезным, Кем отвел его в каюту. А закаленные матросы начали нырять, чтобы выяснить состояние корпуса судна. К счастью, он не очень пострадал; как только Нил уймёт свой гнев, можно будет тронуться в путь.

— Экипаж беспокоится, — заметил нубиец. — Перед отплытием капитан забыл покрасить заново магические очи, расположенные по обе стороны от носа судна. Эта небрежность, сделав судно слепым, могла привести к его гибели.

Судья вынул из сумки писцовые принадлежности, приготовил свои черные несмываемые чернила и твердой рукой восстановил контуры магических очей, защищающих судно.

* * *

Капитан принадлежащего царице Хаттусе судна для перевозки овощей и фруктов предупредил стражников гарема, и пятеро из них, в пятидесяти километрах севернее Фив, ждали, когда пройдет судно речной стражи, на борту которого находился судья Пазаир. Задание у них было простое: остановить его любым способом. В награду за свою преданность они получили клочок земли, две коровы, осла, десять мешков зерна и пять кувшинов вина.

Непогода обрадовала их: что в данных обстоятельствах может быть лучше, чем кораблекрушение и утопленники? Лучшего конца для судьи, чем упокоиться на дне великой реки, и придумать трудно: как утверждают легенды, утопленники прямоком попадают в царство праведников.

Пользуясь штормовой погодой и ночной тьмой, пятеро злодеев на быстроходной весельной лодке вплотную приблизились к своей жертве, по-прежнему неподвижно стоящей

у песчаной отмели. Замедлив ход метрах в двадцати от судна, они бросились в воду и, доплыв до кормы, без труда вскарабкались на борт. Их вожак, вооруженный дубинкой, залитой изнутри свинцом, оглушил стражника, стоявшего на часах. Остальные моряки спали на циновках, завернувшись в одеяла. Злоумышленникам оставалось лишь взломать дверь каюты, добраться до судьи и утопить его. План был особенно хорош тем, что вина за содеянное падет не на них: причиной смерти Пазаира станет Нил. Бесшумно ступая босыми ногами, они прошли по палубе и остановились перед закрытой дверью каюты. Двое будут присматривать за моряками, остальные займутся судьей.

Вдруг огромная черная масса бросилась с крыши каюты на вожака, завопившего от боли, когда клыки павиана вонзились ему в тело. Выбив легкую деревянную дверь и зажав в каждой руке по кинжалу, Кем ринулся на непрошенных гостей. Двое получили смертельные раны. Еще двое, вконец напуганные, попытались сбежать, однако разбуженные моряки уложили их ничком на палубу.

Павиан ослабил свою хватку лишь по приказу Кема. Весь залитый кровью, главарь злоумышленников едва не терял сознание.

— Кто тебя послал? Раненый молчал.

— Если не скажешь, тебя допросит мой павиан.

— Царевна Хаттуса, — признался тот и потерял сознание.

* * *

Как всегда, гарем произвел на Пазаира сильное впечатление. Каналы, содержащиеся в прекрасном состоянии, орошали обширные сады, где любили гулять знатные дамы Фив, приходившие подышать свежим воздухом в их тени, а заодно и показать свои новые наряды. Журчала вода, цветочные клумбы радовали глаз яркими красками, музыкантши наигрывали мелодии, звучавшие во время недавних пиров. В ткацких и гончарных мастерских кипела работа, и это зрелище вызывало у наблюдателя чувства величия и умиротворения одновременно; ремесленники, имевшие дело с цветными пастами и редкими породами дерева, с раннего утра мастерили свои шедевры, а носильщики таскали на борт торгового судна кувшины с благовонными маслами.

Гарем царевны Хаттусы в соответствии с традицией представлял собой маленький город, где искусные мастера, в чьей душе и сноровке жила красота, трудились здесь, на приволье, оживляя ею выходившие из-под их рук безупречные изделия.

Пазаир мог бы часами бродить по этому упорядоченному мирку, где тяжелый труд выглядел забавой, гулять по посыпанным песком аллеям, разговаривать с садовниками, отвеживать фрукты, перекидываясь словечком с пожилыми вдовами, нашедшими здесь свой приют, если бы не аудиенция, которую он попросил у царевны в качестве старшего судьи.

Управляющий дворцовыми покоем провел Пазаира в зал для приемов, где его уже ожидали Хаттуса и двое писцов.

Судья поклонился.

— Я очень занята, поэтому прошу вас быть кратким.

— Мне бы хотелось переговорить с вами с глазу на глаз.

— Вам запрещает это официальный характер вашего визита.

— На мой взгляд, он требует этого.

Пазаир развернул папирус.

— Вы хотите, чтобы секретари записали обвинения, которые я вам предъявляю?

Усталым жестом царица отпустила писцов.

— Вы отдадите себе отчет в том, в каких выражениях вы позволяете себе говорить со мной?

— Царица Хаттуса, я обвиняю вас в попытке нарушить поставки продовольствия и покушении на убийство старшего судьи царского портика.

Прекрасные глаза женщины загорелись огнем.

— Как вы смеете!

— У меня есть доказательства, свидетельства очевидцев, протоколы допросов. Обвинять вас есть все основания; но до того как предать дело огласке, я требую, чтобы вы объяснили ваши действия.

— Никто до сих пор не говорил со мной в таком тоне.

— Ни одна из жен фараона не совершала подобных деяний.

— Рамсес уничтожит вас!

— Фараон — сын и слуга Маат. Моими устами говорит Истина, и он не сможет этим пренебречь. Ваше положение не должно позволить замолчать ваши злодеяния.

Хаттуса встала и отошла от трона.

— Вы ненавидите меня за то, что я хеттиянка!

— Вы прекрасно знаете, что это не так. В своих действиях я не руководствуюсь подобными чувствами, несмотря на то, что вы хотите свести со мной счеты.

— Я хотела лишь остановить ваше судно, чтобы не дать вам добраться до Фив!

— Значит, ваши подручные плохо вас поняли.

— Но кто осмелится покушаться на египетского судью? Вам никто не поверит, и суд отвергнет ваших свидетелей как лгунов.

— Вы ловко защищаетесь, но как можно оправдать хищения продуктов?

— Если ваши фальшивые доказательства столь же убедительны, как эти домыслы, моя невиновность станет всем очевидна!

— Ознакомьтесь с этим документом.

Хаттуса взяла документ и стала читать. Ее лицо сморщилось, руки сжались в кулаки.

— Я буду все отрицать.

— Свидетельства убедительны, факты неопровержимы.

Она посмотрела на него горделиво и с вызовом.

— Я — супруга фараона.

— Ваше слово весит не больше, чем слово простого земледельца. А ваше высокое положение — это отягчающее вину обстоятельство.

— Я не позволю вам возбудить дело.

— Руководить процессом будет визирь Баги.

Совершенно убитая, она села на ступеньку.

— Почему вы так стремитесь погубить меня?

— Какую цель вы преследуете, царица?

— Вы действительно хотите это знать, египетский судья?

Царица бросила на Пазаира испепеляющий взгляд.

— Я ненавижу вашу страну, я ненавижу Рамсеса, его славу и могущество! Самым большим счастьем для меня было бы видеть, как египтяне умирают от голода, как плачут их

дети, как издыхает их скот! Сделав меня заложницей и заперев в этой фальшивой золотой клетке, Рамсес полагал, что мой гнев истощится. Но он только крепнет! Это я страдаю от несправедливости, и выносить этого больше не могу. Пусть Египет исчезнет, пусть его завоюет мой народ! Я буду лучшей опорой для врагов фараона. И поверьте, судья Пазаир, их становится все больше и больше!

— Например, судовладелец Денес?

Царевна сникла:

— Я не служу у вас осведомителем.

— Может, вы попали в ловушку?

— Я сказала вам правду, ту самую правду, которую так горячо любят в Египте!

Как всегда, прием удался на славу. Госпожа Нанефер красовалась в своем великолепном доме и с удовольствием выслушивала комплименты лебезивших перед ней гостей. Денес заключил несколько весьма выгодных сделок и был чрезвычайно доволен растущей прибыльностью своего транспортного предприятия, вызывавшего восхищение всей египетской элиты. Однако никто не знал, что судовладелец уже вплотную подобрался и к верховной власти в стране. Он старался совладать со своим нетерпением, но внутреннего возбуждения преодолеть не мог: тех, кто позволяет себе критиковать его, он завтра смешает с грязью, а тех, кто на его стороне, наградит по-царски. Время работает на него.

Устав от суеты, Нанефер удалилась в свои покои. Когда ушли последние гости, Денес прогулялся по саду, чтобы удостовериться, что все фрукты на месте.

Из темноты вышла женщина.

— Принцесса Хаттуса! Что вы делаете в Мемфисе?

— Не называйте меня по имени. Я жду того, что вы мне обещали.

— Не понимаю.

— Небесное железо.

— Наберитесь терпения.

— Не могу. Мне оно необходимо, и срочно.

— Почему такая спешка?

— Вы впутали меня в авантюру.

— До вас никому не дотянуться.

— Судье Пазаиру это уже удалось.

— Он пытается вас запугать.

— Он выдвинул против меня обвинение и рассчитывает начать судебный процесс.

— Глупости!

— Вы его плохо знаете.

— У него на вас ничего нет.

— Он собрал достаточно доказательств, свидетельств и показаний.

— Рамсес не позволит ему.

— Пазаир передает дело визирю Баги; фараон будет вынужден подчиниться закону. Я буду осуждена, Денес: меня лишат моих владений и запрут в каком-нибудь дворце в глухой провинции — и это в лучшем случае. Наказание может быть и гораздо более суровым.

— Это неприятно.

— Мне необходимо небесное железо.

— У меня его еще нет.

— Самое позднее — завтра. В противном случае...

— И что же в противном случае?

— Я выдам вас судье Пазаиру. Он подозревает вас, но пока не знает, что именно вам пришла мысль нарушить поставки продовольствия. Судьи поверят мне, я сумею их убедить.

— Дайте мне больше времени.

— Через два дня полнолуние. Если у меня будет драгоценный металл, моя магия принесет плоды. Завтра вечером, Денес, иначе вам не отвертеться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сопровождаемый удивленным взглядом Проказницы, зеленой обезьянки Нефрет, Смелычак принимал ванну. Осторожно окунув лапу в бассейн, где цвели лотосы, он нашел, что вода очень приятна на ощупь. В этот день у слуг был выходной и Нефрет занималась хозяйством сама. Она доставала воду из колодца. Ее уста были подобны бутону прекрасного цветка, округлая грудь напоминала спелые яблоки. Пазаир смотрел, как она ходила по дому, украшала цветами жертвенник в память о Беранире, кормила животных, любовалась ласточками, каждый вечер прилетавшими покружиться над их жилищем. И среди них радостно махала окрепшими крыльями та, которую они вырвали у смерти.

Нефрет наблюдала, как вызревают плоды смоковницы; сейчас они были нежного желтого цвета, а когда поспеют — станут красными. В мае их следует открыть прямо на дереве, чтобы ушли забравшиеся внутрь насекомые. И после этого фиги будут нежными и сочными.

— Я перечитал документы против Хаттусы, выверенные моими секретарями. Теперь можно передавать их визирю вместе с моими выводами.

— Царевна напугана?

— Она знает, что я не намерен отступить.

— Она может тебе помешать?

— Неважно. Процесс поведет Баги, он не потерпит ничьего вмешательства.

— Даже если фараон попросит его отступить?

— Он может снять меня с должности, но я не отступлю. В противном случае я так запачкаю свою душу, что даже ты не сумеешь ее отмыть.

— Кем рассказал мне, что была третья попытка покушения на тебя.

— Подручные Хаттусы хотели меня утопить; а до того какой-то человек пытался сделать меня инвалидом.

— Кем выяснил, кто это?

— Еще нет. Это очень хитрый и ловкий парень. Те, кто поставляет Кему сведения, о нем ничего не знают. Что решил совет лекарей?

— Решение отложено, пока не найдут новых кандидатов; но Кадаш будет выставляться снова, сейчас он обхаживает членов совета.

Она положила голову ему на колени.

— Что бы ни случилось, мы с тобой счастливы.

Пазаир скрепил своей печатью приговор провинциального суда, приговорившего сельского старосту к двадцати ударам палкой и крупному штрафу за клевету. Скорее всего, местный судья подаст апелляцию; однако, если виновность подтвердится, наказание будет вдвое строже.

Незадолго до полудня судья принял госпожу Тапени. Маленькая, ладная, с волосами цвета воронова крыла, она ловко пользовалась своим обаянием и сумела уговорить суровых писцов впустить ее к старшему судье.

— Чем я могу быть вам полезен?

— Вы хорошо знаете.

— Поясните.

— Я хочу знать, где скрывается ваш друг Сути, который является моим мужем.

Пазаир был готов к этой атаке. Как и Пантере, Тапени не была безразлична судьба любителя приключений.

— Он уехал из Мемфиса.

— Почему?

— У него важное задание.

— Какое, вы мне, конечно, не скажете.

— Это исключено.

— Ему грозит опасность?

— Он верит в свое везение.

— Сути вернется. Я не из тех женщин, которых можно забыть или бросить.

В ее голосе было больше угрозы, чем нежности. Пазаир позволил себе небольшую импровизацию.

— Некоторые знатные дамы, должно быть, вам сильно докучали в последнее время?

— Я занимаю такое положение, что они часто приходят ко мне выпрашивать лучшие ткани.

— Только это? Или что-нибудь посерьезнее?

— Я вас не понимаю.

— Скажем, госпожа Нанефер, она разве не просила вас держать язык за зубами?

Похоже, что Тапени смутилась.

— Я рассказывала о ней Сути, ведь она прекрасно владеет иглой.

— В Мемфисе есть и другие искусницы. Почему вы бросили на съедение именно ее?

— Ваши вопросы мне надоели.

— Но я должен их задать.

— С какой целью?

— Я расследую серьезное преступление.

На губах Тапени появилась странная улыбка.

— В нем замешана Нанефер?

— Что вам об этом известно?

— Вы не имеете права держать меня здесь.

И она быстро пошла к двери.

— Возможно, мне об этом известно достаточно много, судья Пазаир, но почему я должна выдавать свои секреты?

* * *

Бывает ли такое, чтобы в лечебнице наступало затишье? Один больной выздоравливает, но на его место поступает другой, и снова начинается борьба за жизнь. Уход за больными не утомлял Нефрет; одерживать верх над страданием приносило ей бесконечную радость. Весь персонал самоотверженно помогал ей, управляющие исполняли свои функции исправно, поэтому она могла полностью отдаться своему искусству, искать более эффективные

лекарственные средства и совершенствовать старые. Каждый день она оперировала опухоли, соединяла сломанные кости, ободряла неизлечимо больных. С ней работала команда лекарей — одни уже опытные, другие начинающие; она руководила ими, не повышая голоса, и все с радостью повиновались ей.

День выдался не из легких. Нефрет удалось спасти сорокалетнего мужчину, у которого развилась непроходимость кишечника. Усталая, она присела, держа в руках кубок со свежей водой, и в этот момент в помещение, где умывались и переодевались лекари, ворвался Кадаш. Седовласый зубной лекарь грубо окликнул Нефрет.

— Мне нужен список лекарств, которые есть в больнице.

— Зачем он вам?

— Я скоро получу должность старшего лекаря и хочу ознакомиться с этим списком.

— Что вы будете с ним делать?

— Мне необходимо расширить свои познания.

— Но, как зубной лекарь, вы используете лишь несколько специфических средств.

— Сейчас же дайте мне список!

— Ваши требования необоснованны. Доступ к этому списку имеет только персонал лечебницы.

— Вы плохо понимаете ситуацию, Нефрет. Я должен подтвердить свою профессиональную состоятельность. Не ознакомившись со списком лекарств, я не смогу этого сделать.

— Только старший лекарь царства может приказать мне уступить вам.

— Но это же я, будущий старший лекарь!

— Насколько я знаю, это место пока свободно.

— Подчинитесь моему приказу, и вы не пожалеете.

— Я не сделаю этого.

— Если будет нужно, я выбью дверь вашей аптеки.

— И понесете за это ответственность.

— Прекратите упорствовать. Завтра вы окажетесь у меня в подчинении. И если вы сейчас откажетесь со мной сотрудничать, я выгоню вас с этого места.

Обеспокоенные стычкой, несколько лекарей подошли к Нефрет.

— Ваш бунт не производит на меня впечатления.

— Выйдите отсюда, — приказал молодой лекарь.

— Вы совершаете большую ошибку, разговаривая со мной в таком тоне.

— Ваше поведение недостойно целителя.

— У меня нет времени на церемонии, — заметил Кадаш.

— Это с вашей точки зрения, — поправила Нефрет.

— Пост старшего лекаря должен занять опытный человек. Вы все здесь цените меня по достоинству. Почему же вы так со мной обращаетесь? Нами движет одно и то же желание — служить другим.

Кадаш доказывал свою правоту эмоционально и убежденно; он напомнил о своей долгой и успешной практике, о преданности больным, о желании стать полезным стране на более высоком посту, где он не будет связан никакими оковами.

Однако Нефрет оставалась непоколебимой. Если Кадаш хочет получить список ядов и наркотиков, то пусть действует по заведенному порядку. Но пока преемник Небамона не занял этот высокий пост, она будет стоять на своем.

Начальник штаба Ашера сожалел об отсутствии полководца. Однако судья Пазаир настаивал.

- Речь идет не о простом посещении. Я должен допросить его.
- Полководец покинул казармы.
- Когда?
- Вчера вечером.
- В каком направлении?
- Не знаю.
- Разве устав не предписывает ему ставить вас в известность о своих перемещениях?
- Да, это так.
- Так почему же он его нарушил?
- Откуда мне знать?
- Я не могу удовольствоваться столь расплывчатыми объяснениями.
- Вы можете обыскать казармы, если хотите.

Пазаир допросил двух других офицеров, но ничего не выяснил, кроме того, что полководец отбыл на повозке в южном направлении.

Не исключая, что полководец применил какую-то уловку, судья навел справки и выяснил, что никакой экспедиции в Азию не планировалось.

Пазаир дал Кему поручение отыскать полководца как можно быстрее, и начальник стражи без промедлений отправился в южные провинции, не имея, однако, точного представления о направлении своих поисков: Ашер очень ловко заметал следы.

Визирь был раздражен.

- Вы не преувеличиваете, судья Пазаир?
- Я веду это расследование уже семь дней.
- А казармы?
- Ашера там нет.
- Что говорят в штабе?
- Там ему не поручали никакой миссии, если только она не секретная.
- Но в этом случае я бы знал.
- Вывод напрашивается сам собой: полководец исчез.
- Это невозможно. Его высокая должность не предполагает подобных выходов!
- Он расставил ловушки, в которые рискует угодить сам.
- Ваши постоянные нападки загнали его в угол?
- Я полагаю, что скорее он опасался вашего вмешательства.
- То есть он боялся, что правосудие окажется не на его стороне.
- А его друзья его покинули.
- Почему?
- Ашер сообразил, что они его использовали.

— Но солдат не может спастись бегством!

— Он трус и убийца.

— Если ваши обвинения обоснованны, то почему он не направился в Азию, где у него действительно есть союзники?

— Его отъезд на юг может оказаться обманным маневром.

— Я приказываю перекрыть границы. Ашеру не удастся уйти за пределы страны. Если у полководца не было сообщников, то из этой сети ему не ускользнуть. Кто осмелится ему помогать, нарушая приказ визиря?

Пазаиру следовало бы радоваться своей огромной победе. Полководец не сумеет объяснить свое дезертирство: преданный сообщниками, он в свою очередь предаст их во время второго судебного процесса, который будет возбужден против него. Видимо, он попытался отомстить Денесу и Чечи. Столкнувшись с возможностью своего провала, он предпочел исчезнуть.

— Я направляю местным начальникам приказ немедленно арестовать Ашера. Пусть Кем распространит его среди стражников.

Если отправить документ срочной почтой, то свобода передвижения будет перекрыта полководцу меньше чем через четыре дня.

— Ваша задача этим не ограничивается, — продолжал визирь. — Если в этом деле полководец окажется лишь исполнителем, вы должны добраться до главных виновников.

— Это именно то, что я намерен сделать, — подтвердил Пазаир, который думал о Сути.

* * *

Денес отвез царевну Хаттусу в людный пригород, в секретную кузницу, где работал Чечи. Она была спрятана за кухней, которой пользовались служащие судовладельца. Химик ставил там опыты по созданию новых сплавов и с помощью растительных окислителей испытывал на прочность медь и железо.

Жара в мастерской стояла невыносимая. Хаттуса сняла плащ.

— Визит царской особы, — радостно объявил Денес.

Но Чечи даже не оглянулся. Он сосредоточенно выполнял тонкую операцию: пытался соединить три металла — золото, серебро и медь.

— Я делаю рукоятку для кинжала, — пояснил он. — Он достанется будущему правителю, который сядет на трон, когда мы прогоним тирана.

Правой ногой Чечи ритмично нажимал на кузнечные меха, чтобы огонь в горне не погас; он ворошил кусочки металла щипцами из бронзы и должен был торопиться, поскольку бронза плавилась при той же температуре, что и золото.

Хаттусе стало не по себе.

— Меня не интересуют ваши эксперименты. Мне нужно небесное железо, за которое я уже заплатила.

— Вы заплатили только часть, — уточнил Денес.

— Отдайте мне металл, и получите остальное.

— Вы по-прежнему торопитесь?

— Мне надоела ваша наглость! Покажите мне то, за чем я пришла.

— Вам придется подождать.

— Хватит, Денес! Вы обманываете меня?

— Вовсе нет.

— Этот металл вам не принадлежит?

— Он будет моим.

— Вы смеетесь надо мной!

— Не преувеличивайте, царевна; просто надо немного подождать. У нас с вами общая цель — убрать Рамсеса, и это главное, не правда ли?

— Вы обыкновенный вор.

— Напрасно вы гневаетесь. Мы должны действовать заодно.

Она окинула его презрительным взглядом.

— Вы ошибаетесь, Денес. Я обойдусь без вашей помощи.

— Отказаться от сотрудничества с нами было бы глупо.

— Откройте дверь, я хочу уйти.

— Вы будете молчать?

— Я буду действовать так, как будет выгодно мне.

— Вы должны дать мне слово.

— Дайте мне пройти.

Денес не пошевелился, Хаттуса попыталась его отодвинуть. Взбешенный, он сильно толкнул ее. Попятившись, царевна задела горячие щипцы, которые Чечи положил на камень. Вскрикнув, она покачнулась и упала в огнедышащую печь. Ее платье мгновенно загорелось.

Ни Денес, ни Чечи не двинулись в места — химик не посмел вмешаться без приказа сообщника. Наконец судовладелец открыл дверь и кинулся наружу, Чечи выбежал за ним. Кузница запылала.

Прежде чем открыть очередное заседание суда перед воротами храма Птаха, Пазаир написал зашифрованное послание для Сути. С Ашером покончено. Рисковать понапрасну нет смысла. Немедленно возвращайся.

Судья отдал записку посыльному стражи, одному из доверенных Кема. В Коптосе тот передаст его стражникам пустыни, развозящим рудокопам почту.

На сегодняшнем заседании рассматривалось несколько мелких преступлений — от отказа возвратить долг до неоправданного отсутствия на рабочем месте. Обвиняемые признались в своих проступках, присяжные были снисходительны. Среди них был Денес. По окончании заседания судовладелец обратился к судье:

— Я вам не враг, Пазаир.

— А я вам не друг.

— На самом деле вам следовало бы больше остерегаться тех, кто выдает себя за ваших друзей.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы иногда доверяете не тем, кому следует. Сути, например, не заслуживает вашего доверия. Он сообщал мне о ваших расследованиях и о вас самом, и делал это за деньги, которые никогда не умел зарабатывать.

— Моя должность строго запрещает рукоприкладство, но я могу и не сдержаться.

— Однажды вы скажете мне спасибо.

* * *

Как только Нефрет пришла в лечебницу, ее тут же позвали на помощь лекари, которые уже полночи боролись за жизнь обожженной женщины. В квартале, где живет простой люд, случился пожар: там загорелась кузница, где тайно велись какие-то работы. Несчастная жертва, скорее всего, пострадала по неосторожности; но шансов на спасение у нее практически не было.

На изуродованную плоть врачи наложили черную грязь, смешанную с экскрементами мелких животных, высушенными и истолченными с перебродившим пивом. Нефрет стерла в муку поджаренный ячмень и горькую тыкву, смешала ее с сушеной смолой акации и залила все ингредиенты растительным маслом; из полученной смеси она сделала компресс и наложила его на ожоги. Менее серьезные раны обработала с помощью охры, добавив к ней сок смоковницы, горькую тыкву и мед.

— Теперь ей будет не так больно, — объяснила она коллегам.

— Как же ее кормить? — спросила сиделка.

— Пока это невозможно.

— Но мы должны как-то предотвратить обезвоживание.

— Разожмите ей зубы, вставьте стебель тростника и вливайте по каплям медную воду. Не оставляйте ее одну. Если что-то случится, немедленно позовите меня.

— А примочки?

— Меняйте их каждые три часа. Завтра мы попробуем смесь из воска, растопленного

говяжьего жира, папируса и цератонии. Ей понадобится большое количество бинтов, самых тонких.

— Вы все же надеетесь, что все обойдется?

— Честно говоря, нет. Известно, кто она? Необходимо предупредить близких.

Этого вопроса дежурный боялся. Он отвел Нефрет в сторону.

— Как бы у нас не было осложнений. Эта пациентка — не простая.

— Кто это?

Он показал великолепный серебряный браслет, почти не поврежденный пламенем, на внутренней стороне которого было выгравировано имя владелицы: Хаттуса, супруга Рамсеса.

* * *

Горячий ветер из нубийской пустыни раздражал нервы. Он поднимал песчаную бурю и обрушивал ее на город. Люди старались заткнуть малейшую щель в окнах и дверях, но мелкая желтая пыль проникала повсюду, вынуждая женщин непрерывно ее вытирать. Многие жаловались на затрудненное дыхание и часто обращались к помощи лекарей. Пазаир тоже чувствовал себя неважно: выписанные Нефрет капли смягчали раздражение глаз, но он быстро утомлялся. Что же до Кема, то неблагоприятные климатические условия влияли на него не больше, чем на его павиана.

Двое мужчин и обезьяна отдыхали в тени смоковницы, возле бассейна с лотосами; Смелычак после некоторого колебания вспрыгнул на колени к хозяину, однако не спускал с павиана глаз.

— Никаких новостей об Ашере.

— Перейти границу страны он не сможет, — заметил судья.

— Он может затаиться где-нибудь и просидеть там долго, но если у его сообщников дела пойдут неважно, они выдадут его. Приказ визиря звучит для них угрожающе. Почему все-таки полководец повел себя так?

— Потому что понял, что на этот раз он проиграет процесс.

— Значит, сообщники его бросили?

— Он им больше не нужен.

— И что отсюда вытекает?

— Что не было ни военного заговора, ни попытки вторжения.

— Но как все-таки царица Хаттуса оказалась в Мемфисе...

— Ее тоже следует исключить! Заговорщикам не нужна была ее помощь. Что вы узнали в ходе расследования?

— Кому принадлежала потайная кузница, неизвестно. А кухней, что рядом с ней, пользовались служащие Денеса.

— Ну вот же! Ничего лучше и не надо.

— Но формально мы ни в чем не можем его обвинить.

— Мы же натываемся на него на каждом шагу! А случившийся пожар наверняка был результатом поджога.

— Видели каких-то убегающих людей, но никто не может точно сказать ни сколько их было, ни как они выглядели.

— Кузница... Скорее всего, там работал Чечи.

— Может, они заманили Хаттусу в западню?

— Сжечь женщину заживо — в это трудно поверить. Или мы имеем дело с чудовищами?

— Если это так, то нас ждут тяжелые испытания.

— Я полагаю, излишне просить вас принять дополнительные меры безопасности в отношении старшего судьи царского портика.

— Даже если бы я не был начальником стражи, даже если бы вы дали мне противоположные приказания, я бы усилил вашу охрану.

В тайну Кема Пазаиру не проникнуть никогда. Спокойный, всегда держащий дистанцию, прекрасно владеющий собой, он не одобрял образа действий судьи, однако всегда самоотверженно и безоговорочно становился на его сторону. Других друзей, кроме павиана, у него не было; перенесенные им телесные раны, несомненно, мучили его меньше, чем душевные. Справедливость? Пустая болтовня. Однако Пазаир верил в нее, а Кем доверял Пазаиру.

— Вы предупредили визиря?

— Я направил ему подробный доклад. Похоже, Хаттуса никому не сказала о своей поездке в Мемфис. Нефрет не отходит от нее.

* * *

На пятый день Нефрет использовала примочки из маслянистой мази на основе горькой тыквы, желтой охры и частиц меди. Она наложила снадобье на раны и осторожно забинтовала. Хаттуса очень страдала, но ее организм оказался цепким.

На шестой день ее взгляд стал осмысленным. Казалось, она очнулась после долгого сна.

— Держитесь. Вы находитесь в главной лечебнице Мемфиса. Все самое тяжелое уже позади, и каждый вырванный у смерти час приближает вас к выздоровлению.

Прекрасная представительница племени хеттов была сильно обезображена. Несмотря на помады и мази, ее ослепительная кожа отныне останется испещрена розоватыми шрамами. Нефрет боялась того момента, когда царевна попросит зеркало.

Хаттуса подняла руку и уцепилась за запястье молодой женщины.

— Я знаю эту болезнь и умею ее лечить, — пообещала та своей пациентке.

* * *

Пазаир смотрел на свою спящую жену.

Она наконец-то согласилась немного отдохнуть. Нефрет поставила себе целью спасти Хаттусу, она лично накладывала повязки и готовила лекарства, которые мало-помалу заживляли ужасные ожоги.

Его любовь к ней все росла и росла, она распускалась, как крона над пальмой. Каждый новый день придавал этому чувству новый оттенок, неожиданный и прекрасный; Нефрет обладала способностью делать жизнь еще лучезарнее и нести свет даже в самые темные закоулки ночи. И если Пазаир не жалел сил в борьбе со злом, то разве не для того, чтобы снова и снова доказывать ей, что она не совершила ошибки, соединив свою жизнь с ним? Преодолевать свои слабости ему помогала уверенность, что их союзу не страшны ни время,

ни привычка, ни испытание.

Солнечный луч скользнул в спальню и осветил лицо Нефрет. Она проснулась.

— Хаттуса будет жить, — прошептала она.

— Из-за нее ты совсем забыла меня? Она прижалась к нему.

— Как царица, такая молодая и красивая, сумеет пережить ужасное несчастье, которое с ней случилось?

— Что сказал об этом Рамсес?

— Он передал через дворцового распорядителя, что, как только будет можно, Хаттусу перевезут во дворец.

— Если только то, что она расскажет, окажется совместимо с ее высоким, привилегированным положением.

Встревоженная Нефрет присела на край постели.

— Разве она не достаточно наказана?

— Прости меня, но я обязан ее допросить.

— Но она еще не сказала ни слова.

— Как только она будет в состоянии говорить, предупреди меня.

* * *

Хаттуса съела ячменную кашу и выпила сок цератонии. Силы возвращались к ней, но взгляд ее был отсутствующим, обращенным назад, в сторону пережитого кошмара.

— Как это произошло? — спросила Нефрет.

— Он толкнул меня. Я хотела уйти из кузницы, но он меня не выпускал.

Слова цеплялись одно за другое, медленно и с трудом. Нефрет была потрясена, и не могла дальше расспрашивать свою пациентку.

— Бронзовые щипцы... Из-за них загорелось мое платье. Оно вспыхнуло, и, отшатнувшись, я натолкнулась на кузнечный горн. Пламя охватило меня всю.

И вдруг она пронзительно выкрикнула:

— Они убежали, они бросили меня!

Обезумевшая от ужаса Хаттуса вновь переживала случившееся, пытаясь вытолкнуть из сознания катастрофу, уничтожившую ее красоту и молодость. Она поднялась на постели, и невыносимая душевная боль исторгла из ее души ужасный вопль:

— Они убежали, эти негодяи — Денес, Чечи!

* * *

Нефрет дала Хаттусе успокоительное и не отходила от больной, пока та не заснула.

На выходе из лечебницы ее поджидала распорядительница дома матери фараона.

— Ее величество хотела бы срочно повидаться с вами.

Она предложила молодой женщине сесть к ней в носилки, и носильщики быстро тронулись в путь.

Туя приняла Нефрет без церемоний.

— Как вы себя чувствуете, Ваше Величество?

— Очень хорошо благодаря вашему лечению. Вы в курсе того, какое решение принял совет лекарей?

— Нет.

— Ситуация становится нетерпимой, и старший лекарь царства будет назначен на следующей неделе. Совет должен прийти к согласию.

— Да, его членам придется сделать это.

— Зубному лекарю Кадашу удалось сломить сопротивление своих противников. И теперь на его стороне, помимо старых друзей Небамона, оказалось много равнодушных и трусливых членов совета.

Владевший царицей гнев делал ее еще более величественной.

— Но я не смирюсь с происходящим! Кадаш не годится на эту должность, она слишком важна, чтобы ее занял такой человек. Я всегда много занималась проблемами целительства; необходимо приложить массу усилий, чтобы наш народ был здоров и благополучен, надо внедрять правила гигиены, чтобы избегать эпидемий. Кадашу на это наплевать! Он тешит свое мелкое тщеславие и добивается власти, ничего больше. Он даже хуже Небамона. Вы должны мне помочь.

— Каким образом?

— Выставив против него свою кандидатуру.

* * *

Наконец Нефрет позволила Пазаиру посетить царевну Хаттусу. Лицо и тело пациентки были забинтованы. Чтобы избежать гангрены и заражения, использовались средства, предназначенные для самых серьезных случаев. Мазь, которую накладывали на ее раны, состояла из частиц меди, хризоколла, свежего скипидара, тмина, соды, вонючей камеди, воска, корицы, брионии, масла и меда, тщательно перетертых и смешанных до образования жирной субстанции.

— Могу я поговорить с вами, царевна?

— Кто вы?

Веки больной прикрывала тонкая повязка.

— Судья Пазаир.

— Кто позволил вам...

— Нефрет, моя жена.

— Она тоже мой враг.

— У меня к вам официальная просьба. Я веду расследование пожара.

— Пожар...

— Я должен установить виновных.

— Каких виновных?

— Разве вы не назвали имена Денеса и Чечи?

— Вы ошибаетесь.

— Зачем вы пришли в эту кузницу?

— Вы действительно хотите знать?

— Если вы не возражаете.

— Я пришла за небесным железом, которое необходимо мне, чтобы с помощью магии

бороться с Рамсесом. |

— Вам следовало бы остерегаться Чечи.

— Я была одна.

— Как вы можете объяснить...

— Несчастный случай, судья Пазаир. Обыкновенный несчастный случай.

— Зачем вы лжете?

— Я ненавижу Египет, его образ жизни, его ценности.

— Ненавидите так сильно, что готовы покрывать своих палачей?

— Мои симпатии будут на стороне любого, кто ставит себе целью уничтожить Рамсеса.

Ваша страна отрицает единственную правду: войну! Только война возбуждает чувства и позволяет развернуться человеческой натуре. Мой народ сделал ошибку, заключив с вами мир, а я — жертва этой ошибки. Я хотела пробудить хеттов от спячки, показать им правильный путь... А вместо этого меня ждет заключение в одном из дворцов, которые вызывают во мне омерзение. Ну что ж, не удалось мне, удастся другим, я убеждена в этом. И я не доставлю вам удовольствия устроить из случившегося процесс. Надеюсь, вы не настолько жестоки, чтобы продолжать мучить больную.

— Денес и Чечи — преступники. Им наплевать на ваши идеалы.

— Мое решение окончательно. Вы не услышите от меня больше ни слова.

* * *

Старший судья Пазаир утвердил кандидатуру Нефрет для участия в конкурсе на должность старшего лекаря египетского царства. Молодая женщина располагала для этого необходимыми знаниями и опытом; а ее положение главы крупнейшей лечебницы Мемфиса, официальная поддержка со стороны царицы Туи и горячий энтузиазм большинства ее коллег придавали ее кандидатуре дополнительный вес.

Тем не менее, она опасалась этого испытания, в которое оказалась втянута не по своей воле. Кадаш не постесняется использовать самые подлые приемы, чтобы помешать ей. Единственным желанием Нефрет было лечить людей, не претендуя на почести и не добиваясь власти, к которой она не стремилась. Пазаиру тоже не удалось ее ободрить; он был потрясен безумием Хаттусы, обреченной отныне на безысходное одиночество. Ее показаний было бы достаточно, чтобы покончить с Денесом и Чечи, а вместо этого они опять ускользнули от наказания.

У судьи было ощущение, что он наткнулся на непреодолимую стену. Как будто какой-то злой гений помогал заговорщикам, обеспечивая им безнаказанность. Полководец Ашер шел напрямик к своему провалу, военный переворот Египту не угрожал — казалось, это должно бы поднять судье настроение; однако его мучила смутная тревога. Он не понимал, во имя чего совершено столько преступлений, не понимал, откуда берется надменная самоуверенность Денеса, которого невозможно схватить за руку. Или у судовладельца и его пособников действительно есть какое-то тайное оружие, которое делает их неуязвимыми для судьи?

И у Нефрет, и у Пазаира на душе было беспокойно, и каждый ощущал тоску другого как свою собственную. Спасения от душевного неуютта муж и жена искали в объятиях друг друга — так, с первыми лучами встающего солнца, они и встретили новый день.

Вернувшись после рейда по опасным районам восточной пустыни, стражники со своими собаками решили денек отдохнуть, прежде чем отправиться с новым заданием по новому следу. Это был час, когда раненый воин перевязывает свои раны, а тот, кто здоров, идет в пивную, где дружелюбные и покорные девушки продадут ему свое тело на всю ночь. Воины из отряда «Всевидящее око», обмениваясь новостями, развозили по тюрьмам задержанных во время рейда подозрительных бедуинов и бродяг.

Великан, в чьи обязанности входило набирать рекрутов, покормил своих борзых и отправился к писцу, доставлявшему почту.

— Есть письма?

— Штук десять.

Стражник прочитал имена получателей.

— А вот и письмо для Сути... Станный он тип. Не похож на рудокопа.

— Это меня не касается, — ответил писец. — Распишитесь в получении.

Великан пошел разносить почту. Передавая адресатам письма, он перекидывался с каждым парой слов.

Выяснилось, что отсутствовали трое: два ветерана, работавших на сборе меди, и Сути. Великан навел справки: бригада, которой руководил Эфраим, должна была вернуться в Коптос накануне. Тогда он обошел пивную, все постоянные дворы и палаточные городки, но и там никого не было. Тогда он обратился в главную инспекцию и узнал, что Эфраим, Сути и еще пятеро так и не зашли отметить у писца, регистрирующего все передвижения. Ничего не понимая, он начал поиски.

Исчезло семеро рабочих. Попытки сбежать с драгоценными камнями делались и до них, однако все воры были пойманы и сурово наказаны. Почему же такой опытный изыскатель, как Эфраим, пустился в столь бессмысленную авантюру? Отряд «Всевидящее око» был приведен в состояние боевой готовности. Мгновенно забыв об отдыхе и развлечениях, эти люди, каждый из которых был охотником по натуре, уже предвкушали захватывающую погоню за ценной дичью.

Охоту поведет сам великан. С согласия чиновника, отвечавшего за доставку почты, он вскрыл послание, пришедшее одному из беглецов. Иероглифы, каждый из которых по отдельности был понятен, взятые вместе, складывались в полную бессмыслицу. Это было зашифрованное письмо. Так, значит, он не ошибся. Этот Сути вовсе не был рудокопом, как прочие. Но кто же, в таком случае, послал его сюда?

* * *

Семеро мужчин, выбрав один из самых сложных маршрутов, направились на юго-восток. Крепкие как на подбор, они шли легко и быстро, редко останавливались перекусить, устраивая привалы лишь там, где была вода, отыскать которую умел только Эфраим.

Вожак группы требовал полного подчинения и не любил, когда ему задавали вопросы о цели их путешествия. Цель была одна — богатство.

— Стражники, вон там!

Один из рудокопов указывал рукой на странный, неподвижный силуэт.

— Вперед, глупец! — приказал Эфраим. — Это всего лишь шерстяное дерево.

Это было странное растение трехметровой высоты, с синеватой потрескавшейся корой и широкими, овальными листьями, зелеными и розовыми; оно напоминало ткань, из которой шили зимние плащи. Убедившись, что дерево не вырабатывало латекс, который способен вызвать остановку сердца, Эфраим набрал листьев, измельчил их и дал спутникам.

— Прекрасно очищает желудок, — сообщил он, — и лечит венерические болезни. Когда вы будете богаты, сможете купить себе самых красивых телок.

— Только не в Египте, — взмолился один из спутников.

— Азиатки горячие и страстные. Познакомившись с ними, вы забудете девушек из наших провинций.

Насытившись и утолив жажду, маленький отряд снова тронулся в путь.

* * *

Укушенный за щиколотку песчаной гадюкой, один из рудокопов умер на месте в страшных конвульсиях.

— Глупец, — пробормотал Эфраим. — Пустыня не прощает ротозейства.

Лучший друг жертвы возмутился:

— Ты ведешь нас к гибели! Кто может уберечься от этих тварей?

— Я могу, и те, кто пойдет за мной след в след.

— Я хочу знать, куда мы идем.

— Такой болтун, как ты, в конце концов, выдаст нас.

— Ты не ответил.

— Ты хочешь, чтобы я пробил тебе голову?

Рудокоп оглянулся: бескрайняя пустыня внушала ему ужас. Он покорно взялся за свое снаряжение.

— Если те, кто пробовал это сделать до нас, проваливались, — объяснял Эфраим, — то это не случайно. В группе обязательно попадался хотя бы один стукач, который сдавал ее стражникам. Я постарался этого избежать, хотя и не исключаю, что и в нашей группе есть подкупленные.

— Ты кого-нибудь подозреваешь?

— Тебя и всех остальных. Подкупить можно любого. Если среди нас затесался стукач, то рано или поздно он себя выдаст. Вот когда я позабавлюсь на славу.

* * *

Отряд «Всевидающее око» методично прочесывал пустыню, начиная с места последней стоянки Эфраима и его спутников, пытаясь просчитать возможные маршруты и скорость движения. Глашатаи повсюду распространяли сведения о побеге опасных преступников, цель которых — кража редких минералов. Охота на людей, как всегда, закончится полным успехом.

Великана беспокоило лишь присутствие Сути. Имея в сообщниках Эфраима, знавшего

пустыню — со всеми ее тропами, колодцами и шахтами, — как собственный карман, он вполне мог переиграть силы стражи. Великан слегка изменил свои планы и стал действовать, положившись на инстинкт. На месте Эфраима он направился бы туда, где есть заброшенные шахты. Там почти нет колодцев, адская жара, полно змей и никакого намека на золото... Кто рискнет вступить в этот ад? Зато в этих местах легко спрятаться, и кто поручится, что тамошние золотоносные жилы полностью истощены? Согласно заведенному порядку, великан взял с собой двух опытных стражников и четырех собак. Перекрыв известные тропы, он запрет беглецов в той зоне холмов, где растут шерстяные деревья.

* * *

Кем был связан по рукам и ногам. Как ему хотелось броситься на поиски полководца Ашера, которого до сих пор не удалось найти! Но надо было обеспечивать безопасность судьи Пазаира, а это требовало личного присутствия начальника стражи в Мемфисе, поскольку ни один из его подчиненных не будет достаточно бдителен.

По тому, какой беспокойной стала в последнее время его обезьяна, нубиец чувствовал, что опасность бродит неподалеку. Конечно, после двух неудач преступник должен быть чрезвычайно осторожен, если не хочет нового провала. Эффект неожиданности теперь исключался, и совершить задуманное было все сложнее и сложнее; но эти же обстоятельства могли подтолкнуть злоумышленника к более решительным и непредсказуемым действиям.

Охрана судьи Пазаира стала главной задачей начальника стражи. Тот образ жизни, который воплощал собой судья, был Кему абсолютно непонятен, но его надо сохранить во что бы то ни стало. За долгие годы страданий, выпавших на долю Кема, он не встречал таких людей. Никогда он не признается Пазаиру, какое уважение и восхищение испытывает он к нему, чтобы не дать пищи тщеславию, этому отвратительному, скользкому животному, пачкающему чистые сердца.

Павиан проснулся. Нубиец дал ему сушеного мяса и мягкого пива и сел, опершись о стену террасы, откуда хорошо просматривался дом судьи. Поев, Убийца заступит на стражу, и Кем сможет отдохнуть.

* * *

Поглотителя теней преследовали неудачи. Не надо было соглашаться на такую работу, ведь он умел только убивать — быстро и не оставляя следов. В какой-то момент у него возникло желание отказаться вообще, однако стало страшно, что заказчики его выдадут страже — его слово немного будет стоять против их показаний. И было обидно, что он оказался таким неловким: до сих пор подобных провалов с ним не случалось. К тому же его возбуждало то обстоятельство, что судья станет самой важной птицей в списке его жертв.

К большой досаде злоумышленника, охрана судьи работала очень профессионально. Кем и его обезьяна были достойными противниками, и ему никак не удавалось усыпить их бдительность. После случая с пантерой начальник стражи не отходил от судьи ни на шаг, вдобавок он привлек к выполнению этой миссии нескольких стражников из числа самых лучших.

Поглотителю теней пришлось набраться терпения: он должен дожидаться момента, когда они совершат хотя бы малейшую ошибку. Когда он прогуливался по рынку Мемфиса, где на прилавках были разложены нубийские экзотические фрукты, ему пришла в голову одна мысль. Если все получится, он сумеет нейтрализовать главную линию защиты противника.

* * *

— Уже поздно, дорогой.

Пазаир сидел в позе писца перед десятком развернутых папирусов, освещенных двумя лампами на высоких ножках.

— Эти документы не дают мне заснуть.

— Что за документы?

— Счета Денеса.

— Откуда они у тебя?

— Из казначейства.

— Надеюсь, ты их не выкрал? — с улыбкой спросила она.

— Я послал Бел-Трану официальный запрос. Он тут же ответил и переслал мне все это.

— И что же ты там обнаружил?

— Некоторые нестыковки. Денес забыл выплатить кое-какие пошлины и, похоже, жульничает с налогами.

— Чем он рискует, кроме штрафа?

— Опираясь на мою информацию, Бел-Тран сможет сделать финансовое положение Денеса значительно менее лучезарным.

— Это становится твоей навязчивой идеей.

— Но почему судовладелец так уверен в себе? Я непременно должен разобраться в этом. Любым способом.

— От Сути есть новости?

— Нет. Он должен был, через стражников пустыни, прислать мне письмо.

— Видимо, не смог.

— Скорее всего.

Казалось, Пазаир чего-то недоговаривает, и это удивило Нефрет.

— Ты чего-то опасаясь?

— Нет.

— Говорите правду, судья Пазаир!

— На последнем заседании суда Денес намекал, что Сути предал меня.

— И ты поверил в эту выдумку?

— Надеюсь, Сути мне простит.

* * *

— Двое в галерею направо, остальные — налево, — приказал Эфраим. — А мы с Сути пойдем в центральную.

На лицах рудокопов выразилось недовольство.

— Галереи давно заброшены, крепления могут не выдержать, столбы все сгнили; нам не выйти живыми.

— Я привел вас в этот ад, потому что стражи пустыни уверены, что здесь ничего нет — ни воды, ни драгоценных минералов. Так утверждают в Коптосе! Я привел вас к старой шахте; но скрываемые ею богатства вы должны отыскивать сами.

— Это слишком опасно, — сказал один из рудокопов. — Я не пойду туда.

Эфраим подошел к трусу.

— Мы все внутри, ты один снаружи... мне это не нравится.

— Это твое дело.

Кулак Эфраима со страшной силой обрушился на голову упрянца. Тот рухнул. Один из его товарищей наклонился над жертвой и в ужасе взглянул на Эфраима.

— Ты убил его?

— Одним подозрительным меньше. Пошли.

Сути вошел первым.

— Не спеши, малыш. Сперва ощупывай опоры.

Сути пополз на четвереньках по красной каменистой земле. Склон был не крутой, но лаз очень узкий. Факел держал Эфраим.

Вдруг в темноте что-то блеснуло. Сути протянул руку — металл был гладким и холодноватым на ощупь.

— Серебро... золотоносное серебро!

Эфраим передал ему инструмент.

— Здесь целая жила, малыш. Доставай его, но аккуратно, чтобы не повредить.

Под верхним белым слоем серебра сверкнуло золото; драгоценный металл, который шел на облицовку стен в залах храмов и на изготовление предметов культа, лежал здесь, перемешавшись с землей, которая охраняла его чистоту. Разве сама заря не вызывала в памяти сияние природного серебра, сквозь которое благородно мерцает царственный минерал?

— А там, ниже, есть золото?

— Не здесь, малыш. Эта шахта — всего лишь первый уровень.

* * *

Четверо псов буквально тащили за собой троих стражников. Несколько часов назад, почувствовав присутствие людей в районе заброшенных рудников, возбужденные собаки начали рваться с поводков, готовые броситься по следу. Великан и его товарищи, с трудом сдерживая свою радость, молча готовили луки и стрелы.

Высунув языки после бешеной гонки, собаки лежали на вершине холма и наблюдали за людьми, выносившими из галерей несколько кусков серебра великолепного качества и впечатляющих размеров. Это было настоящее сокровище.

Когда воры собрались отпраздновать свою удачу, стрелки натянули тетиву и спустили собак с поводков. Двое рудокопов, пронзенные стрелами, были убиты наповал, третьего разорвали собаки. Сути успел укрыться в галерее, за ним кинулись Эфраим, сумевший задушить гончего пса, и последний из их товарищей.

— Спускайся глубже! — орал Эфраим.

— Мы задохнемся.

— Делай как сказано, малыш.

Эфраим стал спускаться первым. Он взял камень и начал пробивать в глубине галереи выход наверх. Несмотря на пыль и сыпавшиеся ему на голову куски опоры, ему удалось вырыть лаз в рыхлой породе. Упершись ногами в переборки, он тащил за собой Сути, который помогал ему по мере сил. Вырвавшись из шахты на поверхность, трое мужчин с наслаждением глотали свежий воздух.

* * *

Великан кормил собак, а его товарищи копали яму, чтобы зарыть трупы. Первый этап их операции оказался успешным: большинство беглецов было уничтожено, и в руки стражи попало внушительное количество серебра. Оставалась лишь троица, которой удалось скрыться.

Стражники стали думать, что делать дальше. Великан решил, что продолжит преследование в одиночку, взяв с собой самого мощного пса, съестных припасов и питья; остальная же часть группы вернется в Коптос с грузом ценного металла. У беглецов не было ни малейшего шанса выжить; зная, что за ними по пятам идут стражники с собаками, они должны будут прибавить скорость. А между тем в трех днях ходьбы от того места, где их нагнали, не было ни одного колодца. Если же они возьмут курс на юг, то неминуемо наткнутся на патруль.

А великан и его собака не рискуют ничем; им останется только отрезать жертвам путь к отступлению.

И это будет новое доказательство того, что подонкам и ворам никогда не удастся обвести вокруг пальца воинов из «Всевидающего ока».

* * *

Утром следующего дня трое беглецов утолили жажду росой, скопившейся в выбоине придорожного камня. У уцелевшего рудокопа на шее висел кожаный кошелек, куда ему удалось собрать кусочки серебра. Он судорожно сжимал свое сокровище, чувствуя, что силы оставляют его. Наконец ноги подкосились, и он упал на колени.

— Не бросайте меня, — взмолился владелец мешочка.

Сути вернулся.

— Если ты попытаешься ему помочь, — предупредил Эфраим, — вы умрете оба. Пошли, малыш.

Если бы Сути решился тащить ослабевшего товарища на спине, он быстро отстал бы от Эфраима, единственного из них, кто был способен ориентироваться в смертоносной пустыне.

В груди у него пылал огонь, губы запеклись; с трудом передвигая ноги, он поплелся за Эфраимом.

Пес возбужденно мотал хвостом. Стражник поздравил себя с находкой и ногой перевернул на спину труп рудокопа. Несчастный умер недавно. Его руки с такой силой вцепились в висевший на шее мешочек, что разжать их не удалось. Чтобы достать серебро, пришлось орудовать кинжалом.

Присев, великан ознакомился с содержимым кошелька, покормил собаку, дал ей воды, потом поел сам.

Оба они были привычны к долгим переходам, ни тот ни другой не боялись обжигающих солнечных лучей, умело пользовались минутами отдыха и знали, как экономить силы. Теперь против тех двоих их тоже было двое, и пространство, разделявшее соперников, все сокращалось.

Великан обернулся. Уже не в первый раз у него возникало ощущение, что за ним следят; собака, рвущаяся к своей жертве, не видела ничего вокруг. Почистив кинжал песком, он сделал глоток воды и тронулся в путь.

* * *

— Еще одно усилие, малыш. Возле золотого прииска есть колодец.

— И в нем есть вода?

Эфраим не ответил. Выпавшие на их долю страдания не могли быть напрасными.

Выложенный с помощью камней круг означал, что здесь есть или была вода. Эфраим начал скрести землю голыми руками, Сути стал помогать. Вначале не было ничего, кроме песка и камней, потом почва стала более рыхлой, почти влажной; потом пошла глина, пальцы стали влажными, и наконец — вода, вода, которая поднималась к поверхности из подземного Нила.

* * *

Эту сцену и застали стражник с собакой. Уже час, как они нагнали беглецов, но держались на расстоянии: слышали их пение, наблюдали, как те пили воду маленькими глотками, поздравляли друг друга, а потом направились в заброшенную шахту, где когда-то добывали золото. Сегодня ее не было ни на одной карте.

Эфраим добился своего. Он не проговорился ни разу, храня для себя свой секрет, который ему удалось узнать от одного старого рудокопа.

Стражник проверил лук и стрелы, глотнул воды и сосредоточился перед последней атакой.

* * *

— Золото здесь, малыш. Последняя жила в забытой галерее. Его хватит на двоих друзей,

которые собрались весело пожить в Азии.

— Другие такие же месторождения сохранились?

— Да, еще есть.

— А почему в них не ведется добыча?

— О них забыли. Мы должны бежать, мы и наш покровитель.

— Кто это?

— Человек, который нас ждет в шахте. Втроем мы достанем золото и на полозьях дотащим его до моря. Там будет ждать судно, которое доставит нас в зону пустыни, где мы загрузимся на повозки.

— Сколько золота припас ты для своего покровителя?

— Ему бы не понравились твои вопросы. А вот идет он сам.

Человек маленького роста, с толстыми ляжками, с лисьей физиономией быстро подходил к беглецам. Несмотря на обжигающее солнце, кровь застыла в жилах Сути.

— Стража идет за нами по пятам, — сообщил Эфраим. — Вытаскиваем золото и быстро уходим.

— Занятого компаньона ты мне привел, — удивился полководец Ашер.

Собрав последние силы, Сути бросился в пустыню. У него не было никаких шансов совладать с Эфраимом и Ашером, который был вооружен мечом. Вначале надо сбежать от них, а потом подумать, как быть дальше.

Дорогу ему преградил стражник с собакой, в котором Сути узнал гиганта, нанимавшего на работу рудокопов. В руках у него был лук, собака ждала лишь команды, чтобы броситься на беглеца.

— Стой, парень.

— Вы мой спаситель!

— Вспомни о богах, потому что сейчас ты умрешь.

— Не ошибитесь мишенью. Я выполняю задание.

— Чье?

— Судьи Пазаира. Я должен найти доказательства того, что полководец Ашер участвует в кражах ценных металлов... И теперь они у меня есть! Мы должны его арестовать.

— Ты смелый парень, но тебе не повезло. Я служу полководцу Ашеру.

Нефрет приоткрыла крышку своей туалетной шкатулки; внутри она была поделена на ячейки и расписана красными цветами. Там находились баночки с мазями, косметика, краска для глаз, пемза и благовония. Весь дом, включая зеленую обезьянку и пса, еще спал; Нефрет любила прихорашиваться в этот ранний час, а потом гулять по росе, слушая, как поют синицы, как подает голос удод. Это был ее час — жизнь возрождается, слышны звуки просыпающейся природы, и вся окружающая красота есть воплощение слова божьего. Солнце победило сумрак; его триумф призывал к творчеству, свет становился радостью, ободряя птиц в небесах и рыб в водных глубинах.

Нефрет наслаждалась счастьем, подаренным ей богами, которым она в ответ была готова одарить их. Оно не принадлежало ей, но пронизывало ее всю, как поток энергии, вышедший из одного источника и туда же возвратившийся. Тот, кто пытался присвоить дары потустороннего мира, обрекал себя на смерть, как высохшая ветка на дереве.

Встав на колени перед алтарем, который они соорудили на озере, молодая женщина положила на него цветок лотоса, воплощавший в себе новый день так же, как мгновение воплощает в себе вечность. Сад собирался с мыслями, деревья преклонили свою листву перед утренним ветерком.

Когда Смелычак лизнул ей руку, Нефрет поняла, что ритуал окончен. Собака хотела есть.

* * *

— Спасибо, что навели меня прежде, чем пойти в лечебницу, — сказала Силкет. — Боль невыносимая. Этой ночью я совсем не могла спать.

— Наклонитесь вперед, пожалуйста, — попросила Нефрет, рассматривая левый глаз супруги Бел-Трана.

Встревоженная Силкет начинала нервничать.

— Это заболевание мне знакомо, и я вас вылечу. Ресницы касаются глазного яблока и раздражают его. Отсюда и боль.

— Это серьезно?

— Не очень приятно, но не более того. Вы хотите, чтобы я занялась этим прямо сейчас?

— Если не будет больно...

— Но операция принесет вам облегчение.

— Небамон очень мучил меня во время своих пластических операций.

— Мое вмешательство будет менее травмирующим.

— Я доверяю вам.

— Сядьте и расслабьтесь.

Глазные болезни были так распространены, что у Нефрет в аптечке всегда имелись нужные лекарства, даже самые редкие, такие как кровь летучих мышей, которую она смешивала с ладаном до получения вязкой субстанции. Это снадобье надо было накладывать на те места на веке, где росли непослушные ресничные волоски. Когда мазь высыхала, и ресницы становились жесткими, их можно было удалить без труда вместе с луковицами. А

чтобы они не росли снова, веко смазывалось помадой, состоящей из хризоколла и свинцового блеска.

— Вот вы и спасены, Силкет.

Жена Бел-Трана облегченно вздохнула и улыбнулась.

— Какая у вас легкая рука... я ничего не почувствовала!

— Я рада.

— Какое-то дополнительное лечение нужно?

— Нет, все в порядке.

— Мне бы очень хотелось, чтобы вы посмотрели моего мужа! У него что-то с кожей, и это меня беспокоит. Он так занят, что совсем не следит за своим здоровьем... Я его почти не вижу. Он уходит рано утром и возвращается поздно вечером, с ворохом папирусов, которые читает почти всю ночь.

— У него переутомление, это пройдет.

— Боюсь, что нет. Во дворце его очень ценят за компетентность, в казначействе без него не могут обойтись.

— Но это же хорошо.

— Глядя со стороны — да, но для нашей семейной жизни, которой мы так дорожим... Дальнейшее пугает меня. О моем муже говорят как о будущем распорядителе государственной казны. У него в руках окажутся все финансы Египта, вы представляете, какая это ответственность?

— Вы должны им гордиться.

— Бел-Тран еще больше отдалился от меня, но что я могу сделать? Я так им восхищаюсь!

* * *

Рыбаки разложили свою добычу перед Монтумесом. Бывший начальник стражи, смещенный визирем со своего поста и отправленный в Дельту начальником рыболовного промысла, жил в маленьком городке на побережье. Тучный, громоздкий и медлительный, Монтумес умирал от скуки, которая день ото дня становилась все более гнетущей. Он ненавидел свое жалкое жилище мелкого чиновника, терпеть не мог общаться с рыбаками и перекупщиками и впадал в страшный гнев по всякому, даже самому ничтожному поводу. Как выбраться из этой жуткой дыры? Ведь он потерял все связи с придворными.

Увидев на набережной Денеса, он решил, что у него галлюцинации. Забыв о рыбаках, с которыми разговаривал, он не отрывал глаз от массивной фигуры судовладельца, его квадратного лица и круглой седой бородки. Это действительно был он, один из самых богатых и влиятельных людей в Мемфисе.

— Проваливай, — приказал он старшему из рыбаков, пришедшему за разрешением на ловлю.

Денес с насмешливым видом наблюдал за этой сценой.

— Вот, дорогой друг, стражники со своими делами вам больше не докучают.

— Смеетесь над чужим несчастьем?

— Я хотел бы вам помочь.

В карьере и жизни Монтумеса было много лжи. В том, что касается хитрости,

скрытности и умения ставить подножки другим, он считал себя настоящим мастером, однако признавал, что Денес мог бы составить ему серьезную конкуренцию.

— Кто вас прислал?

— Я приехал по своей воле. У вас еще не остыло желание отомстить за себя?

— Отомстить...

Голос Монтумеса стал гнусавым.

— Разве у нас с вами не один враг?

— Пазаир, судья Пазаир...

— Весьма утомительный тип, — заметил Денес. — Заняв пост старшего судьи царского портика, он ничуть не утомился.

Бывший начальник стражи яростно сжал кулаки.

— Поставить вместо меня этого убогого нубийца, еще более дикого, чем его обезьяна!

— Глупо и несправедливо, я согласен. Хотите, мы исправим эту ошибку?

— У вас есть план?

— Испортить Пазаиру репутацию.

— Но он же такой безупречный!

— Это только видимость, друг мой! У каждого свои слабости. А если их нет, то надо придумать. Вы знаете, что это?

Денес раскрыл руку; на его ладони лежал перстень с печаткой.

— Это его печать.

— Вы ее украли?

— Я скопировал ее по образцу, который передал мне один из писцов его канцелярии.

Мы поставим эту печать на документ, который скомпрометирует его раз и навсегда. Вы будете отомщены.

Морской воздух, хотя и напоенный крепкими запахами, показался Монтумесу сладким.

* * *

Пазаир поставил ларец из эбенового дерева между собой и Нефрет. Выдвинув ящичек, он вынул оттуда шашки из покрытой лаком обожженной глины и расставил их на доске. Нефрет начала игру; суть ее заключалась в том, чтобы продвигать шашки из тьмы к свету, избегая попадания в ловушки, расставленные на их пути, и открывая множество дверей. На третьем же ходе Пазаир сделал ошибку.

— Ты не следишь за игрой.

— У меня нет новостей от Сути.

— Ты считаешь, что это серьезно?

— Боюсь, что так.

— Как он может связаться с тобой из пустыни?

Судья хмуро молчал.

— Ты и вправду думаешь, что он мог тебя предать?

— Но он мог бы подать хоть какой-нибудь знак.

— Ты думаешь о самом плохом?

Пазаир поднялся, забыв об игре.

— Ты ошибаешься, — решительно произнесла молодая женщина. — Сути жив.

Новость произвела эффект разорвавшейся бомбы: Бел-Тран, до того занимавший посты главного управляющего зерновыми складами и помощника главного казначея, только что был назначен распорядителем государственной казны. Иными словами, на него возлагалась ответственность за всю египетскую экономику, а его непосредственным начальником становился визирь. Отныне Бел-Трану вменялось в обязанность принимать и проводить опись минералов и других ценных материалов, инструментов, предназначенных для строительства храмов и создания саркофагов, предметов ритуала, мазей, тканей и амулетов. Он должен будет выплачивать земледельцам вознаграждение за урожай, и устанавливать налоги, а помогать ему в работе станет многочисленный корпус опытных чиновников.

Когда страсти немного улеглись, выяснилось, что против этого назначения никто и не возражал. Идея принадлежала нескольким высшим сановникам двора, которые по собственному почину обратились к визирю с предложением выдвинуть Бел-Трана на высокий пост; некоторым и вправду его восхождение по служебной лестнице казалось слишком стремительным, но разве он не продемонстрировал всем свои блестящие способности к управлению? Реорганизация подведомственных служб, оказавшаяся весьма результативной, эффективный контроль над расходами — все это говорило в его пользу, безусловно перевешивая минусы — тяжелый характер и некоторую склонность к единоначалию. На его фоне прежний распорядитель выглядел очень блекло: вялый и медлительный, он совершенно погряз в рутине, и своим неуместным упрямством обескуражил даже последних сторонников. Оказавшись вознесенным на гребень успеха, получив завидный пост как вознаграждение за упорный труд, Бел-Тран не скрывал намерений искать новые пути, чтобы восстановить пошатнувшийся авторитет своего ведомства. Обычно равнодушный к похвалам, на этот раз визирь Баги находился под впечатлением от обилия благоприятных отзывов.

Служебные помещения, где размещалось ведомство Бел-Трана, занимали обширную территорию в самом центре Мемфиса; у входа двое стражников следили за потоком посетителей. Нефрет назвала себя: ей пришлось ждать, пока ее приглашение было подтверждено. Она прошла вдоль загона для скота и нижнего двора, где писцы-счетоводы принимали налоги, вносимые продуктами. Лестница вела в хранилища, которые заполнялись и опустошались в зависимости от периодичности поступления налогов. Один этаж здания занимала целая армия служащих, сидевших под навесом.

Старший сборщик, стоя у входа в амбары, наблюдал за тем, как крестьяне выгружали овощи и фрукты.

Женщину пригласили войти в соседнее строение; она прошла через все три пролета нижнего этажа, разделенных между собой четырьмя колоннами; там сидели высшие чиновники, занятые составлением протоколов. Секретарь провел ее в просторное помещение, своды которого поддерживали шесть опор, — здесь Бел-Тран принимал самых уважаемых посетителей. Новый распорядитель государственной казны давал поручения троим служащим: он говорил быстро, разъясняя им подробности сразу нескольких дел и легко переходя от одного вопроса к другому.

— Нефрет! Спасибо, что пришли.

— Ваше здоровье становится делом государственной важности.

— Во всяком случае, оно не должно мешать мне выполнять свои обязанности.

Бел-Тран отпустил подчиненных и показал лекарю свою левую ногу: обширная ярко-красная бляшка на коже была обрамлена множеством мелких гнойничков.

— Ваша печень нуждается в очистке, и есть признаки почечной недостаточности. На кожу наносите помаду из цветов акации и яичных белков; несколько раз в день пейте по десять капель сока алоэ, и не забывайте принимать ваши обычные лекарства. Наберитесь терпения и будьте внимательны.

— Признаюсь, я часто забываю о прописанных мне процедурах.

— Если вы не отнесетесь к лечению со всей серьезностью, ваше воспаление может привести к тяжелым последствиям.

— Где взять время на все? Мне бы хотелось чаще видеть сына, объяснить ему, что он — мой наследник, рассказать о том, какая на него ляжет ответственность.

— Силкет жалуется, что редко вас видит.

— Моя нежная, терпеливая Силкет! Она понимает, какими важными делами я занимаюсь. Как поживает Пазаир?

— Его только что пригласил к себе визирь: видимо, он хочет поговорить об аресте полководца Ашера.

— Я восхищаюсь вашим мужем. Мне кажется, что цель, которую он преследует, предназначена ему свыше и ничто не заставит его свернуть с этого пути.

* * *

Баги сидел, склоняясь над документами. На его столе лежал проект закона о бесплатном образовании для бедных. Когда Пазаир вошел, визирь не поднял головы.

— Я ждал вас раньше.

Его резкий тон удивил судью.

— Садитесь. Я должен закончить эту работу.

Внешность визиря, сгорбленного и сутулого, с вытянутым, неприятным лицом, несла на себе печать прожитых лет.

Пазаир, который полагал, что ему удалось снискать дружеское расположение Баги, не понимал причины его внезапного гнева.

— Старший судья царского портика обязан быть безупречным, — хрипло отчеканил визирь.

— Я с вами полностью согласен: человек, занимающий эту должность, должен быть вне подозрений.

— Сегодня ее занимаете вы.

— У вас есть в чем меня упрекнуть?

— Все обстоит гораздо хуже, судья Пазаир. Как вы можете объяснить ваше поведение?

— В чем вы меня обвиняете?

— Я надеялся, что вы будете более искренни.

— То есть меня снова обвиняют без доказательств?

Крайне раздраженный, визирь поднялся.

— Вы забываете, с кем говорите?

— Я не приемлю несправедливости, от кого бы она ни исходила.

Баги схватил исписанную иероглифами деревянную дощечку и положил ее перед Пазаиром.

— Узнаете ли вы свою подпись внизу текста?

— Да.

— Прочтите.

— Речь идет о поставках рыбы высшего качества на склады Мемфиса.

— Об этих поставках распорядились вы. Однако указанных здесь складов не существует.

Выходит, вы совершили хищение этой отборной продукции, которая не попала на городские рынки. Тара из-под нее обнаружена неподалеку от вашего дома.

— Ловко закручено!

— На вас донесли.

— Кто?

— Письмо без подписи, но все сходится. Поскольку начальника стражи нет в городе, расследование провел один из его подчиненных, который все тщательно проверил.

— Один из сотрудников Монтумеса, я полагаю?

Баги смутился.

— Именно так.

— И вам не пришло в голову, что все это может быть подстроено?

— Конечно, я об этом подумал. Тем более что есть кое-какие обстоятельства: следствие вел один из подручных Монтумеса, сам он работает на рыбных промыслах, и не исключено, что хочет вам отомстить... Но, тем не менее, под этим компрометирующим документом стоит ваша подпись.

Тон визиря изменился. Он явно испытывал облегчение оттого, что судья, судя по всему, сумеет дать объяснение неприятному инциденту.

— У меня есть неопровержимое доказательство собственной невиновности.

— Очень на это надеюсь.

— Простая предосторожность, — объяснил Паза-ир. — Мне довелось немало пережить, и это заставило меня избавиться от излишней доверчивости. Всякий, у кого есть именная печать, должен быть крайне осмотрительным. Я предполагал, что рано или поздно мои противники воспользуются этой возможностью меня скомпрометировать. И потому в каждом официальном документе я ставлю маленькую красную точку после девятого и двадцать первого слов. А на месте, куда я ставлю печать, рисую маленькую пятиконечную звезду: краска от печати почти размывает ее, но рассмотреть все-таки можно. Посмотрите внимательно на эту дощечку — на ней нет моих отличительных знаков.

Визирь встал и подошел к окну, чтобы рассмотреть документ на свету.

— Да, их здесь нет, — подтвердил он.

* * *

Но Баги на этом не остановился. Он лично проверил несколько таблеток и папирусов, подписанных Пазаиром, на предмет указанных отличительных знаков. Они присутствовали везде. И, желая сохранить в неприкосновенности чужой секрет, он посоветовал старшему судье сменить условные знаки и никому не рассказывать о своей маленькой хитрости.

По личному приказу визиря Кем допросил своего сотрудника, который получил

подметное письмо и не доложил о нем своему начальнику. Подчиненный быстро сломался и рассказал, что Монтумес его подкупил, убедив, что скоро Пазаир снова угодит за решетку. Сильно обозлившись, Кем послал в Дельту отряд охраны, который доставил бывшего начальника стражи в Мемфис. Тот настаивал на своей невинности.

— Пока я разговариваю с вами без протокола, — подчеркнул Пазаир. — И речь о судебном процессе тоже пока не идет.

— Меня оклеветали!

— Ваш сообщник признался.

Лысый череп Монтумеса порозовел. У него начинался зуд, и он едва сдерживался. Подумать только: он, некогда державший в своих руках столько чужих судеб, не сумел справиться с этим судьей! Тон его стал елеиным.

— На меня свалилось несчастье, злые языки пытаются меня очернить. Как мне защищаться?

— Лучше признайте свою вину.

Монтумес тяжело вздохнул.

— Что со мной будет?

— Управлять чем бы то ни было вы недостойны. Желчь, которая течет по вашим венам, отравляет все, к чему вы прикасаетесь. Я отправлю вас в Библос, в Ливан, подальше от Египта. Вы будете работать в отряде, обслуживающем наши суда.

— Вы предлагаете мне тяжелый физический труд?

— Разве это не самое большое счастье?

В гнусавом голосе Монтумеса послышался гнев.

— Почему я один должен отвечать? На это меня толкнул Денес.

— Как можно вам верить? Ведь ложь всегда была вашим излюбленным оружием.

— Я хотел вас предупредить.

— Какая трогательная доброта.

Монтумес ухмыльнулся.

— Доброта? Вот уж нет, судья Пазаир! Дорого бы я дал, чтобы вас поразила молния, унесло водным потоком, засыпало камнями! Удача отвернется от вас, число ваших врагов будет расти!

— Смотрите не опоздайте: ваше судно отплывает через час.

— Вставай, — приказал Эфраим.

Голый, с деревянным ошейником и руками, связанными за спиной за локти, Сути с трудом поднялся. Эфраим дернул за веревку, обвязанную вокруг пояса пленника.

— Доносчик, подлый стукач! Как я в тебе ошибся, малыш.

— Зачем ты записался в бригаду рудокопов? — тихо спросил полководец Ашер.

Губы Сути пересохли, тело ныло от жестоких побоев, на волосах запеклась кровь, но взгляд, которым он ответил на взгляд полководца, пылал огнем.

— Позвольте, я развяжу ему язык, — попросил один из стражников, нанятых Ашером.

— Позже. Его гордость даже забавна. Ты охотился за мной, хотел доказать, что я руковожу хищением золота? Ты неплохо соображаешь, Сути. Да, жалованья старшего офицера мне не хватает. Если невозможно свергнуть царя этой страны, значит, надо пользоваться ситуацией.

— Мы поедem на север? — поинтересовался Эфраим.

— Только не туда. Возле Дельты нас поджидают армейские подразделения. Мы поедem на юг, пройдем за Элефантиной и оттуда свернем на запад, в пустыню, а там соединимся с Адафи.

«Имея повозки, запас продовольствия и воды, он сможет это сделать», — подумал Сути.

— У меня есть карта, где указаны колодцы, — сказал Ашер. — Вы погрузили золото?

Эфраим улыбнулся:

— На этот раз в шахте действительно ничего не было! Может, лучше освободиться от этого шпиона?

— Мы проведем опыт: интересно, сколько времени он протянет, если будет идти целый день и получит только два глотка воды? Вообще-то Сути — крепкий парень. Результаты нашего опыта помогут нам, когда мы начнем тренировать ливийские войска.

— Я бы все же хотел кое о чем его спросить, — настаивал великан.

— Потерпи. К следующему привалу он станет поговорчивее.

* * *

Ненависть. Неукротимая ненависть, пропитавшая каждую клеточку его тела, впечатавшаяся в мускулы и придающая сил. Это благодаря ей Сути будет бороться, пока не остановится сердце. У него, узника этих трех палачей, не было ни малейшего шанса спастись. Именно в тот момент, когда Ашер, казалось, уже был у него на крючке, победа обернулась сокрушительным поражением. И главное, нет никакой возможности связаться в Пазаиром, сообщить ему о своих находках. Его героические усилия оказались ненужными, жизнь закончится здесь, вдалеке от друга, от Мемфиса, от Нила, от садов и женщин. Как это глупо! Сути вовсе не стремился попасть в подземное царство, беседовать там с шакалоголовым богом Анубисом, встретиться лицом к лицу с Осирисом и его последним судом. Ему страстно хотелось любить, драться с врагами, скакать верхом наперегонки с ветрами пустыни, стать богаче, чем самый богатый из придворных, — только для того, чтобы посмеяться над ним. А между тем ошейник сдавливал шею все сильнее.

Он брел, поддерживаемый веревкой, сильно натиравшей ему кожу спины и живота; другой ее конец был привязан к повозке, груженной золотом, и, если он замедлял шаг, она тащила его волоком. Колеса крутились медленно: чтобы не завязнуть в песке, телега должна была двигаться по узкой колее; но Сути все это казалось адской гонкой, которая все ускорялась, чтобы заставить его растратить последние силы. Однако в тот момент, когда он уже готов был упасть, откуда-то брались силы сделать еще один шаг. Потом еще один, и еще...

Этот день катком прокатился по его полумертвому телу.

Повозка встала. Сути простоял еще какое-то время неподвижно, как будто он разучился садиться. Потом его колени согнулись, и он всем телом осел на пятки.

— Хочешь пить, малыш?

Эфраим с насмешкой поднес бурдюк к самому его носу.

— Ты вынослив, как дикое животное, но больше трех дней не выдержишься. Я поспорил со стражником, а я не люблю проигрывать.

Эфраим дал пленнику воды. Прохладная влага, смочив губы, разлилась по всему телу. Ударом ноги стражник опрокинул его на песок.

— Мои друзья будут отдыхать, а я постою на карауле и хочу с тобой побеседовать.

Рудокоп вмешался.

— Мы с тобой заключили пари; ты не имеешь права его утомлять.

Сути, закрыв глаза, продолжал лежать на спине. Эфраим отошел, а стражник все кружил вокруг него.

— Завтра ты умрешь, но прежде заговоришь. Я обламывал и не таких, как ты.

Сути едва различал звук его тяжелых шагов.

— Возможно, ты уже все сказал о твоём задании, но я все же хочу быть спокоен на этот счет. Как ты поддерживал связь с судьей Пазаиром?

На лице Сути появилось подобие улыбки.

— Он придет за мной. И вы, все трое, пойдете в тюрьму.

Стражник сел рядом.

— Но ты один, и судья о тебе ничего не знает. Помощи тебе ждать неоткуда.

— Это будет твое последнее заблуждение.

— Твой разум расплавился от солнца.

— Всю жизнь ты предавал и, в конце концов, потерял чувство реальности.

Стражник дал Сути оплеуху.

— Не зли меня еще больше, или я натравлю на тебя собаку.

Уже почти совсем стемнело.

— Не надейся, что тебе удастся поспать; пока не расскажешь все, я буду щекотать тебя своим ножичком.

— Я все сказал.

— Не думаю. Как, например, тебя угораздило попасть в ловушку?

— Потому что я идиот.

Стражник приставил кинжал к голове пленного.

— Спи, малыш; завтрашний день будет для тебя последним.

Свинцовая усталость прижимала тело Сути к земле, но заснуть не удавалось. Краем глаза он видел, как стражник пальцем потрогал острие ножа, его лезвие и положил оружие на песок рядом с собой. Сути знал, что тот возьмет его в руки раньше, чем займется зарей.

Как только он задремлет, стражник перережет ему горло, радуясь тому, что избавляется от лишнего груза. И полководец Ашер не будет иметь к нему претензий.

Сути боролся с дремотой: он не хотел, чтобы смерть застала его врасплох. Когда это животное нападет на него, он плюнет ему в лицо.

* * *

Луна, воинственная властительница ночи, обнажила свой изогнутый кинжал, подняв его в небо. Сути умолял ее спуститься и вонзить клинок в его тело, чтобы положить конец страданиям. Неужели такому закоренелому безбожнику, как он, боги не могли оказать столь ничтожную услугу?

Если он еще оставался в живых, то лишь благодаря пустыне. Он с таким сочувствием относился к ее обездоленности, бесплодности, одиночеству и вместе с тем завораживающей мощи, что, в конце концов, ощутил некое родственное чувство. Этот океан песка и камней стал его союзником. Вместо того чтобы обескровить, он придавал ему силы. Выжженный солнцем и высушенный всеми ветрами саван пустыни подходил ему больше, чем помпезные гробницы, в которых упокоивалась знать.

Стражник все сидел, стараясь не пропустить момент, когда узник совсем ослабеет. Как только этот несчастный закроет глаза, он скользнет в его сон и, как смерть-воровка, похитит его душу. Но Сути, налитанный пустыней и напоенный луной, держался.

Вдруг палач испустил хриплый крик: он замахал руками, как раненая птица крыльями, попытался встать и рухнул навзничь.

Выйдя из ночи, появилась богиня смерти. Сознание вернулось к Сути, и он понял, что бредил. Похоже, он вступал в то ужасное пространство, отделяющее этот мир от потустороннего, где уходящего начинают осаждают фантастические чудовища.

— Помоги мне, — приказала богиня. — Надо перевернуть труп.

Сути приподнялся.

— Пантера! Но как...

— Об этом потом. Поторопись, мне надо вытащить кинжал, который я вонзила ему в шею.

Светловолосая ливийка помогла любовнику встать на ноги. Она толкала тело стражника руками, он — ногами. Пантера вырвала оружие, разрешила веревки, сняла ошейник и прижала Сути к себе.

— Какое счастье... Это Пазаир спас тебя. Он рассказал, что ты отправился в Коптос с бригадой рудокопов. Там я узнала, что ты исчез, и последовала за группой стражников, которые хвастались, что непременно тебя найдут. Теперь мне удалось уничтожить твоего истязателя. Ливийцы умеют выживать в этом аду. Пойдем, я напою тебя.

И она увлекла его за бугор, откуда скрытно вела наблюдение за стоянкой. Пантера продемонстрировала фантастическую энергию: она несла два бурдюка с водой, запасы которой пополняла у каждого колодца, мешок сушеного мяса, лук и стрелы.

— А что Ашер и Эфраим?

— Они спят в повозках, и с ними огромная собака. Пока подобраться к ним невозможно.

Сути терял сознание: Пантера покрывала его поцелуями.

— Нет, только не сейчас!

Она помогла ему лечь и, лаская, накрыла своим телом. Ее любовник был очень слаб, но не утратил мужской силы, которую она снова с наслаждением испытала.

— Я люблю тебя, Сути. И я тебя спасу.

* * *

Нефрет разбудил крик ужаса. Пазаир заворочался, но не проснулся. Молодая женщина накинула платье и вышла в сад.

Служанка, которая приносила свежее молоко, была вся в слезах. Горшки валялись на земле, молоко пролилось.

— Там, — простонала она, указывая пальцем на каменный порог.

Нефрет нагнулась.

На пороге валялись черепки красного сосуда; на них, написанное кисточкой черными чернилами, читалось имя Пазаира, за которым следовали непонятные магические формулы.

— Дурной глаз! — рыдала служанка. — Надо немедленно уйти из этого дома.

— Разве могущество Маат не выше, чем силы тьмы? — спросила Нефрет, беря служанку за плечо.

— Жизнь судьи будет разбита, как эти горшки!

— Ты думаешь, что я не смогу его защитить? Посмотри за этими черепками. Я схожу в мастерскую.

Нефрет вернулась с баночкой клея, которым пользовались ремесленники. С помощью служанки она разложила фрагменты и неторопливо начала собирать их воедино. Прежде чем склеить сосуды, она стерла надписи.

— Отдай эти горшки прачке; если она их промоет хорошенько, они очистятся.

Служанка принялась целовать руки Нефрет.

— Судье Пазаиру очень повезло. Ему покровительствует богиня Маат.

— А свежее молоко у нас сегодня будет?

— Я сейчас подою свою лучшую корову.

И служанка убежала.

* * *

Крестьянин воткнул в рыхлую землю кол в два раза длиннее собственного роста, укрепив на его верхушке длинную гибкую жердь. На более толстый ее конец он привязал глиняный противовес, а на другой повесил веревку с пустым кувшином. Медленным жестом, который ему приходилось повторять сотни раз на дню, он тянул за веревку, погружая кувшин в воду, что текла по каналу, а затем отпускал противовес, чтобы тот поднял полный кувшин вверх, и вода из него вылилась на землю в саду, увлажняя почву под растениями. Это устройство позволяло поливать и верхние участки, остававшиеся сухими даже во время наводнения.

Когда первая часть работы была уже почти сделана, крестьянин слышал непривычный глухой шум. Не выпуская веревку из рук, он прислушался. Шум усиливался. Крестьянин

забеспокоился, бросил свое поливальное приспособление и вскарабкался на вершину холма. Остолбенеv от ужаса, он смотрел, как на него катился чудовищный вал, все смывавший на своем пути. Верхняя плотина была прорвана; в грязном потоке, пытаясь спастись, беспомощно барахтались люди и животные.

* * *

Судья Пазаир первым из официальных лиц прибыл на место катастрофы. Десять человек погибло, стадо быков уменьшилось наполовину, пятнадцать поливальных приспособлений разрушено... Последствия очень тяжелые. Но крестьяне уже начали ремонтировать дамбу, им на помощь пришли отряды инженерных войск; однако вода из резервных водоемов ушла. Государство в лице старшего судьи царского портика взяло на себя обязательство помочь пострадавшим: об этом Пазаир объявил окрестным жителям, собрав их на центральной площади ближайшего селения. Однако все хотели узнать имя того, кто понесет ответственность за происшедшее; поэтому судья долго допрашивал двух чиновников, на которых была возложена обязанность содержать в порядке местные каналы, водоемы и плотины. Судя по полученной информации, никаких оплошностей они не совершали; этот вывод подтвердили и проведенные должным образом проверки: ничего необычного выявлено не было. С чиновников, осуществлявших надзор за ирригационной системой, судья публично снял все обвинения.

Оставалось единственное объяснение, на котором и сошлись все очевидцы драмы: это был сглаз. Плотину обрушило проклятие — и это только начало: дальше кара падет на селение, затем на провинцию и, наконец, на всю страну.

Фараон больше не способен защитить свой народ. Если в ближайшее время он не устроит праздник возрождения, что станется с Египтом? Пока что народ сохранял доверие к царю. Но его голос и его требования должны быть услышаны градоправителями и сельскими старейшинами, придворными и самим Рамсесом. Все знали, что фараон много путешествует и хорошо осведомлен о чаяниях своих подданных. Сталкиваясь с трудностями, ему случалось иногда испытывать моменты колебаний и нерешительности, однако в конечном итоге он всегда находил верную дорогу.

* * *

Наконец-то поглотитель теней нашел выход. Чтобы получить возможность приблизиться к судье Пазаиру и инсценировать несчастный случай, следовало для начала вывести из игры тех, кто его охраняет. И самым опасным из них был не Кем, а его павиан с клыками длиннее, чем у пантеры, способный справиться с любым хищником. И все же поглотителю теней удалось найти ему достойного соперника — за очень высокую цену.

С павианом Кема сможет справиться другой такой же самец, но более мощный и приземистый. Поглотитель теней посадил его на цепь, надел намордник и не кормил два дня, ожидая, когда представится подходящий момент. И он представился — в полдень, когда Кем кормил свою обезьяну. Она взяла кусок говядины и начала его есть — все происходило на краю террасы, откуда нубиец наблюдал за жильем Пазаира, который в этот час завтракал

со своей женой.

Поглотитель теней спустил своего павиана с цепи и осторожно снял с него намордник. Привлеченный запахом мяса, тот бесшумно вскарабкался по фасаду здания и предстал перед соперником. Уши его покраснели от злости, глаза налились кровью, он ощерился, готовый к атаке. Сторожевой павиан оставил трапезу и также встал в боевую стойку. Маневр устрашения не удался; во взглядах обоих читалось одинаковое желание сражаться. Вся сцена разворачивалась в полной тишине.

Что-то заставило Кема обернуться, но было уже поздно. Оба павиана, издав воинственный клич, кинулись в драку. Разнять их было невозможно: тела обезьян сплелись в сплошной клубок, с дикой скоростью катавшийся по террасе. Животные рвали друг друга, издавая пронзительные крики. Битва была недолгой. Бесформенная масса замерла.

Кем боялся подойти.

Очень медленно высунулась рука и оттолкнула труп побежденного.

— Убийца!

Кем кинулся к своей обезьяне и поддержал ее: залитое кровью животное рухнуло навзничь. Павиану удалось перегрызть глотку сопернику, но за победу он заплатил ужасными ранами.

Плюнув от досады, поглотитель теней удалился.

* * *

Павиан внимательно следил, как Нефрет обеззараживала его раны, чтобы наложить на них речной ил.

— Ему очень больно? — спросил расстроенный Кем.

— Мало кто из людей мог бы вести себя с таким мужеством.

— Вы спасете его?

— Без сомнения. Сердце работает как часы, но ему придется несколько дней терпеть перевязки и поменьше двигаться.

— Я прослежу.

— И с недельку не давайте ему есть помногу. Если ему станет хуже, немедленно известите меня.

Лапа Убийцы легла на руку Нефрет: животное смотрело на женщину с выражением трогательной благодарности.

* * *

Совет врачей собрался во второй раз.

Кадаш располагал такими преимуществами, как почтенный возраст, известность и искусство в лечении зубов, весьма ценимое фараоном; в пользу Нефрет говорили ее необычайные способности целительницы, обширные знания, которые она ежедневно демонстрировала в лечебнице, положительные отзывы значительного числа практикующих врачей, а также поддержка царицы.

— Мои дорогие коллеги, — начал старейшина совета, — ситуация приобретает

скандальный характер.

— Ну так давайте изберем Кадаша! — вмешался один из членов совета, ближайший помощник Небамона. — Выдвинув его, мы ничем не рискуем.

— Какие доводы вы можете привести против Нефрет?

— Она слишком молода.

— Если бы она не руководила столь успешно главной лечебницей, — уточнил один из хирургов, — я бы с вами согласился.

— Должность старшего лекаря требует таких качеств, как взвешенность и осмотрительность. Молодые женщины, даже самые способные, этим не обладают.

— Напротив! К тому же в ней столько сил, а Кадашу этого как раз не хватает.

— Обсуждать в таких выражениях всеми уважаемого коллегу непозволительно.

— Уважаемого... но отнюдь не всеми! Разве он не был замешан в делах сомнительного свойства и обвинен по этому поводу судьей Пазаиром?

— Супругом Нефрет, позвольте вам напомнить!

Дискуссия разгоралась все жарче, спор шел на повышенных тонах.

— Дорогие коллеги, призываю вас сохранять достоинство!

— Давайте проголосуем за Кадаша и покончим с этим.

— И речи быть не может! Только Нефрет.

Несмотря на заверения, и это заседание не принесло результата. Было принято только одно решение: на следующем заседании старший лекарь будет избран во что бы то ни стало.

* * *

Бел-Тран привел к себе на службу своего сынишку. Мальчик играл со свитками папирусов, прыгал по складным стульям, сломал кисточку одному из писцов.

— Хватит, — приказал отец. — Надо с уважением относиться к рабочему месту важного чиновника, которым ты тоже когда-нибудь станешь.

— Я хочу быть как ты: командовать другими, но не работать.

— Если ты не хочешь трудиться, то не станешь даже сельским писцом.

— Но я хочу быть богатым и иметь земельные владения.

Этот диалог прервал приход Пазаира. Бел-Тран передал ребенка служащему, который отвел его в манеж, где мальчика учили ездить верхом.

— Вы чем-то обеспокоены, Пазаир?

— Я по-прежнему ничего не знаю о судьбе Сути.

— А что Ашер?

— Как сквозь землю провалился. От пограничников никакой информации не поступало.

— Неприятно.

— Какова ситуация со счетами Денеса?

— Есть нестыковки, есть намеренные оплошности, но есть и явное мздоимство.

— Этого хватит, чтобы выдвинуть обвинение?

— Думаю, да.

Стояла тихая ночь. Набегавшись вокруг бассейна с цветущими лотосами, Смелчак мирно дремал у ног хозяина. Утомившись за день сумасшедшей работы в лечебнице, Нефрет тоже уснула. При свете двух ламп судья готовил обвинительное заключение.

Самим фактом своего бегства Ашер усугублял вину, которая была ему предъявлена во время предыдущего процесса. Денес обвинялся в неуплате налогов, хищении товаров и подкупе должностных лиц. Чечи руководил всем процессом незаконной торговли, а Кадаш, будучи его сообщником, не мог не быть в курсе этих темных дел. В доказательство всего этого судьям будет представлено большое количество фактов, убедительных свидетельств, как устных, так и письменных.

Репутация всех четверых рухнет в тот день, когда собранные данные будут озвучены в суде — достаточно суровое наказание им гарантировано. Очень может быть, что судья уже разрушил хитросплетения заговора, но ему оставалось отыскать Сути и продолжить вместе с ним двигаться по пути к правде. По пути, который должен привести их к убийце учителя Беранира.

Почувяв опасность, страус замер. Птицу охватило беспокойство, она забила крыльями, но, не в силах взлететь, сделала несколько шагов, изящных, как танцевальные па, приветствуя восходящее солнце, и пустилась бежать по направлению к ближайшим дюнам. Тщетно старался Сути натянуть свой лук. Его тело болело, мышцы сводило судорогой. Пантера делала ему массаж, натирала кожу мазью из флакона, висевшего у нее на поясе.

— Сколько раз ты мне изменял?

Сути с трудом подавил вздох раздражения.

— Если ты мне не ответишь, я брошу тебя здесь. Не забывай, что у меня есть вода и сушеное мясо.

— Приложить столько усилий, чтобы завести опять все тот же надоевший разговор?

— Когда хочешь узнать правду, никаких усилий не жаль. В этом меня убедил судья Пазаир.

Сути наслаждался минутами отдыха. Однако скоро Эфраим и Ашер обнаружат труп стражника и бросятся вдогонку за беглецом.

— Нам надо убираться отсюда поскорее.

— Сперва ты мне ответишь.

Сути увидел кинжал, приставленный к его животу.

— Если ты изменял мне, то я сделаю из тебя евнуха!

— Ты же знаешь о моей женитьбе на госпоже Тапени.

— Я задушу тебя собственными руками. Кто еще?

— Уверяю, что это все.

— А в Коптосе, городе разврата...

— Я поехал туда, чтобы наняться рудокопом. А потом ушел в пустыню.

— В Коптосе невозможно сохранять целомудрие.

— Мне удалось.

— Надо было убить тебя сразу после нашей встречи.

— Смотри!

Эфраим только что обнаружил труп и спустил с поводка собаку. Пес потянул носом, но предпочел остаться возле хозяина. Рудокоп обсудил ситуацию с Ашером, и они тронулись в путь. Бежать из Египта, прихватив с собой золото, казалось полководцу гораздо более важным, чем преследовать ослабевшего соперника. Поскольку стражник вышел из игры, они поделят добычу пополам.

— Они уходят, — вздохнула Пантера.

— Мы пойдем за ними.

— Ты с ума сошел?

— Теперь Ашер от меня не уйдет.

— Ты забыл, в каком ты состоянии?

— Благодаря тебе оно улучшается на глазах. Ходьба окончательно излечит меня.

— Мой возлюбленный — сумасшедший.

Пазаир сидел на террасе своего дома и смотрел на восток. Сон не шел к нему. Судья вышел наружу, чтобы поделиться своими думами со звездной ночью. Она была так светла, что он различал силуэты пирамид Гизы, лишь слегка задрапированные синей дымкой, сквозь которую уже проступали первые капли крови, оставленные зарей. Укорененный в своем тысячелетнем спокойствии, построенный из камня, любви и правды, Египет постигал самого себя в таинстве рождающегося дня. Пазаир не был больше ни крупным сановником, ни даже судьей; погруженный в бесконечность, где совершалось невероятное слияние видимого и невидимого, как того требовал дух предков, чье присутствие ощущалось в каждом шорохе земли, он пытался забыть самого себя.

Бесшумно ступая босыми ногами, подошла Нефрет.

— Еще так рано... Тебе надо бы поспать.

— Это мое любимое время суток. Через несколько мгновений кромка гор окрасится золотом и Нил оживет. Тебя что-то беспокоит?

Как признаться ей, что его, судью, верящего в святыне для него истины, мучают сомнения? Все считают его нестигаемым, нечувствительным к окружающему, а ведь на самом деле многое больно ранит его, иногда сильно. Сознание Пазаира отказывается принять факт существования зла и привыкнуть к преступлению. Утекавшее время не помогает смириться со смертью Беранира, за которую он так и не отомстил.

— Мне хочется все бросить, Нефрет.

— Ты просто устал.

— Я начинаю думать, как Кем. Справедливость, если она вообще существует, вещь абсолютно бесполезная.

— Ты боишься, что у тебя не получится?

— Собранные мной доказательства убедительны, обвинения — обоснованны, аргументы — серьезны... Однако Денес или кто-то из его подручных вполне может, с помощью какой-нибудь юридической уловки, разрушить все это, так тщательно возведенное здание. А если так, то к чему продолжать?

— Это говорит твое утомление.

— Идеалы, которыми руководствуется наша страна, высоки, но они не мешают существованию таких людей, как полководец Ашер.

— Но тебе ведь удалось нарушить его планы.

— Но на его место придет другой, потом третий...

— На место выздоровевшего больного всегда приходит другой, потом третий, но ведь никто не говорит о том, чтобы прекратить их лечить?

Он нежно сжал ее руку:

— Я недостойн своей должности.

— Это пустые слова, они оскорбляют Маат.

— Разве настоящий судья имеет право сомневаться в существовании справедливости?

— Ты сомневаешься лишь в себе самом.

Вырвавшись из-за горизонта, солнце залило их своим светом, жгучим и ласковым одновременно.

— На кону стоит наша жизнь, Нефрет.

— Мы боремся не за себя, а за то, чтобы свет не померк. Свернуть с этого пути было бы преступно.

— Ты сильнее меня.

На ее лице появилась веселая улыбка.

— А завтра меня поддержишь ты.

Так, тесно прижавшись друг к другу, они встретили новый день.

* * *

Незадолго до того как надо было отправляться к визирю, Пазаир опять расчихался и пожаловался на резкую боль в затылке. Нефрет его жалобы не слишком беспокоили; она напоила мужа отваром из листьев и коры ивы^[3] — снадобьем, которым часто пользовалась, чтобы снять лихорадку и боли разного происхождения.

Боль прошла быстро, дыхание Пазаира стало свободным, и он бодро предстал перед визирем, еще более согбенным, чем обычно.

— Вот полное собрание документов на полководца Ашера, судовладельца Денеса, химика Чечи и зубного лекаря Кадаша. Как старший судья царского портика, я прошу вас рассмотреть эти дела в открытом судебном заседании, предъявив обвинения в государственной измене, подрыве безопасности, умышленном убийстве, злоупотреблении должностным положением и хищении денежных средств с использованием служебного положения. Некоторые пункты обвинения установлены, другие необходимо прояснять дополнительно. Но в целом обвинительная база такова, что, на мой взгляд, ждать дольше не имеет смысла.

— Это дело чрезвычайной важности.

— Я понимаю.

— Обвиняемые — известные люди.

— Это лишь усугубляет их вину.

— Вы правы, Пазаир. Я открою судебный процесс после праздника Опет, несмотря на то, что Ашер до сих пор не найден.

— Сути тоже.

— Я разделяю ваше беспокойство. Поэтому я отдал приказание послать в район Коптоса отряд пехотинцев, чтобы совместно со специализированной стражей прочесать пустыню. В ваших выводах есть что-либо о том, кто убил Беранира?

— К сожалению, нет. Во всяком случае, я не уверен.

— Мне нужно его имя.

— Я продолжу расследование в этом направлении.

— Выдвижение Нефрет на пост старшего лекаря выглядит сомнительно. Злые языки непременно отметят, что обвинение Кадаша открывает путь для вашей супруги, и на этом основании попытаются ее дискредитировать.

— Я думал об этом.

— А какого мнения Нефрет?

— Если Кадаш виновен, он должен быть осужден.

— У вас нет права на ошибку. Осудить Денеса и Чечи будет непросто. Я боюсь, что на суде им удастся все перевернуть: Ашер на такие вещи большой мастер. Предатели, как правило, умеют убедительно оправдывать свое коварство.

— Я очень надеюсь на ваш трибунал: ложь перед ним не устоит.

Баги положил руку на медное сердце, висевшее у него на шее. Этим жестом он показал,

что перед чувством долга все остальное отступает на второй план.

* * *

Заговорщики встретились в заброшенной усадьбе, где они имели обыкновение собираться в случае настоятельной необходимости. Денес, всегда торжествующий и уверенный в себе, был явно растерян.

— Нам придется действовать очень быстро. Пазаир передал документы Баги.

— Это слухи или серьезная информация?

— Дело записано за трибуналом Баги, слушание начнется после праздника Опет. То, что обвинен Ашер, это неплохо, но я не хочу, чтобы оказалась запятнанной моя репутация.

— Но разве поглотитель теней не должен был убить Пазаира?

— Ему не везет, но он продолжает преследовать свою жертву.

— Это очень мило с его стороны, но нас, между прочим, тащат в суд!

— Не волнуйтесь, мы контролируем ситуацию. Нам достаточно задействовать лишь малую толику наших возможностей.

— Но в этом случае мы себя выдадим.

— Вовсе не обязательно. Достаточно послать простое письмо.

План Денеса получил одобрение.

— А чтобы впредь не попадать в такие щекотливые ситуации, я предлагаю начать действовать по одному из направлений нашего плана: заменить визиря. И тогда шаги Пазаира не будут иметь последствий.

— А мы не слишком торопимся?

— Подумайте сами: лучшего момента нам не найти.

* * *

Ашер и Эфраим удивленно смотрели на сторожевого пса, который, выпрыгнув из повозки, кинулся к невысокому каменистому пригорку.

— С тех пор как погиб его хозяин, — сказал Эфраим, — он как будто взбесился.

— Он нам не нужен, — заметил полководец. — Сейчас, я полагаю, мы уже вне досягаемости патрульных стражников. Путь свободен.

Пес, с пеной на губах, несясь огромными прыжками. Он летел от скалы к скале, не обращая внимания на острые камни. Сути заставил Пантеру лечь ничком и натянул тетиву лука. На расстоянии выстрела собака остановилась как вкопанная.

Человек и животное с вызовом смотрели друг на друга. Понимая, что промахнуться он не может, Сути ждал атаки. Убивать собаку ему не хотелось. Внезапно издав жалобный крик, собака легла. Отложив лук, Сути подошел поближе. Подчинившись воле человека, пес дал себя погладить. В его глазах были тоска и усталость. Избавившись от безжалостного хозяина, найдет ли он здесь новое пристанище?

— Пойдем.

Пес радостно забил хвостом. Сути обрел нового союзника.

Пьяный Кадаш, шатаясь, вошел в пивную. То обстоятельство, что он непременно окажется замешан в предстоящем процессе, приводило его в бешенство. Несмотря на уверенность Денеса и надежное покровительство, которым пользовались заговорщики, тревога зубного лекаря усиливалась. Он чувствовал, что не в состоянии противостоять Пазаиру, и опасался, как бы предъявленные обвинения не помешали ему занять пост старшего лекаря. Кадаш испытывал непреодолимое желание забыться; вино ему не помогало, и он надеялся найти успокоение в объятиях проститутки.

Сабабу владела крупнейшим заведением в Мемфисе и дорожила его репутацией. Прежде чем продемонстрировать богатым посетителям свое эротическое искусство, тамошние девицы читали клиентам стихи, танцевали и музицировали.

Толкнув привратника и отстранив девушку, игравшую на флейте, Кадаш кинулся на молоденькую служанку-нубийку, державшую поднос с пирожными. Опрокинув оторопевшую девчонку на разноцветные подушки, он попытался ее изнасиловать. На ее вопли прибежала Сабабу и своей мощной рукой оттащила зубного лекаря.

— Я хочу ее.

— Эта малышка всего лишь служанка.

— Но я ее хочу!

— Немедленно покиньте заведение.

Девочка спряталась за Сабабу.

— Я готов заплатить сколько нужно.

— Оставьте ваши деньги себе и уходите.

— Она будет моей, клянусь, будет!

Кадаш не отходил от пивной. Притаившись в темноте, он ждал, когда начнут выходить слуги. Взошло солнце, служанки, и нубийка вместе со всеми, вышли на улицу.

Кадаш последовал за своей жертвой и в пустынном переулке схватил ее и закрыл ей ладонью рот. Девушка отбивалась, но зубной лекарь впал в такую ярость, что она покорилась. Сорвав с нее платье, он повалил ее и изнасиловал.

— Дорогие коллеги, — объявил старейшина совета лекарей, — мы не можем больше откладывать назначение старшего лекаря царства. Поскольку у нас всего два кандидата, нам предстоит выбирать из них — Нефрет или Кадаш. Мы будем заседать до тех пор, пока не примем решения.

Это предложение было одобрено всеми, и каждый член совета получил возможность выступить. Одни говорили спокойно, другие — со страстью. Сторонники Кадаша яростно клеймили Нефрет: разве она не использовала положение мужа, выдвинувшего обвинения против зубного лекаря, чтобы устранить соперника со своего пути? Клеветать на практикующего лекаря с безупречной репутацией, пачкать его доброе имя — подобные методы покрыли молодую женщину позором.

Пожилой хирург добавил, что у Рамсеса Великого все чаще болели зубы, и ему хотелось

бы иметь рядом с собой опытного врачевателя. К пожеланиям фараона, от которого зависело благополучие страны, следовало бы прислушаться. Никто не посмел возразить.

После четырехчасовых дебатов приступили к голосованию, и старейшина совета объявил результаты.

— Следующим старшим лекарем царства станет Кадаш.

* * *

Покружившись вокруг Сути, осы накинулись на собаку, жевавшую сушеное мясо. Понаблюдав за ними, молодой человек обнаружил подземное гнездо.

— Удача улыбнулась нам. Раздевайся.

Пантера охотно приняла это приглашение и, нагая, обвилась вокруг его тела.

— Любовью мы займемся позже.

— Тогда зачем?..

— Мне необходимо плотно закрыть все тело: я хочу вырыть осиное гнездо и положить его в бурдюк.

— Если они тебя искушают, ты можешь умереть! С осами шутки плохи.

— Я намерен жить до глубокой старости.

— Чтобы спать с другими женщинами?

— Прикройся.

И Сути начал копать. Пантера помогала ему. Растревоженные осы пришли в бешенство, но их жала не могли проникнуть сквозь ткань. Сути засунул в бурдюк большую часть жужжащего роя.

— Зачем они тебе?

— Это военная тайна.

— Перестань насмехаться надо мной.

— Доверься мне и успокойся.

Она положила руку ему на грудь.

— Ашер не должен ускользнуть от нас.

— Не беспокойся, я знаю пустыню как свои пять пальцев.

— Если мы потеряем их след...

Она опустилась на колени и начала, едва касаясь пальцами, ласкать ему верхнюю часть бедер с такой сладостной медлительностью, что он не устоял. Лежа между гнездом растревоженных ос и спящим сторожевым псом, они наслаждались друг другом со всей страстью молодости.

* * *

Нефрет была потрясена. С того момента, как юную нубийку доставили в больницу, она рыдала, не переставая. Раны телесные усугублялись раной душевной: она цеплялась за руки лекаря как за спасательный круг. Дикарю, который надругался над ней, украв ее чистоту, удалось скрыться, но его видели несколько человек, сумевшие описать преступника довольно точно. Однако предъявить ему обвинение можно было лишь на основании

показаний жертвы.

Нефрет обработала истерзанное влагалище и дала девочке успокоительных капель. Мало-помалу бившая ее нервная дрожь затихла, и больная попросила пить.

— Ты можешь говорить?

Затравленный взгляд хорошенькой негрityнки остановился на ее благотельнице.

— Я выздоровею?

— Это я тебе обещаю.

— Мне кажется, будто злые птицы клюют мой живот... Я не хочу, чтобы у меня был ребенок от этого мерзавца!

— Ничего такого не будет.

— А если я беременна?

— Я сама сделаю тебе аборт.

Нубийка снова разрыдалась.

— Он был старый, — сказала она, всхлипывая, — и от него пахло вином. Когда он напал на меня в пивной, я увидела его красные руки, широкие скулы и большой нос в фиолетовых прожилках. Чудовище, настоящее чудовище с седыми волосами!

— Ты знаешь, как его имя?

— Это знает моя хозяйка.

* * *

В первый раз в жизни Нефрет переступила порог заведения, где все — и убранство помещений, и царящие в них запахи — способствовало тому, чтобы возбуждать чувственность. Для этого Сабабу приложила немало усилий, и ей все удалось: здесь куртизанки с легкостью соблазняли посетителей, которым не хватало любви.

Хозяйка не стала держать в прихожей целительницу, которая лечила ее в Фивах.

— Я счастлива принимать вас у себя. Вы не боитесь за свою репутацию?

— Это мне безразлично.

— Вы мне так помогли, Нефрет. С тех пор как я стала следовать вашим предписаниям, мой ревматизм почти исчез. Вы чем-то обеспокоены? Мое заведение вас шокирует?

— Одна из ваших служанок была изнасилована самым гнусным образом.

— Я думала, что такие преступления в Египте больше не совершаются.

— Девочка-нубийка, которая лежит в нашей больнице. Ее раны затянутся, но она не забудет случившегося никогда. Она сообщила мне приметы напавшего на нее негодяя и утверждает, что вы знаете его имя.

— Если я вам его сообщу, то должна буду свидетельствовать в суде?

— Конечно.

— Такая разговорчивость может навредить моему заведению.

— Как хотите, Сабабу.

Нефрет отвернулась.

— Вы должны меня понять! Если я явлюсь в суд, то все подумают, что я не в ладах с законом.

— Меня больше волнует горе этой девочки.

Сабабу закусила губы:

— Ваш муж поможет мне сохранить мое заведение?
— Как я могу вам это обещать?
— Преступника зовут Кадаш. Он набросился на малышку прямо здесь, был очень пьян и груб.

* * *

Мрачный, нахмуренный Пазаир шагал взад и вперед.

— У меня плохая новость, Нефрет, я не знаю, как тебе ее сообщить.

— Неужели это так важно?

— Совершилась чудовищная несправедливость!

— Я тоже хочу рассказать тебе о чудовище. Ты должен его немедленно арестовать.

Судья подошел к жене и сжал ладонями ее лицо.

— Ты плакала.

— Все очень серьезно, Пазаир. Я кое-что выяснила, но выводы делать тебе.

— Кадаш был избран старшим лекарем царства — я только что получил официальное подтверждение.

— Кадаш — подлый преступник: он изнасиловал ребенка.

Перед тем как, обойдя Элефантину, пересечь южную границу, Ашер и Эфраим устроили привал. Они нашли пещеру, где спокойно выпались, а повозку поставили в укрытие. Полководец знал расположение гарнизонов и был уверен, что сумеет проскользнуть между расставленными постами. А дальше благодаря своему богатству он будет блаженствовать в Ливии, рядом со своим другом Адафи, подстрекая бедуинов к набегам, подрывающим спокойствие в Египте. И если все сложится удачно, то почему бы не подумать о завоевании Дельты и отторжении лучших египетских владений на северо-западе? Вредить родной стране стало целью жизни Ашера. Принуждая полководца к бегству, судья Пазаир получил в его лице врага, хитрость и упорство которого по своей разрушительной силе способны превзойти возможности целой армии.

Эфраим стоял на часах, а Ашер снова заснул.

* * *

Держа бурдюк в правой руке, Сути карабкался на выступ, нависавший над пещерой. Грудь его была расцарапана, он двигался очень медленно и осторожно, чтобы шум осыпающихся камней не выдал его присутствия. Пантера с тревогой наблюдала за ним. Сумеет ли он извлечь рой из бурдюка так, чтобы не быть искусанным, и хватит ли ему ловкости бросить гнездо внутрь пещеры? Другого шанса у Сути не будет.

Взобравшись на самую высокую точку выступа, он лег плашмя, затаил дыхание и прислушался. Все было тихо. Высоко в небе кругами вился сокол. Сути вытащил из бурдюка затычку и, покачав рукой, как маятником, бросил осиное гнездо в логово своих врагов.

Адское гудение взорвало тишину пустыни. Шатаясь и неловко отмахиваясь от облепивших его ос, из пещеры выбежал Эфраим. Получив не менее сотни укусов, он рухнул и, обхватив горло руками, испустил дух от удушья.

Ашеру хватило ума спрятаться под повозку и затаиться там. Когда осы разлетелись, он вышел наружу с мечом в руке.

И тут же столкнулся с Сути, Пантерой и сторожевым псом.

— Трое против одного... Так ты, оказывается, трус?

— Не тебе говорить о храбрости.

— У меня есть золото. Тебя и твою любовницу, наверное, интересуют деньги?

— Я убью тебя, Ашер, и все будет мое.

— Ты шутишь. Ты безоружен, а твоя собака уже неопасна.

— Ты снова ошибаешься.

Пантера подняла с земли лук и стрелы и протянула их Сути. Ашер попятился, его лицо исказила гримаса.

— Если ты убьешь меня, тебе не выйти из пустыни.

— Пантера прекрасно ориентируется. Да и я уже привык к пустыне. Мы выживем, можешь быть уверен.

— Человеческое существо не имеет права посягать на жизнь другого человеческого существа, таков наш закон. Ты не посмеешь поднять на меня руку.

— Кто поверит в то, что ты — человеческое существо?

— Чувство мести унизительно. Если ты совершишь убийство, боги проклянут тебя.

— Ты веришь в это не больше, чем я. Если они существуют, то будут мне благодарны за то, что я уничтожил самую ядовитую из змей.

— То, что лежит на повозке, — лишь часть моего состояния. Пойдем со мной, и станешь богаче, чем самый богатый житель Фив.

— Куда надо идти?

— В Ливию, к Адафи.

— Он посадит меня на кол.

— Я скажу, что ты мой лучший друг.

Пантера стояла чуть поодаль, и Сути услышал, как она подошла поближе. Ливия, ее родина! Предложение полководца могло показаться ей заманчивым. Увести Сути к себе, получить его в свое распоряжение, жить в довольстве... Как можно не поддаться такому соблазну? Однако он не обернулся. Предатели, кажется, любят наносить удары в спину?

Но Пантера протянула Сути стрелу.

— Ты совершаешь ошибку, — хрипло сказал Ашер. — Мы появились на свет, чтобы договориться. Ты — авантюрист, как и я; Египет тесен для нас. Нам нужен большой простор.

— Я видел, как ты пытал одного египтянина, незащитного человека, который умирал от страха. И ни малейшей жалости к нему ты не испытывал.

— Мне нужны были его признания. Он угрожал выдать меня. В такой ситуации ты бы повел себя так же.

Суты натянул тетиву и выстрелил. Стрела вошла ровно между глаз.

Пантера бросилась на шею своему любовнику.

— Я люблю тебя, и мы богаты!

* * *

Кем арестовал Кадаша у него в доме, во время завтрака. Прочтя преступнику обвинительный акт, он связал ему руки. Зубной лекарь, с тяжелой головой и мутным взглядом, вяло сопротивлялся. Его доставили к судье Пазаиру.

— Вы признаетесь в содеянном?

— Конечно нет!

— Но свидетели опознали вас.

— Я пришел в пивную госпожи Сабабу, взглянул на девиц, которые мне не понравились, и тут же ушел. Мне нечего было там делать.

— Показания Сабабу расходятся с вашими.

— Кто поверит этой старой шлюхе?

— Вы изнасиловали нубийскую девочку, которая служит у Сабабу.

— Клевета! Пусть эта врунья повторит все, глядя мне в глаза.

— Это будут решать судьи.

— Вы хотите, чтобы...

— Судебное заседание назначено на завтра.

— Я хочу вернуться домой.

— Я не намерен отпустить вас до суда: вы можете совершить еще какое-нибудь

преступление. Вашу безопасность будет обеспечивать Кем.

— Мою... безопасность?

— Если вы попадете в руки жителям того квартала, они разорвут вас на части.

Кадаш вцепился в судью.

— Вы обязаны защитить меня!

— К сожалению, обязан.

* * *

Госпожа Нанефер отправилась в ткацкую мастерскую с твердым намерением получить, как всегда, лучшие ткани, чтобы ее конкуренты бледнели от зависти. Долгими часами она увлеченно придумывала, а потом собственными руками шила роскошные туалеты, которые умела носить с неподражаемой элегантностью!

Строптивые и высокомерные манеры Тапени раздражали ее; но эта женщина великолепно знала свое дело, и товар у нее был безупречного качества. Это благодаря ей Нанефер удавалось оставаться законодательницей мод.

На лице у Тапени была странная улыбка.

— Мне нужен самый хороший лен, — потребовала Нанефер.

— Это будет сложно.

— Что вы сказали?

— По правде сказать, вообще невозможно.

— Какая муха укусила вас, Тапени?

— Вы очень богаты, но про меня этого не скажешь.

— Я мало вам плачу?

— С сегодняшнего дня мне нужно больше.

— Пересматривать цены в середине года... Это не очень честно, но я согласна.

— Я хочу продать вам не ткани.

— А что?

— Ваш муж — известный человек, очень известный.

— Денес?

— Его репутация должна быть безупречной.

— Что вы хотите этим сказать?

— Высшее общество очень жестоко. Если один из его членов обвиняется в аморальном поведении, то это подрывает его влияние и материальное положение.

— Объясните толком!

— Не нервничайте, Нанефер; если вы будете разумны и щедры, то ваше положение останется прочным. Я предлагаю вам купить мое молчание.

— Вам известны какие-то компрометирующие моего мужа факты?

— Денес изменяет вам.

Госпоже Нанефер показалось, что крыша мастерской обрушилась ей на голову. Если у Тапени есть доказательства того, на что она намекала, если она даст этим слухам ход в светском обществе Фив, супруга судовладельца окажется в смешном положении и никогда больше не сможет появиться при дворе или на пиру.

— Это клевета!

— Не рискуйте понапрасну, я знаю все.

Тапени не стала вилять: самым главным достоинством она считала свою незапятнанную деловую репутацию.

— Что вы хотите в обмен на ваше молчание?

— Доходы от одной из ваших лучших житниц и, как можно скорее, хорошую усадьбу в Мемфисе.

— Но это немыслимо!

— Вы хотите оказаться в роли обманутой женщины и чтобы все вокруг повторяли имя любовницы вашего мужа?

Госпожу Нанефер охватила паника, она закрыла глаза. А Тапени переполняла бурная радость. Всего лишь раз ей пришлось разделить ложе с Денесом, чьи мужские достоинства оказались смешными и жалкими, и вот теперь перед ней открылась дорога к богатству! Завтра она станет знатной дамой.

* * *

Кадаш рвал и метал. Сначала он требовал, чтобы его немедленно освободили, убежденный, что Денес уже все устроил. Отрезвев, попытался использовать свою новую должность, чтобы выйти из камеры.

— Придите в себя, — потребовал Кем.

— Прошу вас быть поучтивей, друг мой! Знаете ли вы, с кем говорите?

— С насильником.

— Не надо таких громких слов.

— Это правда, простая и ужасная, Кадаш.

— Если вы меня не освободите, у вас будут серьезные неприятности.

— Я открою вам эту дверь.

— Наконец-то... Вы неглупый человек, Кем. Я вас отблагодарю.

Но в тот момент, когда зубной лекарь уже вдохнул воздух улицы, нубиец схватил его за плечо.

— Хорошая новость, Кадаш: судья Пазаир собрал присяжных раньше, чем предполагалось. Я поведу вас в зал судебных заседаний.

* * *

Когда Кадаш заметил среди присяжных Денеса, он понял, что спасен. Под сенью врат, перед храмом Птаха, где Пазаир собрал членов суда, царило напряжение. На судебное заседание собралась огромная толпа людей, до которых дошли слухи о происшедшем. Доступ внутрь деревянного помещения, состоявшего из крыши, опиравшейся на тонкие колонны, был перекрыт стражей; в зале находились лишь свидетели и присяжные — шестеро мужчин и столько же женщин разных возрастов и социального положения.

Пазаир, одетый в костюм старинного покроя и короткий парик, выглядел взволнованным. Попросив богиню Маат покровительствовать суду, он зачитал обвинительное заключение.

— Зубной лекарь Кадаш, занимающий пост старшего лекаря царства и проживающий в Мемфисе, обвиняется в том, что вчера на рассвете он изнасиловал девочку, которая работает служанкой в заведении госпожи Сабабу. Пострадавшая, находящаяся в данный момент в лечебнице, не пожелала явиться в зал суда, и ее интересы будет представлять целительница Нефрет.

Кадаш все больше успокаивался: все складывалось как нельзя лучше. Он предстал перед судьями, тогда как пострадавшая их избегала! Помимо Денеса, он был знаком еще с тремя присяжными — эти влиятельные люди примут его сторону. Он добьется оправдания в суде, а потом займется госпожой Сабабу: потребует у нее возмещения морального ущерба.

— Признаетесь ли вы в содеянном? — спросил Пазаир.

— Конечно нет.

— Вызывается свидетель госпожа Сабабу.

Все головы повернулись в сторону знаменитой хозяйки самого знаменитого пивного заведения в Мемфисе. Одни полагали, что ее уже нет в живых, другие — что она в тюрьме. Она была ярко накрашена, но выглядела великолепно и в зал вошла горделиво и уверенно.

— Напоминаю вам, что ложное свидетельство чревато суровым наказанием.

— Зубной лекарь Кадаш был пьян. Он силой ворвался в мое заведение и кинулся на самую молодую из моих служанок-нубиек, которые заняты тем, что подают клиентам напитки и кондитерские изделия. Если бы я не распорядилась выкинуть его вон, он бы изнасиловал малышку.

— Вы в этом уверены?

— Мужской член в состоянии эрекции — это для вас достаточное доказательство?

В зале зашептались. Прямота свидетельницы шокировала присяжных. Кадаш попросил слова:

— Эта дама находится вне закона. Она со своим заведением только компрометирует наш город. Непонятно, почему стража и правосудие до сих пор не занялись этой особой легкого поведения.

— В данном деле речь идет не о ней, а о вас. А ваша высокая мораль не помешала вам явиться в ее заведение и приставать там к несовершеннолетней.

— Временное помрачение... С кем не бывает?

— Служанка была изнасилована в вашем заведении? — спросил Пазаир у Сабабу.

— Нет.

— Что же произошло после нападения?

— Я успокоила девочку, она снова занялась своим делом и ушла из заведения лишь под утро, чтобы возвратиться домой.

За Сабабу свидетельствовала Нефрет, которая описала, в каком состоянии находилась пострадавшая после совершившейся драмы. Она не упустила ни малейшей подробности, и представленная ею картина потрясла присутствующих своей жестокостью.

Тут слова снова попросил Кадаш.

— Я не ставлю под сомнение факты, изложенные моей выдающейся коллегой, и очень сожалею о том, что пришлось пережить пострадавшей, но при чем здесь я?

— Напоминаю, — заявил Пазаир, — что изнасилование всегда карается одинаково: смертной казнью. Госпожа Нефрет, располагаете ли вы доказательствами виновности Кадаша?

— Описание преступника, которое дала пострадавшая, указывает на него.

— Я со своей стороны хочу подчеркнуть, — снова вмешался Кадаш, — что госпожа Нефрет претендовала на должность старшего лекаря царства. Она не добилась успеха и, видимо, испытывает некоторую досаду против меня. И собирать доказательства — не ее дело. Судья Пазаир зафиксировал показания пострадавшей?

Аргументы Кадаша прозвучали убедительно. Старший судья пригласил свидетелей, которые видели Кадаша, убегавшего после совершенного злодеяния. Его узнали все.

— Но я же был пьян, — протестовал обвиняемый. — Я должен был заснуть прямо там же. Неужели этих свидетельств будет достаточно, чтобы обвинить меня в таком ужасном преступлении, за которое я сам, без колебаний, дал бы высшую меру наказания?

Защита Кадаша произвела очень хорошее впечатление. Девочка была изнасилована, зубной лекарь действительно находился где-то поблизости и мог на нее напасть: совокупность косвенных улик давала возможность указать на него как на насильника. Однако судья Пазаир, уважая букву и дух закона Маат, не должен забывать о презумпции невиновности. И поскольку он муж Нефрет, то возникают сомнения в его беспристрастности, что сильно ослабляет позиции выдвинутого им обвинения.

Старший судья снова попросил Нефрет высказаться от имени пострадавшей, перед тем как он озвучит свои выводы, и обстоятельства дела начнут обсуждать присяжные.

Чья-то маленькая рука коснулась руки Нефрет.

— Помогите мне, — умоляющим тоном произнесла девочка, встав рядом с целительницей. — Я буду говорить, но не оставляйте меня одну.

Дрожащим голосом, спотыкаясь на каждом слове, она нарисовала ужасную картину пережитого насилия, ужасной боли и отчаяния.

Когда она замолчала, в зале заседания повисло тяжелое молчание. У судьи, который должен был задать ей решающий вопрос, пересохло в горле.

— Знаете ли вы человека, совершившего над вами насилие?

Девочка указала на Кадаша.

— Это он.

* * *

Дебаты присяжных не были долгими. Они высказались за применение древнего закона, который был так суров, что подобных преступлений в Египте не случалось уже многие годы. Высокое положение обвиняемого как известного целителя и старшего лекаря царства не позволило принять в расчет никаких смягчающих обстоятельств. Суд присяжных единогласно приговорил его к смертной казни.

— Я подаю на апелляцию, — заявил Кадаш.

— Процесс начал я, — сказал Пазаир. — Выше царского портика есть только одна инстанция — трибунал визиря.

— Он отменит ваш несправедливый приговор!

— Не питайте иллюзий. Баги утвердит его, если ваша жертва повторит свои показания, и они будут должным образом зафиксированы.

— Она не посмеет!

— Не сомневайтесь.

Зубной лекарь, казалось, не понимал своего положения.

— Вы верите в то, что приговор приведут в исполнение? Несчастный судья! Как вы будете разочарованы.

Кадаш удалился с мрачной ухмылкой на лице. На душе у судьи остался неприятный осадок.

* * *

В конце сентября, через два месяца после скудного наводнения, Египет погрузился в атмосферу празднества Опет. В течение двадцати дней, пока воды Нила будут отступать, обнажая землю, покрытую плодородным илом, египтяне станут гулять по берегу реки, где бродячие торговцы продают арбузы, дыни, виноград, гранаты, хлеб, булочки, жареную дичь и пиво. На очагах под открытым небом будут готовиться сытные, вкусные и недорогие блюда, а профессиональные музыканты и танцоры станут услаждать взор и слух присутствующих своим искусством. Все знали, что храмы празднуют возрождение созидательной силы, которая истощилась за долгие месяцы, пока боги оплодотворяли землю. И чтобы они не отвернулись от людей, надо было явить им картину благодарного народа, где никто не умирает от голода или жажды. Таким образом, Нил сохранит свою исконную мощь, черпая ее в том океане, что омывает вселенную.

В самый апогей праздника Кани, верховный жрец Амона, открыл часовню, где покоилось изваяние божества, чье истинное воплощение было недоступно никому. Облаченное в покрывало, оно было помещено в лодку из золоченого дерева, которую несли двадцать четыре жреца с бритыми головами, одетые в длинные льняные одежды. Амон вышел из храма вместе с супругой, Мут, божественной матерью, и сыном Хонсу — тем, кто передвигался по небесному пространству в образе Луны. К храму Луксора двигались две процессии — одна по реке, другая по суше.

Десятки лодок следовали в фарватере огромного, покрытого золотом судна божественной триады, сопровождаемого музыкой тамбуринов, систров и флейт, которые приветствовали его движение в сторону южного, святилища. Пазаир, старший судья царского портика в Мемфисе, присутствовал на церемонии, которая разворачивалась на широком дворе перед храмом Луксора. Здесь все ликовало, а за высокими стенами святилища царили безмолвие и сосредоточенность.

Кани поднес цветы божественной триаде и совершил жертвенное возлияние в ее честь.

Ряды придворных расступились, чтобы освободить проход для фараона, и все дружно склонились в поклоне. Врожденное благородство и царственная осанка монарха произвели впечатление на Пазаира: среднего роста, крепкий, нос с горбинкой, широкий лоб, рыжие волосы, спрятанные под голубой короной; не взглянув ни на кого, он шел, не сводя глаз со статуи Амона, воплощения тайны творения, хранителем которой был фараон.

Кани прочел текст, воспевающий многочисленные образы, которые принимал бог, — он мог обернуться ветром, камнем или овном с закрученными рогами, но при этом не сводился ни к одному из перечисленных обликов. Затем верховный жрец удалился, чтобы не мешать царю, в одиночестве переступившему порог храма.

* * *

Пятнадцать тысяч хлебов, две тысячи булочек, сто корзин с сушеным мясом, двести со свежими овощами, семьдесят кувшинов вина, пятьсот — пива и бесчисленное множество фруктов — таков был пир, который фараон давал по случаю праздника Опет. Более сотни искусно составленных букетов украшали столы, сидя за которыми приглашенные восхваляли правление Рамсеса и царящие в Египте порядок и благоденствие.

Пазаир и Нефрет получали поздравления от придворных: судья — за мужество, которое он проявил в деле Кадаша, Нефрет — по поводу недавнего назначения на пост старшего лекаря царства. После того как преступник Кадаш был смещен, члены совета единогласно проголосовали за нее. Никому не хотелось вспоминать о полководце Ашере, до сих пор не найденном, и об убийстве Беранира, объяснения которому тоже не было, так же как и загадочному исчезновению ветеранов из почетной стражи сфинкса. Эти проявления дружеских чувств оставили судью равнодушным; Нефрет, чья красота и обаяние тронули самые черствые сердца, тоже отнеслась к ним спокойно — она не в состоянии была забыть ужас и смятение в глазах девочки, чье сердце и тело были ранены навсегда.

Безопасность на приеме обеспечивал верховный страж Кем. Сопровождаемый своим павианом, он внимательно наблюдал за каждым, кто приближался к судье, и был готов вмешаться в любую минуту, если он сам или Убийца почувствуют необходимость в этом.

— Вас можно назвать четой года, — заявил Денес. — Привлечь к ответственности столь высокопоставленное лицо — это настоящий подвиг, возвышающий наше правосудие; а то, что такая женщина, как Нефрет, отныне возглавляет сообщество лекарей страны, делает ему честь.

— Не надо преувеличивать.

— Вы оба обладаете даром преодолевать обстоятельства.

— Что-то я не вижу здесь госпожи Нанефер, — удивилась Нефрет.

— Она плохо себя чувствует.

— Я желаю ей скорейшего выздоровления.

— Нанефер вам очень признательна за эти знаки внимания. Могу я поговорить с вашим мужем с глазу на глаз?

И Денес увлек судью в беседку, где подавали свежее пиво и виноград.

— Мой друг Кадаш — неплохой человек, но назначение старшим лекарем заставило его потерять голову. Он напился и повел себя неподобающим образом.

— Ни один из присяжных не высказался в его защиту; вы тоже молча проголосовали за

смертную казнь.

— Закон суров, но он учитывает такую вещь, как раскаяние.

— Кадаш ничуть не раскаивается.

— Он впал в отчаяние.

— Напротив, он держится самоуверенно и даже угрожает.

— Он и вправду потерял голову.

— Просто он верит, что ему удастся избежать высшей меры наказания.

— Дата приведения приговора в исполнение уже назначена?

— Трибунал визиря отверг апелляцию и утвердил приговор. Через три дня начальник стражи даст приговоренному яд.

— Вы употребили слово «угрожать».

— Кадаш дал понять, что не уйдет в небытие в одиночестве. Он обещал, что перед тем, как выпить смертельный напиток, расскажет мне о своих сообщниках.

— Бедный Кадаш! Быть вознесенным так высоко и упасть так низко... Эта катастрофа вызывает печаль и сожаление, не правда ли? Я прошу вас по возможности облегчить его последние мгновения.

— Кем вовсе не бесчувственный палач.

— Но спасти Кадаша может лишь чудо.

— Можно ли простить такое преступление?

— До скорой встречи, господин судья.

* * *

Нефрет предстала перед членами совета лекарей. Ее противники задали ей тысячу сложных вопросов, в самых разных областях профессии. Ошибок в ее ответах почти не было, и ее назначение на высокий пост было утверждено.

После смерти Небамона большое количество дел, касавшихся целительства, лежало без движения. Тем не менее, Нефрет попросила предоставить ей отсрочку, чтобы она смогла подготовить себе преемника в главной лечебнице. Ее новые функции показались ей столь сложными, что у нее возникло желание убежать, спрятаться где-нибудь в глухой деревушке и работать там простым лекарем, быть рядом со своими больными, наблюдать за их выздоровлением. Ей казалось, что она не готова руководить целой армией опытных лекарей и влиятельных придворных, управляться с целой армией писцов, наблюдающих за производством и распределением лекарственных средств, принимать решения, касающиеся благополучия населения. Когда-то она занималась одной деревней, сегодня на нее легла ответственность за целое царство, столь могучее, что им восхищались как друзья, так и враги. Нефрет мечтала о том, чтобы уехать с Пазаиром, укрыться в маленьком домике в Верхнем Египте, и там, глядя на холмы и скалы Западных Фив, наслаждаться мудростью и целесообразностью смены дня и ночи.

Ей очень хотелось поделиться своими мечтами с Пазаиром, но когда он вернулся с работы, на него невозможно было смотреть.

— Прочти этот указ. — Он протянул ей прекрасно выделанный папирус с печатью фараона. — Прочти вслух, прошу тебя.

— Я, Рамсес, хочу, чтобы небо и земля пребывали в радости. Чтобы те, кто прячется,

вышли на свет, чтобы никто не страдал от совершенных ошибок, чтобы узники покинули свои узилища, чтобы зачинщики беспорядков успокоились, пусть на улицах поют и танцуют. Это амнистия?

— Всеобщая амнистия.

— Такое когда-нибудь было?

— На моей памяти нет.

— Почему фараон принял такое решение?

— Не знаю.

— Кадаша это тоже коснется?

— Амнистия касается всех, — повторил потрясенный Пазаир. — Преступление Кадаша забыто, Ашера уже никто не ищет, убийц оставили в покое, процесс против Денеса заброшен.

— Ты не сгущаешь краски?

— Это поражение, Нефрет. Полное и окончательное поражение.

— Может быть, тебе обратиться к визирю?

* * *

Кем открыл дверь камеры. Кадаш выглядел спокойным.

— Ты пришел меня освободить?

— Откуда ты знаешь?

— Это было неизбежно. Хорошие люди всегда торжествуют.

— Объявлена всеобщая амнистия.

Кадаш отступил. Взгляд нубийца был свиреп.

— Не поднимай на меня руки, Кем! По отношению к тебе никакого снисхождения не будет.

— Когда ты предстанешь перед Осирисом, он заткнет тебе рот. Демоны, вооруженные ножами, искромсают твоё тело в клочья.

— Оставь при себе эти детские сказки! Ты обращался со мной неуважительно, ты позволил себе оскорбления в мой адрес. Тем хуже для тебя... Ты пропустил свой шанс, и твой друг Пазаир тоже. Пользуйся своим положением, ты не долго останешься на этом посту.

* * *

Визирь Баги опаздывал. Постоянное чувство усталости, опухшие руки и ноги и боли в спине заставили его воспользоваться услугами носильщиков, которые должны доставить его к месту службы. Как всегда, его ожидало большое количество высоких чиновников, которые хотели поговорить с ним, рассказать о своих проблемах и узнать его мнение. Несмотря на то, что Пазаир не записывался к нему на прием, визирь принял его первым.

Судья не мог сдержать своего гнева.

— Эта амнистия невозможна.

— Прощу вас выбирать слова, старший судья. Указ подписан лично фараоном.

— Мне трудно в это поверить.

— Тем не менее, это так.

— Вы его видели?

— Он сам продиктовал мне этот текст.

— И вы никак не отреагировали?

— Я не скрыл от него своего удивления и непонимания.

— И это его не смутило?

— Рамсес не был склонен вступать в спор.

— Нельзя допустить, чтобы такой негодяй, как Кадаш, избежал наказания!

— Амнистия касается всех, судья.

— Я отказываюсь исполнять ее.

— Вы обязаны подчиниться, как и я.

— Как можно принять такую несправедливость?

— Я стар, вы молоды. Моя жизнь подходит к концу, ваша только начинается. Каково бы ни было мое мнение, я обязан молчать и подчиняться. А вы — не совершать глупостей.

— Мое решение принято — при любых обстоятельствах.

— Кадаш отпущен на свободу, его приговор отменен.

— А Ашер, вероятно, снова займет свой пост?

— Его злоупотребления забыты. А если он сумеет все объяснить, то сохранит свое положение.

— Не прощен только убийца Беранира, потому что его так и не нашли!

— Мне тоже горько все это видеть, но у фараона, видимо, были основания так поступить.

— Его мотивы мне неинтересны.

— Тот, кто восстает против царя, восстает против самой жизни.

— Вы правы, визирь Баги. Поэтому я не могу больше оставаться в этой должности. Завтра я подам вам заявление о моей отставке. С этого момента я больше не старший судья.

— Не торопитесь, Пазаир.

— А вы на моем месте действовали бы по-другому?

Баги промолчал.

— Мне остается лишь попросить вас об одном одолжении.

— Пока я визирь, я сделаю для вас все, что в моих силах.

— Моя просьба противоречит правосудию, которое нам с вами так дорого. Оставьте Кема на посту начальника стражи.

— Я так и хотел сделать.

— А что будет с Нефрет?

— Кадаш сошлется на то, что был избран раньше нее, и подаст в суд, чтобы вернуть себе пост старшего лекаря.

— Он может не волноваться; моя жена не намерена бороться с ним. Мы с ней уезжаем из Мемфиса.

— Как это все ужасно!

Пазаир представлял себе, как Денес пирует со своими приятелями. Удивительный указ фараона полностью восстанавливал их репутацию. Чтобы оставаться уважаемыми людьми, им нужно только не совершать необдуманных поступков и продолжать вести к цели свой заговор, корни которого так и остались неизвестными Пазаиру — теперь уже навсегда. Скоро появится и полководец Ашер, и он, конечно же, сумеет объяснить свое отсутствие. А что же Сути, где он сейчас и жив ли? Пазаир чувствовал себя разбитым, полным отворачивания ко всему, а вокруг него летали ласточки. Их становилось все больше и больше. И вот уже сотня птиц с радостным щебетом кружилась вокруг, касаясь его крыльями. Наверное, они благодарили его за то, что он спас одну из них? Прохожие на улице останавливались, тронутые этим необычным зрелищем; им приходила на ум поговорка: «Кого любят ласточки, того любит царь». Стремительные, грациозные, жизнерадостные, птицы сопровождали Пазаира до дверей его дома, подбадривая легкими касаниями шелковистых серо-голубых крыльев.

Нефрет сидела на краю пруда с лотосами, над которым резвились синицы. На ней было легкое прозрачное платье, сквозь которое просвечивала грудь. Подойдя к ней, Пазаир почувствовал нежный запах духов.

— Нам только что привезли свежие благовония, — объяснила она, — и я приготовила кремы и душистые масла на следующий месяц. Я видела утром, что твой запас подошел к концу, и поспешила исправить.

Ее тон был шутливым. Пазаир поцеловал жену в шею, разделся и сел на траву. У ног Нефрет стояли вазы из камня. Здесь был фимиам, коричневая прозрачная смола, собираемая с деревьев; небольшие красные кусочки мирры, привезенной из Пунта; сок зеленого гальбанума, который добывается в Персии, и темная смола ладана, закупленная в Греции и на Крите. В нескольких флаконах находились цветочные эссенции. С помощью оливкового масла, меда и вина лекари составляют из этих ингредиентов нужные им тонкие сочетания.

— Я подал в отставку, Нефрет. По крайней мере, мне больше нечего бояться, потому что у меня нет никакой власти.

— Что сказал визирь?

— Только одно: содержание царского указа не обсуждается.

— Как только Кадаш потребует своего восстановления на посту старшего лекаря, мы уедем из Мемфиса. Закон будет на его стороне, ведь так?

— Увы, именно так.

— Не грусти, дорогой мой. Наша судьба в руках бога, а не в наших. Это исполняется его воля, а не наша. Но наше счастье мы можем построить сами. Я спокойна: жить с тобой под кроной столетней пальмы, лечить бедных, любить друг друга — разве это не прекрасная судьба?

— Но как забыть Беранира? И Сути... Я все время думаю о нем. В душе у меня пожар, я фыркаю, как осел.

— Оставайся таким всегда.

— Но я не смогу предложить тебе большой дом и такие красивые платья.

— Я без них обойдусь. А это надо снять сейчас же.

Нефрет спустила бретельки платья. Нагая, она накрыла тело мужа своим, их плоть стала одним целым, а губы слились в таком страстном порыве, что они содрогнулись, несмотря на теплые лучи заходящего солнца. Шелковистая кожа Нефрет была раем, где царил один закон — наслаждение. Пазаир тонул в ее плоти, опьянявшей его, и волны счастья уносили обоих.

— Еще вина! — вопил Кадаш.

Служащий поспешил выполнить заказ. С тех пор как хозяин вернулся, он без остановки кутил с двумя молодыми сирийцами. Зубной лекарь поклялся себе больше никогда не прикасаться к девочкам. До своего неудачного приключения он почти не интересовался однополый любовью, но отныне решил переключиться на красивых мальчиков, которых, когда они надоедают, можно сдать стражникам.

А вечером он отправится на встречу заговорщиков, организованную Денесом. Анонимное письмо, отправленное ими Рамсесу, дало ожидаемые результаты. Попав в ловушку, царь был вынужден уступить их требованиям и объявить всеобщую амнистию, благодаря чему преступление судовладельца затерялось в огромном количестве других. Единственный неприятный момент — возможное появление полководца Ашера, который им уже абсолютно не нужен. Впрочем, Денес сумеет от него отделаться.

Поглотитель теней проник в поместье Кадаша через сад. Чтобы не оставлять следов на песчаных аллеях, он прошел по каменному бордюру и залез в кухню. Притаившись под окном, он слушал разговор двух слуг.

— Я несу им уже третий кувшин вина.

— А четвертый не понадобится?

— Скорее всего, да. И старик, и мальчишки пьют, как солдаты, прошедшие через пустыню. Ну, я пошел, а то он разозлится.

Виночерпий откупорил кувшин вина, привезенного из города Имау, что в Дельте, на котором был ярлык «Пятый год правления Рамсеса». Это было пьянящее красное вино, с долгим послевкусием, от которого человек терял голову. Приготовив напиток, слуга вышел из кухни и справил у ограды малую нужду.

Поглотитель теней воспользовался этим моментом, чтобы сделать то, за чем пришел: в кувшин с вином он бросил яд, приготовленный из растительных экстрактов и змеиного яда. Кадаш начнет задыхаться, его тело изогнется в конвульсиях, а потом он умрет, так же как и его молодые дружки-иноземцы, которых, скорее всего, и обвинят в преступлении. И никто не захочет копаться в подробностях этого грязного дела.

В то время как зубной лекарь, после долгой и мучительной агонии, отдавал душу демонам преисподней, Денес нежился в объятиях прекрасной нубийки с круглой попкой и тяжелыми грудями. Он видел ее в первый и последний раз в жизни, но пользовался ею с присущей ему жадностью и грубостью. Разве женщины не были существами, специально созданными для того, чтобы улаживать мужчин?

Судовладелец сожалел о своем друге Кадаше. В отношении его он всегда вел себя

безупречно. Разве не он обеспечил ему место старшего лекаря, обещанное с самого начала заговора? Увы, зубной лекарь сильно сдал. Впадая в старческий маразм, он совершал ошибку за ошибкой и, в конце концов, стал опасен. Угрожая тем, что он даст показания судье Пазаиру, Кадаш фактически подписал себе смертный приговор. Денес предложил сообщникам воспользоваться услугами поглотителя теней, и те согласились. Да, им будет не хватать своего человека на посту старшего лекаря; но эту потерю компенсировала ожидаемая отставка судьи Пазаира, которая была пределом их мечтаний. С их пути будет убрано последнее препятствие.

Пора было приступать к реализации конечной цели заговора: вначале завладеть постом визиря, а потом и высшей властью в стране.

Порывистый ветер гулял по некрополю Мемфиса, по которому Пазаир и Нефрет шли к вечному приюту Беранира. Прежде чем покинуть большой город и уехать на юг, они хотели последний раз поклониться могиле учителя, ушедшего при ужасных обстоятельствах, и заверить его, что, несмотря на их малые возможности, они не откажутся от попыток найти убийцу.

Нефрет повязала поверх платья пояс из аметистовых бусин, подаренный ей мужем. Бывший старший судья царского портика, которого била легкая дрожь, был одет в шерстяную накидку. По дороге им встретился жрец, ухаживающий за усыпальницей и садом, — этот пожилой старательный человек получал от городской управы хорошее жалованье за то, что поддерживал в должном состоянии захоронения и собирал пожертвования.

Душа умершего, принявшая форму птицы, напившись новой энергией в лучах небесного светила, присела, чтобы утолить жажду, на край бассейна со свежей водой, расположенного в тени деревьев.

Пазаир и Нефрет преломили хлеб и разделили вино в память о своем учителе, незримо присутствовавшем на их скромной трапезе.

* * *

— Мы должны набраться терпения, — убеждал Бел-Тран. — Видеть, как вы покидаете Мемфис, для меня несказанное огорчение.

— Мы с Нефрет хотим простой и спокойной жизни.

— Но вы не сделали еще и сотой доли того, что могли бы, — сожалела Силкет.

— Сопротивляться судьбе — это значит проявлять гордыню.

В свой последний вечер в Мемфисе судья с женой приняли приглашение распорядителя государственной казны и его супруги. Бел-Тран, у которого случился приступ крапивной лихорадки, обещал прислушаться к совету Нефрет, последить за своей ослабленной печенью и начать вести более здоровый образ жизни. Тем более что рана на ноге все не заживала и часто мокла.

— Пейте больше воды, — советовала она, — и попросите вашего будущего лекаря выписать вам дренирующие средства. Ваши почки не справляются.

— Когда-нибудь у меня, возможно, будет время заниматься собой. Но сегодня казначейство ставит передо мной массу проблем, которые необходимо решать срочно, не забывая при этом ни интересов государства, ни нужд людей.

Слова Бел-Трана прервало появление его сына. Мальчик обвинил сестру в том, что она стащила у него кисточку, которой он учился выводить красивые иероглифы, чтобы быть таким же богатым, как папа. Рыжая девчушка, возмущенная обвинениями, пусть и справедливыми, отвесила брату оплеуху и расплакалась. Силкет, как заботливая мать, увела детей, постаравшись положить конец ссоре.

— Теперь вы видите, Пазаир, как нам нужен судья!

— Боюсь, следствие будет очень сложным.

— Вы выглядите спокойным, я бы сказал, даже счастливым, — удивился Бел-Тран.

— Это видимость: не будь Нефрет, я бы впал в самое черное отчаяние. Амнистия похоронила все мои надежды увидеть торжество справедливости.

— Остаться один на один с Денесом мне тоже не улыбается. Боюсь, что при другом старшем судье между нами начнутся конфликты.

— Положитесь на визиря Баги; слабого человека он на этот пост не назначит.

— Поговаривают, что он тоже собирается подать в отставку.

— Решение фараона произвело на него такое же впечатление, как и на меня, а здоровье у него отнюдь не железное. И все же почему Рамсес это сделал?

— Видимо, он верит в могущество милосердия.

— Но от подобных шагов его популярность может пострадать, — заметил Пазаир. — Народ опасается, что его магическая сила иссякла, и он теряет контакт с небесами. Выпустить на волю преступников недостойно правителя.

— Но до сих пор его правление было безупречным.

— Вы принимаете и оправдываете его решение?

— Фараон видит дальше, чем простые смертные.

— До амнистии я тоже так думал.

— Подумайте еще раз, Пазаир; государство нуждается и в вас, и в вашей супруге.

— Боюсь, что я не менее упряма, чем мой муж, — пошутила Нефрет.

— Какие аргументы нужны, чтобы вас убедить?

— Восстановить справедливость.

Бел-Тран наполнил кубки свежим вином.

— После моего отъезда не прекращайте, пожалуйста, поисков, — попросил Пазаир. — Я говорю о Сути. Кем будет вам помогать.

— Я обращусь в судебные инстанции. Но не разумнее было бы и вам остаться в Мемфисе, чтобы мы могли действовать вместе? Репутация Нефрет так прочна, что клиентура ей обеспечена.

— Мои финансовые возможности очень ограничены, и вы вскоре пожалели бы, что так обременили себя.

— Каковы ваши планы?

— Устроиться в каком-нибудь селении недалеко от Фив, на западном берегу Нила.

Уложив детей спать, Силкет вернулась и застала последние слова Нефрет.

— Откажитесь от этой затеи, прошу вас! Как вы можете покинуть ваших больных?

— В Мемфисе достаточно прекрасных врачей.

— Но вы — мой врач, которого я не на кого не променяю.

— Между нами, — серьезно сказал Бел-Тран, — не должно быть никаких счетов материального свойства. Каковы бы ни были ваши потребности, мы с удовольствием поможем вам.

— Мы вам очень признательны, но я больше не могу занимать высоких постов в государстве. Мои идеалы попорчены; и единственное, чего я хотел бы сегодня, — жить частной жизнью. Земля и животные — вот единственная правда; я надеюсь, что благодаря Нефрет сумерки не будут безысходно черны.

Эти слова были выстраданы, и после них спорить было бесполезно. Обе семейные пары любовались красотой сада, изяществом клумб, наслаждались качеством поданных за ужином блюд, отодвигая от себя мысли о том, что принесет с собой завтрашний день.

— Как ты себя чувствуешь, дорогая? — спросил Денес супругу, лежавшую на подушках.

— Отлично.

— Что сказал лекарь?

— Ничего, потому что я здорова.

— Я не понимаю...

— Знаешь басню о льве и крысе? Хищник поймал грызуна и собрался его сожрать. Но жертва взмолилась о пощаде: я такая маленькая, ты мной не наешься. А я тебе еще пригожусь. Лев проявил милосердие. Некоторое время спустя охотники заманили льва в сети, крыса перегрызла их, освободила хищника и вцепилась ему в гриву.

— Эту сказку знает любой школьник.

— Ты должен был вспомнить ее, когда изменял мне с госпожой Тапени.

Массивное лицо судовладельца исказила гримаса.

— Что ты придумываешь?

Нанефер с надменным видом поднялась с ложа. Ее душило холодное бешенство.

— Эта шлюха была твоей любовницей и теперь ведет себя как крыса из басни. Но она еще и охотник! Только она может освободить тебя от сетей, в которые сама же и заманила. Шантажистка! Вот к чему привело нас твое распутство!

— Ты преувеличиваешь.

— Нисколько, мой дорогой супруг. Хорошая репутация стоит дорого. У твоей любовницы длинный язык, и она легко может разрушить наше положение в обществе.

— Я заставлю ее молчать.

— Ты ее недооцениваешь. Лучше ей дать то, что она хочет, или мы превратимся во всеобщее посмешище.

Денес нервно вышагивал по комнате.

— Ты забыл, мой любимый, что супружеская неверность — серьезное преступление и даже настоящий порок, который карается по закону.

— Это не более чем легкий проступок.

— Сколько раз ты с ней встречался?

— Ты бредишь.

— Благородная дама рядом с тобой на приемах и более молодая в твоей постели! Не слишком ли, Денес? Я требую развода.

— Ты с ума сошла!

— Напротив, я разумна как никогда. Наше жилье останется мне, это была моя собственность, мое приданое. И земля тоже. И поскольку супружеская неверность на твоей совести, суд приговорит тебя к выплате средств на мое содержание. И вдобавок оштрафует.

Судовладелец стиснул зубы:

— Эти шутки не смешны.

— Твое будущее выглядит довольно мрачно, дорогой мой.

— Ты не имеешь права разрушать наше существование; разве мы плохо жили все эти годы? Ты пожалеешь об этом, когда остынешь. Нас слишком многое связывает.

— Это ты все разрушил. Развод — единственный выход.

— Ты представляешь себе, какой будет скандал?

- Пусть лучше так, чем стать посмешищем. И скандал ударит по тебе, а не по мне; я же, напротив, буду выглядеть жертвой.
- Это бессмысленная затея. Прости меня, и пусть все останется по-прежнему.
- Ты унизил меня, Денес.
- Я этого не хотел, ты же знаешь. Мы слишком тесно связаны, дорогая; если ты разоришь меня, то и для тебя это будет началом конца, наши дела так тесно переплетены, что разрыв невозможен.
- Наши дела известны мне лучше тебя. Ты красуешься, а работаю я.
- Не забывай, что у меня прекрасные перспективы. Разве ты не хочешь разделить их со мной?
- Говори яснее.
- Над нами пронеслась буря, моя милая; в какой семье их не бывает?
- Я полагала, что буду избавлена от подобных неурядиц.
- Предлагаю заключить перемирие, чтобы обдумать все как следует. Поспешность только навредит. Такой хищник, как Тапени, была бы слишком рада разрушить то, что мы возводили с таким трудом.
- Говорить с ней будешь ты.
- А я хотел просить об этом тебя.

* * *

Северный Ветер уже поднялся на борт судна, отправлявшего в Фивы; осел жевал свежее сено, меланхолично поглядывая на реку. Проказница, зеленая обезьянка Нефрет, ускользнув от хозяйки, взобралась на мачту. Смелчак вел себя более сдержанно: видимо, его беспокоила перспектива долгого путешествия, и он старался держаться поближе к Пазаиру. Пес не был ценителем таких приключений, как морская качка, но готов был последовать за хозяином даже в бушующее море.

Сборы были недолгими; бывший старший судья царского портика оставил дом и всю мебель своему предполагаемому преемнику, которого Баги не торопился назначать, предпочитая сохранить это место вакантным до того момента, пока появится серьезная кандидатура. Перед тем как уйти на покой, старый визирь, таким образом, отдавал дань уважения Пазаиру, который, на его взгляд, этого вполне заслуживал.

Пазаир, как в бытность простым квартальным судьей, имел при себе только циновку, в руках у Нефрет была ее медицинская сумка. Пространство вокруг них было загромождено ящиками с горшками и кувшинами, которые отправлялись в путешествие вместе с чрезвычайно шумливыми торговцами: те во все горло нахваливали друг другу свой товар, который везли на большой рынок в Фивах.

Пазаира печалило только одно — отсутствие Кема. Видимо, нубиец не одобрял его решения об отъезде.

— Нефрет, Нефрет! Не уезжайте!

Молодая женщина обернулась. Запыхавшаяся Силкет схватила ее за руку.

— Кадаш... Он мертв!

— Что случилось?

— Ужас... Отойдем в сторонку.

Пазаир свел на пристань Северного Ветра и позвал Проказницу. При виде уходящей хозяйки обезьянка спрыгнула с мачты. Смелчак покинул судно с чувством удовлетворения.

— Кадаш и оба его молодых любовника-иноземца отравлены, — выпалила Силкет единым духом. — Слуга сообщил об этом Кему, который сейчас находится на месте происшествия. Один из его помощников предупредил Бел-Трана... И вот я здесь! Все перевернулось, Нефрет. Ваше избрание на пост старшего лекаря снова вступает в силу... Вы снова будете моим доктором!

— Вы уверены в том, что...

— Бел-Тран утверждает, что ваше назначение не может быть оспорено. Вы остаетесь в Мемфисе!

— Но нам негде жить, у нас...

— Муж уже нашел вам жилье.

Слегка растерянная, Нефрет взяла мужа за руку.

— У тебя нет выбора, — сказал он.

Смелчак залаял, и в его голосе послышались необычные нотки. Лай был совсем не злобный, напротив, в нем звучало радостное удивление. Внимание пса привлекло двухмачтовое судно, только что прибывшее из Элефантины. На носу стояли молодой человек с длинными волосами и блондинка с роскошными формами.

— Сути! — завопил Пазаир.

* * *

Пир устроили на скорую руку, но было великолепно. Бел-Тран и Силкет отмечали разом назначение Нефрет и возвращение Сути. Главным героем был, конечно, Сути со своими подвигами, подробности которых интересовали всех. Авантюрист рассказывал о том, как нанялся рудокопом, о жизни в раскаленном аду, о предательстве стражника пустыни, о встрече с полководцем Ашером и о том, как тот пытался сбежать за пределы Египта. А также о своем чудесном освобождении благодаря вмешательству Пантеры. Сама ливийка пила вино, смеялась и не сводила глаз со своего любовника.

Как и было обещано, Бел-Тран предоставил в распоряжение Пазаира маленький домик на северной окраине города, где он сможет жить с женой до того момента, пока ей не дадут служебного жилья. Пара тут же пригласила под свой кров Сути с Пантерой. Увидев постель, ливийка рухнула на нее и мгновенно заснула. Нефрет удалилась в свою спальню, а мужчины поднялись на оборудованную на крыше террасу.

— Ветер не такой теплый, а в пустыне ночи иногда бывают просто ледяными.

— Я ждал от тебя весточки.

— Невозможно было ничего переслать, а если ты мне присылал письмо, то я его не получил. Во время обеда я не очень хорошо понял: Нефрет действительно теперь старший лекарь царства, а ты и вправду больше не старший судья царского портика?

— Ты все правильно понял.

— Тебя прогнали?

— Откровенно говоря, нет. Я ушел сам.

— Этот мир разочаровал тебя?

— Рамсес объявил всеобщую амнистию.

- И все преступники в белых одеждах...
- Лучше не скажешь.
- Твоя вера в справедливость разлетелась вдребезги.
- Никто не понял, зачем он это сделал.
- Здесь важнее результат.
- Я должен тебе признаться в одной вещи.
- Серьезной?
- Боюсь, что да. Я подумал, что ты меня предал.

Сути весь подобрался, готовый взорваться.

- Я пробью тебе голову, Пазаир.
- Это будет справедливо, но то же самое можно сделать и с тобой.
- За что?
- За то, что ты солгал мне.

— Это наш первый разговор в спокойной обстановке. Я вовсе не обязан исповедоваться перед этим богатеньким Бел-Траном и его расфуфыренной супругой. Ты — другое дело, и тебе я скажу всю правду.

— Как могло случиться, что ты упустил след полководца Ашера? Твой рассказ представляется правдоподобным до того момента, как ты на него наткнулся. В то, что произошло дальше, я не верю.

— Ашер и его подручные пытались покончить со мной, рассчитывая, что я умру медленной, мучительной смертью. Но пустыня помогла мне, а Пантера оказалась моей спасительницей. Когда я окончательно потерял мужество, меня выручила наша дружба.

- Освободившись, ты начал преследовать полководца. Каковы были его планы?
- Уйти в Ливию через южную границу.
- Ловко. А кто были его сообщники?
- Стражник... И опытный рудокоп.
- Тоже мертвы?
- С пустыней шутки плохи.
- Что нужно было Ашеру в этой глуши?
- Золото. С этим богатством он надеялся жить припеваючи у своего друга Адафи.
- И ты убил его, так?
- Его трусость и подлость не имеют границ.
- Пантера это видела?
- Более того. Это она его приговорила: она дала мне стрелу, а я выстрелил.
- Ты закопал его?
- Его саваном будет песок.
- Ты не дал ему шанса...
- Ты считаешь, он его заслуживал?
- Значит, brave полководец не воспользуется амнистией...

— Ашер был осужден, я привел в исполнение приговор, который должен быть ему вынесен по закону пустыни.

— Ты с этим не мешкал.

— И мне полегчало. Я часто вижу во сне лицо человека, которого он мучил и, в конце концов, убил: теперь оно стало умиротворенным.

— А что с золотом?

— Это военный трофей.

— Расследования не боишься?

— Но ведь вести его будешь не ты.

— Тебя станет допрашивать начальник стражи, а Кем — человек прямой и договориться с ним не удастся. Он потерял свой нос как раз в истории с кражей золота, за которую его несправедливо обвинили.

— Но это же твой человек?

— Пойми, Сути, я больше никто.

— Зато я богат! Упустить такой шанс было бы непростительной глупостью.

— Золото предназначено для богов.

— У них его вдоволь.

— Ты ввязываешься в опасную историю.

— Все самое опасное уже позади.

— Ты хочешь уехать из Египта?

— Вовсе нет, я хочу помогать тебе.

— Я всего лишь простой деревенский судья, у меня нет прежней власти.

— Но ты должен довести дело до конца.

— У меня нет возможности продолжать.

— Ты готов растоптать свои идеалы и забыть о смерти Беранира?

— Скоро начнется процесс Денеса; это будет важный этап в продвижении к истине.

— Написанное тобой обвинительное заключение отправлено в архив, но можно найти что-то еще?

— Что ты имеешь в виду?

— Моя приятельница Сабабу вела интимный дневник. Я уверен, что там можно найти потрясающие подробности; полагаю, что это могло бы тебе помочь.

— Пока Нефрет не приступила к своим новым обязанностям, ты должен пройти у нее обследование. Твое приключение, должно быть, оставило свои следы.

— Я очень надеюсь, что она поставит меня на ноги.

— А Пантера?

— Она ливийка, дочь пустыни, у нее здоровье как у скорпиона. Дай бог, чтобы она поскорее оставила меня в покое.

— Но ведь любовь...

— Она изнашивается быстрее, чем медь. А я предпочитаю золото.

— Если ты отдашь его в храм в Коптосе, то получишь премию.

— Ты шутишь. Это же гроши по сравнению с тем, что у меня есть сейчас. Пантера хочет богатства. Пойти на поиски золота и вернуться с победой... Разве это не потрясающее чудо? И поскольку ты усомнился во мне, я требую сурового наказания.

— Я готов.

— Давай исчезнем на пару дней. Поедем удить рыбу в Дельту. Я умираю от желания видеть воду, купаться, валяться на сочной, зеленой траве, плавать в лодке по болотам!

— Но Нефрет вступает в должность...

— Я знаю твою жену: она не станет возражать и даст нам свободу.

— А Пантера?

— Если ты поедешь со мной, она будет спокойна. И поможет Нефрет подготовиться к церемонии; Пантера отлично причесывает и укладывает парики. А мы вернемся с огромным

количеством рыбы!

Доктора общей практики, зубные и глазные лекари, другие специалисты-медики собрались, чтобы присутствовать при вступлении Нефрет в должность. Церемония происходила на просторном дворе под открытым небом напротив храма богини Сехмет, которая, как считалось, насылала болезни и в то же время открывала лекарям средства для их излечения. Руководил происходящим торжеством визирь Баги, выглядевший чрезвычайно утомленным. То обстоятельство, что на верху медицинской иерархии окажется женщина, не шокировало египтян, хотя коллеги-мужчины позволяли себе легкую критику в ее адрес за уступчивость и недостаточную твердость характера.

Пантера оказалась настоящей искусницей. Мало того, что она сделала Нефрет прическу, она озаботилась также и ее туалетом; молодая женщина предстала перед присутствовавшими в длинном платье из ослепительно белого льна. Обрамлявшее шею широкое ожерелье из сердолика, браслеты из лазурита на запястьях и щиколотках придавали виновнице торжества величественный вид, производивший на зрителей сильное впечатление, несмотря на несколько контрастировавший с ним ее кроткий взгляд и легкую изящную фигуру.

Старейшина корпуса лекарей накинул на Нефрет шкуру пантеры в знак того, что если жрец во время ритуала возрождения должен вдохнуть жизнь в царскую мумию, то ее долгом отныне станет возрождение жизненной силы великой нации египтян. Он вручил ей печать старшего лекаря — символ ее власти над коллегами, и письменные принадлежности, которыми она будет пользоваться при составлении указов, касающихся здоровья нации и исцеления, передаваемых на подпись визирю.

Произнесенная Баги официальная речь была краткой; он перечислил обязанности старшего лекаря и призвал Нефрет уважать волю богов, что поможет ей обеспечить благополучие простых смертных. Когда его супруга стала давать клятву, судья Пазаир отошел в сторону, чтобы никто не видел его слез.

* * *

Несмотря на испытываемые им боль и страдания, о которых догадывался только Кем, павиан быстро выздоравливал. Его лечением занималась Нефрет, и глубокие раны затягивались, не оставляя следов. Большая обезьяна снова начала есть с аппетитом и вскоре смогла приступить к обычному обходу территории.

Пазаир и Убийца дружески обнялись.

— Я обязан ему жизнью и никогда этого не забуду.

— Не надо его баловать, — сказал Кем. — Он может расслабиться и будет больше подвержен опасностям. У вас все спокойно?

— Теперь, когда я подал в отставку, мне уже ничего не угрожает.

— Чем вы собираетесь заняться?

— Я получу место в пригороде, и буду заниматься делами простых людей. Если возникнут какие-то проблемы, я сообщу вам.

— Вы все еще верите в справедливость?

— Вы оказались правы, но мне горько это признавать.

— Я тоже хочу заняться чем-нибудь другим.

— Умоляю вас, не бросайте вашу работу. По крайней мере, преступники будут задержаны и безопасность обеспечена.

— Ровно до следующей амнистии... Меня все это не удивило, но мне больно за вас.

— В этой ситуации, даже если наши возможности скромны, мы будем делать то, что должны. Больше всего, Кем, я боялся, что вы не одобрите мои действия.

— Я страшно расстроился, что из-за дела Кадаша не смогу вас проводить.

— Каково ваше мнение об этом деле?

— Тройное отравление. Но кто виновник? Двое молодых людей были сыновьями бродячего актера. Погребальная церемония прошла быстро, на ней никто не присутствовал, кроме жрецов. Это самое мрачное дело из всего, чем мне приходилось заниматься. Тела не останутся в Египте, их передадут в Ливию, учитывая происхождение Кадаша.

— Видимо, там был кто-то четвертый, кто и совершил злодеяние?

— Это мог быть тот, кто охотился за вами?

— Во время праздника Опет Денес расспрашивал меня о том, как держался в тюрьме его друг Кадаш. И я рассказал ему, что он обещал мне, перед тем как выпьет яд, раскрыть истину.

— То есть Денес убрал неудобного свидетеля...

— Но почему так жестоко?

— Слишком крупная идет игра. Конечно, Денес воспользовался услугами какого-то наемного убийцы, и я постараюсь его найти. Мой павиан уже здоров, и мы будем действовать вместе.

— Меня мучает одна деталь: Кадаш был уверен, что избежит смертной казни.

— Он надеялся, что его выручит Денес.

— Наверное, но он вел себя так нагло... как будто предвидел будущую амнистию.

— Утечка сведений?

— Но тогда я бы об этом знал.

— Не обольщайтесь; наоборот, вы бы узнали все в последнюю очередь. Всем известны ваше упорство и неуступчивость, а ведь процесс Денеса получил бы оглушительный резонанс.

В голове у Пазаира крутилась ужасная мысль, которую его мозг отказывался рассматривать: сговор между Рамсесом Великим и Денесом, разложение на самом верху, земля, любимая богами, отдана на растерзание алчным злодеям.

Кем почувствовал волнение судьи.

— Понять все мы сможем, только зная факты. Поэтому я и хочу пойти по следу, который должен привести к тому, кто угрожал вам. Он может рассказать много интересного.

— Теперь ваша очередь быть осторожным, Кем.

* * *

Хромой был одним из самых знаменитых торговцев на черном рынке Мемфиса, который разворачивался на заброшенной пристани в те дни, когда в порт приходили суда, груженные самым различным товаром. Стража не спускала глаз с этих мест; писцы, занятые

сбором налогов, тоже не обходили их стороной.

В свои шестьдесят лет Хромой мог бы давно спокойно жить в собственном поместье на берегу реки, но его рискованная коммерция доставляла ему большое удовольствие, особенно если удавалось надуть какого-нибудь доверчивого простака. Его последней жертвой стал чиновник казначейства, любитель эбенового дерева. Польстив тщеславию покупателя, Хромой продал ему мебель из самого дешевого материала, выдав его за дерево ценной породы. Подделка, правда, была искусная.

Наклеывалось и другое дельце: еще один богатый любитель хотел приобрести коллекцию нубийских щитов, принадлежавших одному из самых воинственных племен. Крупно рисковать, чувствовать дыхание опасности было восхитительным ощущением, за которое можно дорого заплатить. Зная наперечет всех местных ремесленников, Хромой заказал у них фальшивые щиты, которые, впрочем, выглядели гораздо внушительнее подлинных. Ему осталось лишь подвергнуть их специальной обработке, чтобы они производили впечатление оружия, прошедшего через самые жестокие битвы.

У него на складе хранилось множество подобных чудес, которым он умел придавать особый шарм. Он имел дело только с крупными клиентами, особенно любил тех, кто не стеснен в средствах и не особенно умен. Открывая засовы, он смеялся, думая о том, что ему предстоит завтра.

В тот момент, когда он запирает дверь, ему на плечи свалилась черная шкура какого-то животного. Запутавшись в ней, Хромой завопил, упал и стал звать на помощь.

— Не ори так громко, — сказал Кем, немного отодвигая шкуру, чтобы тот мог дышать.

— А, это ты... что ты здесь делаешь?

— Узнаешь эту шкуру?

— Нет.

— Не ври.

— Я говорю правду.

— Ты один из лучших моих соглядатаев, — признал нубиец. — Но в данном случае я обращаюсь к тебе как к торговцу. Кому ты продал огромного самца павиана?

— Я не торгую животными.

— Такая обезьяна вполне могла работать в страже. Только такой мошенник, как ты, мог отважиться на незаконную сделку подобного масштаба.

— Это клевета.

— Я знаю, какой ты жадный.

— Это не я!

— Убийца раздражен твоим упрямством.

— Я ничего не знаю.

— Ну, тогда тебе придется иметь дело с ним.

Хромой исчерпал весь запас своих отговорок.

— Я слышал о каком-то огромном павиане, которого поймали в районе Элефантины. Дельце перспективное, но не для меня. Я только предоставил судно.

— И немало за это содрал, я полагаю.

— Мороки и расходов тоже было немало.

— Жалеть тебя я не стану. Меня интересует только одно: кому ты передал обезьяну?

— Это дело очень деликатное...

Павиан, теряя терпение, начал скрести лапой землю.

- Ты меня не выдашь?
- Мой Убийца не болтлив.
- Никто не должен знать о том, что я тебе говорю. Сходи к Коротконогому.

* * *

Этот персонаж носил свою кличку заслуженно: крупная голова, волосатая грудь и слишком короткие ноги, правда, крепкие и мясистые. В детстве и юности ему пришлось перетаскать огромное количество ящиков и корзин с фруктами и овощами, зато теперь он был хозяином и имел в своем подчинении сотню земледельцев, у которых скупал для продажи их продукцию. Помимо своего официального занятия, Коротконогий приторговывал по случаю всяким левым товаром.

При виде Кема и его обезьяны радости он не ощутил.

- Я не делаю ничего незаконного.
- А ты не любишь стражу.
- И еще меньше с тех пор, как ты стал ее начальником.
- Надо полагать, тебя мучает совесть?
- Задавай свои вопросы.
- Ты так торопишься все выложить?
- Твой павиан все равно меня заставит. Так чего тянуть.
- Вот как раз о павиане я хотел бы с тобой потолковать.
- Терпеть не могу этих чудовищ.
- Тем не менее, ты купил одного у Хромого.

Коротконогий явно смутился и сделал вид, что расставляет ящики.

- Мне было приказано.
- Кем?
- Одним странным типом.
- Его имя?
- Я не знаю.
- Тогда опиши его.
- Не могу.
- Это странно.

Человек, который попросил меня достать крупного самца павиана, был никакой, весь как бы стертый, без особых примет. На нем был парик, надвинутый на лоб так, что почти скрывал глаза, и бесформенное одеяние, скрывавшее тело. Я бы не смог узнать его, тем более что наш разговор был очень кратким. О цене он со мной не торговался.

- Какой у него голос?
- Странный. Держу пари, что он пытался его изменить. Должно быть, набрал в рот камешков или орехов.
- Ты видел его только один раз?
- Да.

След оборвался. Скорее всего, задание наемного убийцы само собой отменялось с отставкой Пазаира и смертью Кадаша.

Сабабу втыкала шпильки в свою прическу, вид у нее был заинтересованный.

— Неожиданный визит, судья Пазаир; вам придется потерпеть, пока я закончу причесываться. Вам понадобились мои услуги в такой ранний час?

— Услуги вряд ли; просто хотел с вами поговорить.

В помещении, отделанном с бросающейся в глаза роскошью, сильно пахло крепкими духами, от которых кружилась голова. Пазаир тщетно искал взглядом окно.

— Ваша супруга в курсе, куда вы направились?

— Я от нее ничего не скрываю.

— Ну что ж. Она женщина незаурядная и великолепный лекарь вдобавок.

— Я слышал, что вы ведете что-то вроде дневника.

— Это допрос? В каком качестве вы его ведете? Вы же больше не старший судья.

— Всего лишь скромный судебный чиновник. Вы вполне можете не отвечать мне.

— Кто рассказал вам о моем увлечении?

— Сути. Он убежден, что у вас есть сведения, которые могут поставить Денеса в затруднительное положение.

— Сути — отличный парень и великолепный любовник... Для него я это сделаю.

Мягким кошачьим движением Сабабу поднялась и скользнула за занавеску. Вернулась, держа в руках папирус.

— Вот документ, где я записывала причуды и капризы своих лучших клиентов, их извращенные желания, в которых трудно признаться. Когда читаешь это, теряешь веру в людей. Хотя в большинстве своем египетская знать все-таки занимается любовью, как то положено природой — не причиняя другому боли телесной или душевной. Ничего нового я вам не расскажу. Это прошлое заслуживает забвения.

И она разорвала папирус на мелкие кусочки:

— Вы даже не попытались мне помешать. А если я вам солгала?

— Я верю вам.

Сабабу посмотрела на судью алчным взглядом:

— Я не могу ни помочь вам, ни любить вас, и мне очень жаль. Сделайте Нефрет счастливой, думайте только о ее счастье, и вы проживете самую прекрасную жизнь.

Скользя вдоль него, Пантера ласкала нагое тело Сути, гибкое, как стебель папируса на ветру. Она останавливалась и вновь продолжала свое движение, пока, наконец, не припала к губам своего любовника.

Измученный этой медленной лаской, он положил конец этому страстному изысканию, резко опрокинув Пантеру на бок. Их ноги сплелись, они сжали друг друга в объятиях, испытав обжигающее блаженство. Оба знали, что это совершенство желания и его удовлетворения накрепко связывало их, но ни тот ни другой не хотели в этом признаться. Пантера была столь ненасытна, что одного объятия ей было мало; снова и снова своими сокровенными ласками она разжигала пламя в теле любовника. Молодой человек называл ее

«ливийской кошкой», напоминавшей богиню любви, ушедшую в западную пустыню в образе львицы и вернувшуюся ласковым домашним зверьком, которого, однако, невозможно приручить. Каждый жест Пантеры был полон сладострастия, обволакивающего и причиняющего страдание; она играла с Сути, как играют на лире, заставляя звучать ее струны в лад со своей чувственностью.

— Я поведу тебя завтракать в город. Один грек недавно открыл харчевню, где подают мясо, завернутое в виноградные листья, и белое вино из его страны.

— Когда мы пойдем забрать золото?

— Как только я смогу отправиться в такое путешествие.

— По-моему, ты уже совсем выздоровел...

— Заниматься с тобой любовью легко, во всяком случае, менее утомительно, чем шагать несколько дней по пустыне; мне нужно восстановить силы.

— Я пойду с тобой; без меня ты не сможешь.

— Как можно продать металл и не вляпаться в историю?

— Надо продать ливийцам.

— Ни за что. Попробуем найти покупателя в Мемфисе. Если не выйдет, поищем в Фивах. Это опасное предприятие.

— Но это так возбуждает! Богатство стоит того.

— Сажу мне, Пантера... что ты испытывала, когда убивала предателя-стражника?

— Я боялась, что промахнусь.

— Тебе доводилось раньше убивать?

— Я хотела спасти тебя, и мне это удалось. А если ты попытаешься меня бросить, я убью тебя.

* * *

Сути как будто заново открывал для себя Мемфис. Город удивлял его, сбивал с толку, казался незнакомым после долгой дороги в пустыне. В самом центре квартала Смоковницы пестрая толпа толкалась у входа в храм богини Хатхор, чтобы услышать глашатая, возвещавшего о датах грядущих праздников. Молодые рекруты отправлялись к месту службы, в свои отряды. Торговцы с ослами и повозками проталкивались к помещениям хранилищ, где получали свою порцию зерна и свежих продуктов. В порту «Счастливого путешествия» сновали лодки, напевая что-то, готовились к отплытию моряки.

Грек открыл харчевню в одной из улочек южной окраины, недалеко от того места, где находилась прежняя контора Пазаира. Когда Пантера и Сути подошли туда, они услышали ужасные крики.

По узкому переулку на огромной скорости неслась обезумевшая лошадь, запряженная в повозку, где сидела насмерть перепуганная, бросившая поводья женщина. Левым колесом телега задела за стену здания, ее тряхнуло, и женщина оказалась на земле. Прохожим удалось остановить эту безумную скачку.

Сути подбежал и склонился над выпавшей женщиной. Голова ее была в крови, казалось, она не дышала. Это была госпожа Нанефер.

Первую помощь оказали на месте, а потом пострадавшую отправили в лечебницу. Многочисленные ушибы, тройной перелом левой ноги, смятая грудная клетка, рана на затылке — спасти несчастную могло лишь чудо. Нефрет и еще два хирурга немедленно приступили к операции. Благодаря своей крепкой конституции Нанефер удалось избежать смертельного исхода, но передвигаться теперь она сможет только с помощью костылей.

Когда она пришла в сознание и смогла говорить, Кем попросил разрешения допросить ее вместе с Пазаиром.

— Судья пришел со мной как свидетель, — уточник начальник стражи. — Мне бы хотелось, чтобы при нашей беседе присутствовал магистрат.

— Зачем такие предосторожности?

— Потому что причины происшествия мне непонятны.

— Лошадь, запряженная в повозку, почему-то понесла... И мне не удалось с ней совладать.

— Вы умеете управлять такими повозками? — спросил Пазаир.

— Нет.

— В таком случае, что же произошло?

— Я поднялась в повозку, поводья должен был взять слуга. И вдруг какой-то предмет, наверное, кем-то брошенный камень, попал в лошадь. Она заржала, взвилась и понесла.

— Это похоже на покушение, не правда ли?

Нанефер, с перевязанной головой, выглядела растерянной.

— Невероятно.

— Я подозреваю, что это мог быть ваш муж.

— Это неслыханно!

— По-вашему, я ошибаюсь? За его достойной внешностью кроется мелкая и подлая натура, которая печется лишь о своей выгоде.

Нанефер казалась потрясенной. Пазаир продолжал.

— Есть также подозрения и в отношении вас.

— Меня?

— Убийца Беранира использовал перламутровую иглу. А вы великолепно умеете обращаться с такими иглами.

Нанефер поднялась и обвела комнату блуждающим взглядом.

— Это чудовищно... Как вы смеете выдвигать подобные обвинения?

— В ходе процесса, которому помешала амнистия, вам были бы предъявлены обвинения в незаконной торговле тканями, одеждой и другими текстильными изделиями. Разве одно преступление не тянет за собой другое?

— Почему вы так настроены против меня?

— Потому что ваш муж возглавляет преступный заговор. А вы для него — лучший соучастник.

Нанефер печально улыбнулась:

— Вы плохо осведомлены, судья Пазаир. До этого происшествия я собиралась с ним развестись.

— А теперь ваши намерения изменились?

- Целясь в меня, хотели попасть в Денеса. Я не брошу его в такую трудную минуту.
- Извините за резкость. Я желаю вам скорейшего выздоровления.

* * *

Двое мужчин присели на каменную скамью. Павиан был спокоен, что означало, что они нашли укромный уголок, где их никто не видит.

— Ваше мнение, Кем?

— Вопиющий случай хронической и неизлечимой глупости. Она не способна понять, что ее муж пытался избавиться от нее, потому что, разведясь с ним, она обрекала его на нищету. В этой семье всем владеет Нанефер. Денес и не догадывался, что его игра беспроигрышна при любом исходе. Или жена погибает от несчастного случая, или она становится его сообщницей! Большую идиотку среди нашей знати трудно найти.

— Приговор грубоват, — оценил Пазаир, — однако справедлив. Можно считать, что один факт мы установили: Беранира убила не она.

В середине зимы, которая выдалась холоднее других, Рамсес Великий отмечал праздник возрождения Осириса. За плодородием Нила, очевидным для всех, шло изобилие, побеждающее дух смерти; в каждом святилище были зажжены лампы, чтобы огонь возрождения сиял вечно.

Фараон отправился в Саккару; целый день он собирался с мыслями, созерцая пирамиду, а затем статую своего знаменитого предшественника Джосера.

Рамсес умолял своих предков, ставших звездами на небосводе, указать путь, который вывел бы его из темного оврага, куда ввергли правителя происки его невидимых врагов. Царское величие этого места, соединенное с прозрачной тишиной преображенной жизни, успокоило его; взгляд фараона наполнился игрой света на каменных ступенях гигантской многоярусной пирамиды — средоточия огромного некрополя.

На закате в его сердце родился ответ.

* * *

Кем не был человеком, созданным для того, чтобы сидеть на одном месте. С Сути он беседовал, прогуливаясь по берегу Нила.

— Странное приключение вы себе устроили. Вернуться живым из пустыни — на такое способен не каждый.

— Со мной была удача. Она защищает меня лучше любого божества.

— Это очень ветреная подружка, на нее не стоит особо рассчитывать.

— Быть осторожным — это очень скучно.

— Эфраим был завзятый плут. Его исчезновение вас не очень опечалило.

— Он бежал с полководцем Ашером.

— Стражники пустыни сбились с ног, но найти их так и не смогли.

— Они очень ловко прячутся. Я это заметил, когда сам скрывался от стражников.

— Вы просто волшебник, Сути.

— Это похвала или упрек?

— Ускользнуть из когтей Ашера — настоящий фокус. Как вам это удалось?

— Я сам не очень понимаю.

— Логичнее было бы, если бы он вас уничтожил, согласитесь. Другая странность: зачем полководцу понадобилось забираться туда, где расположены рудники?

— Вы спросите это у него, когда арестуете.

— Золото — это богатство высшего порядка, недостижимая мечта. Как и вы, Ашер не верит в богов; Эфраим знает расположение заброшенных шахт, и рассказал о них полководцу. Накопив золота, Ашер мог не бояться будущего.

— Он мне ничего такого не говорил.

— А у вас не возникло желания пойти с ним?

— Я был ранен, у меня не было сил.

— Я думаю, что это вы его уничтожили. Вы его так ненавидите, что готовы пойти на любой риск.

- Это слишком серьезный соперник для человека, находившегося в моем положении.
- Я видел такие ситуации. Силой воли можно заставить свое тело, даже истощенное, делать многое.
- Когда Ашер вернется, он подпадет под амнистию.
- Он не вернется. Его тело досталось ястребам и грызунам. А кости развеет ветер. Где вы спрятали золото?
- В моем распоряжении есть только удача.
- Украсть этот металл было бы непростительной ошибкой. Никому еще не удавалось спрятать украденное золото в горах. Верните его, пока ваша удача вас не покинула.
- Вы стали настоящим стражником.
- Я люблю порядок. Страна живет счастливо и процветает, если все существа и предметы находятся на своих местах. Место золота — в храме. Везите свою добычу в Коптос, и я никому ничего не скажу. Если нет, то считайте меня своим врагом.

* * *

Нефрет отказалась поселиться в доме Небамона, своего предшественника на посту старшего лекаря царства; это место, казалось ей, до сих пор наполняли вредоносные силы. Она предпочитала подождать, когда управляющие предоставят ей другое жилье, а пока довольствовалась скромным жилищем, куда приходила только ночевать.

Уже на второй день после ее вступления в должность различные подведомственные ей службы потребовали аудиенции из опасения впасть в немилость.

Нефрет успокоила всех и призвала нетерпеливых набраться выдержки. Прежде чем заняться новыми назначениями, она должна решить накопившиеся проблемы населения. Вначале она пригласила к себе ответственных за снабжение населения водой, затем принялась изучать список лечебниц и выяснила, что в некоторых из них не хватает самого необходимого. Соотношение между количеством лекарей широкого профиля и узких специалистов в разных частях страны показалось ей не отвечающим потребности. Среди первоочередных вопросов числились и ответы иноземным владыкам, просившим прислать египетских лекарей для ухода за знатными больными.

Понемногу молодая женщина начинала понимать масштаб свалившихся на нее задач. К этой огромной тяжести добавлялась и скрытая враждебность тех, кто после кончины Небамона занимался здоровьем Рамсеса; терапевт, хирург и зубной лекарь наперебой рекламировали свои профессиональные достоинства, утверждая, что царь ими вполне доволен.

Чтобы снять усталость, Нефрет любила ходить пешком. В лицо ее мало кто знал, тем более в кварталах, соседствовавших с царским дворцом, поэтому она шла, куда глаза глядят, и день ее профессионального испытания, наполненный ожесточенными спорами, постепенно отходил в прошлое.

Она удивленно взглянула на догнавшего ее Сути.

- Я должен поговорить с тобой с глазу на глаз.
- Без Пазаира?
- В данном случае да.
- Чего ты боишься?

— Мои подозрения очень неопределенны, но в то же время ужасны... Он может возмутиться понапрасну. Я хочу поговорить сначала с тобой; ты и рассудишь...

— Речь пойдет о Пантере?

— Как ты догадалась?

— Она занимает большое место в твоей жизни... кажется, ты влюблен в нее.

— Ты ошибаешься, нас связывает только чувственность. Но Пантера...

Сути колебался. Нефрет, любившая быструю ходьбу, замедлила шаг.

— Ты помнишь обстоятельства убийства Беранира? — спросил он.

— Ему воткнули в шею перламутровую иглу, место было выбрано так умело, что смерть оказалась мгновенной.

— Таким же способом Пантера убила стражника-предателя, только у нее был кинжал. А этот человек был настоящим великаном.

— Простое совпадение.

— Я надеюсь, Нефрет, от всей души надеюсь.

— Не мучай себя понапрасну. Я так хорошо чувствую душу Беранира, что могу тебе сказать сразу и с полной уверенностью. Пантера невиновна.

* * *

Нефрет и Пазаир ничего не скрывали друг от друга. С того момента, как любовь связала их, между ними установилось такое согласие, которого не могла замутить серая повседневность, не могли нарушить никакие неурядицы. И когда судья поздно ночью пришел в спальню, его жена, проснувшись, тут же рассказала ему о своем разговоре с Сути.

— Мысль, что он живет с женщиной, убившей Беранира, порождает в нем чувство вины.

— И давно он так мучается?

— Этот эпизод отпечатался в его памяти, и теперь его посещают кошмары.

— Глупо. Пантера даже не была знакома с Бераниром.

— Но кто-нибудь мог использовать ее преступные способности вслепую.

— Стражника она убила из любви к Сути; можешь его успокоить.

— Ты в этом абсолютно уверен?

— Я уверен и в нем, и в ней.

— Я тоже.

* * *

Приезд царицы нарушил распорядок дня. Управляющие из провинций, собравшиеся просить необходимые санитарные средства, склонили головы перед появившейся Туей.

Мать Рамсеса обняла Нефрет:

— Вы наконец-то заняли подобающее вам место.

— Я жалею о своей деревне в Верхнем Египте.

— У вас не должно быть ни сожалений, ни угрызений. Важно лишь то, что вы служите стране.

— Как ваше здоровье?

— Прекрасно.

— Но все же надо бы пройти обследование.

— Только для того, чтобы успокоить вас.

Несмотря на возраст и перенесенные недуги, царица выглядела хорошо. Нефрет, тем не менее, попросила ее продолжать прописанный ею курс лечения.

— Перед вами стоит непростая задача, Нефрет. Небамон обладал даром умело обходить острые вопросы и откладывать дела в долгий ящик; он окружал себя помощниками, лишёнными индивидуальности. Эти вялые, безынициативные и цепляющиеся за отжившее люди будут вам очень мешать. Инерция — серьёзный враг; не теряйте мужества.

— Как чувствует себя фараон?

— Он сейчас на севере, поехал проверять военные гарнизоны. По-моему, его очень беспокоит исчезновение полководца Ашера.

— Ваше прежнее взаимопонимание вернулось?

— Увы, нет! Иначе я бы поняла причину объявления этой смехотворной амнистии, которая так не понравилась народу. Рамсес устал, его власть слабеет. Великие жрецы Гелиополя, Мемфиса и Фив скоро собираются устроить праздник возрождения: все чувствуют, что это необходимо.

— Страна будет ликовать.

— В душе Рамсеса снова зажжется огонь, который помогал ему победить самых опасных врагов. Если вам понадобится моя помощь, обращайтесь без колебаний; теперь наши отношения приобрели официальный характер.

Ободренная царицей, Нефрет почувствовала, что ее силы утроились.

* * *

Рабочие ушли, и госпожа Тапени стала осматривать мастерскую. Ее опытный глаз привык замечать самую мелкую кражу; каждый инструмент или кусок ткани должен оставаться на своем месте, ничто не должно исчезать из ее владений, иначе виновного тут же настигало суровое наказание. Строгий порядок был залогом высокого качества ее продукции.

В мастерскую вошел мужчина.

— Денес... Зачем ты пришел?

Судовладелец тщательно прикрыл за собой дверь. Массивный, с квадратным лицом, он медленно приближался к ней.

— Ты же сказал, что мы не должны больше видеться.

— Именно так.

— Ты совершил оплошность. Я не из тех женщин, которых можно использовать, а потом бросить.

— Ты тоже совершила оплошность. Я не из тех, кого можно шантажировать.

— Или ты согласишься на мои условия, или я разрушу твою репутацию.

— С моей женой только что произошел несчастный случай; боги были благосклонны к ней, иначе ее уже не было бы в живых.

— Это обстоятельство ничего не меняет в наших с ней договоренностях.

— Вы с ней ни о чем не договаривались.

Одной рукой Денес схватил Тапени за горло и прижал к стене.

— Если ты не перестанешь надоедать мне, то с тобой тоже может приключиться несчастный случай. Я терпеть не могу эти игры, со мной они не проходят. Не пытайся увидеться с моей женой и забудь о нашей сегодняшней встрече. Если хочешь дожить до старости, занимайся своими делами. Прощай.

Освободившись от его хватки, Тапени шумно вдыхала воздух.

* * *

Сути убедился, что за ним нет слежки. После допроса, учиненного ему Кемом, он опасался, что за ним будет установлено наблюдение. Нубиец не шутит, он это понял; даже Пазаир не сможет защитить своего друга, если его виновность докажет верховный страж.

К счастью, подозрения, касавшиеся его любовницы-ливийки, были развеяны, и теперь Сути и Пантера могут покинуть Мемфис, но только незаметно для нубийца. Суметь воспользоваться своим огромным богатством было делом тонким и сложным, без посторонней помощи здесь не обойтись. Молодой человек связался с несколькими сомнительными личностями, известными скупщиками драгоценностей, но до поры не раскрывал сути своего дела. Он намекал на крупную сделку, требующую, кроме прочего, услуг по транспортировке.

Коротконогий показался ему подходящим партнером: торговец не задавал лишних вопросов и согласился поставить Сути выносливых ослов, сушеное мясо, бурдюки с водой в то место, которое тот укажет.

Вывезти золото из пещеры, доставить его в большой город, где-то спрятать и затем продать, чтобы купить себе роскошную усадьбу и жить там в свое удовольствие, — это было очень рискованное предприятие. Но Сути любил играть со своей судьбой, постоянно ее искушая. До богатства оставался лишь шаг, и удача не должна покинуть его.

Через три дня они с Пантерой отправятся в Элефантину. Снабженные деревянной табличкой с инструкциями, они добудут ослов и еду в селении, где их никто не знает. Взяв с собой часть золота, вернутся в Мемфис и постараются продать его на черном рынке, где торгуют греки, ливийцы и сирийцы. Рыночная стоимость желтого металла так высока, а в продаже он появляется так редко, что покупатель на него найдется.

Однако он рисковал получить за это пожизненное заключение, если не смертную казнь. Но когда у него будет самое богатое поместье в Египте, он устроит там царский прием в честь своих друзей Пазаира и Нефрет. Он будет жечь свое богатство, как солому, так, чтобы этот веселый огонь поднялся до цебес, где несуществующие боги будут радоваться вместе с ним.

* * *

Голос визиря был хриплым, лицо его осунулось.

— Судья Пазаир, я пригласил вас, чтобы поговорить о вашем поведении.

— Я совершил что-нибудь неподобающее?

— Вы не одобрили амнистию, не скрывая этого, но, напротив, демонстрируя ваше к ней

отношение.

- Молчать в такой ситуации было бы хуже.
- Вы согласны, что повели себя неосторожно?
- Но вы тоже не скрыли свое неодобрение от царя?
- Я старый визирь, а вы — молодой судья.
- Разве мнение скромного квартального судьи может оскорбить Его Величествр?
- Но вы были старшим судьей царского портика. Храните ваши мысли при себе.
- Мое следующее назначение будет зависеть от моего молчания?
- Вы достаточно умны, чтобы самому ответить на этот вопрос. Судья, идущий против

Закона, недостойн исполнять свою должность.

- Если так, то я от нее отказываюсь.
- Но это же цель вашей жизни.
- Да, это будет тяжелая утрата, я признаю, но лицемерить еще тяжелее.
- Ваше упрямство не чрезмерно?
- Это замечание, исходящее из ваших уст, я считаю похвалой.
- Не люблю высоких слов, но я считаю, вы нужны стране.
- Сохраняя верность своим идеалам, я надеюсь жить в гармонии с Египтом, где есть пирамиды, Фивы и ослепительное солнце. Этот Египет не знает об амнистии. Если же я ошибаюсь, то моя дорога и дорога Закона отныне расходятся.

* * *

— Здравствуй, Сути.

Молодой человек опустил чашу со свежим пивом.

— Тапени!

— Я долго искала тебя. Эта харчевня производит мрачное впечатление, но тебе здесь, похоже, нравится.

— Как ты поживаешь?

— После твоего отъезда — так себе.

— Хорошенькие женщины обычно не страдают от одиночества.

— Мы ведь женаты, ты забыл?

— Когда я уезжал, мы, кажется, разводились.

— Ошибаешься, дорогой мой; я расцениваю твое бегство как простое отсутствие.

— Наша женитьба была частью расследования, которое я вел; амнистия положила ему конец.

— А я восприняла наш союз серьезно.

— Брось шутить, Тапени.

— Ты именно такой муж, о котором я мечтала.

— Я тебя умоляю...

— Ты должен бросить свою ливийскую шляху и вернуться к домашнему очагу.

— Какая глупость!

— Я не хочу тебя потерять. Сделай, как я говорю, иначе пожалеешь.

Сути пожал плечами и допил свое пиво.

Смелычак вышагивал впереди Пазаира и Нефрет. Пес посматривал на воду канала, но не хотел подходить к нему близко. Маленькая зеленая обезьянка сидела на плече у хозяйки.

— Мое решение раздражает Баги, но я его не поменяю.

— Ты будешь работать в провинции?

— Нет. Я больше не судья, Нефрет, потому что позволил себе выступить против ошибочного решения.

— Нам надо было уехать в Фивы.

— Твои коллеги уговорили бы тебя вернуться.

— Мое положение не такое прочное, как может показаться. То, что старшим лекарем царства стала женщина, раздражает кое-кого из влиятельных придворных. При малейшей оплошности они потребуют моей отставки.

— Я хочу осуществить свою давнюю мечту: стану садовником. В нашем будущем доме без этой работы не обойтись.

— Пазаир...

— Жить вместе с тобой — это несравненное счастье. Работай на благо страны, я буду выращивать цветы и деревья.

Глаза Пазаира не обманули его. Речь действительно шла о приглашении, поступившем от главного судьи Гелиополя, священного города, расположенного севернее Мемфиса. Самостоятельного экономического значения город не имел, он весь состоял из храмов, построенных вокруг гигантского обелиска, символизировавшего солнечный луч.

— Мне предлагают должность храмового распорядителя, — сообщил он Нефрет. — И поскольку в Гелиополе ничего не происходит, служить там будет необременительно. Обычно визирь назначает туда людей пожилых или слабых здоровьем.

— Баги сделал по отношению к тебе добрый жест, — заметила Нефрет. — По крайней мере, ты сохранишь судейское звание.

— Отстранить меня от гражданских дел... Остроумно.

— Не отказывайся от этого назначения.

— Если мне будут навязывать безоговорочное послушание, если мне предложат безоговорочно принимать амнистии, моя служба будет краткой.

В Гелиополе трудились составители священных текстов, хранители ритуалов и мифов — предназначенной для передачи мудрости древних из поколения в поколение. В святилищах, обнесенных высокими и толстыми стенами, избранные жрецы обслуживали культ великого бога Солнца.

Пазаир шел по тихому, пустынному городу, где не было ни торговцев, ни лавок. В

маленьких белых домиках жили жрецы и ремесленники, занятые изготовлением и поддержанием в надлежащем состоянии предметов ритуала. Шум большого мира сюда не доносился.

Распорядитель явился в служебное помещение главного судьи, где, что-то бормоча, его встретил согбенный писец, явно недовольный вторжением. Изучив предъявленное ему приглашение, он удалился.

Место было тихое, можно сказать, сонное, так далеко отстоявшее от оживленного Мемфиса, что Пазаиру было трудно представить себе, что здесь работали люди.

Появились двое стражников, вооруженных дубинками.

— Судья Пазаир?

— Это я.

— Следуйте за нами.

— Куда?

— Приказ не обсуждается.

— Я отказываюсь.

— Сопротивление бесполезно. Не заставляйте нас применять силу.

Пазаир снова попал в ловушку. Тот, кто позволял себе оспаривать решения Рамсеса, должен за это заплатить; ему приготовили здесь не место судьи, а место на всеми забытом кладбище.

Стражники привели Пазаира ко входу в вытянутое здание, примыкающее к стене одной из башен храма Ра. Дверь отворилась, и появился пожилой черноглазый жрец, обритый наголо и закутанный в шкуру пантеры.

— Судья Пазаир?

— Мое задержание незаконно.

— Вместо того чтобы говорить глупости, войдите, вымойте руки и ноги и постарайтесь сосредоточиться.

Заинтригованный Пазаир повиновался. Дверь закрылась, стражники остались снаружи.

— Где я?

— В Доме Жизни в Гелиополе.

Судья потрясенно замолк. Так вот оно, это потаенное и недоступное для простых смертных место, где древние мудрецы писали *Тексты пирамид*, рассказывающие о путях души в загробном мире. В народе было известно, что самые знаменитые маги обучались в этой полной тайн школе, куда время от времени призывались избранные из мира людей, не знавшие ни дня, ни часа своего представления.

— Ты должен очиститься.

Судья исполнил требование, его охватила дрожь.

— Меня зовут Лысый, — сообщил жрец. — Я слежу за этой дверью, чтобы через нее не проникли никакие злые силы.

— Меня пригласили...

— Не путай меня своими бесполезными речами.

Лысый излучал такой мощный магнетизм, что слова застревали в глотке.

— Сними свою одежду и надень этот белый покров.

Пазаиру казалось, что он перенесся в другой мир, без привычных точек отсчета. Дневной свет проникал в Дом Жизни только через узкие окошки, пробитые высоко под крышей в каменных стенах, на которых не было никаких надписей.

— Меня также называют Карателем, — произнес жрец, — потому что это я отрубаю головы врагам Осириса. Здесь хранятся анналы богов, книги премудрости и сборники тайных ритуалов. Пусть на твои уста ляжет печать: ты должен хранить в тайне все, что увидишь и услышишь здесь. Болтливых судьба наказывает.

Лысый шел впереди Пазаира по длинному коридору, который вывел их на покрытый песком двор. В середине него располагался Первозданный холм, хранилище жизни в ее самой тайной ипостаси. Называемый «божественным камнем», он был умащен мазями и покрыт бараньей шкурой.

— Он таит в себе силу, вновь и вновь создающую Египет, — рассказывал жрец.

По периметру двора располагались хранилища книг и мастерские, где работали только посвященные.

— Что ты видишь, Пазаир?

— Песчаный холм.

— В нем кроется жизнь. Божественная творческая сила выплескивается из океана, где миры существуют в неразделенном состоянии, и воплощается на земле в виде этой возвышенности. Стремись всегда к самому главному, к самому высокому, и ты

приблизился к истокам. Войди в этот зал и предстань перед своим судьей.

На троне из золоченого дерева сидел человек в завитом парике и длинном платье. У него на груди висела широкая розетка; в правой руке он держал жезл власти, в левой — длинный посох. За его спиной виднелись золотые весы.

Хранитель тайн Дома Жизни, занимавшийся раздачей даров, хранитель священного первозданного камня, внушавший робость, обратился к вошедшему.

— Ты претендуешь на то, чтобы быть честным судьей?

— Я стараюсь.

— Почему ты отказываешься исполнять амнистию, объявленную фараоном?

— Потому что она несправедлива.

— В этом тайном месте, перед этими весами, не смущаемый взглядами непосвященных, ты продолжаешь настаивать на своем мнении?

— Да.

— Я ничего не могу для тебя сделать.

Лысый схватил Пазаира за плечо и вытащил его из зала. Выходит, эти красивые слова тоже были частью комедии, ловушкой, куда он попался. Единственной целью жрецов было сломить его сопротивление. Метод убеждения не сработал, теперь они будут действовать жестко.

— Войди сюда.

Лысый хлопнул бронзовой дверью.

Маленькая комната освещалась единственной лампадой. Двери не было, воздух поступал через две узкие щели, пробитые в стенах.

Какой-то человек смотрел на Пазаира. У него были рыжие волосы, широкий лоб, нос с горбинкой. На его запястьях судья увидел браслеты из золота и лазурита, с внешней стороны которых виднелись выгравированные головы диких уток. Это были любимые украшения Рамсеса Великого.

— Вы...

Пазаир не смог произнести слово «фараон», оно застыло у него на губах.

— Ты Пазаир, распорядитель, покинувший должность старшего судьи царского портика и подвергнувший критике мой указ об амнистии?

Тон был резкий, в нем слышался упрек. Сердце судьи гулко стучало; он находился здесь, лицом к лицу с самым могущественным властителем на земле. Мысли путались.

— Ну, отвечай! Или мне солгали?

— Нет, Ваше Величество.

Судья вспомнил, что забыл поклониться. Нагнув голову, он опустился на колени.

— Поднимись. Раз ты осмеливаешься перечить царю, веди себя как воин.

Оскорбленный, Пазаир поднялся с колен.

— Я не отступлю.

— Чем тебе не нравится мое решение?

— Обелить преступников и отпустить их на волю означает оскорбить богов и выказать презрение к человеческим страданиям. Если вы встанете на этот опасный путь, то завтра виновными окажутся жертвы.

— А сам ты не совершаешь ошибок?

— Я много ошибался, но никогда не наносил урона невинным.

— И ты абсолютно неподкупен?

— Моя душа не продается.

— Ты отдаешь себе отчет, что оскорбляешь единовластного владыку Египта?

— Я действую в соответствии с Законом богини Маат.

— Ты знаешь его лучше, чем я, ее сын?

— Амнистия — это большая несправедливость, она ставит под удар спокойствие в стране.

— И после таких слов ты надеешься выжить?

— Мне бы очень хотелось сказать вам, что я действительно думаю.

Тон Рамсеса изменился, его речь стала медленной и серьезной.

— Я слежу за тобой с момента твоего приезда в Мемфис. Беранир был мудрецом, его действия всегда были взвешенными. Он выбрал тебя за честность и порядочность. Другая его ученица, Нефрет, сегодня занимает пост старшего лекаря царства.

— Она добилась успеха, а я потерпел поражение.

— Ты тоже добился успеха, потому что стал единственным в Египте справедливым судьей.

Пазаир опешил.

— С тобой спорили многие, в том числе и я, но ты остался при своем мнении. Во имя справедливости ты осмелился противостоять царю Египта. И сегодня ты — моя единственная и последняя надежда. Я фараон, но я очень одинок и попал в ужасную беду. Готов ли ты помогать мне или предпочтешь спокойную жизнь?

Пазаир поклонился:

— Я готов служить вам.

— Притворное смирение или искренняя готовность?

— Мои действия красноречивее моих слов.

— Именно поэтому я вручаю тебе судьбу Египта.

— Я... я не понимаю.

— Мы находимся в надежном месте; здесь никто не услышит то, что я хочу тебе рассказать. Подумай хорошенько, Пазаир, ты еще можешь отказаться. Когда я скажу все, ты окажешься облеченным самым высоким доверием, когда-либо выпадавшим на долю судьи.

— Моим учителем был Беранир, и я не привык хитрить.

— Судья Пазаир, я назначаю тебя визирем Египта.

— Но ведь визирь Баги...

— Баги стар, и у него больше нет сил. За последние месяцы он несколько раз обращался ко мне с просьбой найти ему замену. Твой отказ принять амнистию дал мне возможность найти ему преемника, вопреки пожеланиям придворных, которые называли другие имена.

— Почему Баги не может сделать то, о чем вы собираетесь просить меня?

— С одной стороны, он устал и не сможет провести расследование. С другой, я опасаясь болтовни его чиновников, которые засиделись на своих местах. Если какие-нибудь сведения просочатся наружу, страна может попасть в руки демонов, пришедших из тьмы. Завтра ты станешь вторым человеком в царстве после фараона; но ты останешься один, без друзей, без опоры. Ты не сможешь довериться никому, тебе придется перетряхнуть все прежнее окружение, найти новых людей, но не доверяй даже им.

— Вы упомянули расследование...

— Правда такова, Пазаир. Внутри большой пирамиды хранились знаки высшей власти страны, именно они делали легитимной власть фараона. Пирамида была вскрыта

преступниками и разграблена, сокровища похищены. Без них я не могу устроить праздник возрождения, которого требуют — и справедливо — высшие жрецы главных храмов и душа народа. Меньше чем через год, когда придет большой разлив Нила, я вынужден буду отречься от власти в пользу кого-то из воров и преступников, притаившихся в тени.

— То есть декрет об амнистии вы подписали не по своей воле?

— В первый раз я был вынужден действовать вопреки справедливости. Мне пригрозили разгласить сведения о грабеже пирамиды и тем самым ускорить мое свержение.

— Почему ваши враги не сделали этого раньше?

— Они пока не готовы; захват высшей власти в стране необходимо тщательно спланировать. Момент моего отречения — самый удачный для реализации их планов: узурпатор придет к власти в самых благоприятных условиях. Если я согласился подчиниться требованиям, изложенным в анонимном послании, то главным образом для того, чтобы посмотреть, осмелится ли кто-нибудь выступить против амнистии. Кроме Баги и тебя, никто не усомнился в обоснованности такого решения. Старый визирь заслужил отдых; найти и остановить преступников придется тебе. Если ты этого не сделаешь, мы все погибнем.

Пазаир припомнил основные этапы своего расследования, начиная с главного момента, когда он — всего лишь песчинка, попавшая в жернова этой адской машины, — отказался поддержать перевод на другое место одного из ветеранов, служившего в почетной страже при сфинксе.

— Никогда еще такая мощная волна преступлений и убийств не обрушивалась на страну. Я убежден, что она была прямым следствием чудовищного заговора. Почему были убиты пятеро ветеранов? Потому что сфинкс Гизы расположен близко к большой пирамиде. Эти воины мешали заговорщикам, те стремились от них избавиться, чтобы получить возможность беспрепятственно проникнуть в сердце пирамиды.

— Каким образом?

— Под землей между этими сооружениями есть соединяющий их проход, который я считал утраченным. Тебе надо посмотреть его, возможно, ты что-нибудь там найдешь. Долгое время я полагал, что вдохновителем заговора является полководец Ашер...

— Нет, Ваше Величество, он не более чем пешка.

— Если он до сих пор не найден, значит, старается поднять ливийские племена против Египта.

— Ашер мертв.

— У тебя есть доказательства?

— Мне подтвердил это мой друг Сути.

— Он его убил?

Пазаир замешкался с ответом.

— Ты мой визирь. Между нами не должно быть никаких тайн; мы связаны правдой.

— Сути уничтожил этого человека, которого ненавидел. Однажды он был свидетелем, как тот подвергал пыткам египетского солдата.

— Я долго верил в порядочность Ашера, но ошибся в нем.

— Если бы суд над Денесом состоялся, его виновность тоже была бы доказана.

— Этот судовладелец — тщеславный выскочка!

— Со своими друзьями Кадашем и Чечи они составляли опасный союз. Зубной лекар рвался занять пост старшего лекаря, второй утверждал, что работает над созданием сверхпрочного оружия. Чечи и Денес, скорее всего, и есть виновники несчастного случая с

царевной Хаттусой.

— В заговор входят только эти трое?

— Не знаю.

— Это необходимо выяснить.

— Я блуждал в потемках, Ваше Величество; теперь же я должен знать все. Какие предметы похищены из пирамиды?

— Жезл из небесного железа, который служит для отверзания уст мумии во время ритуала воскрешения.

— Он находится у главного жреца храма Птаха, в Мемфисе!

— Амулеты из лазурита.

— Чечи организовал незаконную торговлю ими. Но многие из них, скорее всего, находятся в Карнаке, у старшего жреца Кани.

— Золотой скарабей.

Пазаира охватила радостная надежда.

— Тоже у Кани!

В какой-то момент новый визирь поверил в то, что он спас, сам того не зная, сокровища пирамиды.

— Похитители, — продолжал между тем Рамсес, — сорвали с Хеопса золотую маску и ожерелье.

Судья молчал. От разочарования его лицо вмиг потемнело.

— Если они повели себя как дикари, торгующие нашим прошлым, мы никогда не отыщем многие ценные реликвии, такие, например, как золотой мерный локоть богини Маат. Они расплавляли их, превращая в слитки, и продавали за пределы Египта.

Пазаир был взволнован. Как человеческие существа могут быть настолько низкими и подлыми, чтобы поднять руку на подобную красоту?

— Если часть священных предметов спасена, а остальные уничтожены, то чем сегодня могут располагать преступники?

— У них в руках главное, — ответил Рамсес. — Завещание богов. Мои ремесленники способны сделать новый золотой локоть, но завещание — реликвия, которую невозможно воссоздать. Оно передается от фараона к фараону. На празднике возрождения я должен показать его богам, главным жрецам, своим приближенным и народу Египта. Так предписывает Закон, так было вчера, так будет завтра, и я обязан этому подчиниться. В течение месяцев, отделяющих нас от возможного краха, наши враги не будут сидеть сложа руки. Они постараются ослабить меня, подточить и разрушить мою власть. Ты должен сломать их планы, ибо в случае неудачи царство, созданное нашими предками, рискует исчезнуть навсегда. Если эти негодяи осмелились осквернить нашу главную святыню, это значит, что они плюют на наши устои. Перед лицом такого вызова моя личная судьба не так уж важна; но мой трон — это символ тысячелетней династии и традиций, на которых стоит страиа. Я люблю Египет так же, как и ты; и наша любовь к стране выходит за пределы человеческой жизни. Они могут погасить этот свет. Ты должен сберечь его. Действуй, визирь Пазаир.

Целую ночь Пазаир размышлял, сидя в позе писца перед статуей бога Тога, изваянного в виде павиана с короной в форме лунного диска. Храм стоял молчаливый; на крыше звездочеты наблюдали за небесными светилами. Все еще находясь под впечатлением беседы с фараоном, судья наслаждался последними часами покоя, оставшимися до его вступления в должность, до того как он переступит порог нового существования, которого не искал. Он вспоминал тот благословенный момент, когда Нефрет, Смелчак, Северный Ветер, Проказница и он готовились отправиться в Фивы, мечтал о спокойной, неторопливой жизни в маленькой деревушке Верхнего Египта, о своей нежной подруге, о естественной смене времен года, вдалеке от государственных дел и человеческого тщеславия. Однако теперь это была лишь мечта, далекая и недоступная.

* * *

Два молчаливых жреца отвели Пазаира в Дом Жизни, где его встретил Лысый. Будущий визирь встал коленями на циновку; Лысый возложил ему на голову деревянную табличку с храмовым уставом, потом дал хлеба и воды.

— Ешь и пей, — приказал он. — Сохраняй бдительность в любых условиях, иначе твоя пища станет горька. Пусть твои дела будут такими, чтобы горе превращалось в радость.

Пазаир надел набедренную повязку старинного покроя, льняное платье и короткий парик, его тело было вымыто и умащено благовониями. Жрецы повели его в царский дворец, вокруг которого собралась толпа любопытных. Накануне глашатаи возвестили о том, что назначен новый визирь.

Сосредоточенный, равнодушный к приветствиям, Пазаир вошел в большой зал приемов, в центре которого на троне сидел фараон. Голова царя была увенчана двумя коронами — белой и красной, что символизировало нерушимое единство двух частей страны — Верхнего и Нижнего Египта. По обе стороны от него находились его друзья, в том числе прежний визирь Баги и Бел-Тран, новый распорядитель государственной казны. Между колоннами расположились многочисленные придворные и сановники, среди которых Пазаир сразу заметил старшего лекаря. Вид у Нефретбыл торжественный и радостный, она не сводила с мужа глаз.

Пазаир встал напротив царя. Хранитель Закона развернул перед ним папирус с запечатленным в нем духом уложений.

— Я, Рамсес, фараон Египта, назначаю Пазаира визирем, защитником справедливости и опорой страны. В действительности ты получаешь сегодня не льготы, не милости и не благосклонность с моей стороны, поскольку работа, которая тебе предстоит, вовсе не легка и приятна, но, напротив, горька, как желчь. В любом деле, которое ты будешь рассматривать, действуй в соответствии с Законом, будь справедлив по отношению к любому человеку, каково бы ни было его положение. Веди себя так, чтобы заслужить уважение окружающих своей мудростью и ясностью речей. Властвуя над подчиненными, не оскорбляй никого, будь с ними мягок. Не замыкайся в молчании, смело иди навстречу трудностям, не отступай перед препятствиями. Пусть твоя манера судить людей будет

прозрачна, не прячь от них ничего, твои доводы должны быть им понятны. Вода и ветер расскажут о твоих делах и донесут твои слова до каждого. Действуй так, чтобы никто не мог обвинить тебя в несправедливости по отношению к нему, ты обязан выслушать каждого. Не оказывай никому предпочтения, суди знакомого тебе так же, как и незнакомого, не старайся никому понравиться, в то же время избегай чрезмерной суровости и неуступчивости. Карай бунтовщика, наглеца и болтуна, ибо они сеют смуту и разрушения. Твое единственное прибежище — Закон богини Маат, который остается неизменным с незапамятных времен и пребудет вечно. Честность и справедливость должны стать твоим образом жизни.

Склонившись перед фараоном, Баги сжал руками медное сердце, висевшее у него на груди, снял его и передал монарху.

— Оставь у себя этот символ, — повелел Рамсес, — за долгие годы службы ты показал себя достойным его, и он останется у тебя навсегда. Пусть твоя старость будет счастливой и спокойной, однако не забывай помогать советами твоему преемнику.

Прежний и новый визири дружески обнялись, после чего Рамсес повесил на шею Пазаиру новое сверкающее сердце, сделанное ремесленниками в его мастерских.

— Отныне ты — олицетворение справедливости, — возвестил фараон, — и должен заботиться о счастье Египта и его жителей. Ты — та самая медь, что защищает золото, ты визирь, защищающий царя, действуй сообразно с тем, что я сказал тебе, не впадая ни в безволие, ни в раболепие, и учись воплощать мысли фараона. Каждый день я жду от тебя отчета о проделанной работе.

Придворные почтительно приветствовали нового визиря.

* * *

Управляющие провинциями, правители областей, писцы, судьи, ремесленники, мужчины и женщины Египта восхваляли нового визиря. Пиршества в его честь организовывались повсеместно, гости на них вкушали изысканные блюда и пили лучшие вина.

Чья судьба может сравниться с судьбой визиря? Многочисленные слуги стараются предупредить его малейшие желания, к его услугам лодка из лучшего кедра, к столу его подаются самые сочные блюда, самые тонкие вина; услаждая его слух, музыканты, исполняют сладчайшие мелодии; в его виноградниках вызревает черный виноград, его кладовые полны самой свежей рыбой и лучшей дичью, которую зажаривают с пряными травами. Визирь восседает на креслах из эбенового дерева, возлежит на кровати из золоченого дерева с мягкими подушками; в особой комнате его ждет слуга, который сделает ему массаж со специальными мазями, чтобы снять усталость.

Однако все перечисленное — не более чем видимость. Его труд будет «горше желчи», как было сказано фараоном на церемонии вступления в должность.

Нефрет — старший лекарь царства, Кани — главный жрец Карнака, Кем — начальник стражи... Кажется, боги сделали окончательный выбор в пользу справедливости, дав этим людям возможность служить на благо страны? Кажется, небо должно быть безоблачным, сердце — радостным, но на душе у Пазаира было тяжело и беспокойно.

Времени в запасе — меньше года, и на страну могут опуститься черные сумерки.

Нефрет обняла мужа и прижала к себе. Визирь все рассказал ей о своей встрече с Рамсесом: разделив с ним его тайну, она поделила и боль. Взгляды их потерялись в

бесконечной синеве неба, где поблескивали звезды, одна из которых была душой Беранира.

* * *

Пазаир согласился переехать в поместье с домом, садом и землями, которые фараон предоставлял своему визирю. Отобранные Кемом стражники отныне будут нести караул у входа в обширные владения, огражденные высокой стеной, а другие — наблюдать за происходящим там из соседних домов. Никто не мог приблизиться к этому жилищу, не предъявив пропуск или специальное приглашение. Расположенная неподалеку от царского дворца, эта резиденция представляла собой островок зелени, засаженный пятью сотнями деревьев, среди которых было семь десятков смоковниц, тридцать персиковых деревьев, девять ив и десяток тамарисков. Редкие растения, вывезенные из Нубии и Азии, были представлены лишь несколькими экземплярами. В виноградниках вызревали ягоды, предназначенные на вино только для визиря.

Зеленая обезьянка Нефрет была очарована новой обстановкой: она носилась взад и вперед и срывала с деревьев и кустов разные лакомства. Сад был ухожен стараниями двух дюжин садовников; часть земли была отведена для выращивания овощей, поделена на квадратные участки, по границам которых пролегали оросительные каналы. Водоносы доставляли влагу и к расположенным террасами фруктовым садам.

В центре сада располагался колодец пятиметровой глубины. Рядом помещалась защищенная от ветра беседка, куда вели наклонные мостки с перилами: здесь можно было принимать солнечные ванны даже зимой. В тени больших деревьев, куда задувал северный бриз, был оборудован еще один укромный уголок — там можно было спастись от летней жары возле квадратного водоема, предназначенного для купания.

Но старая циновка, оставшаяся от прежних времен, была с Пазаиром всегда, несмотря на многочисленную и удовлетворявшую самым требовательным вкусам мебель, которой было обставлено жилище. Качество противомоскитной сетки поразило его воображение, а на Нефрет самое сильное впечатление произвели разнообразные щетки и метелки, которые помогут ей содержать дом в образцовой чистоте.

— Ванная комната — настоящее чудо.

— Тебя ждет брадобрей: он будет приходить каждое утро.

— А у тебя теперь есть свой цирюльник.

— И сбежать от них невозможно?

Пазаир обнял жену.

— Меньше года, Нефрет. У нас осталось меньше года, для того чтобы спасти Рамсеса.

* * *

Для Денеса наступили черные дни. Да, он снова пользовался безоговорочной поддержкой своей супруги, которая еще не оправилась после несчастья и останется калекой на всю жизнь. Развод ему больше не грозил, семейное состояние было в его распоряжении, госпожу Тапени удалось уговорить. Но будущее представлялось мрачным из-за нового и неожиданного назначения Пазаира. План заговорщиков оказался скомканным, хотя конечная

победа им обеспечена, поскольку в их руках находилось главное — завещание богов.

Химик Чечи сильно нервничал и постоянно призывал к осторожности; их расчеты получить в свое распоряжение посты старшего лекаря и визиря не оправдались, и заговорщикам пришлось отступить в тень, целиком полагаясь на свое самое надежное оружие — время. Оно работало на них. Старшие жрецы главных храмов только что объявили дату праздника царского возрождения: он состоится в первый день нового года, в июле, когда восход над горизонтом звезды Сотис объявит о приближении половодья. Накануне своего отречения Рамсес узнает имя своего преемника и передаст ему власть на глазах у всего народа.

— Интересно, доверился фараон Пазаиру? — размышлял Денес.

— Ясное дело, нет, — утверждал Чечи. — Царь вынужден молчать; одно лишнее слово, и трон под ним зашатается. Пазаир не честнее других, он тут же начнет играть против монарха.

— Но почему он выбрал Пазаира?

— Потому что этот жалкий судья оказался хитрым и пронырливым. Он сумел подольститься к Рамсесу со своей пресловутой порядочностью.

— Ты прав. Фараон совершает огромную ошибку.

— Но этого интригана следует опасаться, он уже показал, на что способен.

— Новая работа его отрезвит. Если бы он был не так глуп, он встал бы на нашу сторону.

— Слишком поздно. Он начал свою собственную игру.

— Нам следует держаться от него подальше.

— Необходимо показать ему свое почтение и засыпать дарами: он подумает, что мы ему покорились.

* * *

Сути терпеливо дожидался, пока буря пройдет. Взбешенная Пантера била посуду, ломала стулья, рвала одежду и даже сгоряча растоптала дорогой парик. Маленький домик напоминал поле битвы, но ливийка все не унималась.

— Я отказываюсь! — крикнула она.

— Ну потерпи немного.

— Мы должны были уехать завтра.

— Но мы не знали, что Пазаира назначат визирем, — заметил Сути.

— Мне плевать!

— А мне нет.

— На что ты надеешься? Он про тебя уже забыл. Уедем, как договаривались.

— Торопиться ни к чему.

— Я хочу получить наше золото.

— Оно не убежит.

— Еще вчера ты говорил только о нашем отъезде.

— Я должен повидать Пазаира и выяснить его намерения.

— Пазаир, снова этот Пазаир! И когда только мы от него избавимся?

— Замолчи.

— Я тебе не рабыня.

- Тапени советовала мне избавиться от тебя.
- Ты посмел встречаться с этой стервой!
- Мы случайно встретились в харчевне. Она считает себя моей законной женой.
- Очень глупо.
- Покровительство визиря мне может понадобиться.

* * *

Первым гостем Пазаира оказался его предшественник. Баги, несмотря на больные ноги, предпочитал обходиться без палки. Сутулясь, он прошел в зимнюю беседку и сел; голос у него был хриплый.

- Вы заслужили свое назначение, Пазаир, лучшего визиря нам не найти.
- Вы будете служить для меня примером.
- Последний год моей работы был очень тяжелым, в том числе и душевно; мне нужно было уйти. К счастью, фараон прислушался ко мне. Ваша молодость недолго будет вашим недостатком: на такой работе быстро взрослеют.

— Что вы мне посоветуете?

— Не слушайте сплетен, отваживайте льстецов, глубоко вникайте в каждое дело и будьте неукоснительно строги и точны во всем, что касается законов. Я представлю вас моим ближайшим сотрудникам, вы сможете сделать выводы о том, насколько они знают свое дело.

Растопив облака, солнце залило своим светом беседку. Заметив, что Баги поморщился, Пазаир прикрыл его зонтиком.

- Вам нравится это жилище? — спросил старый визирь.
- Я его еще не рассмотрел как следует.
- Для меня оно было слишком велико, да и с садом много хлопот. Я предпочитаю свой дом в городе.
- Без вашей помощи я не смогу работать; вы согласитесь быть рядом и направлять меня?
- Это мой долг. Только дайте мне время заняться моим сыном.
- У него проблемы?
- Его хозяин им недоволен. Боюсь, как бы он его не уволил. Жена тоже волнуется.
- Если я могу помочь...
- Я должен сразу отказаться: рассчитывать на какие-то привилегии было бы нечестно. Давайте начнем работать.

* * *

Пазаир и Сути обнялись. Любитель приключений огляделся:

- Твое поместье мне нравится. Я хочу такое же: там можно будет устраивать незабываемые пирушки.
- Ты хотел бы стать визирем?
- Эта работа меня пугает. Зачем ты согласился взвалить на себя такой груз?

— У меня не было выхода.

— Я владею огромным богатством: бросай все, и мы повеселимся на славу.

— Это невозможно.

— Ты мне больше не доверяешь?

— Фараон поручил мне очень важное дело.

— Ты кончишь тем, что превратишься в типичного чинушу, надутого и высокомерного.

— Ты упрекаешь меня в том, что я согласился на эту должность?

— А тебе не нравится способ, которым я добился богатства?

— Я хочу, чтобы ты работал со мной, Сути.

— Я не могу упустить свой шанс, это слишком глупо.

— Если ты совершишь преступление, я не стану защищать тебя.

— Значит, с нашей дружбой покончено?

— Ты был мне другом и им останешься.

— Тогда почему ты угрожаешь?

— Я не хочу, чтобы ты вляпался в серьезную неприятность; Кем этого так не оставит, жалости от него не жди.

— Я с ним еще потягаюсь.

— Не зли его, Сути.

— Не учи меня жить.

— Останься, прошу тебя. Если бы ты знал, как важно то, что я должен сделать, ты бы не колебался ни секунды.

— Служить правосудию: чистая утопия! Если бы я в него верил, Ашер до сих пор был бы жив.

— Я не буду свидетельствовать против тебя.

— Вид у тебя мрачный. Ты от меня что-то скрываешь?

— Мы с тобой разрушили заговор, но это была лишь часть работы. Надо продолжать, и я хочу, чтобы ты мне помог.

— Лучше я займусь моим золотом.

— Верни его в храм.

— Ты хочешь меня выдать?

Пазаир промолчал.

— Визирь расправляется со своим другом, так?

— Не заблудись в пустыне, Сути.

— Это неприветливый, но прекрасный мир. Когда власть разочарует тебя, ты можешь ко мне присоединиться.

— Я искал не власти, просто я хотел защитить страну.

— Удачи тебе, визирь. Что до меня, то я отправляюсь за золотом.

Молодой человек вышел из прекрасного сада, не оглянувшись. Он забыл рассказать об угрозах Тапени, но какое это имело значение?

* * *

Не успел Сути переступить порог своего дома, как четверо стражников набросились на него и скрутили ему руки за спиной.

На шум выскочила Пантера с кинжалом в руках и попыталась освободить любовника. Одного из стражников она ранила в руку, другого повалила на пол, но остальным удалось совладать с ней, надев на ливийку путы.

По обвинению в прелюбодеянии пара была доставлена в суд. Госпожа Тапени не скрывала своей радости: на такой блестящий результат она и не рассчитывала. К нарушению супружеских обязанностей добавилось сопротивление стражникам. История хорошенькой брюнетки, обманутой и покинутой, растрогала судей, Пантера же, напротив, была груба и резка. Доводы Сути тоже никого не убедили.

И поскольку Тапени просила у суда снисхождения для обвиняемых, Пантеру приговорили всего лишь к немедленной высылке за пределы Египта, а Сути получил год заключения, по окончании которого ему придется работать, чтобы восполнить урон, нанесенный оскорбленной супруге.

Пазаир смотрел на сфинкса; глаза гигантской статуи были обращены на восток, откуда вместе с солнцем приходит весть о победе над силами разрушения, одержанной в тяжелой битве, каждую ночь разворачивающейся в потустороннем мире. Как бдительный страж плато, где возвышались пирамиды Хеопса, Хефрена и Микерина, он был участником постоянного сражения, от которого зависела жизнь всего человечества.

Визирь приказал нескольким рабочим передвинуть большую стелу, стоявшую между лапами сфинкса. Под нею оказались запечатанный сосуд и плита с кольцом. Когда ее подняли, открылся вход в коридор — узкий, с низким потолком.

Визирь вошел в него первым, держа в руках факел. Недалеко от входа он наступил на кубок из долерита, поднял его, продолжил путь, но вскоре уперся в стену. Подняв факел, он увидел, что некоторые камни в кладке недавно кто-то вытаскивал: снять целый ряд не составило никакого труда. По ту сторону стены находилась нижняя камера Великой пирамиды.

Несколько раз визирь проделал путь, которым шли грабители. Потом он обследовал кубок. Это был долерит, одна из разновидностей базальта, наиболее твердая и тяжело поддающаяся обработке; на его поверхности остались следы какого-то маслянистого вещества.

Заинтригованный Пазаир обратился к знатокам, опознавшим в этом веществе так называемое каменное масло,^[4] использование которого в Египте было запрещено. При сжигании этого состава образовывалась копоть, пачкавшая стены и потолки усыпальниц и осаждавшаяся в легких рабочих и ремесленников.

Визирь срочно потребовал нужных сведений от управителя рудников западной пустыни и от службы, занимавшейся поставкой фитилей и горючих масел. После чего направился на службу, где была назначена его первая встреча с начальниками основных подразделений.

Руководитель всех работ, относящихся к дому фараона, управляющий бригадами ремесленников и артелями разнообразных мастеров, главный распорядитель, ответственный за распределение людей по рабочим местам, управляющий архивами и всей царской администрацией, руководитель службы писцов, командующий армией, гарант мира и безопасности страны — все это были функции визиря, который должен уметь найти нужные слова, взвесить мысли, умерить страсти, сохранять спокойствие при любых обстоятельствах и стремиться к справедливости как в большом, так и в малом.

Его костюм состоял из длинного накрахмаленного передника, скроенного из плотной ткани и доходящего до груди; поддерживали его две тесемки, завязанные вокруг шеи. Поверх набедренной повязки свисала шкура пантеры, напоминающая о том, сколь стремительными должны быть действия первого лица в государстве после фараона. Довершали одеяние тяжелый парик, прикрывавший волосы, и широкое ожерелье.

Обутый в сандалии из ремней, с жезлом в правой руке, Пазаир прошел между рядами писцов, поднялся по ступенькам на помост, где стояло кресло с высокой спинкой, и повернулся лицом к подчиненным. У его ног была развернута красная ткань, на которой лежали сорок плеток, предназначенных для наказания виновных. Визирь повесил маленькую фигурку Маат на свою тонкую золотую цепочку и открыл совет.

— Фараон ясно указал, в чем состоят обязанности визиря; они остаются неизменными

со времен первой династии, с того самого дня, когда наши предки начали создавать это царство. Мы живем Истиной, и фараон живет ею; наша цель — справедливость, и мы должны стремиться к ней, не делая различия между богатыми и бедными. Наш труд будет славен тем, что справедливость и правосудие укрепятся повсюду на земле Египта, поддерживая людей в жизни и облегчая их страдания. Так защитим же слабого от сильного, останемся глухи к лести, будем всегда противостоять беспорядку и насилию. Тот, кто попытается извлечь личную выгоду из своего служебного положения, потеряет должность и будет изгнан. Никто не должен рассчитывать завоевать мое доверие красивыми речами — я верю только делам.

Краткость речи, четкость ее содержания и спокойный тон говорившего произвели на слушателей сильное впечатление. Тем, кто надеялся воспользоваться молодостью и неопытностью нового визиря, чтобы продлить свое бездействие, от этих планов пришлось отказаться. Те, кто полагал, что выиграет от смены начальника, были разочарованы.

Первое дело, которое визирь примет к рассмотрению, должно задать тон всей будущей работе. Некоторые из его предшественников больше внимания уделяли проблемам армии, другие считали важнейшим орошение, третьи начинали с вопросов о налогах.

— Я хочу видеть того, кто отвечает за производство меда.

* * *

Ледяной ветер гулял по пустыне, со всех сторон окружавшей оазис Харга. Старый пчеловод, приговоренный к пожизненному заключению, мечтал об ульях, о больших кувшинах, где пчелы обустроивали свой дом. Он собирал мед, не надевая защитной сетки, потому что не боялся своих любимиц, тонко чувствуя их настроение. Недаром одним из символов фараона была пчела, неутомимая труженица, строитель и кудесник, способный создавать съедобное золото. Старый мастер различал малейшие оттенки вкуса, собирая сотни сортов меда — от ярко-красного до прозрачного. Так было до тех пор, пока завистливый чиновник не оклеветал его, обвинив в краже. А красть этот ценный продукт, который перевозили под охраной, считалось очень серьезным преступлением. Никогда уже больше ему не наливать свежий мед в маленькие горшочки, которые он имел обыкновение тщательно запечатывать и пронумеровывать. Никогда больше не услышит он привычного жужжания, бывшего для его уха приятнее любой музыки. Когда солнце плакало, несколько слезинок скатилось на землю, превратившись в пчел. Родившись от божественного света, эти существа построили свой мир.

Но это мечты, а в действительности солнце освещало высохшую фигуру каторжника, занятого приготовлением отвратительной пищи для товарищей по несчастью. Оставив очаг, он пошел к заключенным, что столпились у ворот.

В каторжную тюрьму прибыла целая экспедиция: полсотни солдат, повозки, лошади. Может, это нападение ливийцев? Протерев глаза, старик различил египетских пехотинцев. Стража склонила головы перед человеком, решительно направившимся напрямик на кухню.

Изумленный пчеловод узнал в нем Пазаира.

— Это ты... Так ты выжил?

— Ты дал мне очень толковые советы.

— А зачем ты вернулся?

- Я не забыл о своем обещании.
- Беги отсюда! Быстро! Они снова схватят тебя!
- Успокойся, эти стражники подчиняются мне.
- Ты снова стал судьей?
- Фараон назначил меня визирем.
- Не смейся над старым человеком.

Двое солдат подвели толстого чиновника с лицом, обрамленным двойным подбородком.

- Узнаешь его? — спросил Пазаир.
 - Это он! Лгун, который меня оклеветал!
 - Я предлагаю тебе поменяться: он остается вместо тебя на каторге, а ты занимаешь его место и становишься управляющим службой по заготовке меда.
- Старик закатил глаза и упал на руки визирю.

* * *

Полученное сообщение было ясным и четким, судья поздравил ответственного писца с удачей. Каменное масло, обнаруженное в большом количестве в западной пустыне, очень интересовало ливийцев. Несколько раз они делали попытки извлечь его из недр и продать, однако войска фараона не позволяли им этого сделать. Египетские мудрецы считали нефть, по выражению Адафи, продуктом вредным и опасным.

Единственному знатоку редких масел при дворе было поручено сделать анализ горючего, чтобы выяснить его происхождение. Только он имел доступ в государственные хранилища, где под контролем военных содержался запас этого вещества. Узнав его имя, визирь поблагодарил богов и тотчас отправился в царский дворец.

* * *

- Я тщательно обследовал подземный проход, ведущий от сфинкса к нижней камере Великой пирамиды.
- Доступ в него должен быть закрыт навсегда, — приказал фараон.
- Каменщики уже приступили к работе.
- Ты что-нибудь там нашел?
- Кубок из долерита, в котором жгли нефть для освещения.
- Кто достал этот продукт?
- Тот, кому было поручено сделать его анализ.
- Как его зовут?
- Это химик Чечи, верный раб и козел отпущения Денеса.
- Ты знаешь, где его найти?
- Согласно новым данным, полученным Кемом, он прячется у Денеса.
- Есть ли у них сообщники?
- Я узнаю это, Ваше Величество.

Госпожа Тапени остановила повозку визиря на улице.

— Я хочу с вами поговорить!

Офицер, управлявший повозкой и охранявший Пазаира, поднял свой хлыст. Визирь жестом успокоил его.

— Это так срочно?

Тапени начала кокетничать.

— То, что я хочу сказать, будет вам интересно.

Он вышел из повозки.

— Прошу вас, покороче.

— Вы олицетворяете правосудие, не так ли? Так вот, я нуждаюсь в защите! Обманутая, оскорбленная и опороченная женщина — это жертва?

— Конечно.

— Мой муж бросил меня, суд его наказал.

— Ваш муж...

— Да, ваш приятель Сути. Его ливийскую шлюху выгнали из страны, а его приговорили к году тюремного заключения. И он еще легко отделался, — суд отправил его в ссылку в Чару, в Нубию, где он должен служить в военном гарнизоне. Место не очень приятное, по правде сказать, но там Сути получит возможность защищать свою родину от набегов черных варваров. А когда он вернется, то наймется посыльным, и будет выплачивать мне содержание.

— Вам надо было бы разойтись по-хорошему.

— Я передумала; я его люблю, что тут поделаешь, и не хочу отпускать от себя. Если вы вздумаете его защищать, это будет нарушением законов Маат, и я всем об этом расскажу.

Ее улыбка стала угрожающей.

— Сути отбудет свой срок, — сказал визирь, с трудом сдерживая гнев. — Но когда он вернется...

— Если он сделает мне что-нибудь плохое, его обвинят в покушении на убийство, а за это полагается каторга. Так что он мой раб навсегда. Его будущее — это я.

— Расследование убийства Беранира не закрыто, госпожа Тапени.

— Это ваше дело — искать виновных.

— Это мое самое горячее желание. Вы мне как-то намекали, что кое-что знаете?

— Простая болтовня.

— Или неосторожность? Вы ведь прекрасно умеете управляться с иголками?

На лице Тапени появилось беспокойство.

— В моем деле это необходимо.

— Возможно, я не там ищу, а убийца находится рядом со мной?

Не выдержав взгляда Пазаира, хорошенькая брюнетка развернулась и пошла прочь.

Пазаир собирался отправиться к начальнику стражи, но теперь он предпочел проверить сказанное Тапени и попросил принести ему протокол судебного заседания и копию приговора Сути. Все оказалось правдой. Положение визиря было не из простых; как выручить друга, не нарушая закона, неукоснительное соблюдение которого он призван был обеспечить?

Не обращая внимания на надвигавшуюся бурю, он мрачно сел в повозку. Надо было ехать к Кему — они должны вдвоем составить план действий.

* * *

Из своего напряженного рабочего дня Нефрет удалось выкроить немного времени, для того чтобы помочь Силкет, которую мучил приступ печени. Несмотря на молодость, супруга Бел-Трана заметно полнела — ее любовь к лакомствам оказалась сильнее, чем желание сбросить фигуру.

— Вам необходимо на пару дней ограничить себя в еде.

— Я думала, что умру... Такая ужасная рвота!

— Зато очистился желудок.

— Я измучилась... Но перед вами мне стыдно! Ведь у меня нет других дел, кроме детей и мужа.

— Как он себя чувствует?

— Он счастлив, что будет работать под руководством Пазаира. Он им так восхищается! С их талантами они вдвоем могут обеспечить процветание страны. Вы не боитесь, что, как и я, совсем перестанете видеть своего мужа?

— Как бы мы ни были заняты, мы видимся каждый день и успеваем поговорить.

— Извините меня за нескромность... Вы не хотите завести ребенка?

— Не раньше, чем будет найден убийца Беранира. Мы так решили перед лицом богов и не нарушим эту клятву.

* * *

Мемфис как будто накрыло черным пологом. Тяжелые облака сгрудились над городом и зависли при полном безветрии. Тоскливо выли собаки. Было так темно, что Денес зажег несколько ламп. Его жена, приняв успокоительную настойку, заснула; ее жизнерадостность и энергия ушли, уступив место постоянной усталости. Тихая и покорная, она не причинит ему неприятностей.

Он пошел в мастерскую, где Чечи убивал время, затачивая лезвия ножей и кинжалов; он уверял, что таким образом успокаивает нервы.

Денес протянул ему чашу с пивом.

— Отдохни немного.

— Есть новости от Пазаира?

— Визирь занялся сбором меда. Его речь произвела впечатление на высших чиновников, но это всего лишь слова. Подковерная борьба вот-вот возобновится, положить ей конец ему не под силу.

— Ты всегда веришь в благоприятный исход.

— Терпение — одна из главных добродетелей. Если бы Кадаш это понимал, он был бы сейчас жив. Новый визирь будет суетиться, а мы — радоваться жизни, ожидая, пока власть над Египтом сама упадет нам в руки.

— Как я хотел бы постареть на несколько месяцев.

— Скромный, деятельный, неутомимый... Из тебя получится великолепный сановник. Под твоим руководством египетские мастера сделают огромный шаг вперед.

— Нефть, лекарства, металлургия... Египет не придает должного значения новшествам. Используя кое-какие находки, которые не интересуют Рамсеса, мы освободимся от устаревших традиций.

Лицо у Чечи вытянулось.

— Снаружи кто-то есть.

— Я ничего не слышал.

— Надо проверить.

— Наверное, это садовник.

— Вокруг мастерской они не ходят.

Чечи подозрительно смотрел на Денеса.

— Может, это поглотитель теней?

Лицо судовладельца окаменело.

— Кадаш сам виноват, наделал слишком много глупостей.

Темное небо рассекла молния, грянул гром. Химик вышел из мастерской, сделал несколько шагов по направлению к дому и бегом вернулся. Он был смертельно бледен, зубы у него стучали.

— Там демон!

— Успокойся.

— Черный силуэт, а вместо лица — огонь!

— Возьми себя в руки, и пойдем со мной.

Химик не без колебаний согласился. Левое крыло дома горело.

— Воды, скорее!

Денес кинулся к дому, но вышедший из тьмы черный силуэт преградил ему дорогу. Судовладелец попятился.

— Кто... кто ты?

Демон размахивал факелом.

Собрав всю волю в кулак, Чечи схватил в мастерской кинжал и пошел на странного противника. Тот в ответ ткнул факелом ему в лицо. Плоть начала тлеть, химик завопил и упал на колени, пытаясь вырвать у противника его оружие. Но странное существо подняло с земли кинжал, выпущенный из рук Чечи, и одним взмахом перерезало ему горло. Денес в ужасе кинулся в сад, но ноги у него подкосились: он услышал голос демона.

— Тебе еще интересно, кто я?

Он обернулся. Это был человек, вызов ему бросила отнюдь не потусторонняя сила. Его страх сменился любопытством.

— Посмотри, Денес. Полюбуйся на дело рук твоих и Чечи.

Было так темно, что судовладельцу пришлось подойти поближе. С улицы донеслись крики. Видимо, пожар уже заметили. Демон открыл лицо: когда-то тонкое и прекрасное, сегодня оно представляло собой сплошную, плохо зарубцевавшуюся рану.

— Ты узнаешь меня?

— Царевна Хаттуса!

— Ты разрушил меня, я оплачу тебе тем же.

— Вы убили Чечи...

— Я наказала своего палача. Тот, кто убил, заслуживает возмездия.

Она погрузила свой кинжал в пламя, казалось, что ее рука была нечувствительна к огню.
— Тебе не убежать от меня, Денес.

Хаттуса пошла на него, держа в вытянутой руке покрасневший клинок. Денес бросился на нее, надеясь опрокинуть, но явное безумие хеттской царевны помешало ему это сделать. Пусть ею занимаются стражники.

Молния раскроила небо пополам и ударила в горящий дом, кусок стены обвалился, от него загорелась одежда Денеса. Он пошатнулся, упал и покатился по земле, чтобы сбить пламя.

И не видел, как над ним навис силуэт демона с лицом мертвеца.

Караван двигался медленно. Кем шел с ним вплоть до границы. Хаттуса сидела на повозке без движения, как каменное изваяние. Когда он окликнул ее на месте трагедии, она не оказала никакого сопротивления. Слуги, прибежавшие гасить пожар, видели, как она тащила в огонь трупы Чечи и Денеса. На Мемфис обрушился мощный ливень, быстро погасивший пламя и смывший следы крови с рук хеттской царевны.

Преступница не ответила ни на один вопрос визиря, который был так потрясен, что его голос дрожал. Когда он рассказал все Рамсесу, тот приказал подготовить тела к погребению и захоронить в стороне, подальше от некрополя, без соблюдения ритуала. Зло, исходящее от этих людей, вернулось и сразило их рукой Хаттусы.

С согласия визиря, фараон принял решение отослать царевну в ее страну; весть об освобождении, которого она так желала, не вызвала у нее никаких эмоций. Поверженная, с пустым взглядом, Хаттуса уже перенеслась в другие миры, никому, кроме нее, не доступные.

В официальном документе, переданном Кемом хеттскому вельможе, говорилось о неизлечимой болезни царевны, по причине которой ей необходимо вернуться в родную семью. Честь иноземного монарха не пострадала, и мир между двумя странами, оплаченный столь высокой ценой, не омрачили никакие дипломатические трения.

* * *

Под бдительным присмотром Пазаира рабочие перекопали развалины дома Денеса, но улов был небогатый. Все находки Рамсес осмотрел лично. Со стороны казалось, будто таким образом царь выражает уважение к трагически погибшим судовладельцу и химику, тогда как на самом деле он тщетно пытался отыскать следы завещания богов, украденного из Великой пирамиды.

- Разочарование было жестоким.
- Из заговорщиков в живых больше нет никого?
 - Я не знаю, Ваше Величество.
 - Кого вы еще подозреваете?
 - Я считал Денеса главным среди них. Он пытался использовать полководца Ашера и царевну Хаттусу для того, чтобы установить связи с сопредельными землями; видимо, он предполагал, придя к власти, сменить политику, завязать новые торговые связи...
 - Пожертвовать высоким духом Египта ради низменных целей... Какие опасные и пагубные планы! Его супруга была с ним заодно?
 - Нет, Ваше Величество. Она даже не поняла, что муж пытался ее уничтожить. Ее спасли слуги; сейчас она покинула Мемфис и живет у своих родителей, на севере Дельты. Врачи, которые ее осматривали, полагают, что она повредила в уме.
 - Ни она, ни Денес не были людьми, способными реально претендовать на высшую власть.
 - Предположим, что судовладелец действительно держал завещание у себя дома — в этом случае оно неизбежно должно было сгореть. И если никто не сможет предъявить его на празднике обновления — ни вы, ни ваши враги, — тогда что же с ним случилось?

Слабая надежда все же оставалась.

— В качестве визиря ты соберешь всю элиту страны и объяснишь ей ситуацию; затем обратишься к народу. Что касается меня, то я объявлю эру обновления и представлю обновленное завещание богов. Не исключено, что я потерплю неудачу, потому что это дело долгое и трудное, но, по крайней мере, силам зла власть захватить не удастся. Лучше бы ты оказался прав, Пазаир, в том, что главным заговорщиком был Денес.

* * *

Каждый вечер ласточки танцевали в небе над садом, где после тяжелого рабочего дня отдыхали Пазаир и Нефрет. Оглашая воздух резкими радостными криками, они стремительно проносились в воздухе, вычерчивая причудливые петли и зигзаги на фоне голубого зимнего неба.

Визирь был простужен, он задыхался от насморка, дыхание было затруднено — ему срочно понадобилась помощь старшего лекаря.

— С моим слабым здоровьем не следовало бы соглашаться на пост визиря.

— Твое здоровье — подарок богов, — возразила Нефрет. — Оно вынуждает тебя больше думать, а не кидаться тупо, как баран, на любое препятствие. А силы твои оно никак не связывает.

— Мне кажется, тебя что-то беспокоит.

— Через неделю я должна представить совету практикующих лекарей свои соображения о мерах по улучшению здоровья населения. Кое-что им наверняка не понравится, но я считаю эти действия необходимыми. Так что предстоит серьезное столкновение.

Смельчак и Проказница заключили перемирие. Пес спал у ног хозяина, а зеленая обезьянка — под стулом хозяйки.

— Дату праздника обновления огласили по всей стране, — размышлял Пазаир, — во время ближайшего разлива Рамсес Великий должен возродиться.

— С тех пор как исчезли Денес и Чечи, не проявился ли еще кто-нибудь из заговорщиков?

— Нет.

— Значит, завещание сгорело.

— Скорее всего.

— Но ты, тем не менее, сомневаешься.

— Хранить в доме столь ценный документ, на мой взгляд, неумно; правда, Денес был так самоуверен, что считал себя неуязвимым.

— А что с Сути?

— Суд прошел в рамках закона, придраться не к чему.

— И что же делать?

— Законного выхода из этой ситуации я не вижу.

— Если ты хочешь организовать ему побег, то должен действовать наверняка.

— Ты как будто читаешь мои мысли. Только на этот раз Кем мне помогать не станет; если визирь будет участвовать в подобных делах, тень падет и на Рамсеса, и на всю страну. И все же Сути мой друг, а мы поклялись помогать друг другу в любой ситуации.

— Давай подумаем вместе, а пока хотя бы дай ему знать, что ты о нем помнишь.

Впереди многодневный путь, а у нее лишь один бурдюк воды и несколько сушеных рыбин на пропитание, она одна и безоружна — шансов выжить у Пантеры не было. Египетские стражники оставили ее на ливийской границе, приказав возвращаться на родину и больше никогда не ступать на землю фараонов. В противном случае ее ждет суровое наказание.

В лучшем случае ее подберет шайка грабителей-бедуинов, изнасилует, и будет держать у себя, пока у нее не появятся первые морщины.

Светловолосая ливийка повернулась к своей родной стране спиной.

Никогда она не покинет Сути. Путешествие от северо-запада Дельты до нубийской крепости, где томился ее любовник, будет бесконечным и очень опасным. Ей придется идти незаметными тропами, где-то находить еду и питье, ускользать от бродячих разбойников. Но госпожа Тапени не выйдет победительницей из их заочного поединка.

— Солдат Сути?

На вопрос офицера молодой человек ответил молчанием.

— Один год исправительной службы в моей крепости... Судьи сделали тебе прекрасный подарок, мой мальчик. Ты должен быть достойным его. На колени.

Сути, не отрываясь, смотрел ему в глаза.

— Ты крепкий орешек... Мне это нравится. Как тебе это местечко?

Говоривший окинул взглядом окрестности. Дикие берега Нила, пустыня, сожженные солнцем холмы, небо ослепительной голубизны, пеликан, занятый ловлей рыбы, крокодил, отдыхающий на скалистом берегу.

— Чару имеет свою прелесть. Но ваше присутствие оскорбляет эти места.

— А ты еще и шутник, оказывается. И богатенький папочка есть?

— Вы даже не представляете размеров моего богатства.

— Я потрясен.

— И это только начало.

— На колени. Когда говоришь с командиром этой крепости, надо быть вежливым.

Солдаты ударили Сути в спину. Он упал лицом вниз.

— Ну вот, уже лучше. Ты приехал сюда не прохлаждаться, мой мальчик. С завтрашнего дня будешь выходить в караул на самый опасный из наших постов; и без оружия, естественно. Если тебя атакует какое-нибудь нубийское племя, мы будем предупреждены благодаря тебе. Они так хорошо умеют пытать, что крики их жертв слышны издалека.

Оставленный Пазаиром, навсегда разделенный с Пантерой, забытый всеми, Сути не мог рассчитывать на то, чтобы выжить в Чару, если только ненависть не даст ему сил переломить судьбу.

Его ждало золото и госпожа Тапени.

Баку было всего восемнадцать лет. Выходец из семьи офицера, он был невысок ростом, трудолюбив и отважен. Черные волосы, породистое лицо, певучий и в то же время твердый голос. После некоторых колебаний между военной и чиновничьей карьерой он поступил на службу в архив как раз накануне назначения Пазаира. Последнему из пришедших, как известно, достается самое неприятное, например, разбор документов, использованных визирем во время работы по какому-то делу. Поэтому-то Баку и попали в руки папирусы, касающиеся нефти; после смерти Чечи они не представляли никакого интереса.

Он тщательно укладывал их в деревянный ящик, который запечатывался лично визирем и мог быть открыт только по его приказанию. Вообще-то эта работа не требовала много времени, но Бак постарался вникнуть в каждый документ. И оказался прав. На одном из них не хватало печати Пазаира, следовательно, текста он не видел. Эта деталь могла оказаться неважной, поскольку дело было закрыто; тем не менее, юный чиновник составил донесение и передал его своему непосредственному начальнику, запустив вопрос по обычному бюрократическому пути.

* * *

Пазаир требовал, чтобы до его сведения доводились все замечания, наблюдения, в том числе и критические, исходившие от его подчиненных, независимо от их служебного положения; и вот ему в руки и попала записка Бака.

В середине дня он вызвал молодого служащего к себе.

— Что необычного вы заметили в этом деле?

— Не хватает вашей печати на рапорте служащего казначейства, который был смещен с должности.

— Покажите.

В руках Пазаира оказался документ, которого он не видел. Видимо, кто-то из писцов в его канцелярии забыл приложить его к стопке документов, касающихся нефти.

«Маленькая песчинка, попавшая в механизм, разрушила хитроумные козни», — подумал визирь, вспоминая провинциального судью, который, всего лишь добросовестно выполняя свою работу, обнаружил страшную опухоль, разрушающую государственную машину Египта.

— С завтрашнего дня я поручаю вам контроль за всеми архивами, обо всем необычном будете докладывать лично мне. Мы будем видеться каждый день.

Выйдя из кабинета визиря, Бак выбежал на улицу и испустил громкий, радостный крик.

* * *

— Наша беседа мне кажется слишком торжественной, — развязно заметил Бел-Тран. — Лучше бы мы пошли завтракать ко мне.

— Лишние церемонии не нужны, — сказал Пазаир, — но мне кажется, что каждый из нас должен заниматься своими делами.

— Вы визирь, я — распорядитель казначейства, ответственный за финансы страны; согласно государственной иерархии, я подчиняюсь вам. Я правильно вас понял?

— Да, теперь между нами не будет недомолвок.

Бел-Тран заметно погрузнел, его лицо стало совсем круглым. Несмотря на высокое качество ткани, его набедренная повязка, казалось, обтягивает тело слишком плотно.

— Вы в отличие от меня хорошо разбираетесь в финансовых делах; ваши советы мне будут очень полезны.

— Советы или все-таки указания?

— Величие Египта не в его богатстве, а в его видении мира. Не хлебом единым жив человек.

Бел-Тран поджал губы, но ничего не возразил.

— Меня беспокоит один пустяк. Ведь вы занимались опасным продуктом — нефтью?

— Меня в чем-то обвиняют?

— Ну, это слишком сильно сказано. Просто рапорт одного чиновника, уволенного вами, ставит некоторые вопросы.

— Какие?

— На какое-то время вы отменили запрет на использование нефти в одном из районов западной пустыни и узаконили торговые сделки, с которых брали высокие проценты. Операция небольшая, но чрезвычайно прибыльная. Все вроде бы законно, поскольку вы получили на нее согласие специалиста, химика Чечи. Но ведь он преступник, обвиненный в заговоре против государства.

— Что это за инсинуации?

— Меня смущают ваши связи с ним. Конечно, это случайное совпадение; но, считая себя вашим другом, я хотел бы получить разъяснения.

Бел-Тран поднялся. Выражение его лица изменилось так, что Пазаир опешил. Из дружеского и гостеприимного оно превратилось в злобное и наглое. Его тон, обычно спокойный и взвешенный, стал резким и агрессивным.

— Дружеские разъяснения... Святая простота! Сколько же времени вам понадобилось, чтобы понять, мой дорогой Пазаир! Визирь вы никудышный! Кадаш, Чечи, Денес — мои сообщники? Скорее мои послушные слуги, даже если они сами этого не осознавали! Если я встал на вашу сторону против этих троих, то лишь из-за дурацкого самолюбия Денеса; он очень хотел занять пост распорядителя казначейства и держать в своих руках сокровища страны. Но эту роль могу выполнить только я; это всего лишь ступенька на пути к посту визиря, который вы у меня украли! Все высшие сановники хотели видеть на этом месте меня, признавая мою компетентность; придворные много раз называли фараону мое имя. Но он выбрал вас, жалкого провинциального судью. Изящный маневр, дорогой мой, он произвел на меня сильное впечатление.

— Вы ошибаетесь.

— Отнюдь! Прошлое меня не интересует. Или вы играете собственную игру и теряете все, или вы подчинитесь мне и станете очень богаты, причем без этих хлопот по поводу государственных дел, для которых у вас не хватает способностей.

— Я визирь Египта.

— Вы никто, потому что Рамсес приговорен.

— Означает ли это, что завещание богов находится у вас?

На лунообразном лице появилась удовлетворенная ухмылка.

— Значит, фараон все-таки доверился вам. Какая глупость! Он и вправду недостоин своего трона. Но хватит болтовни, дорогой друг; вы со мной или против меня?

— Никогда не испытывал я такого омерзения.

- Ваши чувства меня не интересуют.
- Как вы живете с такой черной душой?
- Хитрость — более надежное оружие, чем ваша пресловутая порядочность.
- Вы не забыли, что алчность — смертельный грех, из-за которого вы можете лишиться погребения?

Бел-Тран расхохотался:

— Это речи малого ребенка. Боги, храмы, обители вечности, ритуалы... Все это смешно и давно устарело. Вы не чувствуете, что мы находимся на пороге нового мира. У меня грандиозные планы, Пазаир. Я намерен приступить к их выполнению даже раньше, чем удастся избавиться от этого слабоумного Рамсеса. Откройте же глаза, почувствуйте будущее!

— Верните предметы, украденные из Великой пирамиды.

— Золото — очень ценный металл; почему надо сохранять его в виде священных реликвий, которые могут лицезреть одни мертвецы? Мои союзники переплавили его. Я достаточно богат, чтобы подкупить всех, кто мне нужен.

— Я могу арестовать вас немедленно.

— Нет, не можете. Одним мановением руки я могу уничтожить Рамсеса, и он рухнет, увлекая вас за собой. Я вступлю в игру в нужный час и в соответствии с собственными планами. Посадив меня в тюрьму и даже уничтожив, вы их не остановите. Вы с фараоном связаны по рукам и ногам. Предоставьте Рамсеса его судьбе и переходите ко мне. Я даю вам последний шанс, Пазаир, не упустите его.

— Победа будет на моей стороне.

— Меньше чем через год о вас все забудут. Пользуйтесь оставшимся временем с вашей хорошенькой женой, потому что скоро вокруг вас рухнет все. Ваша вселенная прогнила насквозь. Я подточил опоры, на которых она держится. Тем хуже для вас, визирь Египта, вы еще пожалеете, что не прислушались ко мне.

* * *

Фараон и его визирь разговаривали в тайной комнате Дома Жизни в Мемфисе, вдалеке от чужих глаз и ушей.

Пазаир открыл Рамсесу всю правду.

— Бел-Тран, торговец папирусом, ответственный за казну страны, влиятельное лицо, которому поручено принятие важных решений... Я знал, что он тщеславен и жаден, однако не подозревал, что он способен предавать и разрушать.

— У Бел-Трана было достаточно времени, чтобы соткать свою паутину, на вербовать сообщников во всех слоях общества, подкупить чиновников.

— Его надо сместить немедленно.

— Нет, Ваше Величество. Теперь мы знаем лицо зла, но нам необходимо вскрыть его замысел и начать беспощадную борьбу с ним.

— Но ведь у него завещание богов.

— Скорее всего, он не один; уничтожив его, мы не обеспечим себе победу.

— Девять месяцев, Пазаир, у нас осталось только девять месяцев, срок вынашивания ребенка. Вступай в борьбу, вычисляй сообщников Бел-Трана, разрушай возведенные им крепости, обезоруживай поборников лжи.

— Не будем забывать слов древнего мудреца Птахотепа: *Велика Маат, неизменна действительность ее. Не искажалась она со времен Осириса. Карают обходящего законы, но упускает это из виду алчный. Низостью может приобретаться богатство, но злое дело никогда не завершалось успехом. Ибо когда наступает конец, остается Маат.*

— Он жил во времена строителей великих пирамид и был визирем, как и ты. Пожелаем, чтобы его пророчество сбылось.

— Его слова пережили столетия.

— Сейчас речь идет не о моем троне, а о выживании царства. Или верх одержит предательство, или справедливость окажется сильнее.

* * *

Стоя у гробницы Беранира, Пазаир и Нефрет смотрели на гигантский некрополи Саккары, центром которого была ступенчатая пирамида фараона Джосера.

Жрецы, слуги бессмертных душ, ухаживали за погребениями и возлагали приношения на жертвенники в заупокойных часовнях, открытых для посетителей. Каменотесы подновляли пирамиду, возведенную в эпоху Старого царства, рабочие копали землю для новых погребений. Город мертвых жил своей безмятежной жизнью.

— Что ты решил? — спросила Нефрет.

— Бороться. Бороться до конца.

— Мы узнаем имя убийцы Беранира.

— Разве он еще не отомщен? Денес, Чечи, Кадаш погибли при ужасных обстоятельствах; полководец Ашер был приговорен к смерти по закону пустыни.

— Но преступник еще на свободе, — настаивала она. — Когда душа нашего учителя обретет, наконец, покой, зажжется новая звезда.

Голова молодой женщины легла на плечо визиря. Укрепленный ее силой и ее любовью, верховный судья Египта готовился вступить в борьбу, проигранную заранее, надеясь в душе, что свет божественной земли останется в памяти Нила, гранита и неба.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Примечания

В древних папирусах имеются списки «благоприятных дней» и «неблагоприятных дней», считающихся таковыми из-за тех или иных событий, отраженных в мифологии. *(Здесь и далее примечания автора).*

Речь идет о каркадэ, напитке, который пьют и в современном Египте. Для его приготовления используются цветы гибискуса.

Ива содержит вещество, которое является основным компонентом аспирина, который, таким образом, был «изобретен» и применялся еще за два тысячелетия до Р.Х.

Нефть